

Annotation

Эмма Маккавой, дочь легендарного рок-музыканта, живет в блистательном и сумасшедшем мире шоу-бизнеса. Она знает цену популярности — телохранители за спиной, навязчивое внимание репортеров... А ей так хочется свободы! Вырвавшись из-под опеки, Эмма за два года успела влюбиться, выйти замуж и узнать горечь разочарования. Уход от мужа едва не стоил ей жизни. Но всегда в трудную минуту рядом оказывались ее отец, его друзья-музыканты, ставшие ее семьей, и, главное, — верный Майкл Кессельринг, человек, который любил ее все эти годы.

- [Нора РОБЕРТС](#)

- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
-

Нора РОБЕРТС
ЛИЦО В ТЕМНОТЕ

*Моему
главному герою —
моему отцу*

Пролог

Лос-Анджелес, 1990 год

Она резко нажала на тормоз, но машина все-таки врезалась в бордюрный камень. Радио продолжало орать. Зажав рот обеими руками, она пыталась удержать истеричный смех. «Удар из прошлого», — объявил диск-жокей. Удар из прошлого. Группа «Опустошение».

Мозг, как ни странно, продолжал работать и отдавать приказы. Она машинально выключила зажигание, вынула ключ, открыла дверцу. Несмотря на вечерний зной, ее бил озноб. С ужасом оглядываясь по сторонам, она побежала по темной лестнице.

Темнота. Она почти забыла, что в темноте можно спрятаться.

Рывком открыв дверь, она чуть не ослепла от яркого электрического света, но не остановилась, сознавая, что ужасно напугана и кто-то, неважно кто, должен ее выслушать.

Она бежала по коридору. Звонили телефоны, многочисленные голоса жаловались, кричали, о чем-то спрашивали, кто-то непрерывно ругался. Увидев дверь с надписью: «Расследование убийств», она прикусила губу, сдерживая рыдание.

Он сидел, положив одну ногу на стол, прижимая трубку плечом и держа на полпути ко рту чашку с горячим кофе.

— О боже, — сказала она, падая на стул. — Меня кто-то хочет убить!

Глава 1

Лондон, 1967 год

Впервые Эмма увидела отца, когда ей было три года. Но девочка знала его по снимкам, которые мать постоянно вырезала из газет и журналов, развешивая по всей их маленькой трехкомнатной квартире. Джейн Палмер таскала дочь от фотографии к фотографии, а потом, усевшись на убогом диване, рассказывала о прекрасной любви между ней и Брайаном Макавом, солистом популярной рок-группы «Опустошение». И чем больше выпивала Джейн, тем прекраснее становилась эта любовь.

Девочка понимала не все, но ей было ясно, что дядя на фотографиях — очень важный человек, он играл даже для королевы. Эмма узнавала его голос, когда он пел по радио или когда мать ставила одну из его пластинок-сорокапяток, которые собирала. Эмме нравился и этот голос, и ирландский, как его назвали позже, ритм песен.

Соседки жалели бедную девочку с верхнего этажа, мать которой отличалась пристрастием к джину и необузданным характером. Порой они слышали ругань Джейн и плач Эммы. Выбивая ковры и развешивая белье, соседки только поджимали губы, обменивались многозначительными взглядами и качали головами.

Многие из них считали, что Джейн Палмер не заслуживает такого милого, прелестного ребенка, но говорили об этом лишь между собой. В этой части Лондона никто и не помышлял о том, чтобы вмешиваться в чью-то жизнь.

Конечно, Эмма не понимала значения слов «алкоголизм» и «нервное расстройство», зато, несмотря на свои три года, уже хорошо определяла настроение матери: знала, когда та будет смеяться и обнимать ее, а когда — ругаться и шлепать. Если тучи сгущались, девочка брала плюшевую собаку Чарли и пряталась под кухонную раковину, где в темноте и сырости пережидала очередную бурю.

Иногда, впрочем, Эмма делала это недостаточно быстро.

— Не ерзай.

Джейн провела щеткой по светлым волосам дочери, едва сдержавшись, чтобы не ударить ее. Нет, только не сегодня.

— Я сделаю тебя красивой. Ты ведь хочешь сегодня быть особенно красивой, не так ли?

Но Эмму не очень заботило, как она будет выглядеть, потому что от щетки у нее уже болела кожа на голове, а накрахмаленное розовое платье сильно царапало тело. Девочка продолжала ерзать на стуле, пока мать перевязывала ей волосы лентой.

— Я же сказала, не дергайся! — почти взвизгнула Джейн, грубо схватив дочь за шею, и та вскрикнула. — Никто никогда не полюбит грязную отвратительную девочку.

Сделав два глубоких вдоха, Джейн ослабила хватку. Не нужно оставлять на коже ребенка синяков. Она ведь любит Эмму, да и Брайан может заметить.

— Убери с лица это надутое выражение, — приказала она, стаскивая дочь со стула.

Она была довольна результатом. Со светлыми локонами и голубыми глазами Эмма походила на изнеженную маленькую принцессу. Прикосновения Джейн опять стали ласковыми, когда она повернула дочь к зеркалу.

— Взгляни сюда. Разве не прелесть?

Изучив себя в грязном зеркале, Эмма упрямо надула губы:

— Щекотно.

— Леди приходится испытывать неудобства, если она хочет, чтобы мужчина считал ее красивой, — ответила Джейн, чувствуя, как впился в тело корсет.

— Зачем?

— Это часть женского ремесла.

Джейн закрутилась перед зеркалом, осматривая себя то с одной, то с другой стороны. Темно-синее платье очень шло ей, подчеркивая округлые формы и пышную грудь. Брайану всегда нравилась ее грудь. При этой мысли Джейн сразу ощутила желание.

Господи, никто не сравнится с ним в постели. Свою первобытную ненасытность он умело скрывал под внешней невозмутимостью и дерзостью. Они были знакомы с детства, и в течение десяти лет Джейн

периодически становилась его любовницей. Только она знала, на что способен Брайан, если его хорошенько завести.

На мгновение она представила, как он стаскивает с нее платье, его глаза пожирают ее тело, а тонкие, чуткие пальцы музыканта расстегивают отделанный рюшами корсет.

Им было хорошо вместе. Им опять будет хорошо.

Вернувшись к действительности, она схватила щетку и прошлась по волосам. Последние деньги, отложенные для бакалейщика, она истратила в парикмахерской, окрасив свои волосы под цвет волос Эммы. Ладно, с сегодняшнего дня ей уже не придется беспокоиться о деньгах.

Она тщательно подкрасила губы бледно-розовой помадой, как у супермодели Джейн Эшер на обложке последнего номера «Вог», затем черным карандашом добавила выразительности глазам.

Эмма зачарованно наблюдала за матерью. Сегодня от нее пахло одеколоном «Тигрица», а не джином. Девочка осторожно потянулась к тюбику, но резкий шлепок отбросил ее руку.

— Не трогай мои вещи, — рассердилась Джейн и опять ударила дочь по пальцам. — Ведь я запретила тебе прикасаться к моим вещам. — Эмма кивнула, готовясь заплакать. — И не вздумай реветь. Я не хочу, чтобы при вашей первой встрече у тебя были красные глаза и распухшее лицо. Пора бы ему приехать. Если он в ближайшее время не появится...

Тон матери заставил Эмму попятиться, но Джейн уже принялась изучать себя в зеркале.

Отличаясь крупным телосложением, она никогда не толстела. Да, платье, может быть, слишком облегает фигуру, зато эффектно подчеркивает грудь и бедра. Пусть в моде тощие, она-то знает, что, когда гаснет свет, мужчины предпочитают женщин с формами. Она уже давно живет за счет собственного тела и поэтому может с уверенностью говорить об этом.

А ее уверенность росла по мере того, как Джейн смотрелась в зеркало, сравнивая себя с бледными угрюмыми моделями, которыми восторгается Лондон. Она не замечала, что новый цвет ей не идет, а прямые волосы делают лицо грубым. Ей хотелось идти в ногу с модой. Она всегда так поступала.

— Возможно, он мне не поверит. Он не хотел. Мужчины никогда не хотят иметь детей, — сказала Джейн, пожав плечами. Ее отец тоже не хотел, пока у нее не стала развиваться грудь. — Запомни это, девочка. Мужчины не хотят детей, женщины нужны им только для одного, и ты скоро поймешь это. Получив свое, они уходят, а ты остаешься с большим животом и разбитым сердцем.

Джейн закурила и принялась расхаживать по комнате. Жаль, что не травка, сладковатая успокаивающая травка. Но отложенные на нее деньги она потратила на платье для Эммы. Жертва, которую обязана приносить мать.

— Возможно, он тебя и знать не захочет, но не сможет отрицать, что ты — его дочь.

Прищурившись, она оглядела девочку, и у нее внутри даже шевельнулось что-то похожее на материнское чувство. Несомненно, эта маленькая отмытая обезьянка так хороша, будто сошла с картинки.

— Ты чертовски похожа на него, крошка Эмма. Газеты утверждают, что он собирается жениться на этой сучке Вильсон — с деньгами и хорошими манерами, но мы еще посмотрим, да, посмотрим. Он вернется ко мне. Я всегда знала, что он вернется.

Она ткнула сигарету в стеклянную пепельницу со сколами. Сейчас ей необходимо выпить, хотя бы почувствовать вкус джина, чтобы успокоить нервы.

— Ну-ка, садись на кровать, — приказала она дочери. — Сиди здесь и веди себя тихо. Если тронешь мои вещи, то очень пожалеешь об этом.

К тому времени, когда в дверь постучали, она успела выпить два стакана. У нее заколотилось сердце. Как и большинство алкоголиков, она чувствовала себя привлекательной и всесильной, когда выпьет. Пригладив волосы, Джейн изобразила, по ее мнению, страстную улыбку и открыла дверь.

Сначала она видела только его. Высокого, стройного, с вьющимися светлыми волосами и строгим ртом, придававшим ему сходство с поэтом или апостолом.

— Брайан, как мило, что ты заскочил. — Но улыбка сразу исчезла, едва Джейн заметила двоих мужчин. — Значит, теперь ты ходишь только с сопровождением, Брай?

Брайана переполняла ярость. Зря он поддался на уговоры своего менеджера и невесты, незачем было соглашаться на встречу с Джейн, но задерживаться у нее он не собирался.

— Джонно ты помнишь, — сказал он, входя в квартиру. Запах джина, пота и вчерашнего ужина напомнил ему о собственном детстве.

— Конечно. Мы неплохо устроились в жизни, а, Джонно? Джейн кивнула высокому бас-гитаристу, который отрастил темную бородку и обзавелся бриллиантом на мизинце. Тот, прищурившись, оглядел убогую квартирку.

— Некоторые из нас, несомненно, — неприязненно бросил он.

— А это Пит Пейдж, наш менеджер.

— Мисс Палмер, — любезно улыбнулся тот, протягивая ухоженную руку.

— Мне все про вас известно. — Она протянула ему руку для поцелуя, но менеджер поспешно отступил. — Вы сделали наших мальчиков звездами.

— Я только открыл кое-какие двери.

— Играть перед королевой, выступить по телику. Новый альбом попал в чарты, и вам предстоит большое турне по Америке.

Она взглянула на Брайана. Волосы ниспадают до плеч, лицо худое, бледное и невероятно чувственное. Когда второй альбом «Полное опустошение» ворвался в десятку лучших, фотографии Брайана украсили комнаты подростков по обе стороны Атлантики.

— Ты получил все, что хотел.

Она ждет, что он почувствует себя за это виноватым? Не дождется.

— Верно, — бросил он.

— А кое-кто из нас получил даже больше, чем хотел. Джейн откинула назад волосы, и стали видны облупившиеся золоченые серьги в виде шаров. Она снова улыбнулась. В свои двадцать четыре года она считала себя более умудренной жизненным опытом, чем Брайан, который был на год моложе ее.

— Я предложила бы вам чай, только я не ждала гостей.

— Мы пришли не на чай.

Сунув руки в карманы джинсов, Брайан угрюмо смотрел на нее. Да, он молод, но уже не так глуп и не позволит спившейся неудачнице втянуть его в неприятности.

— Я не стал обращаться в полицию, Джейн. В память о прошлом. Но обязательно это сделаю, если ты не прекратишь звонить, угрожать и чего-то требовать.

— Хочешь натравить на меня фараонов? — зло прищурилась Джейн. — Валяй, малыш. Но понравится ли твоим молодым поклонникам и их безмозглым родителям, когда они узнают, что ты бросил меня и свою маленькую дочь на произвол судьбы, а сам купался в деньгах, ведя роскошную жизнь? Им это понравится, мистер Пейдж? И сможете ли вы после этого устроить Браю и его ребятам еще одно выступление перед королевскими особами?

Менеджер уже провел много часов, обдумывая, как выйти из положения. Но сейчас он понял, что лишь даром терял время. Выход здесь один — деньги...

— Мисс Палмер, — спокойно возразил он, — вряд ли вы хотите публично обсуждать ваши личные отношения. К тому же не имеет смысла настаивать на том, что он вас бросил, поскольку ничего подобного не было.

— О-о-о. Это твой менеджер, Брайан, или проходимец-адвокат?

— Ты не была беременна, когда мы расстались.

— Я не знала! — крикнула она, вцепившись в его куртку. — Убедилась только спустя два месяца, а к тому времени ты уже исчез. Я не представляла, где тебя искать. Я могла бы избавиться от ребенка, мне бы это устроили, но я боялась.

— И она родила, — констатировал Джонно и, усевшись на подлокотник кресла, прикурил «Голуаз» от массивной золотой зажигалки. За прошедшие два года у него появились очень дорогие привычки. — Но из этого не следует, что ребенок твой, Брай.

— Конечно, его, тупой урод!

— Ну-ну, — произнес Джонно и, затянувшись, выпустил дым ей в лицо. — Какие мы воспитанные, а?

— Успокойся, Джонно, — вмешался Пит. — Мисс Палмер, мы здесь для того, чтобы уладить все тихо.

— Не сомневаюсь. Ты же знаешь, Брайан, в то время я больше ни с кем не гуляла. Помнишь наше последнее Рождество? Мы сильно накачались и почти обезумели. Мы ничем не пользовались. Эмме в сентябре исполнится три года.

Брайан помнил, но очень бы хотел забыть об этом. Ему было девятнадцать, тогда он впервые понюхал кокаин и почувствовал себя племенным жеребцом, изнывающим от желания.

— Значит, у тебя ребенок, и ты считаешь, что девочка моя. Почему же ты заговорила о ней только сейчас?

— Я долго не могла тебя найти.

Джейн облизнула губы, жалея, что не выпила еще. Не стоит говорить Брайану, что она некоторое время наслаждалась ролью мученицы, бедной незамужней матери, совсем одинокой. И нашлись мужчины, облегчившие ее тяжкую долю.

— Я воспользовалась программой для девушек, попавших в беду. Знаешь, я даже хотела отдать будущего ребенка приемным родителям. Но когда Эмма родилась, я уже не смогла: она так похожа на тебя. Я боялась, что, если отдам ее, ты узнаешь, очень разозлишься и больше не дашь мне ни шанса.

Джейн заплакала, а поскольку слезы были искренними, они производили гнетущее впечатление.

— Я всегда знала, Брайан, что ты вернешься. Я слышала твои песни по радио. Видела твои портреты в музыкальных магазинах. Ты пошел вверх. Я всегда знала, что у тебя получится, хотя даже не предполагала, что ты поднимешься так высоко. Я начала думать...

— Готов поспорить, что начала, — буркнул Джонно.

— Я начала думать, — процедила Джейн сквозь зубы, — что тебе захочется узнать о малышке, пришла на твою старую квартиру, но ты переехал, и никто не говорил мне куда. Но я думала о тебе каждый день. Смотри. Я вырезала про тебя все, что только могла, и сохраняла.

— О господи!

— Я звонила в твою компанию грамзаписи, даже ходила туда, сказала, что я — мать дочери Брайана Макавоя, а меня вы швырнули за дверь. — Она умолчала о том, что была пьяной и напала на секретаршу. — Затем начали писать о тебе и Беверли Вильсон, и я пришла в отчаяние. Конечно, после всего, что было между нами, она не могла ничего для тебя значить, но мне хотелось переговорить с тобой.

— Звонить Бев и устраивать скандалы — не лучший способ добиться этого.

— Ты не знаешь, Брай, что такое беспокоиться о плате за жилье, гадать, хватит ли денег на еду. Я больше не могла покупать красивые платья и ходить на вечеринки.

— Тебе нужны деньги?

Она колебалась на мгновение дольше необходимого.

— Мне нужен ты, Брай, мне всегда нужен был ты! Джонно загасил сигарету в горшке с искусственным цветком.

— Здесь много разговоров о девочке, но я что-то не вижу никаких ее следов, — сказал он, привычным движением откидывая назад блестящие темные волосы.

— Эмма в спальне. И я не собираюсь пускать к ней всю толпу. Это касается только нас с Брайаном.

— Все лучшее у тебя всегда было связано со спальней, не так ли, милашка? — ухмыльнулся Джонно. На одно мгновение их взгляды скрестились, в них читалось отвращение, которое они испытывали друг к другу. — Брай, когда-то она была первоклассной шлюхой, но сейчас только второй сорт. Может, раз влечемся?

— Чертов педик! — бросилась на него Джейн, но Брайан обхватил ее за талию. — Ты не будешь знать, что делать с настоящей женщиной, даже если она укусит тебя за твой отросток.

Джонно продолжал улыбаться, но его глаза сверкнули.

— Не желаешь ли попробовать, дорогуша?

— На тебя всегда можно положиться, Джонно, ты все устроишь тихо, — пробормотал Брайан, поворачивая Джейн к себе. — Ты сказала, что дело касается только меня, ну и предо ставь его мне, я должен взглянуть на девочку.

— Но не эти двое. Только ты. Я хочу, чтобы все осталось между нами.

— Чудесно. Ждите здесь, — сказал он, ведя ее к спальне. Комната оказалась пуста. — Мне надоели эти игры, Джейн.

— Она прячется. Испугалась такого количества народа. Эмма! Выходи скорее к мамочке. — Заглянув под кровать, Джейн неуверенно поднялась и открыла узкий шкафчик. — Наверное, она в сортире.

— Брайан, — позвал из кухни Джонно, — здесь кое-что есть, возможно, ты захочешь взглянуть. — Потом обратился к Джейн: — Не будешь возражать, милочка, если я немного выпью? Бутылка уже открыта.

Зацепившись ногой за оторванный линолеум, Брайан вошел в кухню и открыл дверцу шкафчика под мойкой, на который ему указал Джонно.

Он разглядел забившуюся в угол фигурку с белокурыми волосами, держащую в руках что-то темное. У Брайана заняло сердце, но он попытался улыбнуться:

— Эй, там, привет.

Девочка спрятала лицо в пушистый черный комок.

— Маленькая дрянь, я покажу тебе, как от меня прятаться! — Джейн попыталась схватить ее и тут же замерла под взглядом Брайана.

Улыбнувшись, он протянул руку к девочке:

— Я сюда не залезу, может, выглянешь к нам на минутку? Никто тебя не обидит.

У него такой приятный голос. Как музыка. Этот человек ей улыбается. А волосы сияют. Как нимб у ангела. Хихикнув, Эмма неуверенно выглянула из шкафчика.

Новое платье испачкалось и помялось, светлые волосы намokли от воды из подтекающего крана. Девочка улыбнулась, показав белые зубки с кривым резцом. Брайан провел языком по такому же у себя во рту. У Эммы такая же ямочка на левой щеке и такие же синие глаза, как у него.

— Я ее привела в нормальный вид, — пожаловалась Джейн, глотая слюну от запаха джина, но не решаясь выпить. — Я сказала ей, как важно быть сегодня опрятной. Разве я не говорила тебе, Эмма? Сейчас ее умою.

Она рванула дочь к себе.

— Оставь.

— Я только собиралась...

— Оставь, — тихо повторил Брайан, но в его тоне слышалась угроза.

Если бы он не смотрел на Эмму, та, возможно, юркнула бы назад под раковину. Его ребенок.

— Привет, Эмма. — Теперь в его голосе появилась мягкость, которая так нравится женщинам. — Что это у тебя?

— Чарли. Моя собачка. — Девочка доверчиво протянула ему игрушку. — Она очень красивая.

Брайану захотелось погладить дочь, но он сдержался.

— Ты знаешь, кто я?

— По фотографиям, — ответила Эмма, доверчиво касаясь его лица. — Красивый.

— Верь мнению женщин, — засмеялся Джонно, глотнув джина. Брайан потрогал влажные локоны девочки:

— И ты красивая.

Болтая всякие глупости, он внимательно изучал ребенка. Ноги стали ватными, а желудок сжимался и расслаблялся, словно пальцы на грифе гитары. Эмма засмеялась, и ямочка обозначилась еще сильнее. Ему казалось, что он разглядывает самого себя. Конечно, проще и удобнее все отрицать.

Но хотел он того или нет, это — его ребенок. Только признать еще не означает принять.

— Нам пора на репетицию, — сказал Брайан менеджеру.

— Ты уходишь? — метнулась к нему Джейн, загораживая дорогу. — Достаточно одного взгляда на нее, чтобы все увидеть.

— Я увидел. — Заметив, что Эмма бросилась назад к шкафчику, он почувствовал стыд. — Дай мне время подумать.

— Нет! Ты уже уходил. Как всегда, ты думаешь только о себе — что лучше для Брайана, что лучше для карьеры Брайана. Я не позволю тебе снова бросить меня. — Схватив дочь, она догнала его у двери. — Если ты уйдешь, я покончу с собой. Брайан оглянулся. Знакомая песня.

— Это уже давно перестало действовать.

— И с ней.

Бросив угрозу, Джейн осеклась, и оба задумались. Ее рука, обхватившая Эмму, начала сжиматься, и малышка вскрикнула. Услышав крик ребенка, своего ребенка, Брайан испугался:

— Отпусти девочку, ты делаешь ей больно.

— А тебе какое дело? — взвизгнула Джейн, заглушая крики дочери. — Ты же уходишь.

— Нет, не уйду. Мне просто нужно, время, чтобы все обдумать.

— Надеешься, что твой заумный менеджер что-нибудь под скажет тебе, да? — спросила она и крепко стиснула вырывавшуюся Эмму. — Ты передо мной в долгу, Брайан.

— Отпусти ребенка, — приказал он, сжимая кулаки.

— Я убью ее, — спокойно произнесла Джейн. Наконец-то она нашла выход. — Перережу горло ей, а затем себе. Сможешь ли ты

после этого жить, Брайан?

— Она блефует, — пробормотал Джонно, но ладони у него взмокли.

— Мне терять нечего. Жить вот так, не имея возможности куда-нибудь выйти и повеселиться? Подумай, Брай, подумай о том, что напишут газеты. Я все расскажу им перед тем, как убью нас обеих.

— Мисс Палмер, — успокаивающим жестом поднял руку Пит, — даю вам слово, что мы придем к соглашению, которое устроит всех.

— Пусть Джонно уведет Эмму на кухню, а мы поговорим. — Брайан осторожно шагнул к ней. — Мы найдем взаимовыгодное решение.

— Я хочу, чтобы ты вернулся.

— Я никуда не уйду, — произнес он, заметив, что Джейн расслабилась, и слегка кивнул басисту. — Мы обо всем поговорим. Почему бы нам не сесть?

Джонно неохотно взял девочку из рук матери, чуть поморщившись при виде грязи, которую она собрала под раковиной, и понес на кухню. Усадив плачущую девочку на колени, Джонно потрепал ее по голове.

— Ну же, крошка, не надо. Джонно не допустит, чтобы с тобой случилось что-нибудь плохое. — Он соорудил рожицу, пытаясь угадать, как бы в такой ситуации поступила его мать. — Хочешь печенье?

Эмма кивнула. Несмотря на слезы и грязь, Джонно решил, что малышка очаровательна. И несомненно Макавой — Макавой с головы до ног.

— Откуда его можно стащить?

Улыбнувшись, девочка показала на высокий буфет, а через полчаса они уже доканчивали вазочку с печеньем, запивая его сладким чаем, который приготовил Джонно. Глядя в открытую дверь на смеющуюся дочь, Брайан подумал, что в трудную минуту на Джонно всегда можно положиться.

— Эмма, хочешь прокатиться в машине? — спросил он, входя на кухню, и погладил малышку по головке.

— Вместе с Джонно?

— Да, вместе с Джонно.

— Я — гвоздь сезона, — изрек тот и отправил в рот последнее печенье.

— Эмма, мне хочется, чтобы ты осталась со мной, у меня дома.

— Брай...

— Это очень красивый дом, у тебя будет своя комната.

— Так надо?

— Ведь я — твой папа, Эмма, и хочу, чтобы ты жила со мной. Попробуй, а если тебе не понравится, мы придумаем что-нибудь еще.

Выпятив нижнюю губу, девочка какое-то время изучала его. Она привыкла к этому лицу, хотя оно чем-то отличалось от фотографий. Эмма не знала чем, да и не хотела знать. От его голоса становилось хорошо и спокойно.

— А мама едет?

— Нет.

— А Чарли? — прошептала она, прижимая к груди обтрепанную черную собачку.

— Конечно.

Брайан взял дочь на руки.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, сынок, — покачал головой Джонно.

— Я тоже надеюсь.

Глава 2

Впервые Эмма увидела большой каменный особняк с переднего сиденья «Ягуара». Ей было жалко, что Джонно с забавной бородкой вышел из машины, но дядя с фотографий разрешил ей понажимать кнопки на приборной доске. Он больше не улыбался, хотя и не бранился. От него хорошо пахло. В машине тоже хорошо пахло. Ткнув Чарли носом в сиденье, Эмма тихо разговаривала сама с собой.

Серый каменный особняк с ромбовидными окнами и башенками показался ей огромным. Вокруг была зеленая лужайка, благоухали цветы. Эмма запрыгала от восторга:

— Замок!

— Похоже, — наконец улыбнулся мужчина. — В детстве мне тоже хотелось жить в таком доме. Мой папа, твой дедушка, работал здесь садовником.

«Когда не напивался до бесчувствия», — добавил про себя Брайан.

— Он здесь?

— Нет, в Ирландии.

В небольшом доме, купленном ему на деньги, взятые в долг у Пита. Остановив машину, Брайан вдруг подумал, что надо сделать несколько звонков, прежде чем история попадет в газеты.

— Ты как-нибудь встретишься с ним, со своими тетями, дядями и кузенами.

Он взял девочку на руки, удивленный и озадаченный тем, что она доверчиво прильнула к нему. Войдя в дом, он услышал голос Бев:

— Думаю, просто голубые. Я не смогу жить в комнатах, где на стенах растут цветы. И с этими жуткими шторами тоже нужно расстаться. Я хочу белый цвет, белый и голубой.

Она сидела на полу в гостиной среди разбросанных проспектов и образцов. Часть обоев уже сорвали, виднелась новая штукатурка. Бев предпочитала браться за дело со всех сторон.

Она казалась такой маленькой и нежной среди царящего беспорядка. Черные волосы коротко подстрижены, в ушах блестят золотые кольца. А глаза у нее экзотически?: миндалевидные, цвета морской волны с золотистыми искорками. Кожа еще сохранила

бронзовый оттенок, приобретенный на Багамах, где они провели уик-энд.

Увидев Бев, сидящую на полу в обтягивающих простеньких брюках и аккуратной блузке, никто бы не заподозрил, что она на третьем месяце беременности.

— Бев, — окликнул он.

— Брайан, я не слышала, как ты вошел. О!..

Взглянув на ребенка, она побледнела, но тут же взяла себя в руки и сделала знак декораторам:

— Мы с Брайаном хотим еще раз обсудить, что выбрать. Я позволю вам в конце недели.

Она быстро выпроводила их, глубоко вздохнула и погладила свой живот.

— Это Эмма, — сказал Брайан.

— Привет, Эмма, — через силу улыбнулась Бев.

— Привет.

Внезапно смутившись, девочка уткнулась лицом в шею Брайана.

— Не хочешь посмотреть телик? — Брайан похлопал ее по попке, но Эмма только пожалала плечами, и он добавил, пытаясь сохранить веселость: — В той комнате есть отличный большой телик. Вы с Чарли можете сесть на диван.

— Я хочу пи-пи, — прошептала Эмма.

— О, ну...

Бев сдула челку с глаз. Если бы ей так не хотелось плакать, она бы засмеялась.

— Я провожу ее.

Но Эмма еще крепче вцепилась в Брайана.

— Кажется, выбрали меня.

Проводив девочку до туалета, он беспомощно улыбнулся Бев и закрыл дверь.

— Ты... а...

Он умолк, поскольку малышка уже села на унитаз.

— Я не делаю в трусики, — мимоходом заметила она. — Мама говорит, так делают только глупые и противные девочки.

— Ты уже большая девочка, — ответил Брайан, подавляя гнев. — Очень красивая и очень умная.

— А ты придешь посмотреть телик? — спросила Эмма, натягивая штанишки.

— Попозже. Сначала мне нужно поговорить с Бев. Она тоже очень хорошая и тоже живет со мной.

Эмма немножко поиграла со сливным бачком.

— А она дерется?

— Нет. Тебя больше никто не станет бить. Обещаю. Крепко обняв дочь, он отнес ее в комнату с мягким диваном и большим телевизором, нашел какую-то шумную комедию:

— Я скоро вернусь.

Эмма проводила его взглядом, с облегчением отметив, что он не закрыл дверь.

— Наверное, лучше пойти туда, — указала на гостиную Бев. Войдя в комнату, она села на пол и начала перебирать образцы.

— Похоже, Джейн не врала. Девочка ужасно похожа на тебя, — сказала она, пытаясь удержать слезы.

— Господи, Бев! — Брайан хотел взять ее за плечи, но Бев вырвалась.

— Оставь, мне нужно время. Это потрясение.

— Для меня тоже. — Закурив, он глубоко вдохнул дым. — Ты

— Она неуравновешенная. С ней и в детстве было не все в порядке.

Бев не смотрела на него. Пока еще не могла. Ей пришлось напомнить себе, что именно она настояла на его встрече с Джейн.

— Ты знал ее много лет, — сказала Бев, уставившись на пыльный мраморный камин.

— Она была первой девчонкой, с которой я спал. Мне только исполнилось тринадцать. Отец напивался, впадая в свои знаменитые буйства, и я прятался на чердаке. Однажды меня там поджидала Джейн. Я еще не успел ничего понять, а она сразу приступила к делу.

— Детали можешь опустить, Брай.

— Я хочу, чтобы ты знала. Мы были очень похожи, Джейн и я. У нее дома тоже кто-то все время дрался. Постоянно не хватало денег. Потом я увлекся музыкой, стал уделять Джейн меньше внимания. Она обезумела. Начала угрожать мне, грозилась сделать что-нибудь с собой. Я предпочел держаться от нее подальше. Когда мы с ребятами организовали группу, Джейн появилась снова. Мы играли в разных

забегаловках, с трудом наскребая на хлеб. Думаю, она явилась, потому что мы знали друг друга. А в основном, наверное, потому, что я был задницей.

— Ты и сейчас задница, — улыбнулась сквозь слезы Бев.

— Да. Мы опять сблизились, провели вместе почти год, но Джейн стала просто невыносимой, пыталась ссорить меня с ребятами, врывалась на репетиции, устраивала скандалы. Однажды в клубе она даже подралась с какой-то девчонкой. Потом она всегда рыдала и просила прощения. В конце концов мне становилось все труднее говорить: «Ну, конечно, хорошо, забудем». К этому времени мы как раз заключили контракт с Питом на выступления в Германии и Франции. Он же устроил нам и первую запись. Когда мы уехали из Лондона, я напрочь позабыл о Джейн, не знал, что она беременна. Если бы можно было вернуть... — Брайан осекся, вспомнив о девочке с кривым зубом и ямочкой на щеке. — Не знаю, что бы я сделал.

Обхватив колени руками, Бев оперлась о них подбородком. Молодой практичной женщине из благополучной семьи было трудно понять, что такое нищета и боль, хотя именно прошлое Брайана влекло ее к нему.

— Давай лучше выясним, что ты собираешься делать в настоящий момент.

— Я уже сделал.

Он загасил сигарету в фарфоровой чаше девятнадцатого века, но Бев не стала его упрекать.

— Что ты сделал, Брай?

— Я забрал Эмму. Она моя дочь и будет жить со мной.

— Понятно.

Бев закурила. Узнав о своей беременности, она сразу отказалась от спиртного и наркотиков, но бросить курить пока не могла.

— Вначале тебе следовало обсудить это со мной. Кажется, мы должны через несколько дней пожениться.

— Мы поженимся. — Брайан вновь попытался обнять ее за плечи, испугавшись, что она передумает, но тут же вскочил и отшвырнул ногой рекламные проспекты. — Черт возьми, Бев, я собирался поговорить с тобой. Я зашел в эту грязную квартиру, намереваясь лишь поугадать Джейн, чтобы она больше к нам не приставала. Она ничуть не изменилась. То начинала кричать, то умоляла. Сказала, что

Эмма в спальне, но девочки там не было. — Брайан прижал кулаки к глазам. — Знаешь, где я нашел ее? Малышка забилась под раковину, словно перепуганный зверек.

— О господи!

— Джейн собиралась избить маленькую девочку лишь за то, что та испугалась. Когда я увидел ее... Бев, посмотри на меня. Пожалуйста. Посмотрев на нее, я увидел себя. Ты можешь это понять?

— Хочу понять... Нет, не могу. Я хочу, чтобы все оставалось так, как было утром.

— Ты считаешь, я должен был просто уйти оттуда?

— Нет... Да... Не знаю. Мы должны были поговорить. Мы бы что-нибудь придумали.

Опустившись на колени, Брайан взял ее за руки.

— Я собирался уйти, немного поездить, все обдумать. Но Джейн сказала, что убьет себя.

— О, Брай.

— Это я, наверное, пережил бы, может, даже подтолкнул бы ее к этому от ярости. Но тут Джейн пригрозила, что убьет и Эмму.

Бев прижала руку к животу, защищая будущего ребенка, ставшего для нее прекрасной реальностью.

— Нет, она бы не сделала этого.

— Не знаю. По крайней мере, в тот момент она верила в то, что говорила. Я не мог оставить Эмму там, Бев. Не смог бы оставить там и чужого ребенка.

Ее Брайан, ее милый заботливый Брайан.

— Ты не мог уйти. Как ты отобрал ее у Джейн?

— Она согласилась, — кратко ответил Брайан. — Пит оформит бумаги, все будет по закону.

— Брай, как? — Она была влюблена, но не слепа.

— Я выписал ей чек на сто тысяч фунтов и согласился выплачивать двадцать пять тысяч ежегодно до совершеннолетия Эммы.

— Господи, Брайан! Ты купил малышку?

— Я заплатил Джейн за то, чтобы она оставила в покое Эмму, нас, — сказал он, кладя руку ей на живот. — наших детей. Поднимется шумиха в прессе, возможно, отвратительная. Я прошу тебя быть рядом, пройти через это вместе со мной. И дать Эмме шанс.

— Куда мне идти?

— Бев...

Та покачала головой. Она не бросит его, но ей нужно свыкнуться с тем, что произошло.

— В последнее время я прочла много книг. Маленького ребенка нельзя оставлять надолго одного.

— Хорошо, я схожу взглянуть.

— Мы ходим.

Девочка заснула, крепко обняв Чарли, и телевизор нисколько ей не мешал. На щеках еще не высохли слезы. У Бев заныло сердце.

— Нужно поторопить мастеров, пусть отделают спальню наверху, — сказала она.

Эмма, зажмурившись, лежала в кровати на чистом тонком белье. Если открыть глаза, увидишь темноту, а в темноте прячутся страшилища.

Не выпуская из рук собачку, Эмма прислушалась. Время от времени страшилища чем-то шелестели.

Теперь их не слышно, но они просто затаились, ждут, когда Эмма откроет глаза. Девочка испуганно вскрикнула и сразу прикусила губу. Мама всегда ругалась, если она плакала ночью. Тогда мама трясла ее и говорила, что она маленькая и глупая, но зато при маме страшилища заползали под кровать и прятались по углам.

Эмма уткнулась лицом в знакомую плюшевую шкуру Чарли.

Она помнила, что находится в чужом доме. Здесь живет мужчина с фотографий, который сказал, что Эмма может называть его папой. Странное имя. Не открывая глаз, девочка тихо бормотала его в темноте, словно припев песни, которую раньше все время слушала ее мама.

Ужинали они на кухне вместе с темноволосой женщиной. Ели рыбу с жареной картошкой. Играла музыка. Она играет в Женщина казалась несчастной, даже когда улыбалась. Может, она хотела остаться с ней вдвоем, чтобы побить ее?

Когда папа ее мыл, у него было какое-то подозрительное выражение лица, но он не щипался и не попал ей мылом в глаза. Он спросил ее о синяках, а она ответила так, как учила мама: она ужасно неуклюжая и сама упала.

Эмма видела, что он рассердился, только все равно не ударил ее.

Его майка оказалась для нее слишком большой, Эмма даже захихикала.

Когда папа укладывал ее спать, пришла женщина. Она сидела на кровати и улыбалась, а он рассказывал сказку о замках и принцах.

Теперь Эмма проснулась, а их не было. Они ушли, в комнате темно. Девочка испугалась: вдруг страшилища бросятся на нее, защелкают огромными зубами и съедят ее? Вдруг придет мама и отлупит за то, что она лежит не в своей кровати?

Что это? Она ясно слышала какой-то шепот в углу. Девочка осторожно приоткрыла один глаз. Тени двигались, росли, тянулись к ней. Уткнувшись в плюшевую шерсть своего Чарли, она попыталась заглушить вскрипы, сжаться, стать совсем крошечной, тогда ее не заметят и не съедят отвратительные страшилища. Их прислала мама за то, что она уехала к человеку с фотографий.

Эмма задрожала от ужаса. С пронзительным воплем она скатилась с кровати и бросилась в коридор. Что-то с грохотом упало.

Эмма лежала на полу, вцепившись в свою собаку, ожидая худшего.

Зажегся свет. Она услышала голоса, и прежние страхи уступили место новым. Прижавшись к стене, она глядела на осколки фарфоровой вазы.

Ее побьют. Отправят домой. Запрут в темную комнату, чтобы ее съели страшилища.

— Эмма? С тобой все в порядке?

Брайан еще не совсем очнулся ото сна и сигареты с травкой, которую он выкурил перед тем, как они с Бев занялись любовью.

— Это они разбили ее, — чуть слышно оправдывалась девочка.

— Они?

— Черные страшилища. Их послала мама.

— О, Эмма, — выдохнул он, прижимаясь щекой к макушке.

В коридор выскочила Бев. Увидев осколки дрезденской вазы, она лишь вздохнула.

— Девочка поранилась?

— Не думаю. Только испугалась.

— Давай посмотрим, — сказала Бев и взяла Эмму за руку.

Голос у нее был решительный, но не злой. — Где у тебя болит?

Испуганная девочка показала на колено. Бев приподняла край майки, обнаружив большой, хотя и неглубокий порез. Многие дети уже

ревели бы. Возможно, это казалось Эмме пустяком в сравнении с теми синяками, которые увидел Брайан при мытье. Скорее машинально, нежели по-матерински, Бев поцеловала ранку, и у нее защемило сердце, когда девочка, открыла рот от изумления.

— Ничего, дорогая, сейчас мы позаботимся об этом, — сказала она, подняв Эмму с пола и чмокнув в затылок.

— Там, в темноте, страшилища, — прошептала девочка.

— Твой папа их быстро прогонит. Да, Брай? Ирландская кровь, а может, наркотик заставили Брайана прослезиться: любимая женщина держит на руках его ребенка.

— Конечно. Я разрублю их и выкину отсюда.

— А когда закончишь, подмети здесь.

Остаток ночи Эмма провела на уютной большой кровати вместе со своей новой семьей.

Глава 3

Как и предыдущие девять дней, Эмма сидела на широком подоконнике в гостиной, глядя в окно на усыпанную гравием дорогу, проходившую за садом с кивающими на ветру наперстянками и пышными кустами водосбора. Она ждала.

Синяки у нее прошли, хотя девочка этого не заметила. Никто в большом доме не бил ее. Пока. Она каждый день пила чай, друзья отца дарили ей сахарные перья и кукол.

Эмму ежедневно мыли в ванне, даже если она не играла в грязи, переодевали в чистую одежду, не называли глупой за то, что она боялась темноты. Ночью в ее спальне с бутончиками роз на стенах зажигали лампу с розовым абажуром, и чудовища больше не приходили.

Эмма старалась не полюбить все это. Она была уверена, что скоро придет мама и заберет ее отсюда.

Они с Бев несколько раз ездили на красивой машине в большой магазин, где закупили много вещей для Эммы. Ей больше всего понравилось розовое кисейное платье с кружевами. Надев его в день свадьбы папы и Бев, она чувствовала себя принцессой. А еще она надела блестящие черные туфли с пряжками и белые гольфы. Никто даже не ругался, когда она испачкала колени.

Свадьба показалась Эмме очень необычной. Все люди вышли в сад, а сквозь тучи пробивалось солнце. Один человек в длинной белой рубашке и белых штанах, которого все называли Стиви, играл на сверкающей белой гитаре и пел хриплым голосом. Она решила, что это ангел, но, когда спросила Джонно, тот лишь засмеялся.

А невесту Эмма считала прекраснейшей женщиной в мире. Первый раз в своей короткой жизни она испытала зависть. Как это замечательно — быть красивой, взрослой, стоять рядом с папой. Тогда ей уже не придется больше голодать или бояться страшных чудовищ. И она всегда будет счастливой, как девушки из сказок, которые так любил Брайан.

Вдруг начался дождь. Гости зашли в дом и пили шампанское с пирожными в комнате, где было много книг, цветов и пахло свежей краской. Опять играли на гитарах, пели и смеялись. Красивые

женщины говорили Эмме ласковые слова и гладили по головке, но большую часть времени девочка провела одна.

Никто не заметил, что она съела три куска торта и испачкала кружевной воротник нового платья. Детей ее возраста, с которыми можно было бы поиграть, не приглашали, а звездами шоу-бизнеса она пока еще не интересовалась, поэтому их присутствие ее совсем не занимало. Уставшая, с ощущением тошноты от съеденного торта, девочка заснула под шум вечеринки.

Спала Эмма недолго. Не в силах больше заснуть, она вытащила из кровати Чарли и пошла вниз, но ее остановил сладковатый запах марихуаны. Как и запах джина, он был связан с образом матери и побоями, когда у Джейн проходило наркотическое опьянение.

Девочка в испуге примостилась на лестнице, бормоча утешительные слова Чарли. Если мама здесь, значит, заберет ее отсюда и Эмма никогда больше не наденет это красивое розовое платье, не услышит голос папы и не поедет с Бев в большие светлые магазины.

Услышав шаги на лестнице, она вздрогнула и приготовилась к худшему.

— Привет, крошка. — Довольный Брайан сел рядом. — Что ты делаешь?

— Ничего.

Эмма еще крепче прижала к себе собачку и постаралась сделаться очень маленькой. Если тебя не заметят, то не причинят боль.

— Пирушка удалась на славу.

Брайан радостно улыбнулся, глядя в потолок. Он не мечтал когда-нибудь принимать в своем доме гигантов вроде Маккартни, Джаггера и Долтри. А еще свадьба. Боже милосердный, теперь он женатый мужчина с золотым кольцом на пальце.

Притопывая босой ногой в такт музыке, Брайан изучал кольцо. Назад дороги нет. Он в достаточной степени католик и идеалист, чтобы верить: раз дело сделано, это уже навсегда..

Сегодня один из самых значительных дней в его жизни, а если отец был слишком пьян или слишком ленив, чтобы забрать чертовы билеты, которые Брайан отослал им с матерью в Ирландию, то какое это имеет значение? Вся его семья здесь.

Он прогнал мысли о прошедших днях. Отныне его ждут только дни завтрашние, светлые и радостные. Целая жизнь, состоящая из

таких дней.

— Ну как, Эмма? Хочешь спуститься вниз и потанцевать на свадьбе папы? Хочешь пирожное? — Он протянул руку, чтобы нежно погладить дочь по волосам, но та отшатнулась. — В чем дело?

Измученная страхом и тошнотой, Эмма извергла содержимое желудка на колени отцу. Девочка в отчаянии застонала и снова прижалась к Чарли. Она лежала без сил, ожидая неминуемых побоев, Брайан же только засмеялся:

— Сейчас, полагаю, тебе стало гораздо лучше. — Он, шатаясь, встал и протянул ей руку. — Идем умываться.

К изумлению Эммы, не было ни шлепков, ни щипков, ни оплеух. Когда на них обоих полилась из душа вода, он даже начал петь про каких-то пьяных моряков, и Эмма сразу забыла о случившемся.

Потом Брайан, нетвердо держась на ногах, отвел ее в спальню, уложил в постель, сам растянулся у изголовья кровати и тут же уснул.

Эмма осторожно вылезла из-под одеяла, села рядом и, набравшись мужества, поцеловала его в щеку. Влюбленная первый раз в жизни, она сунула Чарли под руку отцу и тихо легла спать.

А через несколько дней после свадьбы приехала машина, и два человека снесли в нее вещи. Брайан поцеловал дочь и обещал привезти подарок. Девочка молча смотрела, как он уехал — из дома и из ее жизни. Она не верила, что папа вернется, даже когда слышала по телефону его голос. Бев говорила, что он в Америке, где девушки плачут, стоит им только увидеть Брайана, и все раскупают его пластинки.

Но в доме почти не звучала музыка, и Бев иногда плакала. Слезы мамы всегда сопровождались подзатыльниками и оплеухами, но Бев так и не ударила ее, даже в ту ночь, когда рабочие ушли и Эмма осталась с ней совершенно одна.

День за днем Эмма залезала на подоконник вместе с Чарли и ждала. Она любила представлять, как на дорожку сворачивает машина, открывается дверца, и выходит ее папа.

Но машина все не приезжала. Значит, она не приедет уже никогда. Папа бросил ее, потому что не любит, она слишком глупая, и от нее одни заботы. Бев тоже уедет, оставит Эмму одну в большом доме. Тогда здесь сразу появится мама.

«Что происходит с девочкой?» — думала Бев. Ребенок часами сидит на подоконнике, неподвижно, терпеливо, как старушка, играет только с обтрепанной собакой, почти ничего не просит.

Эмма вошла в их жизнь месяц назад, но Бев еще не определилась в своих чувствах.

Ее воспитали в духе англиканской церкви, поэтому мораль, ответственность и подобающий образ жизни не были для нее пустым звуком. Она получила хорошее образование и не сомневалась, что удачно выйдет замуж, родит здоровых, умных детей. Конечно, она желала Брайану успеха. Но еще больше ей хотелось иметь дом и семью.

Она никогда не бунтовала, такая мысль ей даже в голову не приходила. До Брайана.

Хотя родители пришли на бракосочетание, они вряд ли простят Бев за то, что она жила с Брайаном до свадьбы. Никогда они не поймут и желания дочери выйти замуж за музыканта-ирландца, который не только осуждает власти, но даже сочиняет песни, бросающие им вызов.

Конечно же, родители возмущены тем, что у Брайана есть незаконнорожденный ребенок, а их дочь приняла его. Но ведь девочка существует.

Бев любила своих родителей, их одобрение было для нее очень важно. Но еще больше она любила Брайана, любила так сильно, что иногда ей становилось жутко. Эмма его ребенок, а значит, теперь и ее.

Трудно было смотреть на девочку и не испытывать никаких чувств. Эмма не относилась к категории детей, на которых можно не обращать внимания, хотя пыталась вести себя тихо и незаметно. Конечно, дело в ее внешности. Такой же утонченной, ангельской, Как у Брайана. И непорочной, что казалось почти чудом, если учесть, в какой обстановке малышка провела три года своей жизни. «Непорочность и покорность», — думала Бев. Накричи она сейчас на Эмму, ударь ее — та стерпит все без единой жалобы. И это еще более страшно, чем нищета, из которой вырвали девочку.

Бев инстинктивно положила руку на дитя, которое носила в себе. Она так хотела подарить Брайану первого ребенка. Но всякий раз, когда она чувствовала сожаление, ей хватало одного взгляда на Эмму, чтобы оно тут же исчезло. Разве можно испытывать неприязнь к

такому невинному, милому и столь уязвимому существу? Правда, и любить девочку, по крайней мере, так безоговорочно, как любил Брайан, она тоже пока не может.

Возможно, не хочет. Эмма всегда будет напоминать ей о близости Брайана с другой женщиной. И не имеет значения, когда это было, пять или десять лет назад. Пока Эмма с ними, Джейн тоже останется частью их жизни.

Хотя Бев знала о прошлых увлечениях Брайана, она с легкостью убедила себя, что их встреча нечто особенное для них обоих. К тому же он был ее первым мужчиной.

Черт возьми, ну почему он уехал именно сейчас? Этот ребенок, безмолвной тенью скользящий по дому. Рабочие, которые визжат пилами и колотят молотками. Пресса. Мерзко, отвратительно, как и предупреждал Брайан: заголовки с их именами, их с Джейн фотографии на одной странице газеты, злорадные статейки о новой жене и старых любовницах.

Несмотря на молитвы Бев, скандал не утихал. По-прежнему возникали домыслы и сплетни об их интимной жизни. Миссис Брайан Макавой превратилась в общественное достояние. Она твердила себе, что больше всего на свете желала выйти замуж за Брайана, поэтому сможет вынести публичное перетряхивание белья, недостаток свободы, глупые заголовки.

И смогла бы. Как-нибудь вынесла бы. Но в отсутствие мужа Бев начала сомневаться, сможет ли она терпеть всю жизнь то, что за ней будут охотиться с фотоаппаратами, что ей придется бегать от микрофонов, носить парики и солнцезащитные очки, чтобы просто войти в соседний магазин. И поймет ли Брайан, насколько для нее унижительно, когда ее беременность обсуждается в газетах и совершенно посторонние люди читают об этом за завтраком.

Бев не могла ни смеяться над пошлыми статьями, ни игнорировать их, когда Брайана не было рядом, поэтому она редко выходила из дома. За неполные две недели дом с уютными солнечными комнатами превратился для нее в тюрьму, которую она делила с ребенком Брайана.

Но, будучи дочерью своих родителей, Бев твердо знала свои обязанности и неукоснительно их выполняла.

— Эмма, — с натянутой улыбкой сказала она, — наверное, тебе пора выпить чаю.

Быстрее всего девочка научилась распознавать фальшивую улыбку и никогда ей не доверяла.

— Я не хочу, — ответила Эмма, крепче прижимая к себе Чарли.

Раз уж они торчат здесь вдвоем, можно хотя бы поговорить. И Бев тоже присела на подоконник.

— Вряд ли удастся спокойно попить чаю, когда вокруг такой грохот. Милое здесь место. Наверное, стоит посадить еще роз. Как ты думаешь? — Девочка лишь выпятила губу, и Бев с отчаянием продолжила: — Когда я была маленькой, то любила выходить в наш чудный сад с книгой, слушала жужжание пчел. Иногда я не читала, только мечтала. И голос Брайана я тоже впервые услышала, когда была в саду.

— Он жил с вами?

Наконец-то она привлекла внимание Эммы. Для этого нужно было лишь упомянуть имя ее отца.

— Нет, я слышала по радио «Страну теней». «В полночь, когда тени обнимают луну...» — начала тихо напевать Бев. Но она сразу умолкла, ибо Эмма подхватила чистым и на удивление сильным голосом:

— «...а земля прекрасна и безмолвна, затаив дыхание, я жду тебя».

— Да, эта. — Не отдавая себе отчета, Бев погладила девочку по волосам. — Мне показалось, что Брайан поет только для меня. Наверное, о том же думали все девушки.

Эмма молчала, вспоминая, что мать без конца ставит эту пластинку, выпивая под нее и плача.

— Ты полюбила его за эту песню? — просила она.

— Да. Но когда мы познакомились, я полюбила его гораздо сильнее.

— Почему он уехал?

— Из-за своей музыки, своей работы. — пустив взгляд, Бев увидела в глазах девочки слезы. от товарищ по несчастью, которого она не ждала и не желала. — О, Эмма, я так скучаю по нему, но он вернется не скоро.

— А если не вернется?

Иногда Бев просыпалась среди ночи с той же мыслью.

— Конечно, вернется. Ему нужны люди, которые слушают его музыку, и он должен быть там, где они. Только, уезжая, твой папа всегда будет возвращаться. Он любит тебя, любит меня. — Она взяла Эмму за руку, утешая больше себя, чем девочку. — И еще. Ты знаешь, откуда берутся дети?

— Их делают женщинам мужчины, а потом не хотят их и уходят.

У Бев чуть не вырвалось ругательство, в этот момент она бы с радостью придушила Джейн. Хотя ее собственная мать всегда была сдержанной и довольно уклончиво говорила об интимных отношениях, Бев предпочитала в этом вопросе откровенность.

— Если мужчина и женщина любят друг друга, они делают малышей вместе, и в большинстве случаев оба их очень хотят. У меня тоже вот здесь ребенок. — Бев прижала руку девочки к своему животу. — Ребенок твоего отца. Когда он родится, у тебя появится брат или сестра.

Поколебавшись, Эмма провела рукой по ее животу. Как может там находиться ребенок? Ведь у миссис Перкинс, которая жила напротив, до появления маленького Дональда был огромный живот.

— Где он?

— Внутри. Он пока очень-очень маленький, ему еще почти шесть месяцев расти.

— Он будет меня любить?

— Конечно. У вас общий папа. Брайан.

Эмма начала гладить ее по животу так же, как иногда ласкала своего Чарли.

— Я буду заботиться о твоём ребенке. Никто его не обидит.

— Да, никто его не обидит.

Бев обняла девочку за плечи, глядя на улицу. На этот раз Эмма не отпрянула и не сняла руку с живота Бев.

— Я немножко боюсь становиться мамой. Ты разрешишь мне попрактиковаться на тебе? — Бев встала, увлекая Эмму за собой. — Начнем прямо сейчас. Давай поднимемся наверх, ты наденешь свое розовое платье, и отправимся пить чай в ресторан. Мы с тобой будем самыми красивыми дамами в Лондоне и поужинаем в «Ритце».

К черту газетчиков, к черту любопытных и зевак.

С этого начались доселе неведомые Эмме взаимоотношения с другой женщиной, в которых не было места ни страху, ни унижению. Следующие дни они провели, делая покупки в универмаге «Хэрродс», гуляя в Грин-парке, обедая в «Савое». Бев игнорировала фотографов, ходивших за ними по пятам, и всячески потакала желаниям Эммы, у которой обнаружилась страсть к красивой материи и ярким цветам. За две недели маленькая девочка, попавшая в дом отца в одном платье, приобрела целый гардероб.

Но по ночам возвращалось одиночество, когда обе, лежа в своих постелях, тосковали по одному мужчине.

Только чувства Эммы были просты и бесхитростны. Про муки любви девочка еще не знала, ей лишь хотелось, чтобы Брайан вернулся, поскольку с ним было хорошо и спокойно.

А Бев страдала. Вдруг муж устал от нее и найдет себе более подходящую женщину из того мира, в котором он живет? Недоставало ей также их близости и упоительных минут после занятия любовью, когда они лежали рядом. Теперь, одинокая в просторной бронзовой кровати, Бев гадала, не заполняет ли муж другими женщинами паузы между концертами.

На рассвете зазвонил телефон.

— Бев.

Голос Брайана звучал встревоженно, и, мгновенно очнувшись от сна, Бев села на кровати:

— В чем дело, Брай? Что случилось?

— Все. У нас сногшибательный успех. С каждым вечером толпы становятся все больше, пришлось даже удвоить охрану, а то девчонки прямо бросаются на сцену. Это дикость, Бев. Сегодня какая-то девица вцепилась Стиви в плечо, когда мы бежали к лимузину, и начисто оторвала рукав. Газеты называют нас авангардом второй волны британского вторжения. Авангардом.

— Замечательно, Брайан. У нас показывали какие-то отрывки, но ничего вразумительного.

— Представь себе гладиатора, стоящего на арене и слышащего рев толпы. — Вряд ли он сможет описать ей все эти чувства, эту дрожь восхищения и ужаса. — Кажется, даже Пит изумлен.

Бев улыбнулась, подумав об изумленном менеджере-прагматике, для которого на первом месте всегда стояло дело. Как, впрочем, и на

всех остальных местах.

— Тогда вы действительно нечто особенное!

— Ага. Жаль, тебя здесь нет.

Бев слышала в трубке громкую музыку, женский и мужской смех.

— Мне тоже.

— Тогда приезжай, — сказал Брайан, отталкивая полуголую блондинку, которая пыталась заползти к нему на колени. — Собирай чемодан и прилетай.

— Что?

— Я серьезно. С тобой было бы гораздо лучше. Конечно, мы все обговорили и решили, что тебе лучше остаться дома, но мы были не правы. Ты должна находиться рядом.

Глаза Бев наполнились слезами.

— Ты хочешь, чтобы я прилетела в Америку?

— И как можно быстрее. Встретимся в Нью-Йорке. Джонно, когда мы будем в Нью-Йорке?

— А где мы сейчас, черт побери? — спросил тот, выливая в стакан остатки виски.

— Ладно, не бери в голову.

Протирая уставшие глаза, Брайан попытался сосредоточиться. От выпивки и марихуаны кружилась голова.

— Пит все уладит, а ты собирайся.

— Что мне делать с Эммой? — Бев уже встала с кровати.

— Возьми и ее. — На радостях Брайан ухмыльнулся блондинке. — Сегодня днем тебе кто-нибудь позвонит и скажет, что делать. Господи, как я соскучился, Бев.

— Мы прилетим как можно быстрее. Я люблю тебя больше всего на свете, Брай.

— Я тоже. Скоро поговорим.

Положив трубку, он потянулся за бутылкой. Ему хотелось, чтобы жена была с ним сию минуту, а не через день и даже не через час, поскольку очень возбудился, услышав ее голос. Он звучал как в вечер их знакомства — немного застенчиво, неуверенно. Бев так мило не вписывалась в атмосферу накуренного паба, где они тогда играли. Однако, несмотря на застенчивость, в ней чувствовалось нечто надежное, подлинное. Брайан не мог выбросить ее из головы ни в тот вечер, ни после.

Взяв стакан, Брайан сделал большой глоток. Похоже, брюнетка и Стиви не намерены утруждать себя и уединяться для секса в одной из спален. Блондинка оставила Джонно и теперь занималась барабанщиком Пи Эм, которому едва исполнился двадцать один год. У него было круглое лицо с юношескими прыщами на подбородке. Видимо, он замер от ужаса и счастья, когда блондинка спрятала лицо у него в паху.

Посмеиваясь и немного завидуя, Брайан прикрыл глаза и тут же уснул.

Ему снилась Бев. Их первая ночь, которую они провели в его квартире, разговаривая о музыке, поэзии, Йитсе, Байроне и Браунинге. Мечтательно передавая друг другу сигарету с марихуаной, Брайан понятия не имел, что это ее первое знакомство с наркотиками. Так же, как не имел понятия, что это ее первое знакомство с сексом, пока не овладел ею на полу, при свете гаснущих свечей.

Бев немного поплакала. Но ее слезы вызвали у Брайана не ощущение вины, а желание быть защитником этой девушки. Он сразу и как-то поэтично влюбился. Это произошло больше года назад, и с тех пор он не общался с другими женщинами. В минуту искушения перед его глазами тут же возникало лицо Бев.

И женился Брайан только ради нее. В брак он не верил: глупый контракт, заключенный на основе любви. Однако и не считал, что попался на крючок. Впервые после безрадостного детства у него для утешения и возбуждения есть нечто большее, чем музыка.

Я люблю тебя больше всего на свете.

Он бы не смог произнести эти слова с той же легкостью и искренностью, как она. Видимо, никогда не сможет. Но он любил, а любя — хранил верность.

— Идем, парень, — сказал Джонно, поднимая его на ноги. — Тебя ждет постель.

— И приезд Бев. Мы встретимся в Нью-Йорке. — Джонно взглянул на сплетенные тела, а Брайан со смехом обхватил его за шею. — Едем в Нью-Йорк, Джонно. В Нью-чертов-Йорк. Потому что мы — лучшие.

— Классно, да? — Крякнув, Джонно бросил его на кровать. — Проспись, Брай. Завтра нам предстоит опять проходить через всю эту чертовщину.

— Надо разбудить Пита, — бормотал Брайан, пока Джонно стаскивал с него ботинки. — Паспорт для Эммы. Билеты. Я должен сделать так, чтобы у нее все было хорошо.

— Сделаешь.

Покачиваясь, Джонно изучил недавно купленные швейцарские часы. Он знал, что Пит не очень обрадуется, когда его разбудят, но тем не менее отправился на подвиг.

Глава 4

Первый в своей жизни перелет Эмма совершила первым классом. Но малышку всю дорогу тошнило, и ее не интересовали ни красивые облака за иллюминатором, ни книжки с яркими картинками. Она едва замечала беспомощные рукопожатия Бев и почти не воспринимала ласковый голос стюардессы.

Не радовали ее ни новая ярко-красная юбочка и пестрая блузка, ни обещание подняться на самый верх небоскреба Эмпайр-стейт-билдинг. Не радовало Эмму даже то, что она летела к отцу.

Когда самолет приземлился в аэропорту Кеннеди, девочка уже совсем ослабла и не могла стоять. Измученная Бев несла ее на руках. Пройдя таможенный контроль и увидев Пита, она чуть не заплакала.

Тот посмотрел сначала на ребенка с белым как мел лицом, затем на близкую к истерике женщину и спросил:

— Долетели плохо?

— О нет, все прошло великолепно, — к его и своему удивлению, вдруг засмеялась Бев. — А где Брайан?

— Он хотел приехать, но я запретил. Ребята даже не могут открыть форточку и глотнуть свежего воздуха. Тут же начинается массовая истерия.

— И ты это обожаешь.

— Хотя я оптимист, но такого не ожидал, — ухмыльнулся Пит, ведя ее к выходу. — Брайан станет очень богатым человеком, Бев. Мы все станем богатыми.

— Для Брая деньги не главное.

— Но и отказываться от денег, когда они на него польются, он тоже не станет. Идем, нас ждет машина.

— А как же багаж?

— Его доставят в гостиницу, — сказал Пит. — В журналах полно и твоих фотографий.

На улице их ждал большой, как корабль, белый «Мерседес». Заметив недоуменный взгляд Бев, Пит снова ухмыльнулся:

— Пока ты замужем за королем, дорогая, можешь хотя бы кататься с шиком.

Откинувшись на сиденье и закулив сигарету, Бев с надеждой думала, что она чувствует себя такой чужой и опустошенной только из-за ужасного полета. Эмма, севшая между ней и Питом, мирно проспала всю дорогу.

Менеджер не стал задерживаться в вестибюле гостиницы «Уолдорф» и сразу повел их к лифту. Он еще не понял, радоваться ему или огорчаться, что на них пока не обратили внимания. Фанаты в аэропорту и перед отелем, конечно, создали бы неудобства, но зато могла бы появиться очередная статья в газете. А это увеличивает спрос на пластинки.

— Я снял вам люкс с двумя спальнями.

Дополнительные расходы беспокоили Пита, но, с другой стороны, присутствие жены сделает Брайана более покладистым и вдохновит на творчество. К тому же совсем неплохо, если пресса узнает, что Брайан ездит в турне вместе с семьей. Раз ему не удалось раскрутить музыканта как одинокого сексуального мужчину, он раскрутит его как любящего супруга и отца. Лишь бы сработало.

— Мы все живем на одном этаже, — сказал Пит. — И правила безопасности очень строгие. В Вашингтоне двум девчонкам удалось пробраться в номер Стиви в тележке горничной.

— Забавно.

Пит только пожал плечами. К счастью, гитарист оказался не слишком пьяным и резонно рассудил, что две шестнадцатилетние девочки равны одной тридцатидвухлетней женщине. Стиви предпочел одну взрослую.

— Сегодня у ребят намечено интервью, а завтра шоу Салливана.

— Брайан не сказал, куда мы отправимся дальше.

— В Филадельфию. Затем Детройт, Чикаго, Сент-Луис...

— Не утруждай себя.

Какая разница, куда они едут. Не имеет значения, что она безумно устала, а руки ноют от тяжести спящей Эммы. Главное — она здесь, она почти ощущает присутствие Брайана.

— Вот и хорошо, — сказал Пит, доставая ключ. — До начала интервью остается пара часов. Для какого-то нового журнала, первый номер выйдет осенью. «Роллинг стоунз».

Бев взяла ключ, радуясь тому, что у менеджера хватило такта не мешать им с Брайаном.

— Спасибо, Пит. Я позабочусь, чтобы он был готов к интервью.

Едва Бев открыла дверь, из спальни выбежал Брайан и схватил их с Эммой в объятия.

— Хвала господу, — бормотал он, осыпая поцелуями лицо жены. Потом взял у нее сонную Эмму. — Что с ней?

— Теперь уже ничего. Но в самолете ей было плохо. Думаю, когда она поспит, все образуется.

— Хорошо, стой на месте.

Он отнес Эмму во вторую спальню. Та зашевелилась, только когда он укрывал ее одеялом.

— Пап?

— Да, поспи немного. Все в порядке. Успокоенная его голосом, Эмма снова заснула.

Оставив дверь открытой, Брайан остановился на пороге и глядел на жену, бледную от усталости, с темными кругами, отчего ее глаза казались огромными, почти черными. Его охватили чувства более сильные и глубокие, чем когда-либо прежде. Он молча поднял Бев на руки и отнес в кровать.

Он не мог вымолвить ни слова, хотя всегда был ими полон. Слова превращались в стихи, стихи в песни. И он еще будет переполнен потоками слов, рожденных этим, возможно, самым драгоценным часом, проведенным с Бев.

Радиоприемник у кровати был включен, телевизор, стоящий в ногах, тоже. Брайан всегда изгонял тишину музыкой, но, едва он прикоснулся к Бев, все звуки умерли.

Он раздевал ее медленно, разглядывая, впитывая в себя прекрасную гармонию ее тела. Шум улицы за окном позже станет нотами в басовом и скрипичном ключах. Тихим контрапунктом отзывались нежные стоны Бев. Он даже различал мелодию своих рук, скользящих по ее коже.

Тело Бев едва заметно изменилось. Он прикоснулся к округлившемуся животу, изумленный, пораженный, кроткий.

Глупо, но Брайан чувствовал себя солдатом, возвратившимся с войны, покрытым ранами и увешанным медалями. Хотя, возможно, не так уж и глупо. Он не мог взять Бев на арену, где сражался и побеждал. Она вынуждена лишь терпеливо ждать его. Брайан видел это обещание в ее глазах, ощущал в руках, нежно обнимавших его, в губах,

приоткрывшихся ему навстречу. Чувство Бев, спокойное, менее эгоистичное, как бы уравновешивало его, Брайана, нетерпение и подчас неукротимое желание. С ней он чувствовал себя мужчиной, а не просто символом в этом мире, столь падком на кумиров.

Позже, когда утомленная любовью Бев задремала на скомканных простынях, Брайан сидел рядом, думая о том, что все, чего он когда-то желал, о чем мечтал, теперь лежит у его ног.

— Пит распорядился снять на пленку концерт в Атланте. Господи, это было настоящее безумство. Иногда за шумом почти не слышно, что поешь. Это похоже... не знаю... как будто стоишь на взлетной полосе, а кругом режут самолеты. Но в море орущих есть люди, действительно поглощенные музыкой. Когда в свете прожекторов и сигаретном дыму вдруг замечаешь одно лицо, можно петь только для него. А потом Стиви начинает риффы, как в «Тайне», и опять зал впадает в безумство. Это похоже... Не знаю, на массовый секс, что ли.

— Жаль, меня там не было.

— Я так рад, что ты приехала, — засмеялся Брайан, сжимая ей щиколотку. — Это лето особенное, Бев. Нечто удивительное носится в воздухе, читается на лицах людей. И мы — часть этого. Мы уже не вернемся назад, Бев.

— В Лондон?

— Нет. — Его и позабавило, и огорчило столь буквальное восприятие. — Мы не вернемся к прежней жизни. Когда приходилось умолять, чтобы разрешили выступить в каком-нибудь пабе, и радоваться, если получишь взамен бесплатное пиво и чипсы. Господи, Бев, мы в Нью-Йорке, и скоро нас услышат миллионы. А это чего-то стоит. Мы чего-то стоим. Именно этого я только и хотел.

— Ты всегда чего-то стоил, Брай, — сказала она, взяв его за руки.

— Нет. Я был лишь одним из многих певцов. Теперь все изменилось, Бев. Люди нас слушают. Деньги позволят нам экспериментировать, подняться над роком для мальчиков и девочек.

Идет война, Бев, целое поколение взбудоражено, мы можем стать его голосом.

Бев не понимала таких глобальных мечтаний, но именно идеализм Брайана в первую очередь привлек ее к нему.

— Только не забудь за всем этим меня.

— Я и не смог бы, — искренне произнес он. — Ты получишь все, Бев. Ты и ребенок. Клянусь. А сейчас мне пора одеваться. — Поцеловав ей руки, Брайан откинул назад растрепанные волосы. — Пит жаждет, чтобы наше интервью появилось в этом новом журнале, который выйдет в ноябре. Пошли.

— Я считала, что мне лучше остаться в номере.

— Бев, ты моя жена. Люди хотят знать о тебе, о нас. Если мы бросим им какую-нибудь мелочь, они не станут травить нас в погоне за сенсациями. Это особенно важно из-за Эммы. Пусть все видят, что у нас одна семья.

— Семья — личное дело.

— Возможно. Но история Эммы здесь уже известна. Брайан видел десятки статей, где девочку называли «дитя любви». Могло быть и хуже, ведь Эмма явилась плодом того, что даже отдаленно не походило на любовь. Он нежно провел рукой по животу Бев. Вот этот ребенок действительно плод любви.

— Мне нужна твоя помощь.

Бев неохотно встала с кровати и начала одеваться. Двадцать минут спустя в дверь постучали, и на пороге возник Джонно.

— Я знал, что ты не вынесешь разлуки со мной, — улыбнулся он Бев и, схватив ее в объятия, поцеловал. Она засмеялась, а Джонно, глядя на вышедшего из спальни Брайана, сказал: — Ладно, раз он застал нас на месте преступления, нам лучше во всем сознаться.

— Где ты раздобыл эту нелепую штуку? — спросил Брайан.

— Нравится? Это настоящий писк. — Джонно опустил Бев на пол и поправил белую шляпу.

— В ней ты похож на сводника, — заметил Брайан, направляясь к бару.

— Я знал, что сделал правильный выбор. Она чуть не стоила мне жизни, но я вырвался и походил по магазинам на Пятой авеню. Не откажусь, сынок, — Джонно кивнул на виски.

— Ты выходил из гостиницы? — Брайан замер с бутылкой в одной руке и стаканом в другой.

— Темные очки, цветастая рубашка... — Джонно сморщил нос. — И любимые четки. Великолепная маскировка. Работала, пока я не захотел вернуться назад. Потерял любимые четки. — Джонно отхлебнул из стакана, который ему протянул Брайан, и,

удовлетворенно вздохнув, упал в кресло. — Место как раз для меня, Брайан, друг мой. Я и есть Нью-Йорк.

— Пит оторвет тебе голову, если узнает, что ты самовольно выходил из гостиницы.

— Ох уж этот Пит, — усмехнулся Джонно. — Он не совсем в моем вкусе. А где маленькая проказница?

— Спит, — ответила Бев.

В дверь снова постучали. Вошедший Стиви меланхолично кивнул Бев и сразу направился к бару. За ним следовал Пи Эм с бледным и каким-то помятым лицом. Дотащившись до кресла, он тут же в него плюхнулся.

— Пит сказал, что интервью будут брать здесь. Он приведет журналиста сюда. Где ты достал такую шляпу? — поинтересовался у Джонно барабанщик.

— Это долгая и печальная история, сынок. — Обернувшись, Джонно увидел Эмму, стоящую у приоткрытой двери спальни. — Кажется, вся компания в сборе. Эй там, хорошенькая мордашка!

Девочка решила, что ей приснилось, будто папа уложил ее в кровать и поцеловал. Но, оказывается, это был не сон, Брайан стоял в комнате и улыбался ей.

— Я хочу есть, — радостно сказала она.

— Неудивительно. — Брайан поцеловал ее ямочку у рта. — Как насчет шоколадного торта?

— Суп, — вставила Бев.

— Торт, суп. И чай, — заключил он.

Опустив дочь на пол, Брайан направился к телефону и позвонил горничной.

— Поди-ка сюда, Эмма. У меня для тебя кое-что есть. — Джонно похлопал по дивану рядом с собой.

Девочка колебалась. Ее мать часто говорила так, а «кое-что» потом оказывалось щипком. Но у Джонно была искренняя улыбка, и, когда Эмма все-таки подошла, он достал из кармана маленькое прозрачное яйцо с перстеньком внутри.

Джонно вложил яйцо девочке в руку, и та, раскрыв от удивления рот, крутила игрушку, в которой перекачивался перстенок.

Все произошло случайно. Просто Джонно попался автомат, а у него после стремительного рейда по магазинам еще осталась какая-то

мелочь. Тронутый сильнее, чем ему хотелось показать, он открыл яйцо и надел колечко Эмме на палец.

— Теперь мы помолвлены.

Эмма просияла, глядя то на подарок, то на Джонно:

— Можно к тебе на колени?

— Хорошо, — разрешил он и прошептал ей на ухо: — Но если ты сделаешь в штанишки, помолвка будет расторгнута.

Девочка засмеялась и, усевшись к нему на колени, стала играть с перстеньком.

— Сначала моя жена, теперь моя дочь, — заметил Брайан.

— Причины для беспокойства появятся лишь в том случае, если у тебя родится сын. — Бросив эти слова с той же легкостью, с какой глотал виски, Стиви тут же захотел откусить себе язык. — Извини, — пробормотал он в наступившей тишине. — Похмелье. Настроение мерзкое.

В дверь опять постучали, и Джонно лениво протянул:

— Изобрази-ка лучше свою знаменитую улыбку, сынок. Приближается время шоу.

Джонно был в ярости, но умело скрыл это, когда к ним подсел молодой бородатый журналист. Как только его не обзывали — гомик, педик, «голубой». Слова ранили Джонно больше, чем побои, выпадавшие на его долю. Он знал, что ему превратили бы лицо в месиво не один раз, если бы не верность Брайана и его всегда готовые к бою кулаки.

Десятилетними мальчишками они потянулись друг к другу, объединенные общими невзгодами, среди которых не последнее место занимали их отцы-пьяницы. Нищета была обычным явлением в восточных районах Лондона, где всегда находились ребята, готовые за пенс сломать тебе руку. Но всегда найдется и путь к спасению. Для них с Брайаном это была музыка.

Элвис, Чак Берри, Мадди Уотерс. Они собирали все деньги, которые удавалось заработать или украсть, чтобы покупать драгоценные сорокапятки. В двенадцать лет они вместе сочинили первую песню, довольно убогую, как теперь понимал Джонно, с рифмами типа «любовь-кровь», положенными на трехаккордовый ритм, который они выбивали на старенькой гитаре. Эту гитару Брайан

выменял на пинту отцовского джина, за что был жестоко избит. И они продолжали сочинять.

В шестнадцать лет Джонно вдруг понял, кто он такой, а поняв, рыдал и бросался на всех девчонок, не отвергавших его. Однако ни слезы, ни секс ничего не изменили.

В конце концов именно Брайан помог ему примириться с тем, что дано судьбой. Как-то ночью они выпивали в подвале у Брайана. На этот раз Джонно украл виски у своего отца. Горела свеча, пахло гниющими отбросами. Они передавали друг другу бутылку и слушали «Только одинокие» Роя Орбисона. Признание Джонно выплеснулось под пьяные слезы и дикие угрозы покончить с собой.

— Я — ничто, таким и останусь. Живу как грязная свинья. Отец провонял всю квартиру, мать скулит, донимает его придирками, но ничего не делает. Сестра трудится на улице, младшего брата второй раз за месяц задержала полиция.

— Наша судьба в наших руках, — философски заметил пьяный Брайан. — Мы должны сделать так, Джонно, чтобы у нас все было по-другому. И мы это сделаем.

— По-другому не будет. Если только я не покончу с собой.

Возможно, я сделаю это. Возможно, я просто сделаю это и покончу со всем.

— О чем ты говоришь, черт побери? — Брайан отыскал в смятой пачке одну сигарету.

— Я — гомик.

И, уронив голову на руки, Джонно зарыдал.

— Гомик? Ладно тебе, не сходи с ума.

— Я же сказал. Меня тянет к мальчишкам, я извращенный педик.

Брайан остолбенел, не донеся спичку до сигареты, однако алкоголь смягчил его чувства.

— Ты уверен?

— Зачем же, черт возьми, мне говорить это, если я не уверен? С Элис Роджвей у меня получилось только потому, что я думал о ее брате.

«Отвратительно», — подумал Брайан, но решил оставить свои мысли при себе. Они дружат шесть лет, всегда стояли друг за друга горой, лгали друг для друга, делили мечты и тайны.

— Ну что ж, ты сделан таким, каким сделан. И не из-за чего вскрывать вены.

— Но ты-то не гомик.

— Нет.

Брайан надеялся, что это именно так. Нет, он не гомик: акробатика, которой он занимался в постели с Джейн, убедительно говорила о его предпочтениях. Почувствовав эрекцию, Брайан тут же отогнал эти воспоминания. Сейчас не время забивать голову подобными глупостями, нужно думать о проблеме Джонно.

— Среди людей много гомосексуалистов, — сказал он. — Писатели, художники и тому подобные. Мы — музыканты, так что можешь считать это особенностью своей творческой природы.

— Чушь, — пробормотал Джонно.

— Возможно, но это лучше, чем вскрывать вены. Тогда мне придется искать нового партнера.

С подобием улыбки на лице Джонно снова взял бутылку.

— Значит, мы остаемся партнерами?

— Ясное дело. — Брайан передал ему сигарету. — До тех пор, пока ты не начнешь испытывать влечение ко мне.

Больше Джонно никогда и ни с кем это не обсуждал. Хотя все в группе знали о сексуальной ориентации Джонно, по настоянию Пита, а также ради собственного спокойствия он культивировал образ жеребца-гетеросексуала. Это его даже забавляло.

Но временами Джонно испытывал сожаление, вот как сейчас: покачивая Эмму на коленях, он с горечью думал, что у него не будет своего ребенка, да и единственный мужчина, которого он по-настоящему любит, никогда не станет его возлюбленным.

Глава 5

После завтрака, за которым Брайан угощал дочь клубничным вареньем и сахарными булочками, она осталась с Бев. Но теперь ее это не тревожило. Папа сказал, что вечером его покажут по телевизору, и пообещал сводить ее туда, где делают телепередачи.

А пока они с Бев ездили по городу в большой белой машине, и Эмма смеялась, глядя на светлый парик и темные очки, которые надела Бев.

Нью-Йорк поразил девочку. Она восторженно смотрела на людей, куда-то спешащих, толкающих друг друга. Многие женщины были в коротких юбках и туфлях на высоких каблуках, а их покрытые лаком начесы казались высеченными из камня. Другие носили джинсы и сандалии, а прямые волосы струйками дождя текли у них по спине. На углах торговали горячими сосисками, напитками и мороженым, которое расходилось тем быстрее, чем жарче становилось на улице. Во всей этой суматохе чувствовалась какая-то нервная агрессивность, восхищавшая Эмму.

Шофер в рыжевато-коричневом мундире и фуражке подкатил к тротуару. Хотя сам он предпочитал Фрэнка Синатру и Розмари Клуни, но был уверен, что его дети придут в дикий восторг, когда он принесет домой автографы группы «Опустошение».

— Мы приехали, мэм.

— О! — Слегка изумленная, Бев выглянула в окно.

— Эмпайр-стейт-билдинг, — объяснил шофер. — Желаете, чтобы я вернулся за вами через час?

— Да, через час.

Водитель открыл дверцу, и Бев крепко взяла Эмму за руку.

Они встали в конец очереди, за ними молча пристроились два телохранителя. Секундой позже за ними уже стояла группа студентов-французов. В смешанном запахе духов, пота и мокрых пеленок Эмма уловила аромат марихуаны, но, похоже, кроме нее, этого никто не заметил.

Их провели в лифт, а потом снова заставили ждать. Но девочка не жаловалась: ведь Бев держала ее за руку и она могла, задрав голову, разглядывать людей. Когда у нее устала шея, Эмма переключилась на

ноги. Вербочные сандалии, ботинки со сверкающими носами, белоснежные туфли, черные лакированные туфли. Кто-то шаркал или топтался на месте, кто-то переступал с ноги на ногу, но никто не стоял спокойно.

Наконец это ей надоело, и Эмма начала прислушиваться к голосам. Неподалеку спорили девушки.

— Стиви Ниммонс лучше всех, — настаивала одна. — У него большие карие глаза и такие красивые усы.

— Нет, Брайан Макавой — вот прелесть, — возразила другая, показывая снимок, вырезанный из журнала. — Стоит мне только взглянуть на него, и я готова умереть.

Столпившиеся вокруг нее подруги заверещали, но стоявшие в очереди сердито взглянули на них, и девушки зажали смеющиеся рты, сдерживая смех.

Обрадованная и сбитая с толку, Эмма подняла взгляд на Бев:

— Они говорили о папе.

— Шшш. Знаю, но это наш секрет.

— Почему?

— Объясню потом, — сказала Бев, радуясь, что подошла их очередь заходить в лифт.

У Эммы, как в самолете, заложило уши, и девочка испугалась, что ей опять станет плохо. Закусив губу, она закрыла глаза, отчаянно желая, чтобы папа оказался рядом. Зачем только она пришла сюда? Почему не взяла с собой Чарли? Девочка молила господу о том, чтобы не выплеснуть на новые блестящие туфельки чудесный завтрак.

Двери наконец открылись, жуткое раскачивание прекратилось, и все с разговорами и смехом направились к выходу. Эмма шла рядом с Бев, борясь с тошнотой.

Впереди громадный прилавок и полки, заставленные красочными сувенирами, и широкие-преширокие окна, в которых было видно небо и высоченные здания — Манхэттен. Эмма застыла на месте, тошнота сменилась восторгом.

— На такое стоит взглянуть, правда, Эмма?

— Это весь мир?

— Нет, только маленькая часть, — засмеялась Бев. — Давай выйдем на площадку.

Сильный ветер заставил девочку пошатнуться, но она была скорее возбуждена, чем напугана.

— Мы на вершине мира, — сказала Бев, подхватив ее на руки.

Эмма глядела вниз и чувствовала, как бунтует ее желудок. Весь город, разделенный на клеточки улицами, крошечные машины и автобусы казались игрушечными.

Бев опустила в автомат монетку, и Эмма заглянула в подзорную трубу, но ей больше нравилось рассматривать город собственными глазами.

— А можно здесь жить?

— В Нью-Йорке?

— Здесь, наверху.

— Здесь никто не живет, Эмма.

— Почему?

— Потому что это место для туристов, — рассеянно ответила Бев. — И, по-моему, одно из чудес света. А в чудесах света никто жить не сможет.

Но Эмма была уверена, что она смогла бы.

Телестудия не произвела на Эмму особого впечатления. Совсем не такая красивая и большая, как на экране, люди тоже обыкновенные. А вот телекамеры ей понравились, и за ними стояли важные люди. Если она посмотрит в камеру, будет ли это как в подзорную трубу на крыше Эмпайр-стейт-билдинг?

Спросить у Бев она не успела, потому что заговорил тощий мужчина. У него было странное американское произношение, и Эмма не понимала и половины сказанного, но слово «Опустошение» она уловила. Раздался взрыв аплодисментов.

Сначала она испугалась, а когда поняла, что это нестрашный шум, тут же улыбнулась, хотя рука Бев, сжимавшая ее руку, слегка дрожала.

Эмме понравилось, как отец двигался по сцене, как его голос, сильный и чистый, сливался с голосами Джонно и Стиви, волосы сияли золотом в ярком свете прожекторов. Эмма была ребенком, и это показалось ей настоящим чудом.

Образ четырех молодых парней, стоящих на сцене и купающихся в свете, удаче, музыке, останется в ее сердце и памяти до конца жизни.

А за три тысячи миль от телестудии в своей квартире сидела Джейн, глядя на пинту «Гилби» и унцию «колумбийского золота». Она

зажгла десяток свечей, чтобы поднять себе настроение. Из стереосистемы доносился чистый тенор Брайана.

На полученные от него деньги она переехала в Челси, где жили музыканты, поэты, художники. Джейн полагала, что сможет найти здесь другого Брайана. Идеалиста с красивым лицом и умелыми руками.

Теперь она могла шляться по забегаловкам, когда захочет, слушать музыку, снимать на ночь приглянувшегося парня.

У нее шестикомнатная квартира с новой мебелью, шкафы с одеждой из дорогих магазинов, на пальце блестит кольцо с бриллиантом, которое она купила на прошлой неделе, чтобы разогнать тоску. Но ее это уже не устраивало.

Поначалу сто тысяч фунтов казались Джейн громадной суммой, однако вскоре она обнаружила, что большие деньги тратятся так же легко, как и маленькие. У нее еще кое-что осталось, только надолго ли этого хватит? Да, с Эммой она явно продешевила.

Брайан заплатил бы вдвое и даже еще больше, несмотря на выступления ублюдка Пита. У Брайана слабость к детям, а она сдуру не воспользовалась этим.

Жалкие двадцать пять тысяч в год. Интересно, как она сможет на них прожить? Время от времени Джейн приглашала к себе очередного хахаля, но от одиночества это избавляло не больше, чем пачка денег в кармане. Она никогда бы не подумала, что будет скучать по Эмме, тем не менее ее представление о материнстве претерпело изменение.

Она родила. Меняла отвратительные пеленки. Тратила заработанные деньги на одежду и еду. А теперь маленькая дрянь, вероятно, даже не вспоминает о ее существовании. Она наймет на деньги Брайана лучшего адвоката. Это справедливо. Любой суд постановит, что ребенок должен быть с матерью. Она вернет Эмму. Или, что куда лучше, получит вдвое больше денег.

Она еще попортит им кровь. Брайан с его новой женой никогда ее не забудут. Никто ее не забудет: ни вонючая пресса, ни глупая публика, ни ее маленькая дрянь.

С этой приятной мыслью Джейн взяла пакетик метедрина, готовясь отправиться в полет.

Глава 6

У Эммы больше не было сил ждать. За окном шел отвратительный дождь со снегом, но она все-таки прижималась лицом к стеклу, пытаясь что-нибудь разглядеть. Они скоро приедут. Так сказал Джонно. Эмма не стала допытываться, что значит «скоро». Джонно только бы засмеялся в ответ. Когда у нее замерз нос, девочка отошла от окна. Папа скоро вернется домой вместе с Бев и новым малышом. Братика зовут Даррен. Произнеся шепотом это имя, Эмма улыбнулась.

Появление брата явилось для нее самым величайшим событием в жизни. Он будет ее собственным, будет нуждаться в ее помощи и заботе. Эмма долго упражнялась на своих многочисленных куклах.

Она знала, что нужно осторожно поддерживать им головку, иначе она оторвется. Иногда младенцы просыпаются по ночам и плачут от голода. Эмма решила, что не будет обижаться на это. Потрогав свою грудь, она подумала, найдет ли там Даррен молоко.

Ей не разрешили съездить в больницу, и девочка так расстроилась, что впервые после переезда в этот новый дом спряталась в шкафу. Она продолжала сердиться, хотя взрослым обычно нет дела до того, сердятся дети или нет.

Устав стоять, Эмма села на подоконник, гладила Чарли и ждала.

Чтобы отвлечься, она стала вспоминать увиденное в Америке. В Сент-Луисе была серебряная арка, в Чикаго — озеро, которое показалось ей бескрайним, как океан. И Голливуд. Ей понравилась громадная белая надпись, Эмма даже попыталась воспроизвести буквы.

Папа играл там в огромном открытом театре. Он называется чашей. Девочке было приятно слышать крики и аплодисменты зрителей.

В Голливуде Эмма отпраздновала свой третий день рождения. Пришли гости, и все ели белый торт с маленькими серебряными колокольчиками сверху.

Почти каждый день они летали на самолете. Это пугало Эмму, но она научилась бороться с тошнотой. Вместе с ними было всегда много людей, папа называл их группой сопровождения в дороге. Очень глупо, так как они путешествовали по воздуху, а не по дороге.

Больше всего Эмме нравились гостиницы. Она любила каждое утро смотреть из окна на новые места и новых людей.

Можно будет взять с собой и Даррена. Его все поллюбят. А еще Эмма подумала о Рождестве. Она впервые повесила над камином чулок со своим именем. Под наряженной елкой лежала куча подарков. Днем все играли в «змеи и лестницы». Даже Стиви. Он притворился, что жульничает, и очень рассмешил Эмму, а затем прокатил ее на себе по всему дому.

Папа разрезал огромного рождественского гуся, от еды Эмму начало клонить в сон, и, свернувшись калачиком, она слушала музыку. Это был лучший день в ее жизни. Услышав шум автомобиля, девочка опять прижалась лицом к стеклу, потом, радостно вскрикнув, соскочила с подоконника:

— Джонно! Джонно! Они уже здесь.

— Обожди-ка. — Тот оторвался от листа, на котором записывал обрывки стихов, приходивших ему в голову, и поймал Эмму на бегу. — Кто здесь?

— Мой папа, Бев и мой ребенок.

— Твой ребенок, вот как? — Ущипнув ее за нос, Джонно обратился к Стиви, подбирающему аккорды на пианино: — Ну что, идем встречать младшего Макавоя?

— Сейчас иду.

— Я тоже, — сказал Пи Эм, поднимаясь с пола. — Интересно, удалось ли им выбраться из роддома целыми и невредимыми?

— Да сам Джеймс Бонд покажется жалким дилетантом по сравнению с Питом. Их вроде как ждут два лимузина, двадцать здоровенных телохранителей, а они сбегают в грузовичке, развозящем цветы, — засмеялся Джонно, увлекая за собой Эмму. — Слава делает нас бедняками, девочка, вот так.

Эмме не было никакого дела до славы, ей хотелось увидеть братика. Едва открылась входная дверь, она, выдернув свою руку из руки Джонно, бросилась в прихожую.

— Дайте мне посмотреть на него, — потребовала она. Брайан откинул край одеяла. Это была не кукла. Хотя малыш спал, Эмма различила легкое подрагивание темных ресниц. Ротик маленький и влажный, кожа тонкая и нежная. На голове был голубой чепчик, но отец сказал, что волосы у братика темные, как у Бев. Эмма осторожно

прикоснулась к маленькой ручке, стиснутой в кулачок. Любовь пронзила ее словно ток.

— И что ты думаешь? — спросил Брайан.

— Даррен, — тихо произнесла она, — самый прекрасный малыш на свете.

— И у него славная мордашка Макавоя, — пробормотал растроганный Джонно. — Отлично сработано, Бев.

— Спасибо.

Она была рада, что все закончилось. Никакие книги не смогли подготовить ее к невыносимой боли родов. Бев гордилась, что произвела сына естественным путем, хотя последние несколько часов оказались просто ужасными. Теперь ей хотелось только сидеть дома и быть матерью.

— Врач сказал, что Бев первые дни должна поменьше быть на ногах, — начал Брайан. — Может, тебе пора отдохнуть?

— Снова лечь в постель? Ни за что.

— Тогда заходи к нам, а дядя Джонно приготовит тебе чего-нибудь вкусенького.

— Замечательно.

— Я поднимусь наверх и уложу ребенка. — Увидев, как Пи Эм отшатнулся, Брайан насмешливо произнес: — Старик, он не кусается. У него же зубов нет.

— Только не проси меня какое-то время прикасаться к нему, — ухмыльнулся в ответ Пи Эм.

— Развлеки Бев, ей действительно пришлось тяжело.

— С этим я справлюсь.

Пи Эм удалился в сторону гостиной.

— Мы уложим младенца спать, — объявила Эмма, не выпуская край одеяла. — Я могу показать, как это делать.

В детской с белыми воздушными шторами и бледно-голубыми стенами, расписанными радугами, малыша ждала кроватка, украшенная белоснежными ирландскими кружевами и атласными лентами. В углу стояла под охраной шестифутового медведя старомодная коляска, у окна — древняя качалка.

Когда с Даррена сняли чепчик, Эмма нежно погладила его черные волосики.

— Он скоро проснется?

— Не знаю. У меня сложилось впечатление, что маленькие дети совершенно непредсказуемы. — Брайан склонился к дочери: — Мы должны обращаться с ним осторожно, Эмма. Видишь, какой он беспомощный.

— Я не допущу, чтобы с ним что-то случилось. Никогда.

Девочка не могла решить, нравится ей мисс Уоллингсфорд или нет. У молодой няни были красивые рыжие волосы, милые серые глаза, но она редко позволяла Эмме трогать маленького Даррена. Однако Бев из десятков претенденток выбрала именно ее и осталась довольна. Элис Уоллингсфорд было двадцать пять лет, она происходила из хорошей семьи, имела превосходные рекомендации и обладала приятными манерами.

Первые месяцы Бев чувствовала себя такой уставшей и печальной, что услуги Элис оказались просто неоценимыми. К тому же с няней можно обсудить режущиеся зубки, кормление грудью и диету, поскольку Бев преисполнилась решимости вернуть свою стройную фигуру.

Брайан постоянно уединялся с Джонно, сочинял песни или вместе с Питом договаривался о записи в студии, и Бев в одиночку занималась устройством дома.

Она слушала разговоры мужа о войне в Азии и расовых беспорядках в Америке, но ее больше интересовала погода, чтобы можно было вывезти Даррена на прогулку. Она научилась печь хлеб, пробовала вязать, а Брайан сочинял песни, выступал против войны и фанатизма.

По мере того как ее тело обретало прежнюю форму, Бев успокаивалась. Наступила самая светлая пора ее жизни. Сын рос крепким и здоровым, муж обращался с ней как с принцессой.

Прижимая к груди Даррена и глядя на Эмму, сидящую у ее ног, она думала о том, что дождь прошел, солнце ярко светит и после обеда можно погулять с детьми в парке.

— Сейчас я уложу его в кроватку, Эмма, он заснул.

— Можно подержать его, когда он проснется?

— Да, но только если я рядом..

— Мисс Уоллингсфорд никогда не позволяет мне брать его на руки.

— Она лишь проявляет осторожность.

Расправив на сыне одеяльце, Бев отошла от кровати. Малышу почти пять месяцев, она уже не представляет себе жизни без него.

— Давай спустимся на кухню и попробуем испечь что-нибудь вкусное. Твой папа очень любит шоколадные торты.

В коридоре ждала няня со свежим бельем для детской.

— Он сыт, пусть немного отдохнет, Элис.

— Да, мэм.

— Мы с Эммой будем на кухне.

Час спустя, когда испеченный торт уже остывал, хлопнула входная дверь.

— Твой папа вернулся. — Бев машинально поправила волосы и поспешила навстречу мужу: — Брай, я не ждала тебя раньше... Что случилось?

Брайан, с мертвенно-бледным лицом и покрасневшими глазами, потряхнул головой, словно желая прийти в себя:

— Его убили.

— Что? — Она схватила его за руки. — Кого убили?

— Кеннеди. Роберта Кеннеди. Его застрелили.

— О боже милосердный!

Бев в ужасе глядела на мужа. Она вспомнила, как убили президента Америки, как скорбел потрясенный мир. Теперь настал черед его младшего брата.

— Мы репетировали, готовя новый альбом, — начал Брайан. — Когда Пит сообщил нам об услышанном по радио, никто сначала ему не поверил. Черт возьми, Бев, несколько месяцев назад Кинг, а теперь это. Что происходит в мире?

— Мистер Макавой... — Побелев, Элис застыла на лестнице. — Это правда? Вы уверены?

— Да.

— О, несчастная семья! — Няня вцепилась руками в передник. — Какое горе Для матери.

— Он был хорошим человеком, — выдавил Брайан. — Я знаю, он стал бы следующим президентом, остановил бы эту проклятую войну.

Эмма увидела слезы в глазах отца. Взрослые были слишком поглощены горем и не замечали ее. Девочка не знала человека по имени Кеннеди, но, вероятно, это папин друг, солдат, погибший на

войне, о которой говорил папа. И Эмма страшно огорчилась, что он умер.

— Элис, приготовьте чай, пожалуйста, — сказала Бев, уводя мужа в гостиную.

— Что ждет в этом мире наших детей? Когда они поймут, Бев? Когда они наконец поймут?

Оставив взрослых с их слезами и чаем, Эмма поднялась в детскую, где ее нашли час спустя. Она мурлыкала песенку, которую часто пела Бев, укладывая Даррена спать. Испугавшись, Бев метнулась было к ней, но Брайан схватил жену за руку:

— Нет, им хорошо вместе. Разве ты не видишь?

При виде детей у него полегчало на душе. Эмма заботливо покачивала малыша, болтая ногами, не достающими до пола.

— Он плакал, но теперь ему хорошо. Он улыбнулся мне. — Девочка чмокнула брата в щечку, и тот радостно загукал. — Он любит меня, правда, Дарри?

— Да, он тебя любит.

Опустившись на колени, Брайан обнял своих детей.

— Слава богу, у меня есть вы, — сказал он и протянул руку Бев. — Без вас я, наверное, сошел бы с ума.

Следующие недели Брайан использовал любую возможность, чтобы работать дома, и даже хотел оборудовать здесь студию звукозаписи. Он постоянно думал о войне в Юго-Восточной Азии, его сердце разрывалось от жуткой бойни у него на родине, в Ирландии. Хотя его песни неуклонно поднимались в хит-парадах, прежнего удовлетворения Брайан уже не испытывал.

Как-то Бев предложила ему взять Эмму в студию. Группа как Раз начала запись третьего альбома, который Брайан считал наиболее важным, ибо предстояло доказать, что «Опустошение» не случайная удача, не бледное подражание «Битлз» или «Роллинг стоунз». Он обязан доказать себе, что волшебство музыки, сильно поблекшее за последний год, никуда не делось.

Брайан хотел чего-то оригинального, чтобы их группу невозможно было спутать ни с какой другой. Он отбросил десяток хороших рок-композиций, написанных вместе с Джонно. Это подождет. Несмотря на возражения Пита, остальные члены группы поддержали Брайана. Решали подперчить диск политическими

заявлениями, простецким бунтарским роком и ирландскими народными песнями. Электрогитары и грошковые дудочки.

Приходя в студию, Эмма не догадывалась, что присутствует при творении музыкальной истории. Она лишь проводила время с папой и его друзьями, сидела во вращающемся кресле и пила из бутылки колу.

— Тебе не кажется, что малышке это надоест? — спросил Джонно, наигрывая на электрооргане. Теперь у него было два перстня: на одном мизинце — с бриллиантом и с большим сапфиром — на другом.

— Если мы не сможем развлечь одну маленькую девочку, нам лучше прямо сейчас собирать пожитки, — возразил Брайан, прикрепляя к гитаре ремень. — К тому же я хочу держать ее поближе к себе. Джейн опять подняла шум.

— Сука, — тихо заметил Джонно.

— На этот раз она ничего не добьется, но хлопот не оберешься. — Взглянув на дочь, Брайан убедился, что та поглощена разговором с Чарли. — Ее, как она заявляет, обманом заставили подписать бумаги. Пит уже этим занимается.

— Она просто хочет еще денег.

— От Пита она их не получит. И от меня тоже. Давайте настраиваться.

— Привет, Эмма, — ухмыльнулся Стиви, ткнув ей в живот пальцем. — Ты будешь прослушивать группу?

— Я буду смотреть.

Эмма уставилась на него, очарованная золотым кольцом, которое Стиви теперь носил в ухе.

— Вот и чудесно, перед зрителями у нас всегда получается лучше. Скажи-ка мне, Эмми, — шепнул он ей на ухо. — Правду и ничего, кроме правды. Кто из нас лучше всех?

Это уже стало для них игрой. Зная правила, девочка посмотрела вверх, потом вниз, затем огляделась по сторонам и крикнула:

— Папа!

Стиви с отвращением фыркнул и начал ее щекотать.

— В нашей стране промывать мозги детям противозаконно, — изрек он, подходя к Брайану.

— У ребенка есть вкус.

— Да, совершенно ужасный. — И, достав из футляра свой «Маптин», Стиви любовно провел пальцами по грифу. — С чего начнем?

— С инструментального сопровождения для «Крика души».

Из всей четверки только Стиви вырос в собственном доме с двумя слугами, привык к роскоши, но все быстро ему приедалось. Влюбившись в гитару, он заставил родителей проклясть тот день, когда они подарили сыну инструмент.

В пятнадцать лет он организовал группу «Злые собаки», которая через шесть месяцев распалась из-за непримиримых склок. Не упав духом, Стиви организовал новую группу, потом еще и еще. Талант гитариста привлекал к нему многих, но все искали в Стиви черты лидера, которых он был лишен от рождения.

С Брайаном и Джонно он познакомился на одной из вечеринок в Сохо, которых панически боялись его родители. Его сразу привлекли в Брайане увлечение музыкой, а в Джонно — язвительно-утонченный ум. Он пришел в их группу и с тех пор с облегчением следовал за Брайаном.

Были изматывающие дни, когда они мотались по клубам, упрашивая дать им возможность поиграть. Были опьяняющие дни, когда они писали музыку. Было много женщин, готовых отдаться светловолосому парню с гитарой.

Была Сильви, с которой он познакомился в Амстердаме во время первого турне группы. Милая круглолицая Сильви с ломаными английскими и невинными глазами. Они словно одержимые занимались любовью в грязной комнатухе. Стиви даже намеревался привезти Сильви в Лондон и поселиться с ней в какой-нибудь убогой квартире без горячей воды.

Но девушка забеременела. Он помнил ее бледное лицо и глаза, полные надежды и страха. Он не хотел детей. Господи, ему же всего двадцать, и на первом месте у него должна быть музыка. А если бы родители узнали, что ребенок от голландки, официантки из бара... Унизительно сознавать, но, как бы далеко он ни убежал, сколько бы ни протестовал, для него по-прежнему оставалось важным мнение родителей.

Пит устроил аборт, тихо и дорого. Заплаканная Сильви выполнила просьбу Стиви и после этого ушла из его жизни. Только тут он

осознал, что любил ее сильнее, чем привык считать. Он не хотел о ней думать, гнал от себя воспоминания. Но в последнее время они все чаще начали его угнетать. Вероятно, это связано с Эммой. Он посмотрел на веселую покрасневшую девочку в кресле. Его ребенок был бы примерно того же возраста.

Этот день в студии казался Эмме большим праздником, и она сожалела, что рядом нет Даррена. Видеть, как играют здесь папа и его друзья, намного лучше, чем смотреть на их выступления в концертных залах и на стадионах.

Там она воспринимала группу как одно тело с четырьмя головами, хотя эта воображаемая картинка очень смешила ее. А сегодня они спорили и ругались, смеялись или молча слушали записанное. Она сама развлекала себя, когда они были поглощены работой, съела гору картофельных чипсов, а живот у нее раздулся от колы.

Во время перерыва Эмма сидела на коленях у Пи Эм, колотя по барабанам, она так и задремала с барабанной палочкой в руке, положив голову на верного Чарли. Проснувшись она от голоса отца, поющего балладу о трагической любви.

Девочка была еще слишком мала, чтобы ее тронули слова песни, но их звучание дошло до ее сердца. Позже, слушая эту песню, она каждый раз вспоминала, как проснулась от голоса отца, заполнившего весь мир.

Когда песня кончилась, Эмма забыла, что ей полагалось вести себя тихо, и захлопала в ладоши:

— Папа!

Пит, сидевший в аппаратной, выругался, но Брайан поднял Руку.

— Оставь, — засмеялся он и, когда девочка подбежала к нему, подбросил ее в воздух. — Что скажешь, Эмма? Я только что сделал тебя звездой.

Глава 7

Если вера Брайана в человечество поколебалась в 1968 году, если убийства Мартина Лютера Кинга и Роберта Кеннеди подорвали его веру в справедливость, то летом 1969 года фестиваль в Вудстоке снова возродил ее. Для Брайана фестиваль явился торжеством юности и музыки, любви и братства, олицетворяя надежду на то, что кровопролития, война, беспорядки и разочарования остались в прошлом. Глядя со сцены на людское море, Брайан знал, что ему больше не удастся сделать ничего столь значительного и памятного.

Возможность участвовать в этом празднике и оставить свой след в истории рок-музыки приводила его в восторг, но одновременно печалила и ужасала мысль о безвозвратно уходящем десятилетии. Брайан провел три дня на эмоциональном и творческом подъеме, который подпитывался самой атмосферой фестиваля, а также наркотиками, не менее доступными, чем кукурузные хлопья. Он провел целую ночь в кузове фургона, принадлежавшего группе, готовясь к четырнадцатичасовому марафону. Он сожалел лишь о том, что не смог уговорить Бев поехать вместе с ним. Она снова осталась ждать его в недавно купленном ими в Голливуде особняке. Любовь Брайана к Америке только начиналась, и второе американское турне казалось ему возвращением домой. Это был год рок-фестиваля, феномена, в котором Брайан видел демонстрацию силы рок-культуры.

Он хотел ощутить то восторженное возбуждение, которое испытывал вначале, когда группа, одно целое, подобно электрическому разряду сотрясала музыкальный мир и общественное сознание. Весь прошедший год Брайан чувствовал, что эта энергия и впечатление единства ускользают, как и сами шестидесятые. На фестивале это незабываемое ощущение вернулось.

Когда, оставив позади Вудсток, они сели в самолет, Брайан тотчас уснул. Рядом с ним отключился Стиви, проглотивший несколько таблеток барбитуратов. Джонно играл в покер с ребятами из группы сопровождения. Одинокий Пи Эм уставился в иллюминатор.

Он хотел все запомнить. И его огорчало, что в отличие от Брайана он не мог игнорировать условия, в которых проходил фестиваль: грязь, мусор, отсутствие элементарных удобств. Великий боже, музыка была

великолепна, почти невыносимо великолепна, но часто Пи Эм ощущал, что зрители слишком поглощены собой, чтобы оценить ее.

Тем не менее даже прагматичный и недалекий Пи Эм испытывал чувство единения с сотнями тысяч людей, которые в течение трех дней жили одной семьей. Но кроме этого, были грязь, похотливый секс и злоупотребление наркотиками.

Наркотики пугали Пи Эм, хотя он не признавался в этом даже людям, которых считал братьями. От наркотиков ему становилось плохо, и он принимал их лишь в том случае, когда не было ни малейшей возможности отказаться. Его ужасала та беззаботность, с какой Брайан и Стиви глотали все, что попадалось им в руки, и та легкость, с которой Стиви постоянно колол себе вены.

Джонно был куда разборчивее, но ведь он сильная личность, поэтому никто не думал смеяться над ним, когда он отказывался попробовать «кислинку», «скорость» или «снежок».

Пи Эм сознавал, что не является сильной личностью, он даже не был музыкантом, как остальные. Конечно, он способен посостязаться с любым барабанщиком на фестивале. Он играл хорошо, чертовски хорошо. Но не мог сочинять музыку и стихи, не умел читать ноты. К тому же Пи Эм отнюдь не красавец. Даже сейчас, в двадцать три года, у него были прыщи.

Однако он является частицей одной из самых значительных и известных в мире рок-групп. У него есть друзья, настоящие Друзья, готовые вступить за него. За два года Пи Эм заработал денег больше, чем надеялся заработать за всю жизнь, и он умел с ними обращаться. Его отец владел небольшой авторемонтной мастерской, и Пи Эм разбирался в бухгалтерии. Из всей четверки только он спрашивал Пита о тратах и доходах. И несомненно, был единственным, кто утруждал себя чтением документов, которые они подписывали.

Пи Эм нравилось иметь деньги не только потому, что он посылал домой переводы как доказательство своего успеха в жизни. Ему нравилось ощущать их в карманах. Он, конечно, вырос не в нищете, как Джонно и Брайан, но и не в таком комфорте, как Стиви.

Теперь они летят в Техас на очередной фестиваль. Ему, в общем-то, все равно. Потом будет новое выступление еще в каком-нибудь городе. Все сливалось: дни, месяцы, сцены. Однако Пи Эм не хотел, чтобы это прекратилось, тогда он снова погрузится в неизвестность.

Осенью группа поедет в Калифорнию, в Голливуд. Несколько недель они будут жить среди кинозвезд. А значит, несколько недель Пи Эм будет рядом с Бев. Единственным человеком, которого он любил больше Брайана.

Эмма расставила кубики с буквами. Она ужасно гордилась, что умеет читать и писать, и решила научить этому Даррена.

— Э-м-м-а, — произнесла она, указывая на каждый кубик. — Скажи: «Эмма».

— Ма! — засмеялся Даррен, сгребая все кубики в кучу. — Ма-ма.

— Эм-ма. — Девочка поцеловала малыша и поставила два кубика. — Вот попроще: па-па.

— Па. Па, па, па! — Довольный собой, Даррен вскочил на ножки и засеменял к двери.

— Папы здесь нет, а мама на кухне. Вечером у нас праздник, вечером мы будем отмечать завершение нового альбома. И скоро вернемся в Англию.

Эмма ждала этого с нетерпением, хотя особняк в Америке она любила почти так же, как замок под Лондоном. Больше года вся семья летала туда-сюда через океан с такой же легкостью, с какой обыкновенные люди ездят на другой конец города.

Осенью 1970 года Эмме исполнилось шесть лет, и по настоянию Бев ей наняли домашнего учителя — англичанина. Девочка знала, что в Англии она пойдет в школу. Мысль об этом пугала и радовала ее.

— Когда мы вернемся домой, я много-много выучу, а потом научу тебя. — Эмма составила из кубиков башню. — Смотри, вот твое имя. Самое хорошее имя. Даррен.

— Д, а, з, л, м, н, о, п. — Подскочив к ней, малыш начал рассматривать буквы, потом озорно улыбнулся и махнул рукой. Кубики рассыпались. — Даррен! — закричал он. — Даррен Макавой.

— Это ты произносишь хорошо, да, мой мальчик? — И она стала выводить нечто более сложное.

Он светоч ее жизни, маленький брат с темными волосами, смеющимися глазами цвета морской волны, с лицом херувима Боттичелли и энергией демона. Он все начинал делать раньше срока, указанного в книгах о воспитании детей, которые читала Бев.

Его лицо появлялось на обложках «Ньюсуик», «Фотошлей» и «Роллинг стоунз». Все буквально влюблены в Даррена Макавою. В его

жилах текла кровь ирландских крестьян и английских консерваторов, но он был принцем. Как бы осторожно ни вела себя Бев, журналисты ухитрялись еженедельно доставать новые снимки малыша.

Но поклонники требовали еще и еще. Они присылали ему целые грузовики игрушек, которые Бев регулярно отправляла в больницы и детские дома. Не иссякали предложения о финансовой поддержке от производителей детского питания и одежды, от магазинов игрушек. На все без исключения следовал ее отказ. Несмотря на всеобщее восхищение и поклонение, Даррен оставался счастливым и здоровым карапузом и всюду наслаждался своим двухлетним возрастом. Если бы Даррен узнал о преувеличенном внимании к собственной персоне, он бы радостно согласился, что заслужил его.

— Это замок, — сказала Эмма, составив кубики, — а ты король.

— Король, — захолопал себя по животу малыш.

— Да, король Даррен Первый.

— Первый, — повторил он, ему было известно значение этого слова. — Даррен Первый.

— Ты очень хороший король, не обижаешь животных. — Эмма притянула к себе верного Чарли, а Даррен послушно нагнулся и оставил на собаке влажный поцелуй. Девочка аккуратно расставила кукол и плюшевые игрушки. — Вот твои верные и мужественные рыцари. Это папа и Джонно, Стиви и Пи Эм. А это Пит. Он... э... первый министр. Это прекрасная леди Беверли.

— Мама. — Даррен чмокнул любимую куклу сестры. — Мама красивая.

— Она самая прекрасная женщина на свете. Ее схватила Ужасная ведьма и заперла в башне. — У Эммы промелькнуло смутное воспоминание о матери, но быстро исчезло. — Все рыцари отправились спасать леди Беверли. — Зацокав языком, она подвинула игрушки к куклам. — Только сэр папа смог победить колдовство.

— Сэр папа.

Выражение показалось Даррену таким смешным, что он стал кататься по полу и сломал замок.

— Если ты будешь рушить собственные замки, я сдаюсь.

— Мама. — Даррен крепко обнял сестру за шею. — Моя мама. Поиграем в ферму.

— Хорошо, только сначала мы соберем кубики, а то мисс Уоллингсфорд начнет каркать, что мы непослушные и неряшливые дети.

— Какать. Какать. Какать.

— Даррен, — упрекнула его Эмма, — не говори так. Однако, заметив, что слово насмешило ее, мальчик громко повторил его.

— Что я слышу? — с напускной строгостью поинтересовалась Бев, входя в детскую.

— Он хочет сказать «каркать», — объяснила Эмма.

— Понятно. — Бев протянула руки, и сын бросился к ней. — Это очень важное «р», мой мальчик. А чем вы занимались?

— Мы играли в замок, но Даррену больше нравится его разрушать.

— Даррен-разрушитель.

Бев пощекотала его носом по шее, и малыш залился смехом, обхватив ее ногами, чтобы она подержала его в любимом положении. Вниз головой.

Даже чувство, которое она испытывала к мужу, бледнело в сравнении с любовью к сыну. Даррен возвращал любовь бессознательно, это получалось у него само собой. Поцелуй, улыбка. Всегда в нужное время. Даррен являлся лучшей и самой яркой частью жизни Бев.

— Ну, хватит, помощи сестре убрать кубики.

— Я сама.

— Он должен научиться убирать за собой, Эмма. Как бы нам с тобой ни хотелось делать это за него, — улыбнулась Бев, глядя на смуглого крепыша и нежную светловолосую девочку, которая превратилась в воспитанного ребенка и больше не пряталась в шкафах. Отец дал ей шанс, и Бев надеялась, что тоже помогла девочке стать веселым, жизнерадостным ребенком. Но именно Даррен окончательно перетянул чашу весов. В своей преданности ему Эмма забыла о страхе и робости.

Еще грудным младенцем Даррен быстрее переставал плакать, если его утешала Эмма. Их близость крепла с каждым днем.

Бев очень обрадовалась, когда несколько месяцев назад девочка впервые назвала ее мамой. Теперь она редко думала о ней как о ребенке Джейн, и хотя не могла любить Эмму столь отчаянно, как

Даррена, но любовь, которую она чувствовала к девочке, была ровной и теплой.

Даррену очень нравился производимый кубиками грохот, поэтому он сам бросал их в коробку.

— Д, — сказал он, беря любимую букву. — Дом. день, Даррен!

Швырнув кубик, он остался чрезвычайно доволен, что его буква наделала больше всего шума. Выполнив, по своему разумению, все обязанности, Даррен вскочил на красно-белую лошадку.

— Мы хотели играть в ферму.

Не успела Эмма снять с полки игрушечный набор, как ее брат уже соскочил с лошадки, открыл коробку и стал вытряхивать из нее животных и людей.

— Давайте, давайте, — распевал он, не слишком ловко собирая белый пластмассовый забор.

— Ты можешь с нами поиграть? — спросила Эмма.

У Бев еще миллион дел, скоро приедут гости, и дом будет переполнен. Он, кажется, переполнен всегда, словно муж боится проводить время без многолюдного общества. От чего он бежал, Бев не знала и сомневалась, знает ли сам Брайан. Скорее бы вернуться в Лондон, там все встанет на свои места.

— С удовольствием, — взглянув на детей, своих детей, засмеялась Бев.

Час спустя Брайан увидел, как они распахивают турецкий ковер, превратившийся в кукурузное поле, целым парком тракторов.

— Папа вернулся! — прыгнула на него Эмма, уверенная, что отец поймает ее.

Брайан подбросил ее вверх, чмокнул в щеку, потом обхватил свободной рукой Даррена.

— Ну-ка, покрепче, — сказал он и покачнулся, когда малыш с силой прижался губами к его подбородку. Подхватив обоих детей, Брайан обошел пластмассовый забор и расставленные фигурки. — Снова работаете на ферме?

— Это любимая игра Даррена.

Дождавшись, пока муж усядется, Бев улыбнулась ему. Брайан всегда чувствовал себя лучше всего в семейном кругу.

— Я боялась, ты наступишь на навозную кучу.

— Да? — Он обнял Бев. — Не впервой мне вляпываться в Дерьмо.

— Дерьмо, — повторил мальчик.

— Замечательно, — пробормотала она.

Но Брайан только усмехнулся, пощекотав сына.

— И как у вас идут дела?

— Мы перепахиваем кукурузное поле, так как решили посадить на нем сою.

— Очень мудро. А ты прямо ученый фермер, да, старина? — Брайан ткнул пальцем в живот сына. — Нужно съездить в Ирландию, там ты сможешь прокатиться на настоящем тракторе.

— Давай, давай, — пропел тот свое любимое словечко.

— Даррен не сможет прокатиться на тракторе, пусть еще не много подрастет, — строго заявила Эмма.

— Совершенно верно, — улыбнулась Бев. — Так же как не сможет использовать биту для крикета или кататься на велосипеде.

— Женщины, — сказал Брайан сыну. — Они не разбираются в делах мужчин.

— Какать, — радостно произнес Даррен новое слово.

— Что? — сквозь смех выдавил Брайан.

— Лучше не спрашивай, — быстро предупредила Бев. — Давай разгребем это поскорее и будем пить чай.

— Превосходная мысль. — Вскочив с места, Брайан схватил жену за руку. — Эмма, дорогая, поручаем это тебе. Нам с мамой нужно еще кое-что сделать.

— Брайан...

— Мисс Уоллингсфорд как раз спустилась вниз.

— Брайан, в детской полный беспорядок.

— Эмма позаботится об этом. Она известная чистюля, — говорил тот, ведя Бев в спальню. — К тому же ей нравится.

— Но я... — Она схватила его за руки — он уже начал стаскивать с нее футболку. — Брай, мы не можем заняться этим сейчас. У меня полно дел.

— А это дело в самом начале списка, — прошептал он, закрывая ей рот поцелуем и радуясь, что полупритворное сопротивление прекратилось.

— Оно было в начале списка вчера вечером и сегодня утром.

— Оно всегда в самом начале.

Брайан не уставал поражаться, какое у жены стройное и упругое тело. И это после двух родов. Нет, одних. Он часто забывал, может, умышленно, что не Бев дала жизнь его дочери. Такие вот прикосновения к давно знакомому телу возвращали Брайана к первым ночам, проведенным вместе.

Они далеко ушли от двухкомнатной квартирki с единственной скрипящей кроватью. Теперь у них есть особняки в двух странах, но секс оставался таким же сладострастным и бурным, как в то время, когда у Брайана не было ничего, кроме отчаянных надежд и светлых мечтаний.

Они катались по кровати, и Брайан видел на лице поднявшейся над ним Бев исступленную радость.

Она мало изменилась. Молочно-розовая кожа нежно покраснелась от страсти. Брайан целовал ее грудь вокруг сосков, возбуждаясь от тихих, беспомощных стонов жены.

Рядом с Бев он жаждал красоты. Рядом с Бев он ее обретал. Стиснув бедра жены, он усадил ее на себя, позволяя задать ритм. Отвести его туда, куда она хотела и куда он сам отчаянно стремился попасть.

Бев лениво потянулась, затем, свернувшись клубком, прижалась к нему. Чуть прикрыв глаза, она смотрела, как в окно льется солнечный свет. Ей хотелось думать, что сейчас утро и они могут еще понежиться в постели.

— Не ожидала, что в этот раз мне понравится здесь жить, пока вы записывали альбом. Но все оказалось просто восхитительно.

— Можно ненадолго задержаться. Поживем здесь пару недель, повалеемся, съездим в Диснейленд.

— Даррен уже считает его личным парком.

— Тогда нужно построить ему такой же! — Брайан приподнялся на локте. — Перед тем, как ехать домой, я заглянул к Питу. «Крик души» стал платиновым.

— О, Брай, это чудесно!

— Даже больше. Я был прав. Люди слушают, по-настоящему слушают. «Крик души» стал как бы гимном антивоенного движения. Мы что-то делаем.

Впервые за много дней Брайан не услышал в своем голосе отзвуков отчаяния человека, пытающегося убедить самого себя.

— Мы собираемся выпустить еще один сингл из этого альбома. Наверное, «Потерянную любовь», хотя Пит бормочет о том, что песня недостаточно коммерческая.

— Она такая печальная.

— В том-то все и дело. Я хочу, чтобы она дошла до парламента, до Пентагона, ООН, до всех мест, где самодовольные ублюдки принимают решения. Мы должны что-то сделать, Бев. Раз люди меня слушают, а иначе бы пластинки не занимали высокие позиции на хит-парадах, я должен быть уверен, что могу сказать им что-то важное.

Сидя за столом в апартаментах, снятых им в Лос-Анджелесе, Пит Пейдж обдумывал положение дел. Он тоже радовался Успеху «Крика души», хотя для него это означало лишь то, что Увеличится число продаж. Но ведь за то ему и платили.

Как он и предсказывал три года назад, ребята стали очень богатыми. Но Пит стремился к тому, чтобы они стали еще богаче.

Их музыка — золотое дно. Он понял это сразу, едва прослушав демонстрационную запись группы шесть лет назад. Композиции были не слишком профессиональными, слегка грубоватыми, как раз то, что соответствовало времени. Пит уже сумел устроить солидные контракты двум группам, но его триумфом стало «Опустошение».

Ребята нужны ему. Он нужен им. Пит ездил с ними в турне, сидел в забегаловках, теребил звукорежиссеров, делал все от него зависящее. Результаты превзошли все ожидания. Теперь он хотел большего и для ребят, и для себя.

А группа начинала его беспокоить. В последнее время каждый был слишком занят собой. Джонно постоянно летал в Нью-Йорк, Стиви куда-то пропадал на целые недели, Пи Эм хотя и был на месте, но связался с какой-то честолюбивой второсортной киноактрисой, и это уже выходило за рамки обычного флирта. Брайан по любому поводу делал антивоенные заявления.

Черт возьми, они же группа, и то, что они делали поодиночке, влияло на дела всей команды, то есть на коммерческий успех. После выхода нового альбома ребята даже не хотели говорить о будущих турне.

Однако Пит не собирался безучастно наблюдать, как группа разваливается в середине пути. Такое уже произошло с «Битлз». Вздохнув, он стал думать о том, какими они были прежде и какими стали.

Он с удовольствием смотрел на коллекцию автомобилей Джонно: «Бентли», «Роллс-Ройс», «Феррари». В одном Джонно не откажешь — он умеет наслаждаться деньгами. Пит уже почти не беспокоился, что просочится информация о сексуальных предпочтениях Джонно. С годами он проникся уважением к уму парня, его здравому смыслу и таланту. Нет, за Джонно можно не беспокоиться. Этот человек умеет хранить в тайне свои личные дела.

К тому же публика любит его экстравагантные выходки и бойкий язык.

Стиви злоупотребляет наркотиками. Это, правда, не влияет на качество исполнения. Пока. Но у него слишком часто меняется настроение, причем это сопровождается бурными вспышками гнева. А во время последних записей в студии гитарист был так накачан, что даже Брайан, сам не младенец по части наркотиков, не на шутку встревожился.

Да, за Стиви необходимо приглядывать.

На Пи Эм можно положиться, как на восход солнца. Конечно, Пита иногда забавляло и выводило из себя, что барабанщик досконально изучает каждое слово в контрактах, но мальчик умело вкладывал свои деньги и заслужил его уважение. К тому же приятной, приносящей определенные дивиденды неожиданностью оказался тот факт, что девчонки сходили с ума по его некрасивому лицу. Пи Эм, которого Пит считал когда-то самым слабым звеном, на поверку оказался самым прочным.

Налив себе виски, менеджер откинулся на спинку кожаного кресла и задумался. Брайан, несомненно, является сердцем и душой группы, ее творческой силой и совестью.

Хорошо, что история с Эммой не повредила им. Пит страшно обрадовался, когда она вызвала сочувствие публики и в результате пластинки быстро расходились. Правда, время от времени ему приходилось бороться с Джейн Палмер, но это не сказывалось на популярности группы. Когда-то Пит огорчался, что не может

представить «Опустошение» как четверку холостых парней, однако семейная жизнь Брайана стала настоящим подарком для прессы.

Сожаление вызывали его антивоенные выступления, связь с обществом «Студенты за демократию», открытая поддержка молодых американцев, уклоняющихся от призыва в армию. Вот-вот должен выйти номер «Тайм» с фотографией Брайана на обложке, но лидер группы сделал необдуманные критические заявления по поводу суда над чикагской семеркой.

Пит осознавал могущество прессы, знал, что одно неосторожное слово может настроить против них массы, то есть людей, покупающих пластинки. Несколько лет назад Джон Леннон растревожил улей саркастическим заявлением, что «Битлз» важнее Иисуса Христа. Брайан, кажется, недалек от того, чтобы повторить ту же ошибку.

Разумеется, у него есть право иметь свое политическое мировоззрение, но существует точка, где личные убеждения и общественный успех расходятся. Пристрастие Стиви к наркотикам и идеализм Брайана обязательно приведут к катастрофе.

Есть, конечно, способы избежать ее. Пит уже начал обдумывать некоторые из них. Нужно, чтобы публика видела в Стиви не просто рокера-наркомана, а выдающегося музыканта. Нужно, чтобы в Брайане она видела не только пацифиста, но и преданного отца.

Если правильно сбалансировать эти образы, то пластинки и журналы будут покупать не только молодые люди, но и их родители.

Глава 8

Они провели в Калифорнии еще две недели, целые дни лениво нежась на солнце, занимаясь любовью после обеда, устраивая вечеринки, продолжающиеся до самого утра. По будням ни ездили в Диснейленд, старательно изменив внешность. Фотографы, нанятые Питом, вели себя так ненавязчиво, что Бев никогда их не замечала.

Она решила отказаться от противозачаточных таблеток, и Брайан сочинял песни о любви.

По мере того как близилась пора возвращения в Англию, группа обретала внутренний покой. Однажды все собрались в особняке Брайана на склоне гор.

— Нужно ехать. — Джонно спокойно пропустил свою очередь затянуться травкой. — «Волосы» стали первым значительным мюзиклом нашего поколения. Рок-мюзиклом.

Ему нравилось это выражение, в голове уже крутились мысли о создании чего-то подобного. Джонно надеялся, что в Лондоне они с Брайаном смогут написать мюзикл, который превзойдет «Волосы» и «Томми», недавний успех группы «Ху».

— Можем завалиться на пару дней в Нью-Йорк, — продолжал он, — взглянуть на постановку, развлечься, затем лететь в Лондон.

— Там действительно раздеваются догола? — поинтересовался Стиви.

— Да, сынок. Одно это уже окупает стоимость билета.

— Надо сходить.

Размякший от хорошей компании и травки, Брайан положил голову на колени жены. Ему надоело сидеть на одном месте, поэтому мысль о Нью-Йорке его захватила.

— Мы поедем туда, чтобы слушать музыку и делать заявления.

— Заявления — это по твоей части, — ухмыльнулся Стиви. — Я поеду ради обнаженных птичек.

— Надо поговорить с Питом, чтобы он все устроил. Как ты думаешь, Бев?

Ей не нравился Нью-Йорк, но она видела, что Брайан уже настроился на поездку, и не хотела портить умиротворенное настроение последних недель.

— Здорово. Возможно, мы сводим Даррена и Эмму в зоопарк, погуляем по Центральному парку.

Эмма была в восторге. Она хорошо помнила свою первую поездку в Нью-Йорк, большую кровать в гостиничном номере, восторг от вида с вершины мира, карусель в Центральном парке. Она хотела разделить все это с Дарреном.

Пока Элис Уоллингсфорд собирала вещи в детской, Эмма развлекала брата его любимой игрой в ферму.

— Мумука, — сказал он, выбирая черную в белых пятнах игрушку. — Хочу посмотреть мумуку.

— Вряд ли мы увидим корову, но в зоопарке мы посмотрим на львов. — Эмма зарычала, и малыш завизжал.

— Ты его возбуждаешь, — машинально заметила Элис. — А ему уже пора спать.

Девочка лишь закатила глаза. Даррен в комбинезоне и красных кедах плясал вокруг нее и, чтобы услышать одобрение сестры, неуклюже перекувырнулся.

— Сколько энергии, — произнесла няня, очарованная мальчиком. — Понятия не имею, как мы уложим его в кровать.

— Не убирайте Чарли, — предупредила Эмма, видя, что Элис уже собралась бросить его в коробку. — Он должен лететь на самолете вместе со мной.

— Его нужно хорошенько помыть. Эмма, не клади собаку в детскую кроватку.

— Я люблю Чарли, — заявил Даррен и попробовал выполнить еще один кувырок, но рухнул на детский строительный набор. И не думая плакать, он начал постукивать деревянным молотком по разноцветным кубикам. — Я люблю Чарли, — запел он под собственный аккомпанемент.

— Как бы то ни было, а от собаки уже пахнет. Я не хочу, чтобы у тебя в кроватке заводились бактерии.

— Я люблю бактерии, — улыбнулся Даррен.

— Ты просто невыносим. Сейчас Элис искупает тебя в ванне с пузырьками. Эмма, собери игру, — добавила она, задержавшись в дверях. — Ты вымоешься после Даррена, а потом спустишься вниз и пожелаешь спокойной ночи родителям.

— Да, мэм.

Когда няня ушла, Эмма взяла Чарли и уткнулась лицом в плюш. Ничем от него не пахнет. И она положит его в кровать Даррена, потому что Чарли будет охранять малыша, пока она спит.

— Зачем ты приглашал столько народа? — Бев поправила диванные подушки, сознавая, что это пустая трата времени.

— Мы ведь должны попрощаться со всеми, не так ли? — сказал Брайан, ставя пластинку Джими Хендрикса, так как это напоминало, что музыка умершего мастера продолжает жить. — К тому же в Лондоне мы снова будем много работать. Я хочу Расслабиться, пока это возможно.

— Как можно расслабиться, когда по дому расхаживает сотня гостей?

— Бев, это же наш прощальный вечер.

Она хотела возразить, но тут Элис ввела в комнату детей.

— Вот мой хороший мальчик. — Подбросив сына, Бев чмокнула его и, зная, как Эмма боится самолетов, погладила ее по голове. — Чарли готов к путешествию?

— Он немного волнуется, но со мной ему будет хорошо.

— Конечно. Уже помылись?

Бев хотела заняться этим сама. Она очень любила играть с Дарреном в ванной, проводя намыленной мочалкой по его блестящей коже.

— Все помылись и готовы ко сну, — вставила Элис. — Они зашли пожелать вам спокойной ночи, перед тем как я уложу их.

— Я сама, Элис. Из-за столпотворения в доме я почти не видела сегодня детей.

— Хорошо, мэм. Я закончу укладывать вещи.

— Папа, — застенчиво улыбнулась Эмма, — ты не расскажешь сказку? Пожалуйста.

Брайану хотелось скрутить папироску с доброй травкой и послушать музыку, но он не смог отказать.

Потребовалось две сказки, чтобы у Даррена начали закрываться глаза. Малыш боролся со сном, как обычно боролся с вынужденным бездействием. Он всегда хотел чем-то заниматься, бегать, смеяться, кувыркаться. А больше всего он хотел быть храбрым молодым рыцарем, о котором рассказывал отец, держать сверкающий волшебный меч и поражать драконов.

Зевнув, Даррен устроился поудобнее на груди у матери. Он знал, что Эмма рядом, поэтому уснул счастливым.

Не проснулся он и тогда, когда его переключивали в кроватку. Даррен спал так же, как делал все остальное, — с полной отдачей. Подоткнув голубое одеяло, Бев попыталась не думать о том, что скоро кровать станет для него слишком маленькой.

— Он прекрасен. — Не в силах удержаться, она погладила сына по теплой щеке.

— Когда Даррен спит, трудно поверить, что он способен одной рукой поставить на уши весь дом, — сказал Брайан.

— Он использует обе руки, — засмеялась Бев, обнимая мужа за талию.

— И ноги.

— Я еще не видела человека, который бы так любил жизнь. Глядя на него, я сознаю, что имею все, о чем когда-либо мечтала, и представляю, каким он будет через год, через пять лет. И это хоть как-то скрашивает мысль о том, что стареешь.

— Рок-звезды не стареют. — Впервые Бев услышала в голосе мужа нотку сарказма. Или разочарования. — Они умирают от передозировки наркотиков или отправляются играть в Лас-Вегас в белых костюмах.

— Только не ты, Брай.

— Ага, если я когда-нибудь куплю себе белый костюм с блестками, дай мне пинка под зад.

— С превеликим удовольствием. — Бев погладила его по щеке, словно одного из своих детей. — Пойдем укладывать Эмму.

— Я хочу быть честным по отношению к ним, Бев. По отношению к ним, к тебе.

— Ты все делаешь правильно.

— В этом затраханном мире что-то не так. Раньше я думал, что, если мы чего-то добьемся, чего-то настоящего, люди будут нас слушать. И мы сможем что-то изменить. Теперь не знаю.

— Что случилось, Брай?

— Не знаю. — Он уложил Эмму в кровать, страстно желая ухватить причину своего разочарования. — Пару лет назад, когда у нас только начинало что-то получаться, я думал, что это превосходно.

Вопящие девицы, наши фотографии во всех журналах, наши песни из каждого окна.

— Ты же этого хотел.

— Возможно. Не знаю. Разве кто-то может услышать, что мы пытаемся сказать, если публика вопит от начала до конца концерта? Мы — только предмет потребления, образ, который отполировал Пит, чтобы продавать наши пластинки. Ненавижу это. Иногда мне кажется, что нужно вернуться туда, откуда мы начали: в пивные, где люди нас слушали или танцевали под нашу музыку. Тогда мы могли общаться с ними. — Брайан провел рукой по волосам жены. — По-моему, я в те времена даже не понимал, как нам было здорово. Но вернуться в прошлое невозможно.

— Почему же ты до сих пор молчал? Почему не говорил об этом?

— Я и сам не знал. Дело в том, что я не ощущаю себя больше Брайаном Макавоем. — Как объяснить, что чувства небывалого подъема, сопричастные к великому музыкальному братству, пережитые им в Вудстоке, за этот год заметно потускнели? — Я не знал, как это ужасно, когда нельзя выйти из дома, выпить где-нибудь с ребятами или посидеть на пляже без того, чтобы вокруг не собралась толпа, желающая урвать от тебя кусок.

— Ты можешь отказаться от выступлений и только сочинять музыку.

— Не могу. — Брайан посмотрел на мирно спящую Эмму. — Я Должен записываться, должен выступать. Находясь на сцене или в студии, в глубине души я чувствую, что мне нужно именно это. Но все остальное... иссушает, а я этого не знал. Возможно, дело в том, что Хендрикс и Джоуплин умерли. Такая утрата. Потом распались «Битлз», словно наступил конец чему-то.

— Это не конец. — Бев положила руку ему на плечо, машинально растирая напряженные мышцы. — Просто смена.

— Если мы не прогрессируем, значит, откатываемся назад, разве ты не понимаешь? — Конечно, Бев не может его понять, и он попытался выразить свои чувства по-другому: — Возможно, дело в том, что Пит давит на нас, требует новых турне, уводит Стиви играть с другими музыкантами. Мы больше не четверо единомышленников, играющих от всего сердца. Остались имидж, проклятый маркетинг, налоговые льготы.

Эмма что-то пробормотала во сне, и Брайан сказал:

— Наверное, меня беспокоит, что Эмма пойдет в школу, потом настанет черед Даррена. К ним тоже будут приставать только потому, что я — это я. Не хочу, чтобы у наших детей было такое детство, как у меня, но станет ли им лучше от того, что я приобщил их к чему-то такому, что становится больше нас всех? И прозорливее.

— Ты слишком много думаешь, именно это я люблю в тебе больше всего. С детьми все прекрасно. Достаточно только взглянуть на них. Может, их детство не слишком спокойно, но они счастливы. Мы сделали так, чтобы они всегда были счастливы, росли в безопасности. Кем бы ты ни был, ты — их отец. С остальным мы справимся.

— Я люблю тебя, Бев. Должно быть, мне и правда не стоит тревожиться об этом. У нас все есть.

Брайан привлек жену к себе, уткнулся лицом в ее волосы.

После сигарет с марихуаной неудовлетворенность Брайана исчезла. Дом наполнился людьми, которые понимают его, понимают, чего он хочет, к чему стремится. Музыка была громкой, наркотики — на любой вкус: «снежок», травка, турецкий гашиш, «скорость», «сезам». Голос Дженис Джоплин выворачивал душу. Брайан хотел, чтобы гости вновь и вновь слушали ее композицию «Цепь с ядром». Каким-то образом это помогало ему прочувствовать, что он жив и еще может на что-то повлиять.

Брайан глядел на Стиви, танцующего с рыжей девицей в пурпурной мини-юбке. Парня совершенно не беспокоило, что он стал идолом, плакатом на стене какой-то девчонки. Гитарист беззаботно скакал от одной женщины к другой, не забывая себе голову размышлениями. Конечно, большую часть времени он был накачан наркотиками. Брайан со смешком взял еще одну сигарету, решив, что пора тоже накачаться. Из противоположного конца зала за ним следил Джонно, отдавший предпочтение сигаретам «Голуаз». В последнее время Брайан слишком часто употребляет зелье, но, возможно, только Джонно обращает на это внимание. Похоже, его друг остается самим собой лишь в те моменты, когда они вдвоем сочиняют музыку. Конечно, Брайан потрясен смертью Хендрикса и Джоплин. Это произвело на него почти такое же впечатление, как убийство Кеннеди. Ведь, по идее, люди должны сначала постареть и одряхлеть, а уж

потом умереть. Но хотя Джонно тоже переживал, он не скорбел, как Брайан. Тот всегда чувствовал сильнее, хотел большего.

Джонно перевел взгляд на Стиви, и увиденное ему не понравилось. Кажется, гитарист стремится перетрахать всех женщин континента. Джонно было на это наплевать, хотя он считал, что некоторая разборчивость не помешает. Однако его беспокоили наркотики. Стиви уже терял контроль над собой, превращаясь в накачанного до бесчувствия рокера.

Обернувшись, Джонно увидел барабанщика. Здесь тоже проблема в виде пышной блондинки, прилипшей к бедняге Пи Эм два месяца назад. Судя по всему, тот даже не пытался стряхнуть ее с себя.

Джонно посмотрел на лицо с глазами-сливами, сплошные ноги и сиськи, затянутые в красное платье. Девушка не так проста, как пыталась казаться, и умеет играть ту мелодию, которую хочет слышать Пи Эм. Если они не проследят за своим барабанщиком, она женит его на себе и, конечно, не останется на заднем плане, как Бев. Нет, такая не останется.

Эти трое, каждый по-своему, уничтожали группу. А только она имела для Джонно значение.

Эмма проснулась, чувствуя, как от низких частот ревущих колонок дрожит пол. Некоторое время она лежала, пытаясь по одному ритму узнать песню.

Она привыкла к таким вечеринкам. Папа любил, чтобы вокруг было много людей, музыки, смеха. Когда она подрастет, тоже будет ходить на вечеринки.

Бев всегда убирала дом к прибытию гостей. Конечно, это глупо, утром все равно останется ужасный беспорядок: липкие стаканы, переполненные пепельницы, а на кушетках и стульях Будут лежать перепившиеся гости.

Эмма подумала: как, наверное, хорошо просидеть всю ночь, Разговаривая, слушая музыку, смеясь. И никто не велит тебе ложиться спать или идти мыться.

Вздохнув, девочка перевернулась на спину и тут услышала шаги мисс Уоллингсфорд. Эмма собралась закрыть глаза, но передумала. Возможно, мама и папа пришли взглянуть на нее и Даррена. Тогда она сделает вид, что проснулась, и попросит их рассказать, как идет вечеринка.

Однако шаги удалились. Сев в кровати, девочка прижала к себе Чарли. Ей нужно общество, хотя бы на минуту-другую. Она хотела поговорить о вечеринке, о поездке в Нью-Йорк, узнать, какая песня сейчас звучит. Так она просидела какое-то время, сонный ребенок, освещенный веселым ночником в виде Микки-Мауса.

Эмме вдруг показалось, что она слышит плач Даррена. Выпрямившись, она затаила дыхание. Нет сомнения, это кричит ее брат. Девочка соскользнула с кровати, засунув Чарли под мышку. Она посидит с Дарреном, пока тот не успокоится, и оставит Чарли, чтобы он до утра присматривал за малышом.

К удивлению Эммы, в коридоре было темно, хотя здесь всегда оставляли свет на случай, если ей захочется ночью сходить в туалет. На пороге спальни она на мгновение представила себе тварей, которые затаились в темных углах, и Эмме захотелось остаться в комнате с улыбающимся Микки.

Но тут Даррен зашелся плачем, и она вышла в темный коридор. В углах ничего нет. Совершенно ничего. Ни чудовищ, ни привидений, ни зубастых тварей. Одна темнота.

Внизу пели «Битлз».

Эмма облизнула губы. Пока она добралась до спальни Даррена, ее глаза привыкли к темноте. Дверь оказалась закрытой. Этого тоже не должно быть. Дверь всегда оставляли открытой, чтобы услышать, если Даррен проснется.

Эмма пошла было вперед, но тут же отскочила: ей показалось, что она увидела за стеной какое-то движение. С неистово бьющимся сердцем она вглядывалась в темноту коридора. Тени разрослись неведомыми чудовищами, и девочка покрылась холодным потом.

«Там ничего нет, там ничего нет, — твердила себе Эмма, — а в комнате надрывается Даррен».

Повернув ручку, она толкнула дверь.

«Приходите вместе, — пел Леннон, — приходите ко мне».

В спальне были двое. Один держал кричащего от страха и гнева Даррена, у второго что-то блестело в руке.

— Что вы делаете?

Мужчина обернулся. «Это не врач», — подумала Эмма, увидев шприц. Она узнала человека и поняла, что это не врач. И Даррен не

болен. Второй мужчина выругался, пытаясь удержать вырывающегося Даррена.

— Эмма, — спокойно произнес мужчина, которого она знала, и улыбнулся.

У него была фальшивая, злая улыбка, а в руке он по-прежнему держал шприц. Когда мужчина шагнул к ней, Эмма бросилась прочь, слыша за спиной крик Даррена:

— Мама!

Всклипывая, она понеслась по коридору. Мужчина чуть не схватил ее за край ночной рубашки, но рука, дотронувшись до ее щиколотки, соскользнула вниз. Эмма пронзительно вскрикнула и, добежав до лестницы, начала звать на помощь отца. Тут она запуталась в рубашке и скатилась по лестничному пролету вниз.

На кухне Бев обнаружила заказанные кем-то из гостей пятьдесят пицц. Усмехнувшись, она заглянула в холодильник, чтобы проверить, остался ли еще лед. Американцы используют его в больших количествах. Она бросила кубик в теплое вино и направилась к двери, где ее перехватил Брайан, обнял за талию и поцеловал.

— Привет.

— Привет. — Не выпуская бокал с вином, Бев сплела руки у него на затылке. — Брай, кто эти люди?

— Не имею понятия, — засмеялся он, утыкаясь ей в шею. От запаха ее волос у Брайана наступила эрекция. Двигаясь под ритм песни Леннона, он прижал Бев к себе.

— Не совершить ли нам путешествие наверх, оставив гостям весь дом?

— Грубо и некрасиво, но это лучшие слова, которые я слышу за последние несколько часов.

— Тогда...

Брайан попытался взять жену на руки, оба зашатались, вино пролилось ему на спину, а Бев хихикнула.

И тут он услышал крик Эммы.

Наткнувшись на столик, Брайан чуть не упал, однако сохранил равновесие и бросился к лестнице. Там уже собирались люди.

— Эмма! Боже мой!

Он боялся прикоснуться к ней. Из рта девочки текла кровь, и Брайан вытер ее дрожащими пальцами. Подняв глаза, он увидел море

лиц, расплывающиеся краски, все неузнаваемое.

— Вызовите «Скорую», — выдавил он и снова склонился над Дочерью.

— Не трогайте ее. — Лицо Бев, опустившейся на колени рядом с ним, казалось белее мела. — По-моему, ее нельзя трогать. Принесите одеяло. — Кто-то уже совал ей в руки пестрый афганский плед. — Все будет хорошо, Брай. С ней все будет Прекрасно.

Брайан закрыл глаза, потрянул головой, а когда снова открыл их, Эмма все еще лежала на полу. Было слишком много шума. Он почувствовал у себя на плече руку.

— «Скорая» уже выехала, — сказал Пи Эм. — Держись, Брай.

— Уберите их, — прошептал Брайан и увидел потрясенное лицо Джонно. — Уберите их отсюда.

Джонно начал выпроваживать гостей за дверь. Послышался звук сирены.

— Я поднимусь наверх, — стараясь, чтобы ее голос звучал спокойно, сказала Бев. — Сообщу Элис, посмотрю, как там Даррен. Мы поедem в больницу вместе с девочкой, с ней все будет хорошо. Я уверена, Брайан..

Он лишь кивнул в ответ, уставившись на бледное лицо Эммы. Он не мог ее оставить ни на минуту. Все было похоже на сон, неясный кошмарный сон. Брайан посмотрел на лицо дочери. Нет, все слишком реально.

— Брайан, — Джонно положил ему руку на плечо, — освободи нам место.

— Что?

— Отойди. — Джонно осторожно помог ему встать. — Им нужно взглянуть на нее.

Брайан отрешенно глядел, как врачи склонились над его дочерью.

— Должно быть, она упала с верхней площадки лестницы.

— С ней все будет в порядке. — Джонно беспомощно посмотрел на Пи Эм, и они с двух сторон подступили к Брайану. — Маленькие девочки гораздо крепче, чем кажутся.

— Точно, — отозвался нетвердо стоящий на ногах Стиви, подходя к Брайану и кладя ему руки на плечи. — Наша Эмма не позволит, чтобы какой-то кувырок с лестницы надолго вывел ее из строя.

— Мы поедem в больницу вместе с тобой, — присоединился к ним Пит.

Они следили, как Эмму осторожно уложили на носилки. А наверху закричала Бев... Она кричала и кричала, и ее крик заполнил все уголки дома.

Глава 9

Лу Кессельринг храпел, словно раненый слон. А если перед сном он позволял себе выпить бутылку пива, то храпел, как два раненых слона. Его жена семнадцать лет боролась с этим еженощным явлением, затыкая себе уши. Лу знал, что Мардж любит его. Он гордился своей предусмотрительностью, так как не спал с ней до брака и сохранил в тайне свой маленький секрет. Когда же тайное стало явным, на пальце Мардж уже блестело обручальное кольцо.

Сегодня Лу буквально сотрясал храпом черепицу. Он не спал почти тридцать шесть часов и теперь, когда дело Каларми закрыто, хотел не только насладиться крепким ночным сном, но и пробездельничать все выходные.

Ему снилось, что он возится в саду, подстригает розы, играет с сыном. Они приготовят мясо на открытой жаровне, а Мардж сделает картофельный салат.

Двенадцать часов назад Лу убил человека. Не в первый раз, хотя такое, слава богу, происходило редко. Но когда работа заводила его так далеко, он потом нуждался в чем-то обыденном: в смехе сына, картофельном салате, поджаренном мясе... и еще — чтобы ночью чувствовать рядом тело жены. Лу был полицейским. Хорошим полицейским. За шесть лет работы в отделе расследования убийств он лишь второй раз применил оружие. Подобно большинству своих коллег Лу знал, что их работа состоит из монотонных дней, ходьбы, составления отчетов, телефонных звонков и мгновений, долей секунд ужаса.

Знал он также, что ему суждено еще не раз увидеть и пережить убийства, войны в гетто, поножовщину в трущобах, кровь, грязь.

Но работа ему не снилась. Лу было уже сорок, и никогда, с тех самых пор как в двадцать четыре года он нацепил полицейский значок, Лу не думал дома о работе. Однако иногда она сама напоминала о себе. Когда зазвонил телефон, Лу, оборвав храп, перевернулся и с закрытыми глазами автоматически взял трубку:

- Да. Кессельринг.
- Лейтенант, это Бестер.
- Что тебе нужно, так тебя так?

Лу мог позволить себе выругаться, так как у Мардж заткнуты уши.

— Простите, что разбудил вас, но у нас происшествие. Вы знаете Макавоя, Брайана Макавоя, певца?

— Макавоя? — Лу потер рукой лицо, стараясь проснуться.

— «Опустошение». Рок-группа.

— Да-да. Точно. А в чем дело? Какие-нибудь дети включили музыку слишком громко?

— Кто-то убил его маленького сына. Похоже на неудавшееся похищение.

— Ах черт! — Совершенно проснувшийся, Лу включил свет. — Давай адрес.

Свет разбудил Мардж. Увидев мужа, торопливо царапающего что-то в блокноте, она без единой жалобы поднялась, накинула халат и отправилась варить кофе.

Лу нашел Брайана в больнице. Он видел его несколько раз по телевизору и на снимках в газетах, когда Макавой выступал против войны. Его называли пацифистом. Лу был не слишком высокого мнения о тех, кто накачивался наркотиками, отпускал волосы до задницы и укладывал цветы на перекрестках. Но война ему тоже была не по душе. Он потерял брата в Корее, а мальчишка сестры три месяца назад отправился во Вьетнам.

Однако сейчас Лу занимали не политические взгляды Брайана Макавоя и не его стрижка.

Он некоторое время изучал певца, сидевшего в кресле. Молодой, худощавый, слишком красивый для мужчины, с отрешенно-задумчивым выражением лица — очевидным следствием душевного потрясения. В комнате были другие люди, из многочисленных пепельниц поднимался дымок.

Брайан машинально сунул в рот сигарету, затянулся, выпустил дым.

— Мистер Макавой?

Повторив с размеренностью робота те же движения, Брайан поднял глаза и увидел высокого сухопарого человека с заспанным лицом и темными волосами, зачесанными назад. На мужчине был серый костюм, старомодный галстук, накрахмаленная белая рубашка.

Черные ботинки сверкают, ногти аккуратно подстрижены, на подбородке небольшая ранка от пореза во время бритья.

«Странно, на какие мелочи обращаешь внимание», — подумал Брайан, вновь затягиваясь сигаретой.

— Да.

— Я лейтенант Кессельринг. — Лу достал свой значок, но Брайан продолжал смотреть ему в лицо. — Мне нужно задать вам несколько вопросов.

— Нельзя ли с этим подождать, лейтенант? — осведомился Пит Пейдж, внимательно изучая значок. — Мистер Макавой сейчас не в состоянии отвечать на ваши вопросы.

— Чем скорее мы с этим покончим, тем будет лучше для всех нас. — Убрав значок, Лу сел и положил руки на колени. — Сочувствую вам, мистер Макавой, я не желаю усугублять ваше горе, хочу лишь узнать, кто в ответе за случившееся. Что вы можете рассказать о событиях этой ночи?

— Убили Даррена. Моего мальчика. Его вытащили из кровати и оставили на полу.

Схватив чашку растворимого кофе, Джонно горестно отвернулся, а Лу достал из кармана блокнот и остро отточенный карандаш.

— Вы не знаете, кто-нибудь желал мальчику зла?

— Нет. Все любили Даррена. Он такой живой и веселый... был. — У Брайана запершило в горле, и он оглянулся в поисках своей чашки.

— Я понимаю, как вам трудно. Расскажите о сегодняшнем вечере.

— У нас была вечеринка. Мы должны завтра лететь в Нью-Йорк.

— Я хотел бы получить список приглашенных.

— Не знаю, может, Бев...

Брайан осекся, вспомнив, что жена находится в палате чуть дальше по коридору, напичканная успокоительным.

— Вместе мы, вероятно, сумеем составить достаточно полный список, — вставил Пит. Он попытался выпить еще кофе, но желудок уже отказывался принимать его. — Вы можете быть уверены, что никто из приглашенных такого бы не сделал.

Лу намеревался выяснить это.

— Вы знаете всех гостей, мистер Макавой?

— Вероятно, нет— Опустив локти на колени, тот до боли потер ладонями глаза. Боль приносила ему успокоение. — Друзья, друзья друзей и так далее. Открываешь дверь, и люди заходят в дом.

Лу кивнул. Он вспомнил праздники, которые устраивала Мардж. Списки приглашенных, письма с просьбой непременно ответить, проверка и перепроверка блюд. Торжество по случаю пятнадцатилетия их свадьбы было подготовлено столь же тщательно, как прием на государственном уровне.

— Мы поработаем над списком, — решил Лу. — Вашу дочь зовут Эмма, не так ли?

— Да, Эмма.

— Весь вечер она была наверху?

— Да, она спала. — Его дети, заботливо укрытые, здоровые, окруженные вниманием. — Они оба спали.

— В одной комнате?

— Нет, у них отдельные спальни. Вместе с ними находилась Элис Уоллингфорд, их няня.

— Так. — Лу уже знал, что ее обнаружили связанной, смертельно перепуганной.

— И девочка упала с лестницы?

Рука Брайана судорожно дернулась, кофе полился на пол.

— Я услышал, что она зовет меня. Мы выходили с Бев из кухни. — Брайан вспомнил поцелуй, которым они обменялись перед тем, как раздался крик. — Мы бросились в коридор и увидели девочку на полу у лестницы.

— Я видел, как она падала, — заморгал красными глазами Пи Эм. — Все произошло так быстро.

— Вы сказали, что она закричала, — обернулся к нему Лу. — Она закричала до падения или после?

— Я не... до. Именно поэтому я и посмотрел вверх. Она закричала, потом, наверное, потеряла равновесие.

Лу сделал пометку. Надо будет поговорить с девочкой.

— Надеюсь, она не сильно поранилась?

— Врачи... — Сигарета догорела до фильтра, и, уронив ее в пепельницу, Брайан отхлебнул холодного горького кофе. — Они больше не приходили. Ничего мне не сказали. Я не могу потерять и ее.

У него затряслась рука, и кофе пролился.

— Эмма крепкая. Дети все время падают. — Джонно гневно взглянул на лейтенанта: — Не могли бы вы оставить его в покое?

— Еще несколько вопросов. Мистер Макавой, сына нашла ваша супруга?

— Да. Она поднялась наверх, когда подъехала «Скорая». Она хотела убедиться... хотела убедиться, что малыш не проснулся. Я услышал ее крик и побежал в комнату Даррена. Она сидела на полу, держала его. И кричала. Пришлось что-то ей ввести, чтобы она уснула.

— Мистер Макавой, вам никто не угрожал? Вам лично, вашей жене, детям?

— Нет. Конечно, время от времени приходят какие-то полные ненависти письма, в основном политического характера. Ими занимается Пит.

— Нам бы хотелось посмотреть все, что вы получили за последние шесть месяцев.

— Лейтенант, это целый мешок писем, — сказал Пит.

— Справимся.

Не обращая на них внимания, Брайан вскочил, увидев вошедшего врача, и сумел лишь выдохнуть:

— Эмма?

— Она спит. У нее сотрясение мозга, перелом руки, ушибребер, но никаких повреждений внутренних органов.

— С ней все будет хорошо?!

— Несколько дней за ней надо будет внимательно наблюдать, а пока действительно все хорошо.

И тут Брайан зарыдал. Он не мог плакать, когда увидел безжизненное тело сына, когда у него отняли семью, оставив ждать в комнате с зелеными стенами. А вот теперь он закрыл лицо руками, и горячие слезы потекли сквозь пальцы. Сделав знак врачу, Лу вышел из комнаты.

— Лейтенант Кессельринг. Отдел расследования убийств. — Он снова достал значок. — Когда я смогу поговорить с девочкой?

— Через день, может, через два.

— Мне нужно как можно быстрее расспросить ее. — Лу протянул визитную карточку. — Позвоните мне, как только она сможет говорить. А жена, Беверли Макавой?

— Спит, ей ввели успокоительное. Придет в себя через десять-двенадцать часов. Но и тогда не обещаю, что она сможет говорить или я позволю это.

— Только позвоните. — Л у посмотрел в сторону комнаты ожидания. — У меня тоже есть сын, доктор.

Эмме снился жуткий сон. Она хотела позвать папу, маму, но рот и глаза словно зажали рукой, на нее давила какая-то огромная тяжесть.

Плакал ребенок. Этот плач отражался эхом в комнате, у Эммы в голове, ей показалось, что Даррен проник в ее мозг и кричит, чтобы его выпустили. Она хотела пойти к нему, должна была пойти, но вокруг кровати собрались двухголовые змеи и рычащее твари с черными клыками. Как только она пыталась встать, они сразу бросались на нее, ухмыляясь, шипя, лязгая зубами.

На кровати она в безопасности. Но Даррен зовет ее.

Ей нужна храбрость, чтобы пробежать к двери. Эмма соскочила с кровати, и змеи исчезли, однако пол ожил, зашевелился. Девочка обернулась. Она по-прежнему в своей комнате, на полках аккуратно расставлены игрушки, весело улыбается Микки-Маус. Вдруг его улыбка превратилась в злобную усмешку.

Эмма выбежала в темный коридор.

Там играла музыка. Казалось, тени плясали под нее, слышались какие-то звуки. Тяжелое дыхание, рычание и трение чего-то сухого и скользкого по дереву. Бросившись на крики Даррена, она почувствовала на своих руках горячее дыхание, что-то мерзкое схватило ее за ноги.

Дверь оказалась запертой. Эмма тянула ее, стучала по ней кулаками, а крики брата становились все громче. Вдруг дверь Распахнулась, и Эмма увидела человека без лица. Только блестящие глаза и зубы. Когда человек шагнул к ней, девочка испугалась его больше, чем змей, чудовищ, клыков и когтей. Ослепленная страхом, она °»ежала, а крики Даррена становились все громче.

Потом Эмма вдруг начала падать в темный колодец. Она услышала как будто хруст ветки, попыталась выплеснуть в крике свой ужас, но продолжала падать молча, бесконечно, по-прежнему под раскаты музыки в голове и крики брата.

Наконец девочка проснулась. В комнате было светло, но она не увидела ни кукол на полках, ни самих полок. Одни голые стены.

Наверное, она в гостинице. Эмма пыталась вспомнить, как здесь оказалась, однако ей помешала боль — тупая боль, возникшая, казалось, сразу во всем теле. Девочка застонала и повернула голову.

На стуле, откинув голову, спал отец. Бледное лицо покрыто щетиной, лежащие на коленях руки стиснуты в кулаки.

— Папа...

Брайан мгновенно проснулся и увидел, что дочь смотрит на него огромными испуганными глазами. У него сдавило горло, снова наворачнулись обжигающие слезы, но Брайан переборол их.

— Эмма!

Он сел на край кровати, прижавшись лицом к ее шее. Девочка попыталась обнять его. Тяжесть гипсовой повязки давила на руку, и от этого мгновенно вернулся страх, в голове сухо щелкнуло, опять возникла та же пронзительная боль.

Это был не сон, а раз все произошло в действительности, значит, и остальное...

— Где Даррен?

«Конечно, она спросила о нем в первую очередь», — обреченно подумал Брайан и с силой зажмурился. Как ей ответить? Как сказать то, чего еще не понял и во что еще не поверил сам? Она же ребенок, теперь его единственный ребенок.

— Эмма. — Он поцеловал дочь в щеку, висок, лоб, словно это могло ослабить их общую боль, и взял ее за руку. — Помнишь, я рассказывал тебе про ангелов, которые живут на небе?

— Они летают, играют, поют и никогда не ссорятся друг с другом.

Да, он поступил мудро, сочинив прекрасную сказку.

— Правильно. Иногда некоторые люди превращаются в ангелов. — Брайан прислушался к себе и обнаружил, что католическая вера тяжелым грузом давит на него. — Иногда бог очень любит этих людей, поэтому хочет, чтобы они поднялись к нему на небо. Даррен сейчас стал таким ангелом, он... на небе.

— Нет. — Эмма отпрянула от отца — впервые с тех пор, как три года назад выползла из-под грязного умывальника. — Я не хочу, чтобы он был ангелом.

— И я тоже.

— Скажи богу, чтобы вернул его, — решительно потребовала девочка. — Сейчас же.

— Не могу. — По щекам Брайана потекли слезы. — Он ушел, Эмма.

— Тогда я тоже отправлюсь на небо и буду заботиться о нем.

— Нет. — Страх высушил слезы, пальцы с силой сдавили Эмме плечи. — Нет, ты этого не сделаешь. Ты нужна мне, Эмма. Я не могу вернуть Даррена, но тебя я не отдам.

— Ненавижу бога! — с сухими глазами, переполненная яростью, выкрикнула девочка.

«И я тоже, — подумал Брайан, крепче прижимая ее к себе. — И я тоже».

В ночь убийства в доме Макавоев перебивало больше ста человек. Блокнот лейтенанта заполнился именами, примечаниями, впечатлениями, но это нисколько не приблизило Лу к раскрытию преступления. Окно и дверь в спальне мальчика были открыты, хотя няня твердила, что, уложив ребенка спать, закрыла окно. Даже заперла. Однако следов взлома не было.

Под окном полиция обнаружила отпечатки мужских ботинок, 11-й размер. Однако на земле не видно никаких следов от лестницы, никаких следов веревки на подоконнике.

Няня тоже не в состоянии помочь. Она проснулась, когда почувствовала на лице чью-то руку. Потом ей завязали глаза, воткнули в рот кляп и связали. За две встречи с лейтенантом Элис изменила свои показания по поводу времени происшествия с тридцати минут первого на два часа. Она находилась в конце списка подозреваемых, но тем не менее Лу затребовал сведения о ее прошлом.

Теперь ему предстояло встретиться с Беверли Макавой. Он постоянно откладывал разговор, особенно после изучения снимков маленького Даррена Макавоя, сделанных полицейскими экспертами.

— Постарайтесь как можно быстрее, — сказал врач. — Ей Дали легкое успокоительное, но рассудок ее ясен. Вероятно, Даже слишком ясен.

— Я не причиню ей больших страданий, чем она уже перенесла.

«А можно ли вообще теперь причинить ей большие страдания?» подумал Лу, не в силах избавиться от образа мальчика, стоящего у него перед глазами.

— Я должен поговорить и с девочкой. Она в состоянии отвечать?

— Не знаю, будет ли она говорить с вами. Она еще не сказала и двух слов никому, кроме отца.

Кивнув, Лу шагнул в палату. Хотя глаза сидящей в кровати женщины были открыты, ее взгляд не остановился на лейтенанте. Она казалась очень маленькой и слишком молодой, чтобы иметь ребенка, не говоря уже о том, чтобы потерять его. Рядом сидел Брайан с небритым серым лицом, с распухшими и покрасневшими от горя и слез глазами. Но в его взгляде Лу увидел что-то еще. Ярость.

— Сожалею, что вынужден побеспокоить вас.

— Врач предупредил о вашем приходе. — Брайан не встал, не предложил стул. Только продолжал смотреть перед собой. — Вы знаете, кто это сделал?

— Пока нет. Я хотел бы поговорить с вашей женой.

— Бев, это полицейский, который пытается выяснить, что произошло. Извините, я забыл, как вас зовут.

— Кессельринг. Лейтенант Кессельринг.

— Лейтенанту нужно задать тебе несколько вопросов.

Бев не шелохнулась. Она почти не дышала.

— Бев, пожалуйста.

Возможно, отчаяние в его голосе достигло тех глубин, где пыталась спрятаться Бев. Она прикрыла глаза, всем сердцем жалея, что не умерла, потом взглянула на Лу:

— Что вы хотите узнать?

— Все, что вы можете рассказать о том вечере.

— Мой сын мертв, — безучастно произнесла Бев. — Что еще имеет значение?

— Возможно, рассказанное вами поможет мне установить, кто убил вашего сына, миссис Макавой.

— Это вернет Даррена?

— Нет.

— Я больше ничего не чувствую. — Она смотрела на Лу большими усталыми глазами. — Ни ног, ни рук, ни головы. Когда я пытаюсь чувствовать, мне становится больно. Поэтому лучше не пробовать, не так ли?

— Наверное, какое-то время так будет лучше. — Кессельринг подвинул к кровати стул. — Расскажите мне о событиях того вечера.

Откинув голову, Бев уставилась в потолок. Монотонное описание вечеринки совпало с показаниями ее мужа и других свидетелей. Знакомые, незнакомые лица, входящие, уходящие люди. Кто-то позвонил по внутреннему телефону на кухню и заказал пиццу.

Это было что-то новое. Лу записал.

Бев разговаривала с мужем и услышала крик Эммы, они нашли ее внизу у лестницы.

— Вокруг толпились люди, — невнятно говорила Бев. — Кто-то вызвал «Скорую». Мы боялись трогать Эмму. Затем послышалась сирена. Я хотела ехать в больницу вместе с ней и Брайаном, но сначала решила взглянуть на Даррена и разбудить Элис, сказать ей, что произошло.

Я задержалась, чтобы захватить платье Эммы. Не знаю для чего, просто подумала, что оно может ей пригодиться. Я вышла в коридор. Встревожилась, так как свет не горел. Мы всегда оставляем в коридоре свет из-за Эммы. Она боится темноты. А Даррен нет, — едва заметно улыбнулась Бев. — Он никогда ничего не боялся. Мы оставляем свет в его комнате потому, что так удобнее нам самим. По ночам он довольно часто просыпается. Он любит общество. — Голос у Бев задрожал, и она поднесла руку к лицу. — Он не любит оставаться один.

— Знаю, как вам тяжело, миссис Макавой. — Но эта женщина была первой на месте преступления, это она обнаружила тело и трогала его. — Мне нужно знать, что вы увидели, когда вошли в комнату.

— Я увидела там малыша. — Бев стряхнула руку мужа, она теперь не выносила прикосновений. — Он лежал на полу, возле кровати. Я подумала: «О боже, он попытался вылезти и упал». Он неподвижно лежал на голубом коврике, лица не было видно. Я подняла его, но он не просыпался. Я трясла его, кричала, но он не просыпался.

— Вы встретили кого-нибудь наверху, миссис Макавой?

— Нет. Там никого не было. Только малыш, мой малыш. Его забрали и не позволяют мне посмотреть на него. Брайан, во имя всего святого, почему мне его не возвращают?

— Миссис Макавой, — сказал Лу, вставая, — я сделаю все возможное, чтобы узнать, кто это сделал. Обещаю вам.

— Какое это имеет значение? — беззвучно заплакала Бев. — Какое это может иметь значение?

«Имеет, — подумал Лу, выходя в коридор. — Должно иметь».

Эмма пристально оглядела лейтенанта, и тому стало не по себе. Впервые ребенок заставил Кессельринга с тревогой осмотреть рубашку в поисках пятен.

— Я видела полицейских по телику, — сказала девочка, когда он представился. — Они стреляют в людей.

— Иногда, — ответил лейтенант, хватаясь за подвернувшуюся тему для разговора. — Тебе нравится смотреть телевизор?

— Да. Больше всего нам с Дарреном нравится «Маппет-шоу».

— А кто тебе нравится больше, Кермит или Большая Птица?

— Оскар, он такой грубый, — слабо улыбнулась Эмма.

Воспользовавшись удачей, Лу опустил боковую защитную сетку, и Эмма не возражала, когда он сел на край постели.

— Я давно не смотрел «Маппет-шоу». Оскар по-прежнему живет в мусорном баке?

— Да. И кричит на всех.

— Наверное, от крика иногда чувствуешь себя лучше. Ты знаешь, почему я здесь, Эмма? — Та молчала, лишь крепче прижала к груди старую плюшевую собаку. — Мне нужно поговорить с тобой о Даррене.

— Папа говорит, что он теперь ангел на небе.

— Так и есть.

— Нечестно, что он ушел. Даже не попрощался.

— Он не мог.

Эмма поняла. Ведь в глубине души она знала, что происходит, когда люди становятся ангелами.

— Папа сказал, его призвал бог, но я считаю это ошибкой. Богу следует отослать Даррена обратно.

Лу провел рукой по волосам девочки, тронутый ее упрямой логикой не меньше, чем горем матери.

— Да, это ужасная ошибка, но бог не может отослать его назад.

Эмма надула губы. Но девочка не капризничала, она бросала вызов:

— Бог может сделать все, если захочет. Лу неуверенно вступил на зыбкую почву:

— Не всегда. Частенько люди делают такое, что бог оказывается в затруднительном положении. Ты сможешь мне узнать, как произошла

эта ошибка? Расскажи о той ночи, когда ты упала с лестницы.

— Я сломала руку, — сказала она, уставившись на Чарли.

— Знаю, мне очень жаль тебя. У меня есть сынишка, ему почти одиннадцать. Он сломал руку, пытаясь кататься на роликовых коньках по крыше.

На Эмму это произвело впечатление, и она заинтересованно взглянула на лейтенанта:

— Правда?

— Да. И еще разбил себе нос. Скатился с крыши прямо в кусты азалии.

— Как его зовут?

— Майкл.

Эмме захотелось встретиться с ним и спросить, каково падать с крыши. Это очень смелый поступок. Такой совершил бы и Даррен. И она снова прижала к себе Чарли.

— Даррену исполнилось бы в феврале три года.

— Знаю.

Лу взял девочку за руку.

— Я любила его больше всех на свете, — просто сказала она. — Он умер?

— Да, Эмма.

— И он не может вернуться, хотя произошла ошибка?

— Не может. Мне очень жаль.

Эмма должна была спросить его. Папа бы заплакал и, наверное, не сказал бы ей правду. А мужчина со светлыми глазами и тихим голосом плакать не будет.

— Виновата я? — с отчаянием спросила она.

— Почему?

— Я убежала. Не уберегла его, хотя обещала, что всегда буду заботиться о нем.

— От чего ты убежала?

— От чудовищ, — без колебаний ответила Эмма, вспомнив кошмарный сон. — Там были чудовища и твари с большими зубами.

— Где?

— Вокруг кровати. Они всегда прячутся в темноте и любят есть маленьких девочек.

— Понятно. — Лу достал записную книжку. — Кто тебе сказал?

— Моя мама. Она была до Бев. Бев говорит, что никаких чудовищ нет, но она просто их не видит.

— А ты их видела в ту ночь, когда упала?

— Они хотели помешать мне прийти к Даррену, когда тот заплакал.

— Даррен плакал?

— Я услышала плач. Иногда Даррен просыпается ночью, но опять засыпает, когда я поговорю с ним и приведу к нему Чарли.

— Кто такой Чарли?

— Мой пес. — Она протянула ему собаку.

— Очень симпатичный, — сказал Лу, потрепав пыльную голову. — Ты приводила Чарли к Даррену в ту ночь?

— Я собиралась. Взяла песика с собой, чтобы он отпугнул чудовищ. В коридоре было темно, и там они прятались.

Лу стиснул карандаш.

— Кто?

— Чудовища. Я слышала, как они шипели и скрежетали зубами. Даррен громко плакал. Я была нужна ему.

— Ты зашла в комнату?

Девочка покачала головой. Она увидела себя стоящей в темноте коридора среди шипения и клацанья.

— Я остановилась у двери, из-под нее пробивался свет. Чудовища схватили его.

— Ты видела их?

— В комнате Даррена было два чудовища.

— Ты видела их лица?

— У них не было лиц. Одно крепко сжимало Даррена, тот плакал, звал меня, а я убежала, оставив его с чудовищами. И они убили Даррена. Потому что я убежала.

— Нет. — Лу прижал девочку к себе, давая ей поплакать и глядя ее по голове. — Нет, ты ведь побежала за помощью, да, Эмма?

— Я хотела, чтобы пришел мой папа.

— Ты поступила совершенно правильно. Это были не чудовища, а плохие люди. Ты не могла их остановить.

— Я обещала, что буду заботиться о Даррене, никогда не допущу, чтобы с ним что-то случилось.

— Ты старалась выполнить свое обещание. Никто не винит тебя, детка.

«Неправда», — подумала Эмма. Она винит себя. И всегда будет винить.

Лу возвратился домой в полночь. Он провел долгие часы за столом, перечитывая каждую запись, изучая каждую крупницу информации. Он слишком долго был копом и знал, что главное в его работе — объективность. Но убийство Даррена Макавоя стало его личным делом. Он не мог забыть черно-белую фотографию мальчика, почти младенца. Эта картина запечатлелась у него в мозгу. Как и детская спальня. Бело-голубые стены, разбросанные, еще не упакованные игрушки, комбинезончик, аккуратно сложенный на кресле, под ним стоптанные шлепанцы.

И шприц, наполненный феноталом, в нескольких футах от кровати.

Им не воспользовались, не смогли воткнуть малышу в вену, чтобы усыпить его. Собирались вынести его через окно? Должен ли был прозвенеть у Брайана Макавоя телефонный звонок с требованием денег за возвращение сына?

Теперь не будет никаких звонков, никакого выкупа.

Потирая уставшие глаза, Лу стал подниматься по лестнице. Любители. «Сапожники». Убийцы. Где, черт возьми, они теперь? Кто они такие?

Какое это имеет значение ?

Имеет. Лу сжал кулаки. Правосудие имеет значение.

Дверь в комнату Майкла была открыта. В слабом ночном свете Лу увидел полный разгром: валявшиеся игрушки, разбросанная по полу, на кровати скомканная одежда. Беззаботная неряшливость Майкла была для него загадкой. Они с Мардж отличались природной опрятностью и собранностью, а сын походил на смерч, носящийся повсюду, оставляющий за собой разгром и беспорядок.

В любой другой день Лу вздохнул бы и принялся обдумывать утреннее нравоучение, но сегодня у него лишь навернулись слезы благодарности. Его мальчик в безопасности. Обходя раскиданные вещи, Лу добрался до кровати, но, чтобы сесть, ему пришлось разгрести пробку на детской железной дороге. Майкл спал на животе, раскинув руки и сбив одеяло.

Минут десять Лу сидел, изучая ребенка, которого сделали они с Мардж. Темные густые волосы, унаследованные от матери, падали мальчику на лицо.

Загорелая кожа еще не утратила своей детской свежести, нос с горбинкой придавал характер лицу, которое без этого могло бы стать слишком красивым для юноши. Упругое тело, начинающее мужать, украшали синяки и царапины.

После шести лет и двух выкидышей им с Мардж удалось наконец создать новую жизнь. И какую! Майкл был умнее и красивее родителей.

Лу вспомнил лицо Брайана Макавоя. Боль, застывшее страдание, беспомощность.

Он провел рукой по щеке сына, и тот шевельнулся.

— Папа? — не открывая глаз, сонно спросил он.

— Да. Я хотел пожелать тебе спокойной ночи. Спи.

Зевнув, Майкл повернулся, и вагончики посыпались на пол.

— Я не хотел его ломать, — пробормотал он. Улыбнувшись, Лу прижал руку к глазам. Ему не хотелось выяснять, о чем говорил сын. Главное — он был с ними, живой, здоровый, и у него впереди была вся жизнь.

— Майкл, я люблю тебя.

Но сын уже крепко спал.

Глава 10

Ветер с Атлантики шелестел высокой травой, и Эмма вслушивалась в его таинственные песни. Сквозь эту музыку пробился тихий голос священника.

Он был высокий, краснолицый, а его белоснежные волосы резко контрастировали с черной сутаной. Хотя голос священника обладал той же завораживающей ирландской певучестью, что и голос отца, Эмма почти не понимала слов. И не хотела понимать. Она предпочитала слушать песню травы и мычание стада, пасущегося на холме за кладбищем.

Даррен теперь имел свой участок земли в Ирландии, хотя ему больше не суждено покататься на тракторе и погонять ленивых пятнистых коров.

Место было очень красивое, с такой зеленой травой, что она казалась нарисованной. Эмма навсегда запомнила изумрудную траву, запах свежевскопанной земли, ласкающий лицо ветерок с моря, настолько влажный, что он вполне мог быть слезами.

Неподалеку стояла церковь — небольшая каменная постройка с белой колокольной и маленькими оконцами из цветного стекла. Сначала все зашли внутрь, чтобы помолиться, а потом сверкающий гробик вынесли на улицу. В церкви сильно пахло цветами и ладаном, горели свечи, хотя сквозь окошки разноцветными струйками лился солнечный свет.

Там были раскрашенные статуи людей в длинных одеждах и мужчины, истекающего кровью на кресте. Папа сказал, это Иисус, который будет заботиться о Даррене на небе, но Эмма решила, что такой печальный, усталый человек не сможет присматривать за Дарреном и играть с ним.

Бев ничего не говорила, она стояла неподвижно, с белым застывшим лицом. Стиви опять играл на гитаре, как и во время свадьбы, но на этот раз он был одет в черное, а мелодия звучала тихо и печально.

Эмме не понравилось в церкви, поэтому она обрадовалась, когда все вышли на улицу. Джонно и Пи Эм с красными от слез глазами несли гроб вместе с четырьмя другими мужчинами, которые оказались

двоюродными братьями Эммы. Девочка недоумевала, зачем столько человек несут Даррена, который был совсем нетяжелым. Но спросить побоялась.

В качестве утешения Эмма посмотрела на коров, влажную ярко-зеленую траву и птиц над головой.

Даррену понравилась бы ферма. Как нечестно, что он не может стоять рядом с ней, готовый засмеяться, побежать наперегонки.

Он не должен быть в этом ящике, не должен быть ангелом, несмотря на крылья и музыку. Если бы Эмма была сильной и храброй, если бы выполнила свое обещание, с Дарреном ничего бы не произошло. Это она должна лежать в этом ящике, вдруг поняла Эмма, чувствуя, как по ее лицу побежали слезы. Она допустила, чтобы с Дарреном случилась беда. Она не защитила его от чудовищ.

Джонно взял рыдающую девочку на руки, стал покачивать, и это успокоило Эмму. Положив голову ему на плечо, она слушала, как Джонно говорил вместе со священником:

— Господь пастырь мой, я не пожелаю...

А вот она хотела. Хотела увидеть живого Даррена. Заморгав, чтобы снова не заплакать, Эмма попыталась смотреть на траву и услышала голос отца, хриплый от горя:

— ...пройдя через долину теней смерти, я не испугаюсь зла... «Но зло тут! — захотела крикнуть Эмма. — И оно убило Даррена. И у зла не было лица».

Она взглянула на птицу, взмывшую в небо, проводила ее глазами и на вершине соседнего холма увидела человека. Он спокойно глядел на могилу, на их горе и молча фотографировал происходящее.

Он никогда не будет прежним.

Брайан медленно, но упорно напивался, прикладываясь к бутылке ирландского виски. Ничто не будет прежним. Но алкоголь не облегчал боль, она лишь уходила вглубь.

Он даже не мог утешить Бев. Видит бог, он пытался, хотел утешить ее, хотел, чтобы она утешила его. Но Бев превратилась в бледную молчаливую женщину, стоявшую рядом с ним, когда их ребенка опускали в могилу. Она полностью ушла в себя, отгородилась от внешнего мира, и ничто больше ее не трогало.

Она ему нужна, черт побери. Нужен человек, который сказал бы ему, что есть объяснение случившемуся, есть надежда, даже сейчас, в

черные дни жизни. Поэтому он привез Даррена в Ирландию, поэтому настоял на службе, молитвах, отпевании. Однако ни знакомые слова, ни запахи, ни то, что священник выполнил все согласно Писанию, не облегчили боль.

Брайан больше никогда не возьмет сына на руки, не увидит, каким тот вырастет. А болтовня о вечной жизни не имеет значения, раз он не может прикоснуться к своему мальчику.

Если утешения нет, надо учиться жить с горем. В кухне еще пахло пирогами и отлично прожаренным мясом, хотя родственники давно разъехались. Он должен чувствовать признательность. Ведь они хотели быть рядом с ним, приготовить еду, погоревать о смерти мальчика, которого большинство из них ни Разу не видели.

Брайан отдалился от семьи, так как у него появилась собственная семья. А теперь то, что от нее осталось, спало наверху. Даррен спал в нескольких милях отсюда, рядом с бабушкой, которую никогда не видел.

Брайан залпом осушил стакан и, намереваясь полностью забыться, снова наполнил его.

— Сын?

Подняв взгляд, Брайан увидел мнущегося в дверях отца и чуть не засмеялся. Они поменялись ролями. Было время, когда мальчишка крался через кухню, где сидел, напиваясь до бесчувствия, его отец.

— Да.

— Тебе нужно бы поспать.

Глаза старика задержались на бутылке. Не говоря ни слова, Брайан протянул ее отцу. У пятидесятилетнего Лиам Макавой было круглое, в склеротических прожилках лицо, голубых, как у сына, мечтательные глаза и светлые, теперь поседевшие и поредевшие волосы. Он стал худым, даже костлявым и уже не казался Брайану, как в детстве, большим, сильным человеком. Увидев протянутую к бутылке руку отца, Брайан невольно вздрогнул. Она была так похожа на его собственную: изящная, с длинными пальцами. Почему он раньше этого не замечал?

— Хорошие похороны, — сказал Лиам. — Твоя мать будет рада, что малыша привезли сюда и положили рядом с ней.

Налив себе виски, он жадно выпил. За окном начался мягкий ирландский дождь. Они никогда раньше не пили вместе и, может, в

конце концов найдут что-то общее. За бутылкой.

— Фермерский дождь, — начал Лиам. — Он напоит землю. Фермерский дождь. Его сын мечтал стать фермером. Неужели к Даррену перешло от деда так много?

— Я не хотел, чтобы он был один. Я подумал, что ему нужно вернуться в Ирландию, к родным.

— Это правильно.

Брайан закурил и толкнул пачку к отцу. Разве они говорили когда-нибудь наедине? Если да, то Брайан не помнил.

— Такого не должно было случиться.

— В этом мире происходит много такого, чего не должно происходить. — Лиам зажег сигарету и взял стакан. — Того ублюдка поймают, мой мальчик. Поймают.

— Прошла уже неделя. — Она казалась Брайану долгими годами. — А результатов никаких.

— Поймают, — настаивал Лиам. — И проклятые ублюдки будут гореть в аду. Тогда бедный мальчуган обретет покой.

Брайан сейчас не хотел думать о мести. Не хотел думать о том, что его дорогой малыш обрел покой в земле.

— Почему ты ни разу не приехал? — спросил он. — Я посылаю тебе билеты на свадьбу, на рождение Даррена, на дни рождения Эммы. Господи, ты даже не видел его. Почему ты не приезжал?

— Хозяйствовать на ферме — тяжелая работа, — ответил между глотками Лиам. Его всегда переполняли обиды, и одна сразу цеплялась за другую. — Не могу бездельничать по твоему желанию.

— Ни разу. — Брайану вдруг показалось, что он нашел ответ. — Ты мог бы отправить маму. Пока она была жива, мог бы отпустить ее.

— Место женщины — рядом с мужем. Хорошенько запомни это, мой мальчик.

— Ты всегда был эгоистичным ублюдком.

Рука отца, на удивление сильная, прижала руку Брайана к столу.

— Следи за своим языком.

— На этот раз я не убегу и не спрячусь, отец, — с готовностью ответил Брайан. Он наслаждался бы дракой прямо здесь, прямо сейчас.

Медленно убрав руку, Лиам взял стакан.

— Не стану бодаться с тобой сегодня. В день, когда обрел успокоение мой внук.

— Он не твой. Ты ни разу не видел его живым, тебе было на все наплевать. Ты просто сдавал в кассу билеты, которые я присылал, чтобы купить виски.

— А где был ты? Где был ты, когда умерла твоя мать? Где-то шлялся, играл свою проклятую музыку.

— Эта проклятая музыка дала тебе крышу над головой.

— Папа. — В дверях стояла испуганная Эмма, прижимая к себе Чарли. Услышав сердитые голоса, почувствовав запах спиртного, она решила не заходить в комнату.

— Эмма, что ты делаешь внизу? — Нетвердыми шагами Брайан подошел к дочери и взял ее на руки, следя за тем, чтобы не задеть гипс.

— Мне приснился плохой сон. Змеи вернулись, чудовища тоже.

Она продолжала слышать крики Даррена.

— Трудно уснуть в незнакомом месте, — поднялся Лиам и нежно потрепал девочку по голове. — Дедушка угостит тебя молоком.

Эмма фыркнула, когда тот достал старую обколотую кастрюлю.

— Можно, я останусь с тобой? — спросила девочка отца.

— Конечно. — Брайан отнес ее к стулу и посадил к себе на колени.

— Я проснулась, а тебя нет.

— Я здесь, Эмма, — сказал он, глядя на Лиаму. — Я всегда буду с тобой.

«Даже тут, — подумал Лу, — даже в такое время». Он изучал нечеткие снимки похорон Даррена Макавоя, опубликованные в газете, купленной у кассы супермаркета, куда его послала за хлебом Мардж. Как и все, связанное с Макавоями, газета привлекла его внимание. Уединившись дома, Лу ощущал себя человеком, вторгшимся в чужие тайны и чужое горе. Оно было на лицах всех присутствующих. Хотя снимки оказались нечеткими, лейтенант разглядел девочку с перевязанной рукой.

Что видела Эмма, что запомнила? Врачи, с которыми он консультировался, уверяли, что если девочка и стала свидетелем преступления, то заблокировала свою память. Может, она вспомнит завтра, через пять лет, возможно, никогда.

«ОПУСТОШЕНИЕ» У МОГИЛЫ»

Десятки заголовков. У лейтенанта их уже целый ящик в письменном столе.

«ВЫДАЛИ ЭММА СВИДЕТЕЛЬНИЦЕЙ УЖАСНОЙ СМЕРТИ БРАТА?»

«РЕБЕНОК ЗВЕРСКИ УБИТ ВО ВРЕМЯ ОРГИИ РОДИТЕЛЕЙ»

«РИТУАЛЬНОЕ УБИЙСТВО СЫНА РОК-МУЗЫКАНТА: ОТВЕТСТВЕННЫ ЛИ ЗА ЭТО ПОСЛЕДОВАТЕЛИ МЭНСОНА?»

Грязь. Одна грязь. Смог ли Пит Пейдж оградить Макавоев от худшей части всего этого? Лу с отчаянием положил голову на руки и стал разглядывать снимок.

Теперь он занимался работой, и дома, причем переполненный жаждой мести. Досье, фотографии, записи создавали беспорядок на его столе в углу опрятной гостиной Мардж. Хотя под началом Лу работали хорошие специалисты, он все перепроверял сам, лично изучал материалы следствия, неоднократно обшаривал спальню Даррена.

После убийства прошло больше двух недель, а Лу все еще не добился никаких результатов.

Для любителей преступники, несомненно, хорошо замели следы. А в том, что они были именно любителями, Лу не сомневался. Профессионалы не задушили бы ребенка, за которого можно получить миллионный выкуп, не стали бы делать и жалких попыток создать видимость проникновения в дом извне.

Преступники находились в доме. Но это не означает, что их имена попали в составленный Пейджем список. В тот вечер половина Южной Калифорнии могла зайти в особняк, и всем дали бы выпить, угостили сигаретой с марихуаной или другим наркотиком, которых было предостаточно. В спальне мальчика не обнаружено никаких отпечатков пальцев, даже на шприце. Только отпечатки Макавоев и няни. Похоже, Беверли Макавой великолепная хозяйка. На первом этаже царил беспорядок, естественный для подобной вечеринки, но второй этаж, этаж семьи, был чисто убран. Ни отпечатков, ни пыли, ни следов борьбы. А борьба происходила, в какой-то момент рука зажала Даррену Макавою рот и, возможно случайно, нос.

Произошло это после того, как Эмма услышала крик брата (если она действительно его слышала), но до того момента, когда Беверли Макавой поднялась вверх к сыну.

Сколько прошло времени? Пять, десять минут? Не больше. Согласно медицинскому заключению Даррен Макавой умер между двумя и двумя тридцатью ночами. Звонок в «Скорую» по поводу Эммы зарегистрирован в два семнадцать.

«Нет, — подумал Лу, — ничего это не дает. Ни сопоставление времени, ни кипы протоколов в папках». Ему требуется найти хоть какую-нибудь мелочь, оказавшуюся не на своем месте, одно имя, одно показание, не стыкующееся с остальными.

Ему требуется найти убийцу Даррена Макавой. Если он этого не сделает, его до конца жизни будет мучить лицо мальчика и полный отчаяния вопрос сестры: «Виновата я?»

— Папа?

Лу подскочил. Обернувшись, он увидел сына, перекидывающего из руки в руку футбольный мяч.

— Майкл, не подкрадывайся ко мне вот так.

— Я вовсе не крался.

Когда отец снова отвернулся, Майкл закатил глаза. Если он хлопает дверью и ходит по дому как нормальный человек, значит, он шумит. Если пытается вести себя тихо, значит, подкрадывается. Как тут жить?!

— Папа, — снова позвал он.

— Гм-м?

— Ты говорил, что сегодня после обеда попасуешь мне.

— Когда закончу работу, Майкл.

Последние несколько недель эта фраза отца стала уже привычной.

— Когда ты закончишь работу?

— Не знаю, но я закончу ее быстрее, если ты не будешь мешать.

«Черт, — подумал Майкл, — теперь больше ни у кого ни на что не хватает времени. Один лучший друг уехал к полоумной бабке, второй лучший друг подхватил грипп. Какой толк в субботу, если слоняешься тут как дурак?»

Можно по совету отца полюбоваться рождественской елкой, взглянуть на сложенные под ней подарки. Майкл достал один со своим именем, завернутый в бумагу с пляшущими глуповатыми гномами, осторожно встряхнул и удовлетворенно улыбнулся.

Он хотел получить радиоуправляемый самолет. Это желание стояло первым в рождественском списке и трижды подчеркнуто.

Чтобы мама с папой знали о серьезности его желания. Майкл не сомневался, что в коробке именно самолет.

Он положил ее на место. Пройдет еще много дней, прежде чем можно будет вынести самолет на улицу и заставить его делать фигуры высшего пилотажа.

А Майклу нужно что-нибудь сейчас.

С кухни доносились вкусные запахи, но, если он зайдет туда, мама попросит его раскатывать тесто и украшать имбирных человечков. Девчачье занятие.

Как он может стать разыгрывающим в «Лос-анджелесских быках», если никто не будет пасовать ему этот дурацкий мяч?

Ну что интересного в кипе бумажек и фотографий? Вернувшись к письменному столу отца, Майкл провел языком по дыре в десне, где еще недавно сидел зуб, который он выбил, катаясь на велосипеде. Ему нравилось, что его отец — полицейский, и он постоянно хвастался перед друзьями, как тот стреляет от бедра не целясь, ловит ненормальных вроде Чарли Мэнсона, которых ждет пожизненное заключение. Было бы очень печально рассказывать друзьям, что отец целыми днями печатает на машинке отчеты и читает досье. Словно библиотекарь.

Майкл встал за его спиной. Если он будет назойлив, как муха, отец отложит свои бумаги и выйдет на улицу. Но тут его взгляд упал на снимок Даррена Макавоя.

— Бо-оже, мертвый ребенок?

— Майкл! — Лу сердито обернулся, но, увидев испуганные глаза сына, положил руку ему на плечо: — Да.

— Ого! Что случилось? Он заболел или что?

— Нет. — Почувствует ли он себя виноватым, если воспользуется смертью одного ребенка как уроком для другого? — Его убили.

— Он же совсем маленький. Таких не должны убивать

Глядя на полицейский снимок, Майкл впервые за свои бурные одиннадцать лет думал о смерти.

— Почему? — спросил он.

Лу говорил Эмме, что чудовищ нет, но чем больше он смотрел на мертвого Даррена, тем больше убеждался в их существовании.

— Не знаю, пытаюсь выяснить. Это моя работа.

— И как ты выясняешь?

— Разговариваю с людьми, изучаю улики, думаю.

— Скучная работа.

— По большей части так и есть.

Майкл порадовался, что решил стать астронавтом. Оторвавшись от фотографии, он заметил бульварную газетенку. У мальчика был острый ум, и он мгновенно все сопоставил.

— Это же мальчик Брайана Макавоя. Кто-то пытался его похитить, но малыш умер. Наши ребята только об этом и говорят.

— Верно. — Лу убрал фотографии Даррена в папку.

— Ого! Ты ведешь это дело. Наверное, встречался с Брайаном Макавоем, и все такое?

— Встречался.

Отец встречался с Брайаном! Майкл с почтением уставился на него.

— Классно, действительно классно. А с остальными членами группы?

Лу начал складывать бумаги. Как проста жизнь, когда тебе одиннадцать. Такой она и должна быть.

— Да, я говорил с ними. Милые ребята, — ответил он, взъерошив темные растрепанные волосы сына.

— Милые? — ахнул тот. — Да они лучшие на свете. Я расскажу об этом друзьям.

— Нет.

— Не рассказывать? — Майкл провел рукой по голове. — Как же так? Ребята просто умрут на месте. Я должен рассказать.

— Нет, Майкл, ты никому не должен об этом говорить.

— Но почему?

— Потому что некоторые вещи являются сугубо личными или должны быть личными. — Лу взглянул на броские заголовки: — Как это. — Потом взял мяч. — Посмотрим, сможешь ли ты поймать мой снаряд.

Глава 11

Пи Эм наблюдал, как волны накатываются на песок. Ему до сих пор не верилось, что этот дом — его. Особняк в Малибу имел все, о чем говорил агент по торговле недвижимостью. Высокие потолки, огромный камин, целые акры стекла. Наверху в спальне, где еще нежилась его любовница, была двойная застекленная крыша, второй камин и балкон, опоясывающий весь этаж.

Особняк произвел впечатление даже на Стиви, когда Пи Эм с восхитительным чувством показывал ему комнаты, изысканную мебель, новейший встроенный стереокомплекс. Но Стиви в Париже. Джонно в Нью-Йорке. Брайан в Лондоне. Эм остался совсем один, сначала, когда вышел их третий альбом, еще велись какие-то разговоры о новом турне, но Пи Эм сомневался, что Брайан готов к нему. Хотя с той жуткой ночи прошло почти два месяца, их лидер предпочитал уединение, и неизвестно, знает ли он, что «Потерянная любовь» упорно занимает верхнюю строчку в хитпараде и стала золотой. Вряд ли это имеет теперь для Брайана какое-то значение.

Полиция несколько не продвинулась в раскрытии убийства Даррена. Пи Эм считал своим долгом поддерживать связь с Кессельрингом. Это меньшее, что он мог сделать для Брайана. И для Бев.

Какой бледной и потерянной она была в день похорон, ни с кем не обмолвилась ни словом. Пи Эм от всей души хотел утешить ее. Как — он не знал, а мысль о том, чтобы уложить ее в постель и нежно любить, пока не утихнет горе, так поразила его, что он лишь потрепал Бев по холодной руке.

По винтовой лестнице спустилась Энджи Парке в одной розовой футболке, едва прикрывавшей бедра. Она немного задержалась, чтобы сделать легкий макияж, расчесать и уложить длинные волосы, спутавшиеся во время секса и сна.

От мужчин проще всего добиться желаемого с помощью секса, а Энджи хотела многое получить от Пи Эм.

Она окинула взглядом просторную гостиную. Хорошее начало. Очень хорошее. Неплохо бы сохранить этот особняк для отдыха в выходные — после того как она убедит Пи Эм переехать в Беверли-

Хиллз. Именно там живут звезды, а Энджи намеревалась стать звездой.

И помочь ей должен Пи Эм. Их романтическая связь уже принесла Энджи десяток рекламных роликов и приличную второстепенную роль в телефильме. Иначе она, возможно, опустилась бы до съемок в какой-нибудь порнухе. За квартиру-то платить надо. Энджи повертела руками, чтобы свет заиграл на бриллиантах и сапфирах браслетов, подаренных любовником. О плате за квартиру можно уже не беспокоиться.

Пи Эм стоял на балконе. В лучах утреннего солнца он казался почти красивым. И одиноким. С тех пор как умер мальчик, Пи Эм был сам не свой. Энджи жалела о случившемся, правда, но теперь он еще больше нуждался в ней. К тому же внимание прессы. А умная женщина использует все возможности.

Энджи провела рукой по груди, радуясь, что она достаточно упругая и можно обойтись без лифчика. Подойдя сзади к Пи Эм, она прижалась к нему, обняла за шею:

— Я соскучилась по тебе, милый.

— Я не хотел будить тебя, — смущенно ответил Пи Эм, поскольку думал о Бев.

— Мне нравится, когда ты меня будишь, но я не могу спокойно видеть, что ты такой грустный.

— Меня тревожит Брай.

— Ты замечательный друг, милый. — Энджи покрыла его лицо легкими поцелуями. — Вот это мне и нравится в тебе больше всего.

Растроганный Пи Эм привлек ее к себе.. Она так прекрасна, а вкрадчивый голос звучит словно музыка, которая исполняется только для него. Пи Эм провел руками по ее бедрам, задержался на упругих ягодицах. У нее просто сказочное тело, сочное и золотистое, как персик. Она вздрогнула от его прикосновений, и барабанщик почувствовал себя королем.

— Ты нужна мне, Энджи.

— Тогда возьми меня.

Откинув голову, она взглянула на него из-под тщательно подкрашенных ресниц, потом медленно опустила руки и стянула футболку. Ее нагота выглядела столь эротичной, что у Пи Эм хватило рассудка только на то, чтобы внести Энджи в комнату и опустить на

пол. Она позволила ему делать с собой все, чего он хотел, добавив в нужный момент несколько стонов и криков. Нельзя сказать, что Пи Эм не возбуждал ее, но возбуждал как-то мягко, а она предпочла бы некоторую грубость или даже пару синяков.

Однако сильные руки барабанщика, лаская ее, оставались почтительными. Пи Эм был слишком заботливым, чтобы навалиться на нее всем телом, слишком вежливым даже в страсти, чтобы ворваться в нее и сделать ее крики искренними. Он овладел ею нежно, размеренно, лишь немного не доведя до пика. С полминуты он приходил в себя, в то время как Энджи изучала потолок, затем, помня о своем весе, перекатился на бок и положил руку под голову Энджи.

— О, это было прекрасно. — Она погладила его по влажной груди, зная, что позже наверху сама удовлетворит себя. — Ты лучше всех, милый. Тебе нет равных.

— Я люблю тебя, Энджи.

Весь этот сумасшедший безымянный секс не для него: уезжая куда-то. Пи Эм хотел знать, что его кто-то ждет дома или в Убогих гостиничных номерах. Как Брайана.

«Не Бев», — заверил себя Пи Эм. Он хотел иметь лишь жену, семью, дом.

— Энджи, ты выйдешь за меня замуж?

Она замерла. На это она могла лишь надеяться, и вот чудо произошло. Энджи уже видела продюсеров, дерущихся из-за нее и огромный белый особняк в Беверли-Хиллз. Она чуть не засмеялась, но, когда, повернувшись, взглянула на Пи Эм, в глазах у нее блеснули слезы.

— Ты серьезно? Ты действительно хочешь этого?

— Я сделаю тебя счастливой, Энджи. Конечно, нелегко быть женой такого человека, как я. Турне, фанаты, пресса. Но мы создадим что-нибудь для нас двоих, и оно будет принадлежать только нам.

— Я люблю тебя таким, какой ты есть, — искренне ответила Энджи.

— Значит, ты согласна? Ты выйдешь за меня замуж, мы создадим семью?

— Я выйду за тебя замуж.

«Семья — дело совершенно иное», — подумала она, снова лежа на полу. Но когда она станет женой П. М. Фергюсона, перед ней

откроется единственный желанный путь. Наверх.

Брайан не знал, сколько он еще сможет это вынести: слоняться день за днем по огромному особняку, ночь за ночью делить постель с женщиной, испуганно вздрагивающей от малейшего его прикосновения.

Почти ежедневно он звонил Кессельрингу в надежде что-нибудь услышать. Ему нужно имя, лицо, на которое можно выплеснуть бессильную ярость.

У Брайана не осталось ничего, кроме пустой детской и жены, призрака той женщины, которую он любил. И Эмма. Слава тебе, господи.

Если бы последние месяцы ее не было рядом, он бы, наверное, сошел с ума. Девочка тоже горевала. По вечерам Брайан подолгу засиживался в ее комнате, рассказывал сказки, пел или просто разговаривал. Они могли заставить друг друга улыбнуться, и боль утихала.

Теперь Брайан испытывал ужас всякий раз, когда Эмма выходила на улицу. Даже телохранители, нанятые им провожать девочку до школы и обратно, не могли избавить его от гложущего страха, который охватывал его, едва за Эммой закрывалась дверь.

А что будет, когда дверь закроется за ним? Как бы ни горевал он о сыне, но когда-то ему нужно возвращаться на сцену, в студию, к музыке. Вряд ли можно привязать к руке шестилетнюю девочку и повсюду таскать ее за собой.

И нельзя оставить ее с Бев. Ни сейчас, ни, видимо, в ближайшем будущем.

— Мистер Макавой, извините.

— Да, Элис.

Няня продолжала служить, хотя не было ребенка, ради которого ее наняли. «Теперь она ухаживает за Бев», — подумал Брайан, доставая из пачки сигарету.

— Пришел мистер Пейдж, он хочет встретиться с вами. Брайан взглянул на стол, где валялись разбросанные бумаги, обрывки стихов и нотных фраз.

— Проводи его сюда.

— Привет, Брай.

Одним взглядом менеджер охватил свидетельства мучительной творческой работы, не принесшей особого результата. Скомканные листы, дымящаяся сигарета в переполненной пепельнице, слабый запах алкоголя, хотя только-только наступил полдень.

— Надеюсь, ты не возражаешь, что я заскочил? Есть одно дело, а тебе не с руки заходить ко мне в контору.

— Все в порядке. — Брайан потянулся за бутылкой, которую теперь всегда держал под рукой. — Выпьешь?

— Спасибо, пока воздержусь.

Менеджер сел, пытаясь непринужденно улыбнуться. Их взаимоотношения стали натянутыми и официальными. Похоже, никто не знал, о чем теперь можно говорить с Брайаном, а о чем нет.

— Как Бев? — осторожно спросил Пит.

— Не знаю. — Вспомнив про сигарету, Брайан отыскал ее среди окурков. — Она почти все время молчит, совсем не выходит из дома.

Он поднял глаза на Пита, и тот прочел в его взгляде просьбу и вызов одновременно. Как несколько лет назад, когда Брайан впервые пришел к нему и попросил стать менеджером группы.

— Она часами сидит в комнате Даррена. Даже ночью. Просто сидит в проклятом кресле. — Брайан сделал глоток, затем еще один, но побольше. — Черт возьми, не знаю, что делать.

— Ты не думал о лечении?

— Ты имеешь в виду психоаналитика?

Брайан откинулся на стуле, и пепел от сигареты осыпался на ковер. Он был простым человеком, из простой семьи. Личные проблемы в его кругу все Решали сами.

— Чем ей помогут рассказы о своей половой жизни, о том, она ненавидит отца, или других идиотских вещах?

— Это лишь предложение, Брай, возможно, его стоит обдумать.

— Даже если я соглашусь, вряд ли мы сможем уговорить Бев. Вероятно, ей просто нужно время, прошло всего два месяца.

На этой неделе ему исполнилось бы три. О боже! Пит молча встал, налил Брайану виски и подвинул ему стакан:

— От полиции ничего не слышно?

— Я разговаривал с Кессельрингом. Они топчутся на месте, и от этого почему-то становится хуже. Не знать кто.

«Надо пройти через это, всем им, и идти дальше», — подумал менеджер.

— Как Эмма?

— Ночные кошмары прекратились, скоро снимут гипс. Школа частично отвлекает ее, но Эмма продолжает горевать.

— Она больше ничего не вспомнила? Брайан покачал головой:

— Господи, Пит, я даже не знаю, видела ли она что-нибудь или же ей только приснилось. Я хочу, чтобы все осталось у нее в прошлом. И ты должен сделать так, чтобы у нас тоже все осталось в прошлом.

— Это одна из причин моего визита. Не собираюсь давить на тебя, Брай, но компания грамзаписи желает, чтобы с выходом нового альбома началось ваше турне. До сих пор я отказывался, хотя, возможно, так будет лучше для тебя?

— Уехать в турне — значит оставить Бев и Эмму.

— Знаю. Не отвечай мне сейчас, подумай. — Достав сигарету, Пит закурил. — Мы сможем проехать по Европе, Америке, Японии, если вы с ребятами захотите. Работа поможет тебе пережить горе.

— И продать уйму пластинок.

— Вот именно, — усмехнулся менеджер. — В наши дни альбом не раскрутить без турне. Кстати о пластинках. Я заключил контракт с новым парнем. Робертом Блэкпулом. Кажется, я упоминал о нем.

— Да. Он вроде подает большие надежды.

— Тебе понравится его стиль, Брай, поэтому я хочу, чтобы ты позволил ему записать «На крыльях».

— Мы всегда сами записывали свои песни, — удивился Брайан.

— Так и было до настоящего времени. Теперь пора действовать шире. — Пит замолчал, оценивая его настроение, и, решив, что Брайан отнесся к известию с пониманием, усилил нажим. — Песня не вошла в последний альбом, и никому не повредит, если новый музыкант запишет вещь, которую вы с Джонно отвергли. Более того, это укрепит вашу репутацию как композиторов.

— Не знаю. — Брайан потер руками глаза. Ему было все равно. — Спроси у Джонно.

— Уже спрашивал, — улыбнулся Пит. — Он согласен, если ты не возражаешь.

Брайан нашел жену в комнате Даррена. Он старался не глядеть в сторону пустой кровати, аккуратно расставленных игрушек,

огромного медведя, которого они купили перед рождением сына.

— Бев, — сказал он, положив руку ей на плечо и с отчаянием дожидаясь, когда она посмотрит на него.

Бев очень похудела. Скулы теперь слишком выступали и уже не выглядели изящными, блеск в глазах исчез, волосы потускнели. Он едва сдержался, чтобы не схватить жену за плечи и не трясти до тех пор, пока на ее лице снова не появится жизнь.

— Бев, я думал, ты спустишься к чаю.

Она уловила запах алкоголя, и у нее все внутри перевернулось. Как он может сидеть, пить, царапать свои ноты? Выдернув руку, она положила ее на колени.

— Я не хочу чаю.

— У меня новость. Пи Эм женат. — Мимолетный, лишенный всякого любопытства взгляд. — Он надеется, что мы ненадолго заглянем к нему, хочет показать нам свой особняк на берегу моря и полногрудую жену.

— Я туда никогда не вернусь.

В ее голосе прозвучала такая яростная ненависть, что Брайан едва не отшатнулся. Но больше всего его поразило выражение ее глаз. В них читалось отвращение.

— Чего ты от меня хочешь? — спросил Брайан. — Черт побери, что тебе надо?

— Только чтобы ты оставил меня в покое.

— Я уже оставил тебя в покое. Разрешаю часами просиживать здесь, хотя ты очень мне нужна. По ночам я тоже оставляю тебя в покое, хотя жду, что ты повернешься ко мне. Черт тебя побери, Бев, он был и моим ребенком.

Она молчала, но в глазах появились слезы. Брайан потянулся было к ней и тут же услышал:

— Не прикасайся ко мне. Я этого не вынесу.

Бев сползла с кресла-качалки и подошла к кровати.

— Ты не можешь выносить моих прикосновений, — начал Брайан, чувствуя, как в нем вскипает гнев. — Ты не можешь выносить моих взглядов, не хочешь разговаривать со мной. Час за часом, день за днем ты сидишь здесь, словно больно тебе одной. Пора остановиться, Бев.

— Тебе это сделать легко, не так ли? — Схватив с кровати Одеяло, она прижала его к груди. — Ты можешь пить, сочинять музыку, как будто ничего не произошло. У тебя это чертовски хорошо получается.

— Нет. — Брайан надавил пальцами на веки. — Но я не могу перестать жить. Его нет, и я не могу ничего изменить.

— Да, не можешь. — Безутешное горе, так долго точившее ее изнутри, наконец прорвалось наружу в яростном потоке слов. — Ты должен был устроить свою вечеринку. Пригласить в наш дом тех людей. Семьи тебе всегда не хватало, и вот Даррена нет. Тебе постоянно требовалось больше и больше людей, больше музыки. Всегда больше. И один из тех, кого ты впустил в дом, убил моего малыша.

Брайан не находил слов. Если бы жена выхватила нож и всадила ему в грудь, боль, вероятно, была бы меньше. И уж, конечно, меньшим был бы шок, который он сейчас испытал от ее несправедливых обвинений. Они стояли друг против друга, разделенные опустевшей кроватью.

— Он не впускал чудовищ. — Широко раскрытые глаза Эммы казались черными на побелевшем лице. — Папа не впускал в дом чудовищ.

Прежде чем Брайан успел ответить, девочка, громко рыдая, выскочила в коридор.

— Хорошо сработано, — с трудом вымолвил Брайан. — Раз ты хочешь остаться одна, я забираю Эмму и ухожу.

Бев попыталась окликнуть его, но не смогла, лишь снова упала в кресло-качалку и закрыла лицо руками.

Брайану потребовался час на то, чтобы успокоить Эмму, а когда дочь уснула, он подошел к телефону.

— Завтра мы с Эммой уезжаем в Нью-Йорк, — сказал он. — Там я состыкуюсь с Джонно, потребуется несколько дней, чтобы подыскать девочке хорошую школу и позаботиться о ее безопасности. Как только я с этим разберусь, мы поедем в Калифорнию и начнем репетиции. Готовь турне, Пит, и пусть оно будет долгим. — Брайан глотнул виски. — Мы готовы творить рок.

Глава 12

— Она не хочет возвращаться.

Брайан смотрел, как Эмма бродит по репетиционному залу с новым фотоаппаратом, который он подарил ей во время слезного прощания в женском пансионе Святой Екатерины, штат Нью-Йорк.

— Она ведь провела там меньше месяца до этих, как там они называются, весенних каникул, — напомнил Джонно, с жалостью глядя на девочку, фотографирующую Стиви. — Дай ей привыкнуть.

— Похоже, мы все только и делаем, что привыкаем. Прошло уже восемь недель, как Брайан расстался с женой, а боль все не утихала. Женщины, которые были у него за это время, походили на наркотики, наркотики — на женщин. И то и другое не приносило облегчения.

— Ты мог бы позвонить ей, — предложил Джонно, с легкостью читая мысли друга.

— Нет.

Брайан уже думал об этом. Но газеты пестрели сообщениями о том, что они разошлись, и о его связях с другими женщинами. Вряд ли у них с Бев найдется о чем поговорить, не причиняя яруг другу новой боли.

— Сейчас меня заботит только Эмма. И наше турне.

— Все будет отлично. — Джонно бросил многозначительный взгляд на Энджи. — За некоторым исключением.

Пожав плечами, Брайан начал перебирать клавиши пианино.

— Если она все же подпишет договор с киношниками, мы от нее избавимся.

— Льстивая сучка. Слышал, как она поучает нашего Пи Эм?

— Выпустила когти. А пока он скачет вокруг нее, мы простаиваем. У нас есть причины для беспокойства и помимо крошки Энджи.

Брайан посмотрел на вернувшегося в зал Стиви.

Тот все больше времени проводил в туалете. Неизвестно, что гитарист нанюхался, проглотил или вколол себе на этот раз, но он буквально парил. Мимоходом потрепав Эмму по голове, Стиви бросился к гитаре, но усилитель был выключен, и его неистовый рифф оказался беззвучным.

— Дождемся, когда он очухается, и поговорим с ним об этом, — предложил Джонно. — Если, конечно, уловим такой момент.

Он хотел сказать Брайану еще кое о чем, но решил, что у того много и других забот. Вряд ли его порадует новость, которую Джонно услышал перед отъездом из Нью-Йорка.

Подумать только, Джейн Палмер пишет книгу. Не сама, разумеется, с чьей-то помощью, и ее откровения Брайана не порадуют. Но пусть этим лучше занимается Пит, не стоит наносить Брайану удар накануне турне.

Когда репетиция возобновилась, Эмма скоро перестала обращать на музыку внимание. Она уже слышала все песни не Дин десятков раз. Большинство из них из того альбома, который папа записал с друзьями в Калифорнии. Тогда Эмме несколько раз разрешали приходить в студию. Однажды Бев привела Даррена.

Эмма не хотела вспоминать о брате, ей становилось очень больно, но потом винила себя за то, что вычеркнула из памяти воспоминания о Даррене.

Она ужасно скучала и по Чарли, которого оставила в Лондоне на кровати брата, и надеялась, что Бев позаботится о нем. Может, когда-нибудь они вернутся домой. Бев снова заговорит с ней, засмеется, как прежде.

Ничего не зная о покаянии, девочка все же решила, что оставить Чарли необходимо.

А потом начались занятия в школе. Находиться так далеко ото всех, кого Эмма любила, — это ее наказание: она не уберегла Даррена, не выполнила обещание.

Эмма вспомнила, как ее наказывали раньше. Но тогда было легче, потому что после шлепков заканчивалось и наказание. Теперешнее мучение, казалось, не имело конца.

«Папа не считает это наказанием», — рассуждала девочка. По его мнению, она пойдет в хорошую школу, где научится уму-разуму, где ей ничто не угрожает, ее там будут охранять. Ужасно. Эти здоровенные, молчаливые, скучные телохранители совсем не такие, как Джонно и остальные. Эмме хотелось переезжать из города в город вместе с ними, даже если придется летать на самолетах, жить в гостиницах, прыгать на кроватях, заказывать чай в номер. Но ей предстояло вернуться в

школу, к сестрам-монахиням с добрыми глазами и крепкими руками, к утренним молитвам и урокам грамматики.

Эмма взглянула на отца, певшего «Военный блюз». Она не знала, почему эта песня так волновала ее. Может, дело в грохочущих тарелках Пи Эм или в неистовой гитаре Стиви? Но вот с голосом отца слился голос Джонно, и девочка подняла аппарат.

Ей нравилось снимать. И не приходило в голову, что камера слишком дорогая и сложная для ребенка, что подарок отца был своего рода взяткой, ибо он отправил дочь в скромную, малоизвестную школу.

— Эмма.

Девочка обернулась. Нет, это не телохранитель, но лицо мужчины ей знакомо. Вспомнив, Эмма улыбнулась. Он был таким добрым, когда приходил к ней в больницу, она его не стеснялась и плакала у него на плече.

— Ты меня помнишь?

— Да. Вы полицейский.

— Верно. — Он тронул за локоть стоявшего рядом мальчика, чтобы привлечь его внимание. — Это Майкл. Я тебе о нем рассказывал.

Девочка просияла, но постеснялась спросить о катании на роликах по крыше.

— Здравствуй.

— Привет.

Быстрый взгляд, мимолетная улыбка, и Майкл снова впился глазами в четверку музыкантов.

— Нужны трубы. — Брайан сделал знак остановиться. — Без них не получится настоящий звук.

Когда он заметил Кессельринга, сердце у него остановилось, потом застучало медленно, глухо.

— лейтенант?

— Мистер Макавой. — Бросив предостерегающий взгляд на сына, Лу подошел к группе. — Извините за вторжение, но я хотел бы еще раз поговорить с вами. И с девочкой, если возможно.

— Вы...

— Нет. Мне пока нечего добавить к тому, что вам уже известно. Могу я отнять у вас несколько минут?

— Конечно. Ребята, не хотите пообедать? Я вас догоню.

— Мне задержаться? — предложил Джонно.

— Нет. спасибо.

Эмма перехватила взгляд Майкла. Такое выражение она замечала у девочек в школе, когда те узнавали, кто ее отец. Ей нравилось лицо Майкла, его нос с горбинкой, ясные серые глаза.

— Хочешь познакомиться с ними?

— Да, было бы здорово. — Майкл вытер вспотевшие ладони о джинсы.

— Надеюсь, вы не против, — сказал Лу, обнаружив, что Эмма избавила его от необходимости просить самому. — Я привел сына. Конечно, это не полагается, но...

— Понимаю.

Брайан окинул завистливым взглядом мальчика, с восторженной улыбкой глядевшего на Джонно. К одиннадцати годам его Даррен тоже мог стать таким же веселым и крепким.

— Может, я пришлю ему новый альбом? Он появится в продаже только через пару недель. Одноклассники просто умрут от зависти.

— Очень любезно с вашей стороны.

— Пустяки. У меня сложилось впечатление, что вы уделяете Делу моего сына гораздо больше времени и сил, чем вам положено по службе.

— У нас с вами ненормированный рабочий день, мистер Макавой.

— Верно. Я всегда ненавидел полицейских. — Брайан слабо улыбнулся. — Наверное, так бывает, пока в них не возникает необходимость. Я обращался в частное сыскное агентство, лейтенант.

— Знаю.

— Да, конечно. Там сказали, что за прошедшие месяцы вы один сделали больше, чем смогли бы сделать пять человек. Кажется, вы хотите найти тех людей почти так же, как я.

— У вас был прекрасный сын, мистер Макавой.

— Да, клянусь господом. — Брайан посмотрел на гитару, которую все еще держал в руках, и, поскольку ему очень захотелось отшвырнуть ее, он с нарочитой осторожностью поставил инструмент на подставку. — О чем вы собирались поговорить?

— Просто хотел уточнить некоторые детали. Конечно, вы рассказывали об этом много раз...

— Ничего страшного.

— Я хотел бы также поговорить с Эммой.

— Вряд ли она скажет вам еще что-то.

— Возможно, я до сих пор не задавал нужных вопросов. Брайан провел рукой по волосам. Он укоротил волосы на несколько дюймов и теперь каждый раз удивлялся, когда рука повисала в воздухе.

— Даррена нет, и я не могу рисковать психическим состоянием Эммы. Сейчас девочка очень ранима. Ей всего шесть лет, а ее жизнь круто меняется уже второй раз. Наверное, вы знаете, что мы с женой разошлись.

— Извините.

— Эмме труднее всего. Мне бы не хотелось снова волновать дочь.

— Я не стану давить на нее, — пообещал Лу, сразу отказавшись от намерения предложить гипноз.

Наслаждаясь ролью хозяйки, Эмма подвела Майкла к отцу:

— Папа, это Майкл.

— Привет, Майкл.

— Здравствуйте. — Обнаружив, что язык у него словно завязан узлом, мальчик смог лишь глупо улыбнуться.

— Ты любишь музыку?

— О да. У меня есть большинство ваших пластинок. — Ему отчаянно хотелось попросить автограф, но он не желал выглядеть приставалой. — Здорово, что я услышал, как вы играете. Просто здорово.

— Спасибо.

Эмма щелкнула аппаратом.

— Папа пришлет тебе фотографию, — сказала она, восхищаясь сломанным зубом Майкла.

Когда Лу выходил из репетиционного зала, таща за собой упирающегося сына, голова у него разламывалась от боли, а душу переполняло отчаяние.

Он выполнил свое обещание, не давил на Эмму. Но так ничего и не добился. Едва лейтенант упомянул про ночь, когда умер ее брат, глаза девочки стали пустыми, тело напряглось. Без сомнения, Эмма что-то видела или слышала. Однако воспоминания уже начали стираться. В памяти остались только чудовища и рычащие тени.

Лу не стыдился признаться, что успех дела зависит от испуганной шестилетней девочки, которая, по мнению психиатров, может навсегда вычеркнуть из памяти увиденное в комнате Даррена.

Оставался любитель пиццы. Лейтенант потратил два дня на то, чтобы найти магазин и продавца. Тот сразу вспомнил и необычный заказ на полсотни пицц, и имя заказчика.

Столь зверский аппетит пробудился у Тома Флетчера, вольнонаемного музыканта-саксофониста. Потребовалось несколько недель на то, чтобы отыскать его, и еще столько же, чтобы заставить прервать турне по Ямайке.

Это была последняя надежда. Тот, кто находился в комнате Даррена, не спускался по главной лестнице, не вылезал в окно. Оставалась только лестница на кухню, где Том Флетчер убеждал дежурного продавца доставить странный заказ.

— Эй, папа, все было отлично.

Майкл едва плелся, стараясь выиграть хотя бы несколько минут, а садясь в машину отца, чуть не свернул шею, бросая последний взгляд на окна здания, из которого они только что вышли.

— Ребята в школе с ума сойдут от зависти. Можно им рассказать, да? Уже всем известно, что ты ведешь это дело.

— Угу, — буркнул Лу, сдвигая переносицу указательными пальцами. Он прошел через муки трех пресс-конференций.

— А для чего им охрана? — любопытствовал Майкл.

— Какая охрана?

— Вон та. — И мальчик указал на четырех мужчин в темных костюмах, стоящих у входа в здание.

— С чего ты взял, что это охрана?

— Ну, копов отличишь с первого взгляда. Даже наемных.

Лу не знал, рассердиться ему или засмеяться. Он представил реакцию капитана, когда тот узнает, что одиннадцатилетний мальчишка без труда распознает переодетого копа.

— Полицейские должны следить, чтобы музыкантам никто не мешал и не причинял вреда. Им и девочке, — прибавил Лу. — Вдруг кто-нибудь вздумает ее похитить.

— Боже, ты хочешь сказать, охрана с ними постоянно?

— Да.

— Вот те на, — удивился Майкл, начиная сомневаться, хочет Ли он стать рок-звездой. — Да я бы свихнулся, если бы за мной все время следили. Разве можно в таком случае иметь какие-нибудь тайны?

— Это сложно.

— Заедем в «Макдоналдс»? — спросил Майкл, когда машина тронулась.

— Конечно.

— Наверное, ей так нельзя.

— Что?

— Девочке. Эмме. Наверное, ей нельзя просто так зайти в «Макдоналдс».

— Нет, — ответил Лу и взъерошил сыну волосы.

Вскоре Майкл уже сидел с чизбургером, жареной картошкой и коктейлем. Оставив его в зале, Лу вышел на улицу позвонить.

— Кессельринг, — сказал он. — Буду в участке через час.

— Плохие новости, Лу.

— Что еще?

— Флетчер, твой любитель пиццы.

— Не прибыл в Лос-Анджелес?

— Прибыл. Утром я отправил ребят в аэропорт, чтобы они его допросили. Но парни опоздали часов на десять. Он умер.

— Черт.

— Похоже, обычная передозировка наркотиков. У Флетчера нашли шприц и какой-то убойный героин. Ждем результатов экспертизы.

— Великолепно. Чертовски великолепно. — Лу с такой силой ткнулся лбом в стекло кабины, что проходившая мимо женщина подозрительно взглянула на него и заторопила своих детей. — Ребята обыскали его номер?

— Вдоль и поперек.

— Давай адрес, заброшу своего парня домой, потом поеду туда.

Записав адрес, он выругался и бросил трубку. В окно Лу увидел, как сын с аппетитом уплетает чизбургер.

Глава 13

Пансион Святой Екатерины, 1977 год

Еще две недели. Еще две скучные, ужасные недели, и начнутся летние каникулы. Она увидит отца, Джонно и остальных. Сможет вздохнуть свободно, и никто ей не скажет, что она дышит во славу господу. Сможет думать, и никто не будет предостерегать ее от недостойных мыслей.

Наверное, монахини сами переполнены недостойными мыслями, иначе бы не подозревали, что такие мысли приходят в голову всем остальным.

На несколько драгоценных недель она вернется в настоящий мир. Нью-Йорк. Эмма закрыла глаза, пытаясь призвать в свою тихую комнату шум и запахи городской жизни, потом сгорбилась за столом так, что сестра Мэри-Элис при виде ее позы сломала бы свою линейку. Забыв о французских глаголах, которые ей полагалось спрягать, Эмма глядела на зеленые газоны и высокую кирпичную стену, отгораживающую школу от греховного мира.

Не от всего греховного мира. Она сама грешна и рада, что Марианна Картер, ее соседка по комнате, не менее испорченна. Без нее пребывание Эммы в школе стало бы настоящим мучением.

При мысли о смешливой рыжей соседке и лучшей подруге девочка улыбнулась. Да, Марианна грешна, поэтому сейчас отбывает наказание за очередной проступок. Карикатура на мать-настоятельница стоила ей двух часов мытья туалетов.

Если бы не подруга, Эмма, наверное, сбежала бы отсюда. Хотя куда ей бежать? Существует только одно место, где она хотела бы находиться. Рядом с отцом. Но тот немедленно отправил бы ее обратно.

Это нечестно. Ей почти тринадцать, она почти взрослая девушка, а ее засунули в какую-то школу спрягать глаголы, учить катехизис и вскрывать лягушек. Ужасно.

Нельзя сказать, что Эмма ненавидит монахинь. Ну, может, сестру Непорочницу. А как прикажете относиться к надзирательнице с сизыми губами и бородавкой на подбородке, которая обожает посылать девочек на тяжелую работу за любую, самую незначительную провинность?

Но папу только позабавил ее рассказ про сестру Непорочницу.

Эмме очень хотелось домой. Правда, она не знала, где ее Дом. Она часто вспоминала замок недалеко от Лондона, там она была счастлива, хотя и недолго. Она вспоминала Бев и сожалела, что отец никогда не говорил о ней. Но ведь они не развелись, а у некоторых девочек родители были в разводе. Правда, говорить об этом не полагалось.

Эмма думала о своем маленьком брате, иногда с трудом вспоминая, как он выглядел, как звучал его голос. Во сне же Даррен предстал перед ней как живой.

Ту ночь она уже почти не помнила. Монахини выбивали из головы девочек всякую языческую чепуху вроде чудовищ. Но когда эта ночь ей снилась, Эмма заново переживала ужас темного коридора, слышала странные звуки, видела чудовищ, которые держали кричащего и вырывающегося Даррена, ощущала, как она падает, падает вниз...

Утром она обо Всем забывала.

В комнату с измученным видом вошла Марианна и, рухнув на кровать, показала Эмме руки:

— Безнадежно испорчены. Какой французский граф теперь захочет поцеловать их?

— Тяжело пришлось? — спросила Эмма, едва сдерживая улыбку.

— Пять туалетов. От-вра-ти-тель-но. Фу. Когда я выберусь из этой помойки, найму служанку для своей служанки. — Марианна перевернулась на живот. — Я слышала, как Мэри-Джейн Витерспун болтала с Терезой О'Мэлли. Во время летних каникул она собирается заняться этим со своим дружкой.

— Кто?

— Не знаю. Его зовут Чак, Хак или еще как-то.

— Нет, я имею в виду, Мэри-Джейн или Тереза?

— Мэри-Джейн, глупышка. Ей уже шестнадцать, и она уже развилась.

Взглянув на свою плоскую грудь, Эмма нахмурилась. Интересно, разовьется ли она, когда ей стукнет шестнадцать? И будет ли у нее

дружок, с которым можно будет заняться этим?

— А если она забеременеет, как Сюзен?

— Старики Мэри-Джейн все уладят. У них куча денег, да и у нее кое-что есть. Диафрагма.

— Диафрагма есть у каждого.

— Я не о том, дурочка, это чтобы не было детей.

— О! — Эмма всегда относилась с почтением к обширным познаниям Марианны.

— Ее вставляют в священное хранилище, особая смазка убивает сперму, а от мертвой спермы ничего не будет. — Марианна легла на спину и зевнула, глядя в потолок. — Интересно, сестра Непорочница когда-нибудь занималась этим?

— Не думаю, по-моему, она даже моется в рясе, — засмеялась Эмма.

— Боже милостивый, чуть не забыла. — Сунув руку в карман мятого форменного платья, Марианна извлекла полпачки «Мальборо». — В сортире на втором этаже я наткнулась на золото. Кто-то приклеил их лентой к бачку.

— А ты взяла.

— Господь помогает тем, кто сам себе помогает. Эмма, запри дверь.

Они выкурили одну сигарету на двоих, выпуская дым в окно. Девочки не получали от курения особого удовольствия, они просто играли, набирая дым в рот. Это было по-взрослому, греховно, что очень нравилось обеим.

— Еще две недели, — мечтательно произнесла Эмма.

— Ты поедешь в Нью-Йорк, а меня снова отправят в лагерь.

— Не так уж плохо, там не будет сестры Непорочницы.

— Попытаюсь уговорить своих, чтобы разрешили мне пожить у бабушки. Она прелесть.

— А я наделаю кучу фотографий.

Марианна кивнула и сразу переключилась на более отдаленное будущее:

— Когда мы выберемся отсюда, то снимем квартиру где-нибудь в Гринвич-Виллидже или Лос-Анджелесе. В каком-нибудь отличном месте. Я стану художницей, а ты фотожурналисткой.

— Мы будем устраивать вечеринки.

— Грандиозные. И носить шикарные наряды. — Марианна с отвращением дернула за подол форменной юбки. — Никакой шотландки.

— Я скорее умру.

— Еще четыре года.

Эмма отвернулась к окну. Нечего загадывать на несколько лет вперед, если не знаешь, как продержаться последние две недели.

Майкл Кессельринг изучал, как он выглядит в шапочке и мантии. Просто не верится. Наконец-то школа позади, жизнь УХОДИТ на новый виток. Разумеется, его ждет колледж, но до него еще целое лето.

Майклу восемнадцать лет, он может пить, голосовать, и, спасибо президенту Картеру, призыв на воинскую службу не нарушит его планы.

Но чем он собирается заняться, Майкл до сих пор не решил. В свободное время он подрабатывал в «Баззарде», чтобы иметь Деньги на бензин и свидания, однако не посвящать же свою жизнь торговле футболками.

Снять мантию и шапочку было жутковато. Все равно что сбросить юность. Майкл держал их в руках, оглядывая комнату, заваленную одеждой, обрывками бумаги, грампластинками и, поскольку мать давным-давно перестала у него убирать, номерами «Плейбоя». Были здесь грамоты, полученные за его успехи в беге и бейсболе. Именно они убедили Розу-Энн Марковиц заняться этим на заднем сиденье его машины под песню Джо Кокера «Я чувствую себя прекрасно».

Майклу были дарованы атлетическое тело, длинные ноги и быстрые рефлексы. «Вылитый отец», — замечала мать. Он действительно многое взял от предка, хотя это не мешало ему спорить по поводу длинных волос, одежды, политики, ночных гуляний. Капитан Кессельринг был педантом.

Наверное, потому, что он коп. Майкл не забыл, как однажды принес домой сигарету с марихуаной и его наказали на целый месяц. Так же дорого ему обошлись штрафы за превышение скорости. «Закон есть закон», — любил говорить старина Лу.

Оторвав кисточку, Майкл швырнул мантию и шапочку на незаправленную кровать. Глупая сентиментальность, но кисточку он сохранит. В старой коробке из-под сигар лежали его самые ценные вещи. Любовная записка, которую Лори Спайнер написала ему в

первом классе до того, как променять его на парня с татуировкой и «Харлеем». Корешок билета на концерт «Роллинг стоунз». Сколько же тогда он попортил крови, пока уговорил родителей отпустить его на концерт! Пробка от первой выпитой бутылки пива. Улыбнувшись, Майкл достал из коробки фотографию, на которой был снят вместе с Брайаном Макавоем.

Девочка выполнила обещание. Через две недели после того невероятного дня, когда отец водил его на репетицию «Опустошения», Майкл получил снимок и новый альбом, ставшие предметом зависти его товарищей.

Он давно уже не вспоминал тот день. И теперь, приобретя статус взрослого, Майкл вдруг понял, что со стороны отца это был потрясающий поступок. Совершенно ему несвойственный. Ведь в репетиционный зал он пришел по службе, а капитан Лу Кессельринг никогда не смешивал личные дела со служебными.

Но в тот день он это сделал.

Странно, Майкл почему-то лишь сейчас вспомнил, как отец вечер за вечером приносил домой папки, хотя до убийства сына Макавоя никогда этого не делал. И после тоже.

В то время об убийстве этого ребенка писали все газеты, да и сейчас эта тема иногда всплывает. Наверное, потому, что полиция не смогла найти преступников. Дело вел его отец.

Именно в тот год Майкла объявили самым ценным игроком юниорской команды, а отец пропустил большинство игр. И большинство домашних ужинов.

Интересно, вспоминает ли отец о Брайане Макавое, его умершем сыне, маленькой девочке, сделавшей эту фотографию? Кто-то утверждает, что она была свидетельницей преступления и сошла с ума. Но она не выглядела ненормальной при их встрече. Майкл смутно помнил маленькую девочку со светлыми волосами, большими печальными глазами и мягким голосом с приятным акцентом. Очень похожим на голос ее отца.

«Бедная малышка», — подумал Майкл, укладывая кисточку поверх снимка.

Глава 14

Эмма не могла поверить, что каникулы уже заканчиваются и через неделю ей предстоит вернуться в школу. Она соскучилась по Марианне. Им понадобится немало времени, чтобы обсудить происшедшее с ними за лето. Лучшее в ее жизни, хотя в Нью-Йорке Эмма провела только две недели.

Они летали в Лондон на съемки документального фильма о работе группы в студии грамзаписи, пили чай в отеле «Ритц». Эмма проводила время с Джонно, Стиви и Пи Эм, слушала, как они играют, ела на кухне рыбу с жареной картошкой, пока все обсуждали следующий альбом.

Эмма отсняла несколько катушек пленки и с нетерпением ждала, когда вложит снимки в фотоальбом, чтобы глядеть на них снова и снова, оживляя воспоминания.

В качестве подарка к грядущему дню рождения отец сводил ее в настоящий салон красоты, где ей сделали спиральную завивку, и Эмма почувствовала себя совсем взрослой.

Да и тело начало развиваться.

Она украдкой взглянула на свою грудь. Конечно, о больших Достижениях говорить рано, хотя с мальчиком ее уже не спутаешь. К тому же она загорела. Поначалу Эмма сомневалась, что отдых в Калифорнии доставит ей удовольствие, но загар рассеял все сомнения.

А еще серфинг. Из-за него пришлось выдержать настоящую битву с отцом. Но свою ярко-красную доску она получила только благодаря Джонно, который с шутками и подначками сумел-таки уломать Брайана. Иначе Эмма убивала бы время, лежа на пляже и с завистью глядя на то, как другие борются с волнами.

Правда, у нее мало что получалось: отплыв немножко от берега, она вставала на доску и тут же падала в воду. Зато это позволяло ей удалиться от телохранителей, изнывающих под пляжными зонтиками.

«Просто смешно, — думала Эмма, затаскивая доску в воду. — Никому здесь даже не известно, кто я такая».

Приезжая на каникулы, Эмма была уверена, что отец наконец избавит ее от присутствия охранников, но всякий раз они были тут, широкоплечие и мрачные. По крайней мере, в воду они за ней не

полезут. Эмма вытянулась на доске и стала удаляться от берега. Конечно, телохранители следят за ней в бинокль, но ей нравилось думать, что она совсем одна или, точнее, среди подростков, наводнивших пляж.

Девочка с наслаждением качалась на волнах, слушала шум моря, к которому примешивалась музыка, доносящаяся из многочисленных радиоприемников. Какой-то высокий парень в спортивных трусах, поймав гребень волны, плавно скользнул по нему на берег. Эмма позавидовала его мастерству и свободе.

Раз второе ей недоступно, значит, нужно отрабатывать первое. Она терпеливо дождалась подходящего гребня, вскарабкалась, затаив дыхание, на доску, выпрямилась и отдалась волне, увлекшей ее за собой. Секунд через десять Эмма потеряла равновесие, а вынырнув на поверхность, увидела, как парень в спортивных трусах посмотрел в ее сторону и небрежно смахнул с лица мокрые темные волосы. Гордость заставила Эмму снова забраться на доску.

Она пробовала еще и еще, держалась считанные секунды, падала в воду, но каждый раз опять приказывала себе вернуться на доску, с ноющими мышцами гребла и ждала.

Эмма представила, как телохранители, потягивая теплую кока-колу, обсуждают ее неловкость. Каждая неудача становилась для нее публичным унижением, заставляла стремиться все-таки одержать победу. Хотя бы раз. Всего один раз прокатиться по гребню до самого берега.

Выпрямившись на доске, Эмма увидела долгожданную волну, блестящий зелено-голубой туннель, белую пену. Она должна сделать это. Хотя бы один-единственный раз. Это будет ее личная победа.

Эмма поймала волну, и берег стремительно понесся ей навстречу, рев воды музыкой звучал у нее в голове, в сердце.

На миг она ощутила ее. Свободу.

Водяной столб накрыл Эмму сзади, сбросил с доски, швырнул вверх. Только что она была в лучах солнца и вот уже кувыркается в бушующей массе. Стена воды обрушилась на нее, лишила дыхания, закрутила, выгибая руки и ноги, словно резиновые.

С пылающими легкими Эмма пыталась выбраться на поверхность, однако невероятная сила увлекала ее все глубже, не истово швыряя из стороны в сторону. По мере того как силы покидали

девочку, она вдруг со странной легкостью подумала о покаянной молитве.

Господи, от всего сердца сожалею, что обидела Тебя.

Эмму засасывало все глубже, дальше, и молитва угасла, уступив место музыке, заполнившей голову.

Приходите вместе. Прямо сейчас. Приходите ко мне.

Ее охватила паника. Вокруг была темнота. Сплошная темнота, в которую вернулись чудовища. Усилия выбраться на поверхность окончились ничем, превратившись в беспомощное барахтанье. Эмма открыла рот, чтобы закричать, и тут же хлебнула воды.

Чьи-то руки подхватили ее, и она стала в ужасе отбиваться, сражаться с ним, как сражалась с водой. Это чудовище, то самое, которое улыбнулось ей, которое хотело убить ее после того, как убило Даррена. Рука сдавила шею Эммы, и у нее перед глазами заплясали красные круги. Потом они превратились в серые.

— Расслабься, — сказал кто-то. — Я тебя вытащу. Просто расслабься и держись.

Эмма задыхалась, попыталась оторвать от своей шеи руку и вдруг поняла, что может дышать. Она увидела солнце, преодолевая боль, сделала вдох, и легкие обжег воздух, а не вода. Она жива. У Эммы потекли слезы благодарности и стыда.

— Все будет хорошо.

— Меня смыло, — выдавила она.

— Точно, но перед этим ты неплохо прокатилась, девочка. Эмма сосредоточилась на том, чтобы удержать рвоту и не опозориться еще больше. Потом ощутила кожей горячий песок, позволила спасителю уложить ее, но первое, что она увидела, открыв глаза, были лица ее телохранителей. Не имея сил ГОВОРИТЬ, Эмма только яростно взглянула на них. Это не заставило их отойти, но и подходить ближе они не стали.

— Несколько минут не вставай.

Повернув голову набок, Эмма закашлялась, исторгая из себя морскую воду. Опять музыка. «Иглз», — растерянно подумала она, — «Отель „Калифорния“». Музыка звучала и там, в темноте, хотя Эмма сейчас не могла вспомнить ни слов, ни мелодии. Жмурясь от нестерпимого солнца, она взглянула на своего спасителя.

Парень в спортивных трусах. С темных волос капает вода, глаза у него тоже темные, глубокого серого цвета, прозрачные, Как вода в озере.

— Спасибо.

— Да ладно.

Он сел РЯДОМ, чувствуя себя неловко в роли благородного рыцаря. Приятели долго будут подшучивать над ним, но ему не хотелось сразу покидать девушку. В конце концов, она еще ребенок. «Классная девчонка», — подумал он, чувствуя еще большую неловкость. Таких голубых и таких огромных глаз он еще никогда не видел.

— Кажется, я потеряла свою доску.

— Нет. Фред уже несет ее. Хорошая доска, — сказал парень, глядя в сторону моря.

— Она у меня недавно.

— Да, я уже видел тебя здесь.

Девушка приподнялась на локтях, откинув назад мокрые кудряшки. У нее очень приятный голос, какой-то мягкий и музыкальный.

— Ты англичанка, да?

— Ирландка. Мы пробудем здесь всего несколько дней, — вздохнула Эмма. Поблагодарив Фреда, принесшего ее доску, и не зная, о чем еще говорить, она принялась стирать с колен мокрый песок.

Парень в спортивных трусах махнул собравшимся вокруг, давая им понять, что они могут заниматься своими делами.

— Если отец узнает, то больше не позволит мне кататься на доске.

— А почему он должен узнать?

— Он всегда все узнает. — Эмма заставила себя не глядеть на телохранителей.

— Всех смывает. — «Красивые глаза», — снова подумал он и отвернулся к морю. — А у тебя неплохо получилось.

— Правда? — слегка покраснела Эмма. — Вот ты катаешься замечательно. Я наблюдала за тобой.

— Спасибо. — Парень улыбнулся, показывая сломанный зуб.

— Майкл!

— Да. Откуда ты меня знаешь?

— Мы с тобой уже встречались. Очень давно. Я Эмма. Эмма Макавой. Твой отец однажды привел тебя на репетицию.

— Макавой? Брайан Макавой? — Майкл провел рукой по мокрым волосам и тут заметил, как Эмма быстро обернулась, убеждаясь, что их никто не слышит. — Я тебя помню. Ты прислала мне фотографию. Я храню ее до сих пор. — Прищурившись, он бросил взгляд на телохранителей девушки. — Так вот что они здесь делают, а я думал, это какие-то наркоманы или еще кто-то.

— Отец беспокоится, — пожалала плечами Эмма.

— Да уж.

Майкл не забыл фотографии мальчика, сделанные полицейским экспертом, и не нашелся что добавить.

— Я помню твоего отца. Он навещал меня в больнице, когда мы потеряли моего брата.

— Он теперь капитан, — за неимением лучшего сообщил Майкл.

— Хорошо. — Эмму приучили быть вежливой в любых обстоятельствах. — Передай ему от меня привет.

— Конечно. — У обоих кончились слова, и паузы заполнил шелест прибора. — Слушай, не хочешь колы или еще чего-нибудь?

Девочка изумленно подняла глаза. Впервые она так долго разговаривала с парнем. Эмма привыкла к обществу мужчин, а сейчас ее приглашал юноша, всего на несколько лет старше ее, и это произвело на нее ошеломляющее впечатление. Эмма едва не согласилась, однако вспомнила о телохранителях.

— Спасибо, но я лучше пойду. Папа собирался забрать меня попозже, только вряд ли я буду сегодня кататься на доске. Надо ему позвонить.

— Могу тебя подкинуть.

Майкл чувствовал себя неуютно. Глупо смущаться, разговаривая с девочкой. Последний раз он так волновался в девятом классе, когда пригласил танцевать Нэнси Бриммер.

— Могу подвезти тебя домой, — пояснил он, видя, что Эмма непонимающе смотрит на него. — Если хочешь.

— Ты, наверное, занят.

— Нет. Правда.

«Он хочет снова увидеть отца», — решила Эмма после секундной радости. Такой парень, ведь ему, наверное, лет восемнадцать, не

заинтересуется ею самой, а вот дочь Брайана Макавой — иное дело. Изобразив улыбку, Эмма встала. Он спас ей жизнь, и раз встреча с отцом — единственное, чем она может с ним расплатиться, пусть так и будет.

— С удовольствием, если тебя это не затруднит.

— Нисколько.

— Одну минуту.

Эмма направилась к телохранителям, подхватив по дороге свои вещи, и решительно заявила:

— Мой друг подвезет меня.

— Мисс Макавой, — возразил Мастеру, — будет лучше, если вы позвоните отцу.

— Ни к чему беспокоить его.

— Вашему отцу не понравится, — поддержал товарища Суинни, промокая вспотевший лоб, — что вы садитесь в машину к незнакомому человеку.

— Я знаю Майкла, и мой отец тоже, — надменно сказала Эмма. Собственный тон ей не нравился, но она не желала, не могла позволить, чтобы ее унизили перед Майклом. — Его отец — капитан здешней полиции. К тому же вы поедете за нами, так что какая разница?

Развернувшись, она с высоко поднятой головой направилась к Майклу, поджидающему ее с двумя досками.

— Оставим девочку в покое. — Суинни положил руку на плечо Мастера. — Это бывает нечасто.

Бензин у Майкла был почти на нуле, когда они наконец подъехали к высоким чугунным воротам особняка в Беверли-Хиллз. На лице стоявшего рядом с ними охранника появилось удивление, но затем все же раздался щелчок, и ворота раздвинулись. Ведя машину по обсаженной деревьями подъездной аллее, Майкл жалел, что в дополнение к спортивным трусам у него есть только сандалии да поношенный джемпер.

Четырехэтажный особняк из розового кирпича и белого мрамора занимал более акра на ухоженной зеленой лужайке. Майкл не знал, смеяться ему или восхищаться при виде степенно вышагивающего по траве павлина.

— Красиво.

— Все это принадлежит на самом деле Пи Эм. Точнее, его жене. — Эмму несколько смущали мраморные львы в натуральную величину, стоящие по обе стороны двери. — Раньше дом принадлежал кому-то из киношников, не помню, кому именно, но Энджи все здесь переделала. Сейчас она на съемках в Европе, так что мы остановились здесь. У тебя есть время зайти в дом?

— Ах да, время у меня есть. — Майкл нахмурился, взглянув на прилипший к ногам песок. — Если ты уверена, что нам стоит это делать.

— Конечно, стоит.

Выйдя из старой машины, на которой Лу приезжал к репетиционному залу, Эмма подождала, пока Майкл снимет с багажника ее доску, и пошла к лестнице.

— Я должна рассказать папе о случившемся. Все равно об этом доложат телохранители. Надеюсь, ты не будешь возражать, если я... представлю это незначительным происшествием?

— Ясное дело. — Майкл снова улыбнулся, и сердце у нее затрепетало. — Родители всегда переживают сверх меры. Похоже, по-другому они просто не могут.

Как только дверь открылась, он сразу услышал музыку. Пианино. Громовые аккорды, затем как будто поиск нужной мелодии, и снова аккорды.

— Они там. — Взяв Майкла за руку, Эмма вела его по широкому белому коридору.

Он никогда не видел ничего подобного, но смущение не позволяло ему сказать об этом. Они проходили одну комнату за другой, где на белых стенах неистовыми разноцветными пятнами выделялись абстрактные картины. Даже пол был настолько белым, что Майкл не мог избавиться от чувства, что идет по какому-то храму.

Затем он увидел богиню, портрет богини, висевший над камином из белого камня. Блондинка с хмурым ртом, в белом вышитом платье, опасно обнажающем пышную грудь.

— Ух ты!

— Это Энджи. — сказала Эмма, автоматически сморщив нос. — Жена Пи Эм.

— Ага. — У Майкла возникло странное ощущение, что глаза следят за ним. — Я... э... видел ее последний фильм. — Правда, он

умолчал об эротических снах, которые донимали его после этого. — Она действительно нечто!

— Да, она такая.

Даже в свои неполные тринадцать Эмма понимала, что означает это «нечто». Нетерпеливо дернув Майкла за руку, она пошла дальше.

Комната, в которой они оказались, была единственным помещением в доме-мавзолее, где Эмма чувствовала себя нормально и где, как она полагала, бедному Пи Эм позволили выразить свой вкус. Здесь наконец появился цвет, смешение голубых, красных и солнечно-желтых красок. Полку над камином украшали музыкальные призы, на стенах висели золотые диски. У окна стояли два пышных лимонных дерева, которые Пи Эм сам вырастил из косточек.

Брайан сидел за старинным кабинетным роялем, принадлежавшим кинозвезде, чье имя не могла запомнить Эмма. Рядом сидел Джонно с обычной своей французской сигаретой. Пол был усыпан листами бумаги, на столике пузырилась лужица разлитого лимонада.

— Сохраним этот ритм в течение всего перехода, — говорил Брайан, выбивая аккорды. — Быстрый ритм с наложенными струнными и трубами, но доминирующей будет гитара.

— Отлично, но ритм не тот.

Джонно смахнул с клавиш руки Брайана, и бриллианты весело подмигнули, когда его пальцы побежали по клавиатуре.

— Ненавижу тебя, когда ты прав, — сказал Брайан, доставая сигарету.

— Папа.

Его улыбка тут же поблекла, едва он увидел Майкла.

— Эмма, ты должна была позвонить, если хотела вернуться раньше.

— Знаю, но я встретила Майкла, — сказала та, очаровательно сверкнув ямочкой. — Меня смыло с доски, и он помог мне. — Поскольку ей хотелось ограничиться только этим, Эмма поспешно добавила: — К тому же я подумала, что тебе будет приятно снова увидеть его.

Брайан со странной неприязнью отметил, что его девочка, его маленькая девочка стоит, держа за руку юношу, почти мужчину.

— Снова?

— Ты не помнишь? Отец приводил его к вам на репетицию. Его отец, полицейский.

— Кессельринг. — У Брайана светло живот. — Ты Майкл Кессельринг?

— Да, сэр. — Майкл не знал, прилично ли ему протягивать руку музыкальному гиганту, поэтому лишь вытер ладони о трусы. — Мне было тогда одиннадцать. Это было здорово.

Брайан привык находиться на сцене, в свете прожекторов, и это помогло ему скрыть боль. Он смотрел на Майкла, высокого, смуглого, крепкого, но видел не сына Лу Кессельринга, а своего погибшего мальчика, каким тот мог бы стать. Однако, вставая из-за рояля, он улыбнулся:

— Рад снова видеть тебя. Ты помнишь Майкла, Джонно?

— Конечно. Ну что, ты уговорил отца на электрогитару?

— Да, — ухмыльнулся польщенный Майкл. — Какое-то время я брал уроки, но мне сказали, что я безнадежен. Теперь немного поигрываю на губной гармошке.

— Эмма, почему бы тебе не угостить Майкла колой? — Брайан указал на диван, и на его пальце блеснуло обручальное кольцо. — Садись.

— Я не хотел бы прерывать вашу работу.

— Мы живем для того, чтобы нас прерывали, — ответил Джонно, смягчая сарказм улыбкой. — Что ты думаешь об этой песне?

— Она великолепна, как все, что вы делаете.

— Какой умный мальчик, Брай. Может, оставим его при себе? — усмехнулся Джонно.

Майкл улыбнулся, не уверенный, следует ли ему смутиться.

— Нет, правда. Мне нравятся все ваши вещи.

— А диско?

— Дрянь.

— Очень умный мальчик, — решил Джонно. — Как вы встретились с Эммой на пляже? — Он продолжал говорить, зная, что Брайану требуется время, чтобы привыкнуть к приятелю дочери.

— У нее возникли некоторые сложности с волной, и я помог ей выбраться на берег. — Майкл обошел инцидент с мастерством подростка, знающего, как перехитрить взрослых. — Она в очень

хорошей форме, мистер Макавой. Просто нужно больше тренироваться.

Брайан выдавил еще одну улыбку и взял стакан теплого лимонада.

— Ты много времени уделяешь серфингу?

— Использую каждую возможность.

— Как твой отец?

— Нормально. Он теперь капитан.

— Слышал. А ты, должно быть, закончил школу.

— Да, сэр. В июне.

— Будешь продолжать?

— Вообще-то да. Отец рассчитывает на это.

Достав сигареты, Джонно машинально предложил Майклу. Тот взял, но после первой затяжки у него свело желудок.

— Значит, — немного развеселившись, спросил Джонно, — собираешься идти по стопам отца? Кажется, у вас называют копов плоскостопыми?

— О! — Майкл отважился на еще одну слабую затяжку. — Вряд ли я создан быть полицейским. Вот отец в этом деле мастер. Очень упорный, как было с делом вашего сына. Он годами продолжал работу над ним, даже после того, как его закрыли. — Майкл осекся, испугавшись, что завел об этом речь, и тихо закончил: — Он такой целеустремленный.

— Да, конечно.

Несколько успокоившись, Брайан улыбнулся очаровательной улыбкой, за которую его любили поклонники. Жаль, что он не добавил в лимонад рому.

— Передай ему мои лучшие пожелания, хорошо?

— Ясное дело.

Майкл облегченно вздохнул, когда вошла Эмма, неся поднос с напитками.

Час спустя она провожала его к машине.

— Хочу поблагодарить тебя за то, что ты не сказал папе о моей сегодняшней неудаче.

— Пустяки.

— И все же. Папа очень... беспокоится. — Эмма взглянула на высокую каменную стену. Куда бы она ни приезжала, всюду были стены. — Наверное, если бы он мог, то поместил бы меня под колпак.

Желание погладить ее по голове оказалось таким сильным и таким неожиданным, что Майкл успел поднять руку, но, осознав это, провел ею по своим волосам.

— Должно быть, он тяжело переживает случившееся с твоим братом, и все такое.

— Отец ужасно боится, что кто-нибудь попытается похитить и меня.

— А ты?

— Нет. Рядом всегда телохранители, поэтому никто меня не тронет.

Ухватившись за ручку дверцы, Майкл смущенно топтался на месте. И вовсе он в нее не втюрился, ничего подобного. Она еще ребенок.

— Может, встретимся завтра на пляже?

— Может быть. — В груди Эммы учащенно забилось сердце женщины.

— Я показал бы тебе несколько приемов обращения с доской. Чтобы улучшить технику.

— Замечательно.

Майкл сел в машину и долго возился с ключом, прежде чем завел двигатель.

— Спасибо за колу и все остальное. Было очень приятно встретиться с твоим отцом.

— До свидания, Майкл.

Он наконец тронулся с места и едва не заехал на газон, поскольку смотрел в зеркало заднего вида на Эмму.

Он ходил на пляж каждый день, но в то лето больше ее не видел.

Глава 15

Еще час до отбоя. Час до того, как сестра Непорочница зашаркает тапочками по коридорам, сунет нос в каждую комнату, проверяя, что музыка выключена, а одежда аккуратно висит в шкафу.

— Уже онемели?

— Кажется, нет.

Марианна притопывала в такт песне Билли Джоэла. Да, Билли прав. Девочки-католички начинают слишком поздно.

— Эмма, ты держишь лед на ушах двадцать минут. Ты отморозишь их.

Холодные струйки текли по рукам, но Эмма продолжала крепко прижимать лед к ушам.

— Ты уверена в том, что делаешь?

— Разумеется.

Покачивая бедрами, Марианна подошла к зеркалу, чтобы насладиться видом золотых шариков в недавно проколотых ушах.

— Я следила за каждым движением моей кузины, — сказала она и добавила с немецким акцентом: — И у нас есть фесь инструмент. Лет, иголька. Картофелину мы стащили на кухне. Два быстрых движения — и твои интересные ушки станут красивыми.

Эмма не отрывала глаз от иглки, пытаясь найти выход, который сохранит нетронутыми и ее уши, и ее гордость.

— Я еще не спрашивала разрешения у папы.

— Господи, Эмма, прокалывание ушей — личное дело каждого. У тебя начались месячные, появилась грудь — какая ни есть, — ухмыльнулась она. — Значит, ты уже женщина.

Эмма сомневалась, что хочет становиться женщиной, если ради этого лучшая подруга вонзит ей иглу в мочку уха.

— У меня нет сережек.

— Возьмешь пока мои. У меня их целая куча. Ну же, прояви свою британскую волю.

— Хорошо. — Набрав побольше воздуха, Эмма отняла лед от одного уха. — Не промахнись.

— Я? — Опустившись на колени перед креслом, Марианна сделала фломастером крошечную отметку на ухе подруги. — Слушай,

если я промахнусь и всажу иглу тебе в мозг, можно тогда забрать твою коллекцию пластинок?

Прыснув, она прижала к мочке картофеля и воткнула иглу.

Неизвестно, кому из них после этого было хуже.

— Господи, — простонала Марианна. — По крайней мере, мои родители могут не бояться, что я стану наркоманкой. Втыкать шприц просто отвратительно.

Эмма безвольно сползла по креслу.

— Ты не говорила, что я почувствую это. — Когда у нее забурлило в желудке, она сосредоточилась на том, чтобы сидеть неподвижно и ровно дышать. — О боже. И ты не говорила, что я услышу это.

— Я ничего не слышала. Правда, мы с Марсией стащили у отца бутылку. Наверное, мы вообще ничего не чувствовали и не слышали.

Взглянув на подругу, Марианна заметила на мочке кровь. Всего капельку, но ей почему-то вспомнился фильм ужасов, который они с кузиной смотрели этим летом.

— Нужно проткнуть и другое.

— О боже. — И Эмма закрыла глаза.

— Нельзя же ходить с одним проколотым ухом. Мы зашли слишком далеко. — Рука Марианны, готовившая иголку ко второй процедуре, была липкой от пота. — Мне труднее. Ты просто лежи спокойно.

Стиснув зубы, она прицелилась и выстрелила. Эмма только застонала и почти сползла на пол.

— Все, теперь надо промыть их перекисью, чтобы не занести инфекцию. И некоторое время закрывай уши волосами, чтобы сестры не заметили.

Тут дверь открылась, и обе девушки вскочили. Но это была не сестра Непорочница. В комнату влетела Тереза-Луиза Элкотт, отличница и зануда, в розовом халате и пушистых тапочках.

— Чем занимаетесь?

— Устраиваем оргию. — Марианна снова плюхнулась на кровать. — Ты хоть когда-нибудь стучишь?

Тереза лишь ухмыльнулась. Она была из самых нахальных, всегда лезла во все дела и всегда выполняла порученное. Марианна принципиально испытывала к ней отвращение. Будучи столь же

толстокожей, сколь и нахальной, Тереза принимала оскорбительные выпады за знаки дружбы.

— Ух ты, проколола себе уши, — прищурилась она, рассматривая висящие у Эммы ниточки. — Мать-настоятельница хватит удар.

— Хорошо бы и тебя хватил удар, — высказала пожелание Марианна. — Только не в нашей комнате.

— Больно? — полюбопытствовала Тереза.

Эмма открыла глаза, мысленно желая ей вечно гореть в аду.

— Нет. Замечательно. Сейчас Марианна будет прокалывать мне нос. Можешь посмотреть.

— Мне бы тоже хотелось проколоть уши. Может, ты сделаешь это после обхода сестры Непорочницы?

— Не знаю, Тереза. — Встав с кровати, Марианна завела пластинку Брюса Спрингстина. — Я еще не закончила сочинение и собиралась работать над ним всю ночь.

— Мое уже готово, — улыбнулась нахально Тереза. — Если проколешь мне уши, я дам тебе свои записи.

Марианна сделала вид, будто колеблется, и наконец ответила:

— Что ж, тогда давай.

— Отлично. Фу, чуть не забыла, зачем пришла. — И Тереза вытащила из кармана журнальную вырезку. — Мне прислала ее сестра, которая знает, что мы учимся вместе, Эмма. Ты когда-нибудь читала «Пипл»? Это прелесть. Там есть фотографии всех. На обложке Роберт Редфорд и Берт Рейнольде. Шикарно.

— Я видела этот журнал, — сказала Эмма, зная, что это единственный способ заставить Терезу заткнуться.

— Конечно, видела, там много раз писали про твоего отца.

Я не сомневалась, что ты умрешь от желания посмотреть этот номер, и принесла его тебе.

Так как желудок у Эммы успокоился, она приподнялась на кровати и взяла вырезку. Тошнота сразу вернулась, а вместе с ней отвращение.

«ИЗВЕЧНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК»

Снимок запечатлел Бев, катающуюся по полу с другой женщиной. Над ними с выражением изумленного бешенства склонился отец. У Бев разорвано платье, а в глазах дикая ярость. Та же, какую видела Эмма, когда они расстались.

— Я знала, что тебе захочется посмотреть на это, — весело сказала Тереза. — Это ведь твоя мать, да?

— Моя мать, — пробормотала Эмма, глядя на Бев.

— Блондинка в блестящем платье. Я ужасно хочу такое же. Джейн Палмер. Твоя мать, правда?

— Джейн.

Теперь Эмма обратила внимание на вторую женщину. И прежний страх вернулся, такой же реальный и панический, как и десять лет назад. Такой же ошеломляющий, как в тот раз, когда другая девочка тайком показала ей книгу Джейн «Опустошенная» с фотографией автора.

Это была Джейн. Бев дралась с ней, а рядом стоял папа. Из-за чего они дрались? Сквозь страх блеснула надежда. Возможно, папа и Бев помирились. Возможно, они снова будут жить все вместе.

Тряхнув головой, Эмма принялась за чтение.

«Представители высшего британского общества, выложившие по двести фунтов за мусс из лосося и шампанское на благотворительном обеде в лондонском „Мейфейр“, получили за свои деньги больше, чем ожидали. Беверли Вильсон, преуспевающий дизайнер и супруга Брайана Макавой из группы „Опустошение“, живущая с мужем отдельно, выясняет отношения с Джейн Палмер, бывшей любовницей Макавой и автором знаменитого бестселлера „Опустошенная“.

Нам остается только догадываться о причине схватки с вырыванием волос, но, как утверждают знающие люди, былое соперничество никогда не утихало. Джейн Палмер является матерью тринадцатилетней Эммы, дочери Макавой. Эмма Маковой, унаследовавшая поэтическую внешность отца, учится в частной школе где-то в Штатах.

Беверли Вильсон, живущая отдельно от Макавой, была матерью его единственного сына. Мальчика убили семь лет назад, и преступление до сих пор не раскрыто.

Маковой пришел на обед со своей нынешней подругой, певицей Лори Кейтс. Хотя он лично разнял дерущихся женщин, но обменялся с Вильсон лишь несколькими словами, до того как та покинула обед с П.М. Фергюсоном, барабанщиком рок-группы. Ни Маковой, ни Вильсон никак не прокомментировали инцидент, однако Палмер утверждает, что включит его в свою новую книгу.

Видно, как говорится в одной из песен Макавоя, «былой огонь горит не угасая».

В заметке сообщалось об остальных присутствующих, приводились их замечания по поводу инцидента. Описывались наряды, язвительно говорилось о том, что было надето на Джейн и Бев и что они друг с друга сорвали. Но Эмма не стала читать дальше.

— Только представь, как они рвали друг другу платья! При всех! — Глаза Терезы восторженно светились. — Они дрались из-за твоего отца? Он просто мечта. Конечно, из-за него. Как в кино.

Придушить идиотку — значит лишь задержать ее в комнате, и Марианна решила этого не делать. Существуют другие, более тонкие способы обращения с дебилами. Хорошо, она проколет Терезе уши-лопухи. А если забудет про лед, то по ошибке, честно.

— Тебе лучше уйти. С минуты на минуту появится сестра Непорочница.

Тереза вскочила. Она не хотела портить свою безупречную репутацию.

— Заходи в десять. Я дам тебе записи, а ты проколешь мне уши. — Тереза взялась руками за мочки. — Жду не дождусь.

— И я тоже. Маленькое дерьмо, — пробормотала Марианна, когда дверь закрылась, и обняла Эмму за плечи: — Ты в порядке?

— Это никогда не кончится.

«Хороший снимок, — бесстрастно подумала она, — четкий, удачное освещение. Лица не смазаны, легко разглядеть их выражение. И ненависть в глазах матери».

— Ты думаешь, я буду как она?

— Как кто?

— Как моя мать.

— Ну, Эмма, ты же не видела ее с тех пор, как была крошкой.

— Но есть гены, наследственность и все такое.

— Чепуха.

— Иногда я бываю злой. Иногда хочу быть злой, такой, как она.

— Ну и что? — Марианна сняла пластинку Спрингстина. В любую минуту может войти сестра Непорочница и конфисковать ее. — Все иногда злятся. Потому что наша плоть слаба, а мы переполнены грехом.

— Ненавижу ее. — Сказать это вслух было облегчением, ужасным облегчением. — Ненавижу Бев за то, что не нужна ей, и папу за то, что он засунул меня сюда. Ненавижу людей, убивших Даррена. Всех ненавижу. Она тоже всех ненавидит. Это видно по ее глазам.

— Все в порядке. Иногда я тоже всех ненавижу, хотя даже не знакома с твоей матерью.

Ее слова заставили Эмму засмеяться.

— Наверное, я тоже, — вздохнула она, шмыгнув носом. — Я едва помню ее.

— Ну вот видишь. — Удовлетворенная, Марианна плюхнулась на кровать. — Если ты ее не помнишь, значит, не можешь быть похожа на нее.

Логично. А Эмме просто необходимо поверить в это.

— Я не похожа на нее.

Желая судить объективно, Марианна взяла вырезку и изучила фотографии.

— Нисколечко. У тебя фигура и цвет волос как у отца. Поверь слову художника.

— Ты действительно собираешься проколоть Терезе уши?

— А ты как думаешь? Самой тупой иглой, какую только смогу найти. Хочешь, уступлю одно?

Эмма улыбнулась.

Глава 16

Никогда в жизни Стиви не был так напуган. Вокруг решетка, откуда-то из коридора доносится звук капающей воды. Иногда слышались голоса, шарканье ног, потом наступала тишина.

Ему просто необходима доза. Он дрожит, покрывается потом. Желудок завязался узлом, отказываясь реагировать на позывы тошноты. Из носа и глаз течет. «Это простуда», — уверял себя Стиви. Черт возьми, у него простуда, а его заперли, оставили гнить. Усевшись на койку, он подтянул колени к груди, вдавившись спиной в стену.

Он — Стиви Ниммонс. Величайший гитарист своего поколения. А его посадили в клетку, словно зверя, заперли и ушли. Неужели эти люди не знают, кто он такой? До каких высот поднялся?

Ему необходима доза. О господи, только одна маленькая Доза. Тогда он готов смеяться над всем этим.

Холодно. Чертовски холодно. Стиви натянул на себя одеяло и съежился под ним. Очень хочется пить. Во рту пересохло, даже слюны нет.

Кто-нибудь должен прийти. Его глаза наполнились слезами. Кто-нибудь придет, и все будет хорошо. Кто-нибудь все исправит. Господи, ему нужна доза. Придет мать и скажет, что уже обо всем позаботилась.

Больно. Стиви заплакал, уткнувшись в колени. Каждый глоток воздуха, который он вдыхал, казалось, состоял из крошечных осколков стекла. Его мышцы горели, кожа леденела.

Одну затычку, один укол, одну дорожку, и с ним опять все будет в порядке..

Неужели, черт побери, они не знают, кто он такой?

— Стиви.

Услышав свое имя, он посмотрел на дверь камеры, провел ладонью по рту, попытался засмеяться, но издал лишь жалкий всхлип. Он собрался с силами и встал. Пит. Пит все уладит.

Запутавшись в одеяле, Стиви растянулся на полу, а менеджер смотрел на ноги в ботинках из змеиной кожи за пятьсот фунтов. Лицо гитариста, когда он наконец оторвался от пола, было серым, с резкими морщинами, белки глаз покраснели, на разбитой губе выступила кровь. И от него воняло.

— Господи, мне плохо, — Стиви начал подтягиваться, хватаясь потными руками за прутья решетки. — У меня простуда.

«Знаем мы твою простуду», — безучастно подумал менеджер.

— Ты должен вытащить меня отсюда. Это какое-то сумасшествие! Они ворвались в мой дом, черт побери, словно орава фашистов. Помахали у меня перед носом какой-то бумажкой, начали рыться в ящиках. Господи, Пит, они притащили меня сюда, будто я убийца. Надели наручники. — Стиви опять заплакал. — Люди видели, как меня выводили из собственного дома в наручниках. Меня фотографировали. Это несправедливо, Пит. Ты должен вытащить меня отсюда.

Во время его излияний Пит молчал. Он уже имел дело с кризисными ситуациями и знал, как обращаться их в свою пользу.

— Они нашли героин, Стиви, — тихо и спокойно произнес он. — Тебя собираются обвинить в хранении наркотиков.

— Просто вытащи меня отсюда к чертям собачьим!

— Ты меня слушаешь? — Вопрос прозвучал как удар хлыста. — Нашли столько, что могут надолго тебя упрятать.

— Мне его подбросили. Кто-то меня подставил. Кто-то...

— Не вешай мне лапшу на уши. — Взгляд менеджера был ледяным, но свое отвращение Пит умело скрывал. — У тебя два выхода. Сесть в тюрьму или отправиться в клинику.

— У меня есть право...

— Здесь у тебя нет прав. Ты вляпался, Стиви. Если хочешь, чтобы я помог тебе, ты должен поступать так, как я скажу.

— Только вытащи меня отсюда. — Гитарист сполз на пол и съежился. — Только вытащи меня отсюда.

— И долго он там пробудет? — спросила Бев, разливая охлажденный «Пуйи Фюме».

— Три месяца. — Джонно наблюдал за ней, радуясь, что прежняя Бев не запрятана слишком глубоко в эту новую, приглаженную модель. — Не знаю, как Питу удалось все уладить, и не хочу знать, но, если Стиви пройдет курс лечения в клинике «Уайтхерст», его не привлекут к суду.

— Я рада. Ему нужна помощь, а не приговор суда. — Бев устроилась рядом с Джонно, чувствуя себя по-глупому взволнованной. — Об этом постоянно говорят по радио. Когда ты

пришел, я как раз думала, что мне делать, чем я могу помочь. Через какое-то время я могу навестить его.

— Вряд ли он будет представлять собой приятное зрелище.

— Ему будут нужны друзья, — сказала Бев и поставила на стол нетронутый бокал.

— А ты по-прежнему его друг?

Выражение лица смягчилось, она провела рукой по щеке Джонно:

— Ты хорошо выглядишь. Меня всегда интересовало, что ты скрываешь под своей бородой.

— Шестидесятые закончились, Бев. Невыносимо жаль, но это так. На прошлой неделе я даже надевал галстук.

— Вот как.

— Правда, из белой кожи, но все-таки галстук. — Нагнувшись, Джонно поцеловал ее. — Мне тебя не хватало.

— Годы пролетели так быстро.

— Для некоторых из нас. Я слышал, у вас с Пи Эм связь? Бев не спеша пригубила вино.

— Ты пришел посплетничать, Джонно?

— Я ведь обожаю сплетни, дорогая. Может, сделать вид, что я не видел тебя на снимках вместе с Пи Эм? — Знакомый сарказм. Едва уловимый, но острый словно бритва. — Разумеется, любовь моя, я видел тебя и вместе с Джейн, после того как ты Разбила ей в кровь губу. — Он успел поймать Бев за руку и поцеловал ее. — Моя героиня.

Та засмеялась и, хотя отдернула руку, снова расслабилась.

— Драться с ней я не собиралась, как не собираюсь жалеть о ром, что поступила именно так.

— Вот он, истинный дух. Ты амазонка.

— Она позволила себе замечание о Даррене, — пробормотала Бев.

— Извини.

Улыбка Джонно угасла. Когда он снова взял руку Бев, та уже не отдернула ее.

— Я просто увидела красное. Так бывает, когда ты вне себя от ярости. Помню, как я бросилась на нее. За Даррена, за себя. И за Эмму. Вот какие у меня нервы. Я защищаю Эмму после всего, что ей сделала.

— Бев.

— Нет, не будем вдаваться в это. Теперь все позади. Джейн оболъет меня грязью в своей новой книге, чем подогреет интерес ко

мне и моему бизнесу. Пи Эм говорит, вы собираетесь основать свою фирму.

— Официальное представление через пару недель. А где же наш мальчик?

— Ему пришлось улететь в Калифорнию. По делу о разводе. Но он должен возвратиться с минуты на минуту.

— Сюда?

— Да, сюда. Это создаст какие-нибудь проблемы, Джонно?

— Не знаю. А создаст?

В глазах Бев промелькнула тень бывшего огня — упрямого, задорного.

— Он хороший человек, очень добрый.

— Знаю. Мне он тоже нравится.

— Знаю, — вздохнула Бев, и огонь погас. — Не усложняй ничего, Джонно. Просто мы ищем хоть немного счастья, душевного покоя.

— Чушь. Пи Эм давно любит тебя.

— Ну и что? — нетерпеливо спросила она. — Разве я не заслуживаю, чтобы кто-то любил меня? Чтобы кто-то ставил меня превыше всего?

— Заслуживаешь. А он разве не заслуживает того же самого? Оторвавшись от дивана, Бев прошла до окна и обратно.

Струйки дождя стекали по стеклу и напоминали прутья решетки.

— Я не собираюсь причинять ему боль. Пи Эм нужен кто-то именно сейчас. Как и мне. Что в этом плохого?

— Брайан, — просто ответил Джонно.

— Какое он имеет к этому отношение? Все давно закончилось.

Джонно медленно поднялся:

— Не хочу оскорбить тебя, называя лгуньей или дурой. Скажу лишь, что забочусь о тебе, о Пи Эм и о Брае. Меня также очень волнует судьба группы, то, что мы сделали, и то, что мы еще можем сделать.

— Я не Йоко Оно, — натянуто произнесла Бев. — И не встану между членами вашей драгоценной группы. Разве я когда-либо вставала? Разве смогу встать?

— Никогда. Возможно, ты просто не знала, как легко бы у тебя это получилось. Брайан никого так не любил, как тебя, Бев. Поверь, я знаю.

— Не говори мне этого.

Джонно хотел было продолжить, но тут оба услышали стук входной двери и быстрые шаги в коридоре.

— Бев! Бев! — В комнату ворвался Пи Эм в распахнутом мокром пальто. — Джонно, слава богу! Я только что услышал по радио про Стиви. В чем дело, черт возьми?

— Усаживайся, сынок, и я тебе расскажу.

Он любил ее так трогательно. Так нежно прикасался к ней. Мерцали свечи, огоньки плясали в темноте. Бев провела рукой по спине Пи Эм. Его слова, произнесенные шепотом, так приятны. Так просто отдавать ему себя, позволять его любви уносить тебя в неведомую даль.

Ей никогда не придется гадать, нужна ли она ему, будет ли нужна всегда. Рядом с ним ей никогда не придется лежать ночью без сна, тревожась, переживая. И она никогда не испытает того восторга единения и обладания любимым.

Она отдавала ему все, что могла, раскрываясь для него, допуская, даже приглашая его в себя. Ее тело не трепетало, как его, сердце не грозило вырваться из груди. Однако после мгновения экстаза приходила умиротворенность. И она чувствовала благодарность.

Но Бев знала, что такая простота не вечна. Он привлек ее к себе. Он любил ее спокойствие после занятий сексом, полную, даже изыщную неподвижность ее тела.

Веки у нее опущены, мягкие губы чуть приоткрыты. Если бы он положил голову ей на грудь, то услышал бы размеренное биение сердца.

Иногда они вот так лежали и разговаривали. С женой он не разговаривал ни разу за все семь лет. Они говорили о том, что произошло с ними за день, о событиях в мире. Или просто слушали радио, игравшее во время их занятия любовью. Они так и засыпали, спокойные, удовлетворенные. А утром он просыпался, изумляясь и радуясь, что она рядом.

Он повернул ее к себе лицом.

— Дело о разводе продвигается.

— Я рада, — сказала Бев, очнувшись от полудремы.

— Да?

— Конечно. Я знаю, как трудно тебе было в последнее время. Ты хочешь покончить со всем этим.

— Я сделал ошибку, женившись на Энджи. Но мне так хотелось иметь жену, дом, семью. Разумеется, жуткое сооружение в Беверли-Хиллз никогда не было домом, а у Энджи всегда находились отговорки, чтобы не заводить детей. Ну и к лучшему. Я так же не подходил ей, как и она мне.

— Ты несправедлив к себе. — Бев взяла его за руку.

— Нет, это правда. Для Энджи я был лишь ступенью карьеры. К сожалению, она не понимала, что я достаточно хорошо отношусь к ней и помог бы ей даже без официальной регистрации. Но мы кинулись друг к другу, а потом были слишком ленивы или слишком осторожны, чтобы расстаться. — Пи Эм взглянул на ее длинные и тонкие пальцы, сплетенные с его толстыми обрубками. — Теперь я отчетливо вижу свои ошибки. И больше не повторю их, если ты дашь мне шанс, Бев.

Она испуганно вздрогнула, а его руки, на удивление сильные, обняли ее за плечи.

— Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж, и знаю, что ошибки не будет.

Бев медлила с ответом. Ее сердце взбунтовалось против необходимости причинять боль Пи Эм.

— Не могу. Извини, я не могу.

Он смотрел в ее глаза, читая в них сожаление и едва уловимую горечь, от которой ему захотелось взвыть.

— Из-за Брайана, — произнес он упавшим голосом.

Бев собиралась кивнуть, но вдруг поняла, что ответ не столь уж очевиден.

— Нет, из-за меня. — Она встала с кровати, подхватив халат. — Я не могу расстаться с прошлым. Мне казалось, все позади, мне хотелось так думать. — В ее голосе послышалось сожаление. — С тобой я впервые за долгое-долгое время почувствовала себя счастливой. И впервые это позволило мне во всем разобраться.

— Ты по-прежнему любишь его.

— Да. Мне казалось, что, смирившись, я могу жить с тобой, с кем-то еще. Но ведь это я оттолкнула его.

— О чем ты говоришь?

— Разве ты не знал? — Она слабо улыбнулась. Теперь ей легко говорить с ним как с другом, а не как с любовником. — Конечно, он никогда бы не стал говорить об этом. Даже с тобой. После убийства Даррена я вычеркнула Брайана из своей жизни. Наказала его. И Эмму. Я причиняла ему боль, когда он больше всего нуждался во мне, винила его, потому что боялась винить себя.

— Господи, Бев, вам обоим не в чем себя винить.

— Не уверена. Я не позволяла Брайану переживать вместе со мной. И когда он страдал, когда мы оба страдали, я оттолкнула его. Он не бросал меня, Пи Эм. Это я бросила его. И бедную малышку Эмму. Думаю, каждый по-своему, мы оба бросили ее. Встреча с тобой, возможность быть рядом заставили меня осознать, что именно я сделала. С нами со всеми. Ты заслуживаешь лучшего, чем я, которая любит недостаточно и всегда будет сожалеть об этом.

— Я мог бы сделать тебя счастливой, Бев.

— Да, мог бы. — Она закрыла лицо руками. — Зато я не сделаю тебя счастливым, во всяком случае, надолго. Ты всегда будешь знать, что он был первым, и так, как я любила его, больше никого не полюблю.

Да, Пи Эм знал это, знал ее ответ до того, как задал свой вопрос. Может, ему стало бы легче, если бы он возненавидел ее. И Брайана. Но он любил. Любил их обоих.

— Почему бы тебе не вернуться к нему, не поговорить с ним?

— Даррену сейчас было бы почти десять. Возвращаться слишком далеко, Пи Эм.

Эмма торопливо шла по территории пансионата. Если она сделает вид, что у нее есть какая-то цель, ни одна из сестер ее не остановит и ни о чем не спросит. Хотя у нее заготовлено оправдание — доклад по ботанике.

Но ей нужно побыть одной. Эмма сожалела, что пришлось солгать даже Марианне, вечером она собиралась исповедаться в этом грехе отцу Преленски. А теперь ей нужен час одиночества, чтобы подумать.

Быстро оглядевшись, Эмма нырнула в заросли кустарника и, зажав тетрадь под мышкой, поспешила к небольшой рожице.

Так как сегодня было воскресенье, ей позволялось надеть Джинсы и кроссовки. К счастью, она надела также свитер, потому что в тени начинающих зеленеть деревьев оказалось прохладно. Убедившись, что

ее не видно из окон пансиона, она Упала на землю. В тетради лежали вырезки из газет и журналов, которыми ее снабжали Тереза и другие любопытные одноклассницы.

Вот здесь она вместе с Майклом. Эмма разгладила вырезку и, чувствуя радостное смущение, принялась изучать свое лицо и тело. Она была мокрой, растрепанной, но Майкл выглядел прекрасно.

Майкл Кессельринг. В газете его имя не называлось, просто никто не потрудился его выяснить. Прессу всегда интересовала только она. Зато все девчонки визжали от восторга, глядя на Майкла, и требовали рассказать, кто он такой, был ли у них роман.

Говоря о Майкле, она чувствовала себя взрослой. Конечно, Эмма приукрасила свой рассказ, добавив, как Майкл нес ее на руках, делал искусственное дыхание изо рта в рот, клялся в вечной любви. Вряд ли он станет возражать, поскольку никогда об этом не узнает.

Вздыхнув, Эмма достала следующую вырезку. В которой уже раз она всматривалась в снимок, изучала его, вновь и вновь со страхом искала сходство с матерью. Но ей было известно, что наследственность проявляется не только во внешности. Эмма прилежно училась, а особенно внимательной она бывала на уроках биологии, когда обсуждались гены и наследственность.

Это ее мать, ничего тут не поделаешь. Она ее родила. Эмме вдруг показалось, что она вновь почувствовала запах джина, шлепки, услышала пьяную ругань.

Это настолько испугало ее, что она вонзила обкусанные ногти в потные ладони.

Вскрикнув, Эмма оторвала взгляд от лица Джейн и посмотрела на отца. Каждую ночь она молилась о том, чтобы быть похожей на него — доброй, нежной, веселой, справедливой. Отец спас ее. Об этом много писали, но Эмма и сама помнила, как он посмотрел на нее, когда она вылезла из-под раковины, его ласковый голос. Отец дал ей дом, жизнь без страха. Эмма не могла забыть годы, которые он подарил ей. Которые подарили они с Бев.

Почему-то труднее всего было смотреть на Бев. Она так прекрасна, так совершенна. Никакую другую женщину Эмма не любила сильнее, ни в какой другой так не нуждалась. А глядя на Бев, нельзя не думать о брате. О Даррене, у которого были такие же густые

темные волосы и мягкие, с прозеленью глаза. Которого Эмма поклялась защищать. Который умер.

Виновата она. Ей этого никогда не простят. Бев прогнала ее. Отец прогнал ее. У нее никогда не будет семьи.

Отложив вырезку, Эмма некоторое время разглядывала более старые заметки. Ее детские снимки, снимки Даррена, броские заголовки про убийство. Эти вырезки она прятала в самой глубине шкафа. Если монахини найдут их и расскажут отцу, у того в глазах появится боль, словно его рана до сих пор не зажила. Эмма не хотела огорчать отца, но забыть тоже не могла.

Она снова перечла заметки, хотя уже знала их наизусть. Как всегда, попыталась найти нечто такое, что объяснило бы ей, почему это произошло, как она могла бы это предотвратить.

Ничего. Как всегда.

Уже появились новые вырезки о Бев и Пи Эм. В некоторых говорилось, что Бев вот-вот получит развод и выйдет замуж за Пи Эм. Другие со вкусом распространялись о том, как двоих мужчин, бывших почти братьями, разлучила женщина. Появилось объявление о создании «Опустошением» собственной фирмы «Призма» и снимки с банкета в Лондоне по случаю ее презентации. Фотографии отца с женщинами, каждый раз новыми, снимки с Джонно, Пи Эм, Питом. Но без Стиви. Вздохнув, Эмма взяла следующую вырезку.

Стиви в больнице, где лечат наркоманов. Его называли наркоманом. В других заметках его называют преступником. А Эмма когда-то считала его ангелом. На фотографии Стиви выглядит усталым, похудевшим, испуганным. Газеты пишут о трагедии, о насилии. Кое-кто из девочек перешептывается и хихикает.

Но с Эммой об этом никто не говорил. Когда она спросила у отца, тот лишь сказал, что Стиви потерял над собой контроль, ему оказывают помощь и пусть она не беспокоится.

Но она беспокоилась. Это ее семья, единственная семья, которая у нее осталась. Она потеряла Даррена. Ей надо позаботиться о том, чтобы не потерять остальных. Раскрыв тетрадь, Эмма принялась за письма.

Глава 17

Стиви прочел свое письмо во время утренней прогулки, сидя на каменной скамье. Прекрасное место, окруженное чайными розами и алтеями. Среди увитых глициниями беседок проложены мощенные кирпичом дорожки. Пациентам и служащим клиники «Уайтхерст» здесь предоставляли полную свободу. До прочных каменных стен.

Он испытывал отвращение к клинике, врачам, другим пациентам. Ненавидел лечебные процедуры, распорядок дня, неизменные улыбки персонала. Но Стиви делал то, что ему говорили, и говорил то, что от него хотели услышать.

Он наркоман. Ему нужна помощь. Он будет принимать этот Метадон, мечтая о героине.

Стиви научился быть спокойным, научился быть хитрым. Через четыре недели и три дня он выйдет отсюда свободным человеком. На этот раз он станет вести себя осторожнее. Будет Улыбаться врачам и журналистам, читать лекции о пагубности Наркотиков, лгать, стиснув зубы. Но свою жизнь он выбирает сам.

Никто не имеет права говорить ему, что он болен, никто не имеет права говорить ему, что он нуждается в помощи. Если он захочет накачаться, то накачается. Что знают все эти люди о том напряжении, в каком он живет изо дня в день? О желании преуспеть, стать лучше остальных?

Возможно, раньше он действительно заходил слишком далеко. Возможно. Теперь он будет держаться в рамках приличия. Безмозглые врачи накачивают себя коньяком, а он сделает себе укол, если захочется. Или покурит гашиш, если возникнет такое желание.

И пусть все катятся к чертовой матери.

Стиви вскрыл конверт. Он был рад письму Эммы. Ни к какому другому существу женского пола он не испытывал таких чистых и искренних чувств. Стиви закурил и откинулся на скамейке, втянув в легкие дым, смешанный с ароматом роз.

«Дорогой Стиви!

Я знаю, что ты сейчас в больнице, и очень сожалею, что не могу навестить тебя. Папа говорит, что был у тебя и ты выглядишь лучше. Я часто вспоминаю о тебе. Может, когда ты поправишься, мы снова

проведем каникулы вместе, как прошлым летом в Калифорнии. Я очень скучаю по тебе и по-прежнему ненавижу школу. Но мне осталось учиться всего три с половиной года. Помнишь, когда я была маленькой, ты постоянно спрашивал меня, кто лучший ? Я всегда отвечала «папа», и ты притворялся, что приходишь в ярость. Так вот, хотя я никогда не говорила тебе, но на гитаре ты играешь лучше его. Только не говори это папе. Вот фотография, где мы с тобой сняты в Нью-Йорке. Ее сделал папа, помнишь? Поэтому она нерезкая. Я подумала, что тебе будет приятно ее получить. Можешь написать мне ответ, если будет настроение. Но если не напишешь, ничего страшного. Я не разбила письмо на абзацы и все такое, просто забыла. Я люблю тебя, Стиви. Поправляйся скорее.

Любящая тебя Эмма».

Стиви уронил письмо на колени. Он сидел на скамейке, курил. И плакал.

Пи Эм вскрыл свое письмо в доме, который только что купил в пригороде Лондона. Он сидел на голом полу, рядом стояла бутылка пива, из стереосистемы, единственного предмета обстановки, лился блюз Рэя Чарльза.

Покинуть Бев оказалось непросто, но еще труднее было бы остаться. Она помогла найти дом, она же его обставит. Время от времени она будет приходить сюда и заниматься с ним любовью. Но она никогда не станет его женой.

Пи Эм винил в этом Брайана. Что бы там ни говорила Бев, у него не хватило мужества остаться рядом с ней в тяжелое время. Не хватило мужества и отпустить ее. С самого начала Брайан плохо обращался с Бев. Привел к ней ребенка от другой женщины, попросил воспитывать как своего собственного. Во время турне надолго оставлял ее одну. Принуждал к образу жизни, который она никогда не хотела вести. Наркотики, поклонницы, сплетни.

А что скажет Брайан и остальные, если он объявит о своем выходе из группы? «Это заставит их попрыгать и считаться со мной», — подумал Пи Эм, отпивая пиво. Брайан Макавой может отправляться в ад, забрав с собой «Опустошение».

Скорее по привычке, чем из любопытства, он вскрыл письмо Эммы. Она писала ему каждые два месяца. Веселые письма, на

которые Пи Эм отвечал открыткой или небольшим подарком. Девочка не виновата, что ее отец — ублюдок.

«Дорогой Пи Эм!

Наверное, я должна сказать, что сожалею о твоём разводе, но это не так. Мне не нравилась Энджи. Монашки считают развод грехом, но, по-моему, больший грех притворяться, что любишь кого-то, если это неправда. Надеюсь, ты опять счастлив. Когда я видела тебя прошлым летом, ты был печален.

В газетах много пишут о тебе и Бев. Возможно, мне не полагается говорить о таких вещах, но я не могу иначе. Если вы с Бев поженитесь, я не стану на вас сердиться. Она такая хорошая, красивая, и ты ничего не можешь поделать, если любишь ее.

Может, если она будет счастлива с тобой, то перестанет ненавидеть меня. Я знаю, ты не дерешься с папой, как об этом пишут некоторые газеты. Было бы глупо винить его за то, что он любит Бев, раз ты сам любишь ее.

Я нашла у себя вашу с папой фотографию. Вы собираетесь начать работу над новым альбомом, и ты сможешь показать этот снимок папе. Надеюсь, ты счастлив, потому что я люблю тебя. Возможно, летом мы встретимся в Лондоне.

Любящая тебя Эмма».

Пи Эм долго изучал фотографию, потом вложил ее вместе с письмом в конверт. Развестись с женой — это одно дело, а развестись с семьей — совсем другое.

* * *

Вернувшись в Нью-Йорк, Джонно сначала отсыпался, а на следующий день сочинял. Последний партнер вывел его из себя маниакальной любовью к чистоте. Джонно и сам был привередлив, но, когда дошло до мытья всех приносимых из магазина бутылок и консервных банок, даже он не выдержал.

Служанка ушла, и Джонно наслаждался тишиной. Он рассеянно подумал, не провести ли вечер еще где-нибудь, но решил, что слишком ленив для этого. Сказывалась не столько разница во времени, сколько напряжение последних недель. Всякие сложности с новой фирмой,

нелегкий визит к Стиви в клинику, а самое тяжелое — время, проведенное с Брайаном, и вид того, как старый друг все глубже погружается в бутылку. Но его музыка хороша, как никогда прежде. Жалаящая, лиричная, острая, мечтательная. Брайан не желал говорить о своих чувствах, о своей боли и ярости по поводу связи Пи Эм и Бев. Однако все это выражено в его музыке. «Зато Пит доволен», — подумал Джонно, стаскивая рубашку. Пока «Опустошение» играет рок, в мире все в порядке.

Достав салат из креветок, приготовленный домработницей, Джонно открыл бутылку вина и начал лениво разбирать накопившуюся в его отсутствие почту. Узнав почерк Эммы, он улыбнулся.

«Дорогой Джонно!

Я ненадолго удрала от монашек. Наверное, потом меня накажут, но так хотелось остаться одной. Все сестры как пришибленные. Вчера исключили трех старшеклассниц. Есть правило — не курить в форменной одежде, поэтому Карен Джонс, Мэри-Элис Прессингер и Томисина Джибралти разделись до трусиков, заперлись с сигаретами в комнате. Большинство девочек считает это дерзкой шуткой, но у матери-настоятельница плохо с чувством юмора».

Джонно со смехом отодвинул салат, пригубил вино и продолжил чтение.

«В последнее время я много думаю о папе, о тебе, об остальных. Я читала про Стива, и мне больно. Ты видел его? С ним все в порядке? На снимке в „Лондон тайме“ Стиви выглядит таким старым и больным. Не хочется верить, что он наркоман, но я ведь не ребенок. Папа не желает говорить со мной об этом, поэтому я спрашиваю тебя. Ты всегда говорил мне правду. Некоторые девочки утверждают, что все рок-музыканты наркоманы. Впрочем, эти девочки — полные кретинки.

Слухи проникают и за эти стены. У меня есть вырезка из «Пипл» с фотографиями папы, Бев и Пи Эм. Там есть и Джейн. Не хочу называть ее своей матерью. Пожалуйста, не говори папе, что я написала тебе об этом. Он очень расстроится. Я тоже сначала расстроилась, потом долго думала. Ну и пусть Бев любит Пи Эм, ведь правда? Она как будто опять станет членом нашей семьи.

На самом деле я, наверное, пишу тебе для того, чтобы попросить тебя присмотреть за папой. Он делает вид, что больше не думает о Бев. Но это неправда. Я вижу. Когда я выйду из школы, я сама позабочусь о

нем. Мы с Марианной собираемся обосноваться в Нью-Йорке, чтобы иметь возможность повсюду ездить с ним и делать фотографии.

Та, которую я вложила в письмо, — автопортрет, сделанный мной на прошлой неделе. Обрати внимание на сережки. Марианна проколола мне уши, и я чуть не свалилась в обморок. Я еще не говорила об этом папе, так что молчок, хорошо? До весенних каникул всего девять дней, поэтому он сам скоро узнает. Папа говорит, что Пасху мы проведем на Мартинике. Приезжай, Джонно. Пожалуйста.

Я тебя люблю. Эмма».

И что ему делать с Эммой? Можно сунуть в нос Брайану это письмо и сказать: «Прочти-ка и подними свою задницу. Ты нужен своей дочери». Но после этого ни Брайан, ни Эмма его не простят.

Девочка растет, и растет быстро. Проколотые уши, лифчик, философия. Брайан не сможет долгое время держать ее под колпаком.

Что ж, Джонно постарается быть рядом, когда произойдет взрыв. Ради них обоих. Похоже, ближайшие несколько дней он проведет на Мартинике.

* * *

На раскаленном белом песке, рядом с нагревающимся стаканом рома, Брайан наблюдал, как его дочь вспарывает волну. Почему она все время будто торопится покинуть одно место, чтобы сразу отправиться в другое? С кем бегают наперегонки? Он-то может сказать ей, что, когда пересекаешь финишную черту, слава оказывается мимолетной. Но разве она слушает? Тринадцать лет. Боже милостивый, когда же она успела превратиться в подростка? А когда он успел превратиться в тридцатитрехлетнюю икону?

Ему в тринадцать лет все казалось очень простым. Цель была полностью определена. Выбраться из грязи, исполнять свою музыку, стать кем-то. Он этого достиг. Но где, черт побери, захватывающий восторг?

Брайан смотрел, как Эмма нырнула в волну, затем появилась с другой стороны. Лучше бы она не заплывала так далеко. Пока она сидела в пансионе, Брайан о ней совершенно не беспокоился. Она хорошая ученица, прилежная, спокойная, послушная. Затем наступали

каникулы, и дочь снова появлялась в его жизни. Повзрослевшая, похорошевшая. Брайан видел решительный взгляд темных глаз. Такой же, как у него самого. Это его пугало.

— Господи, сколько же энергии. — Джонно упал рядом. — Она, по-моему, совсем не останавливается, да?

— Да. А мы стареем, Джонно?

— Вздор. — Тот пригубил его ром. — Рок-звезды не стареют, сынок. Они отправляются играть в Вегас. Мы еще не там, хотя, конечно, и не Шоны Кэссиди.

— Хвала богу.

— Действуй в том же духе, и никогда не увидишь свою фотографию в «Тайгер бит».

Некоторое время они молчали, слушая плеск волн. Джонно был рад, что приехал. Тишина частной виллы с пляжем, окруженной высокими стенами и живой изгородью, которые террасами спускались к морю, являлась приятным контрастом толчее Нью-Йорка и дождливой весне Лондона.

Пахло солнцем, водой и цветами.

Да, он рад, что приехал. Рад возможности тихо и спокойно провести время с Брайаном и Эммой. Время, которое слишком быстро кончится.

— Недавно звонил Пит.

Брайан смотрел на дочь, стоящую по пояс в воде. Она подняла лицо к солнцу. Кожа у нее потемнела — не загорела, а приобрела нежный абрикосовый оттенок. Брайан испуганно подумал, скоро ли какой-нибудь парень захочет попробовать ее на вкус.

— И?

— Они договорились на следующий месяц. Можем начинать запись.

— А Стиви?

— Его отпустят на домашнее лечение. Он теперь зарегистрированный наркоман, — пожал плечами Джонно. — Будет принимать метадон. Если нельзя достать наркотик на улице, его получают от правительства. Так или иначе Стиви будет готов.

— А ты?

Взяв стакан, Брайан проглотил нагревшийся ром.

— Я давно готов.

— Рад слышать. Ты не собираешься вызывать Пи Эм на кулачный бой?

— Не трогай меня, Джонно.

— Лучше бы ты расквасил ему нос, чем месяцами глядел бы на него ледяным взглядом или обдумывал по ночам, как убить его.

— Я ничего против Пи Эм не имею, — осторожно произнес Брайан. — Это его жизнь.

— И твоя жена.

Брайан метнул на друга гневный взгляд.

— Бев давно мне не жена.

Джонно оглянулся, убеждаясь, что Эмма их не слышит.

— Можешь говорить это кому угодно, только не мне, Брай. — На миг он сжал руку друга и тут же отпустил. — Тебе будет не легко, я просто хочу знать, что ты готов.

Брайан взял стакан, но, вспомнив, что он пуст, поставил на место. Несмотря на легкий ветерок с моря, зной уже начинал давить.

— Нельзя вернуться назад, Джонно. И нельзя стоять на месте. Поэтому мы идем вперед, независимо от того, готовы мы или нет.

— О, это великолепно! — Эмма упала между отцом и Джонно, с ее волос ручьями текла вода. — Вам нужно было идти вместе со мной.

— В воду? — спросил Джонно, сдвигая на кончик носа синие очки. — Эмма, милая, там же страшилища. И скользкие твари.

Рассмеявшись, она чмокнула его в щеку, затем чмокнула отца. Уловив запах рома, девочка с трудом сохранила улыбку.

— Старики сидят на берегу, — весело сказала она.

— Старики? — Схватив дочь за волосы, Брайан потянул за них. — Кого это ты называешь стариками?

— О, тех людей, которые просиживают все утро под зонтиком, — улыбнулась Эмма. — Почему бы вам не посидеть здесь, не отдохнуть, а я принесу напитки и захвачу фотоаппарат. Чтобы потом, глядя на снимки, вы вспоминали, как мило и спокойно провели время.

— А у нее бойкий язычок, Брай.

— Заметил.

— И мы спустим ей это?

— Ни в коем случае.

Когда оба прыгнули на нее, Эмма взвизгнула. При желании она могла бы увернуться, но предпочла брыкаться и отбиваться, пока отец

хватал ее за ноги, а Джонно за руки.

— Думаю, прямо с обрыва. — Откинув голову назад, Джонно сбросил шляпу на песок, и они с Брайаном побежали к воде. Набрав воздуха, Эмма нырнула вместе с ними.

Никогда в жизни она не была такой счастливой. Все чудесно, просто идеально. Проводить день на пляже, а вечером слушать музыку. Весело перекидываться в карты с Джонно, гулять по берегу с отцом. Сколько отснятой пленки, воспоминаний!

Как тут заснуть? Это ее последняя ночь на Мартинике, последняя ночь с отцом. Ее последняя ночь свободы. Завтра она будет уже в самолете, направляясь в пансион, где все идет по заведенным правилам, все точно расписано: когда вставать, когда ложиться спать, что надевать, о чем думать.

Вздыхнув, Эмма покачала головой. Летом она полетит в Лондон, увидит Стиви и Пи Эм тоже. Она будет смотреть, как они записывают новую пластинку.

Ладно, как-нибудь она доживет. Это просто необходимо. Для папы очень важно, чтобы она получила образование, находилась в безопасности и под хорошим присмотром. Что ж, монашки с этим справляются. Вряд ли за день выпадет минута, когда за ней не присматривают.

Эмма слышала плеск воды, чувствовала ее запах. Поддавшись желанию, она натянула шорты. Уже поздно, телохранители спят, она выйдет на берег. Одна. Посидит, глядя на воду, и никто не будет за ней присматривать.

Эмма быстро вышла из комнаты, спустилась в холл, затаив дыхание, выскользнула за дверь и побежала.

Через час она, совершенно мокрая, прокралась на цыпочках в дом. В конце концов просто смотреть на воду оказалось недостаточно. Услышав голос отца, Эмма нырнула в тень.

— Только потише, милочка. Все спят.

Женский смешок, затем голос с сильным французским акцентом:

— Я тиха, как мышка.

В комнату вошел Брайан с маленькой брюнеткой в ярко-розовом саронге. Золотые туфли на высоком каблуке она несла в руке.

— Я так рада, что ты заглянул сегодня вечером, cheri. Брюнетка провела руками по его бедрам, затем крепко обняла и прижалась

губами ко рту Брайана.

Эмма зажмурилась, но не могла не слышать их стонов.

— Ммм. Как ты спешишь, — засмеялась француженка. — Я отработаю все деньги, cheri, не беспокойся. Ты обещал, что сначала будет угощение.

— Хорошо.

«И это поможет», — думал Брайан. Волосы у нее темные и блестящие, но глаза карие, а не зеленые. Пара «дорожек» — и ничего уже не будет иметь значения. Отперев ящик письменного стола, он достал маленький флакончик с белым порошком.

— Пора угощаться.

Брюнетка захлопала в ладоши, покачивая бедрами, подошла к стеклянному кофейному столику и опустилась на колени.

Охваченная ужасом, Эмма смотрела, как отец умело готовит кокаин, соломинки, зеркала, лезвие бритвы.

— Ах! — Француженка ткнула пальцем в порошок на зеркальце и втерла кокаин в десны. — Восхитительно.

Схватив женщину за саронг, Брайан привлек ее к себе. Он чувствовал себя молодым, сильным и неуязвимым и собирался первый раз быстро овладеть ею. В конце концов, он заплатил за эту ночь.

— Папа.

Это показалось ему сном. В тени стоит дочь, бледная, с мокрыми волосами, с которых течет вода.

— Эмма!

— Эмма? Кто такая Эмма? — проворковала француженка, быстро обернулась, и в ее глазах появилось недоумение, сменившееся любопытством. — Значит, ты тоже любишь детей. Иди, милочка, угощайся.

— Заткнись, черт побери. Это моя дочь. — Брайан с трудом поднялся. — Эмма... я думал, ты уже в постели.

— Да. — Ее голос звучал бесстрастно. — Знаю.

— Тебе нечего делать внизу. Ты замерзла. И мокрая, — сказал он, пытаясь справиться с действием кокаина. — Где ты была?

— Ходила на пляж.

— Одна? Ночью?

— Да, — стиснув зубы, процедила Эмма. — Я ходила на пляж одна. А теперь ложусь спать.

— Тебе же известно, — схватив дочь за руки, Брайан начал ее трясти, — что ты никуда не должна ходить без телохранителей. О боже, ты плавала!.. А если бы у тебя свело ногу?

— Тогда я утонула бы.

— Ну же, cheri, позволь ребенку лечь спать. — Брюнетка приготовила еще одну «дорожку» кокаина. — Угощение готово.

— Заткнись, мать твою! — закричал на нее Брайан и властно произнес, снова обращаясь к Эмме: — Никогда больше так не Делай. Ты поняла?

— О да, я поняла. — Она вырвалась, глаза были темными и сухими. — Не хотелось бы понимать, но я все поняла.

— Мы поговорим об этом позже.

— О моей прогулке или об этом? — махнула Эмма в сторону брюнетки, стоящей на коленях перед столиком.

— Это не твое дело.

— Да. — Губы у нее дрогнули, но голос по-прежнему оставался бесстрастным. — Да, ты прав. Я иду спать, оставляю тебя с твоей шлюхой и твоими наркотиками.

Рука Брайана взметнулась и, прежде чем он осознал, что делает, хлестнула дочь по лицу. Он увидел след у нее на щеке, красный след насилия, которое так ненавидел. Брайан ошарашенно взглянул на свою руку... так похожую на руку его отца.

— Эмма...

Та отшатнулась, покачав головой. Отец редко повышал на нее голос, а теперь, когда она впервые критиковала его поведение, ударил ее. Развернувшись, Эмма бросилась к лестнице, где в одних трусах, заспанный и взъерошенный, стоял Джонно. Пропустив девочку, он сказал Брайану, который хотел бежать за дочерью:

— Позволь мне поговорить с ней. Тебя она сейчас не услышит, Брай. Дай мне некоторое время подержать ее за руку.

Тот кивнул. Ладонь у него жгло в том месте, где она прикоснулась к лицу Эммы. К лицу его ребенка.

— Джонно... я попрошу у нее прощения.

— Конечно. Только сначала разберись здесь.

Эмма сидела на краю кровати, не обращая внимания на мокрую одежду. Но она не плакала. Мир, прекрасный мир, в котором, как ей казалось, существовал отец, рухнул.

Когда дверь в комнату открылась, Эмма вскочила, однако, увидев Джонно, опять села на кровать.

— Со мной все в порядке. Мне не нужны успокоительные поцелуи.

— Ладно. Хочешь наорать на меня?

— Нет.

— Это радует. Почему бы тебе не снять мокрую одежду? — Джонно закрыл глаза руками, потом, раздвинув пальцы, улыбнулся. — Подглядывать не буду.

Поскольку это было хоть каким-то делом, Эмма пошла к шкафу за халатом.

— Ты знал, да?

— Что твоему отцу нравятся женщины? По-моему, впервые я заподозрил это, когда мне было двенадцать.

— Я не шучу, Джонно.

— Ну хорошо. Просто мужчине необходим секс, но этим не хвастают перед дочерью.

— Он заплатил ей. Она шлюха.

— И что ты хочешь от меня услышать?

Эмма остановилась перед ним в белом махровом халате, и Джонно взял ее за руки. Она выглядела юной, незащищенной, девочка, лишенная иллюзий.

— Чтобы я сказал тебе, что монашки правы и это грех? Возможно, они действительно правы. Но это жизнь, Эмма, а в настоящей жизни люди грешат. Брайан одинок.

— Значит, можно заниматься сексом с незнакомым человеком, когда тебе одиноко?

— Поэтому господь позаботился о том, чтобы я не был отцом, — пробормотал Джонно и решил начать снова. С правды. — Секс прост, но пуст, независимо от того, насколько он возбуждает в данный момент. Любить кого-то — совершенно другое. Ты сама это узнаешь. Когда затронуты чувства, думаю, секс можно назвать практически святым.

— Не понимаю. И вряд ли хочу понять. Отец вышел из дома, нашел себе женщину и заплатил ей. У него есть кокаин. Я знала, что Стиви... но никогда не верила, что папа тоже... Я никогда не верила.

— Существуют разные виды одиночества, Эмма.

— И ты так поступаешь?

— Бывало.

Признавшись ей в своих недостатках, Джонно почувствовал сожаление. Почему-то именно сейчас он вдруг осознал, как сильно любит эту девочку.

— Наверное, я мало что пропустил. Шестидесятые, Эмма. Это надо было пережить. — Усмехнувшись, он усадил ее рядом. — Мне не нравилось, и я бросил. Не нравилось терять над собой контроль ради мимолетного кайфа. Но я вовсе не герой. Мне легче. На меня ничто не действует так, как на Брайана. Он все принимает слишком близко к сердцу. Для меня важнее всего группа, а для него — весь мир. И так было всегда.

У Эммы из головы не шел отец, склонившийся над белым порошком.

— Это его не оправдывает.

— Нет. — Джонно прижал ее к себе. — Думаю, нет.

— Не хочу видеть его таким, — наконец заплакала Эмма. — Не хочу ничего знать. Я по-прежнему люблю его.

— Знаю. Он тоже любит тебя. Мы все тебя любим.

— Если бы я не пошла гулять, ничего бы такого не произошло.

— Ты ничего бы не увидела, но разве это перестало бы существовать? — Он поцеловал ее волосы. — Тебе просто нужно признать, что он не совершенен.

— Теперь уже не будет по-прежнему, да, Джонно? — вздохнула она. — Уже никогда не будет.

Глава 18

Нью-Йорк, 1982 год

— Как ты думаешь, что он скажет? — Марианна вытащила из такси свой чемодан, а Эмма расплатилась с шофером.

— Думаю, он скажет: «Привет».

— Ну, Эмма.

— Он спросит, что мы здесь делаем, черт возьми, и я отвечу.

— После чего он позвонит твоему отцу, и нас потащат на виселицу.

— В этом штате больше не вешают.

Взяв сумку, Эмма глубоко вздохнула. Нью-Йорк. Так хорошо вернуться. На этот раз она собирается здесь остаться.

— Газовая камера, расстрел — все едино. Твой отец убьет нас обоих.

— Хочешь выйти из игры?

— Ни за что на свете, — ухмыльнулась Марианна, проведя рукой по своему рыжему «ежику».

Эмма открыла дверь и, пройдя через вестибюль, улыбнулась охраннику:

— Привет, Карл.

— Мисс... о, мисс Макавой. — Отложив бутерброд с ветчиной, тот расплылся в улыбке. — Прошло больше года, не так ли? Вы уже совсем взрослая.

— Студентка колледжа. Это моя подруга мисс Картер.

— Рад познакомиться с вами, мисс Картер. — Охранник стряхнул крошки с рукава форменного пиджака. — Мистер Донован знает, что вы приехали?

— Конечно, — легко солгала Эмма. — Разве он вам не говорил? Очень похоже на Джонно. Мы остановимся здесь всего дня на два. — Говоря это, она двигалась к лифту. Только бы Карл не позвонил наверх. — Я теперь буду здесь учиться.

— Кажется, вы поступили в какой-то шикарный университет в Лондоне.

— Я перевелась. Вы же знаете, мое сердце принадлежит Нью-Йорку.

Когда за ними закрылась дверь, Марианна воскликнула:

— Очень ловко, Макавой, очень ловко!

— Большая часть сказанного — правда, — засмеялась Эмма и нервно добавила: — Мне уже два месяца назад исполнилось восемнадцать лет. Пора становиться независимой.

— А мне исполнилось восемнадцать семь месяцев назад, но отца чуть не хватил удар, когда я перевелась в Нью-Йорк. Что ж, дело сделано. Завтра начнем искать квартиру, а потом будем жить так, как планировали.

— Да, возьмем первый барьер.

Выйдя из лифта, они направились по тихому коридору к убежищу Джонно.

— Говорить буду я, — предупредила Эмма, — Твое последнее выступление обернулось для нас трехдневным мытьем унитаза.

— Я художник, а не адвокат, — пробормотала Марианна и тут же изобразила улыбку, поскольку дверь открылась.

— Джонно! — бросилась в его объятия Эмма. — Сюрприз. — Спокойнее.

Джонно отстранил ее от себя. Какая она высокая. За полтора года превратилась в стройную, изящную, с намеками на элегантность девушку. Светлые волосы зачесаны назад и заколоты, в ушах болтаются золотые кольца, полосатая рубашка заправлена в выцветшие узкие джинсы.

— Господи, ты выглядишь словно манекенщица на каникулах. — Джонно перевел взгляд на Марианну. — А вот и моя любимая рыжая красавица. Что ты сделала с волосами?

— Такие нынче времена, — ответила та, подставляя щеку для поцелуя. — Мы вас разбудили?

— Да. Полагаю, сначала вас нужно впустить и лишь потом спрашивать, какого черта вы здесь делаете с чемоданами.

— О, Джонно, здесь так хорошо. Едва мы сели в такси, я сразу почувствовала себя как дома.

Бросив чемодан, Эмма пронеслась по комнате, упала на диван, провела рукой по подушке, вскочила снова.

— Ты-то как?

— Потихоньку. — Джонно слишком хорошо знал ее, поэтому не сомневался, что за неумной энергией скрывается нервозность. — Вопросы буду задавать я. Хотите пить?

— Да, пожалуйста.

Джонно приготовил два безалкогольных коктейля и насмешливо поинтересовался:

— Наступили каникулы, о которых я не знаю?

— День освобождения. Мы с Марианной перевелись в Нью-Йорк.

— Вот как? Странно, что Брайан не упоминал об этом.

— Он еще не знает. — Эмма предостерегающе взглянула на подругу. — Прежде чем ты начнешь говорить, сначала выслушай меня.

Вместо ответа Джонно подергал ее за ухо.

— Как ты проскользнула мимо Суинни и второго?

— Темный парик, очки в роговой оправе и хромота.

— Очень ловко. — Взяв у нее стакан, Джонно отхлебнул из него, не слишком уютно чувствуя себя в роли дядюшки, которомуверяют тайны юные девицы. — Ты не задумывалась, как будет тревожиться Брайан?

В глазах Эммы мелькнуло сожаление, но тут же сменилось решимостью.

— Я позвоню и все ему объясню. Мое решение окончательное, Джонно. Ни ты, ни отец, никто другой не заставят меня изменить его.

— Я еще и не пытался. — Джонно кивнул Марианне: — А ты что-то слишком молчалива.

— Меня предупредили. Со своими родителями я уже все уладила, — торопливо добавила она. — Им это не очень понравилось, но мы договорились. Нам с Эммой по восемнадцать, и мы знаем, чего хотим.

Внезапно Джонно почувствовал себя ужасно старым.

— Значит, в восемнадцать лет можно вести себя как заблагорассудится?

— Мы уже не дети.

— Марианна, сядь и молчи, — приказала Эмма, забирая стакан у Джонно. — Я знаю, скольким обязана отцу и тебе тоже. С трех лет я

делала все, что он просил. Не просто из благодарности, Джонно, а потому, что я люблю его больше всех на свете. Но я не могу оставаться для него ребенком, который доволен существованием в маленькой надежной клетке. Вы с отцом чего-то хотели достичь в жизни и приложили все силы к тому, чтобы это осуществить. Я тоже кое-чего хочу. — Эмма достала из чемодана папку. — Вот мои фотографии. Я попробую зарабатывать на жизнь как фоторепортер и собираюсь поступить здесь в колледж, чтобы научиться это делать. Мы с Марианной будем снимать квартиру на двоих. Я намерена иметь друзей, ходить в кафе, гулять в парке. Намерена стать частью мира, а не сторонним наблюдателем. Пожалуйста, пойми.

— Ты была несчастлива? Почему же ничего не говорила?

— Я пробовала. Отец не понял. Не мог понять. Я хотела только быть рядом с ним, с тобой. Но раз это было невозможно, я подчинилась его желаниям. Тогда на Мартинике... — Эмма остановилась, подбирая слова. Даже Марианна не знала. — Все изменилось и для меня, и для папы. Я закончила то, что начала, Джонно. Ради него. Теперь я буду думать о себе.

— Я поговорю с ним.

— Спасибо.

— Пока рано благодарить. Возможно, Брайан перепрыгнет через Атлантику и оторвет мне голову. — Джонно небрежно раскрыл папку. — Ты всегда была умной. Вы обе умные. — Он кивнул на стену, где висел рисунок, изображающий группу «Опустошение». — Я говорил, что повешу его в рамке.

Марианна восторженно подпрыгнула. Она сделала рисунок в тот вечер, когда отмечали окончание школы. Дом, снятый Брайаном на Лонг-Айленде, был полон народа, но Марианна, никогда не страдавшая застенчивостью, приказала всей четверке позировать.

— Я думала, вы тогда пошутили. Спасибо.

— Кажется, ты предпочитаешь рисовать, а Эмма — фотографировать.

— Верно. Трудновато быть голодающими художниками с тем наследством, которое оставила моя бабушка, но мы постараемся.

— Кстати о голоде. Вы поели?

— Я съела в аэропорту сосиску, пока дожидалась самолет Эммы, — улыбнулась Марианна. — Этого недостаточно.

— Значит, надо поесть до того, как я позвоню Брайану. — Джонно вышел из-за стойки бара. — Возможно, это наша последняя трапеза.

— Эй, Джонно, тебе не спится?

Девушки обернулись и увидели на лестнице мужчину в шортах. По-настоящему роскошного мужчину.

— А я-то гадал, куда ты делся. О... — Замерев, он провел рукой по темным волосам и улыбнулся девушкам: — Привет. Я не знал, что у нас гости.

— Люк Карузер, Эмма Макавой и Марианна Картер. Люк пишет для «Нью-Йорк мэгэзин». — Джонно умолк, затем пожал плечами. — Он здесь живет.

— О! — только и смогла воскликнуть Эмма. Она достаточно знала об интимных отношениях и достаточно им завидовала, чтобы уважать их. — Здравствуйте.

— Вот ты какая, Эмма. Очень много о тебе слышал, — улыбнулся Люк, протягивая руку. — Почему-то я ожидал увидеть маленькую девочку.

— Это было давно, — выдавила Эмма.

— А ты художница. — Люк одарил Марианну ослепительной Улыбкой. — Хорошая работа.

— Спасибо, — улыбнулась в ответ девушка, надеясь, что выглядит взрослой.

— Я как раз собирался предложить дамам поужинать. Они прямо с дороги.

— Полночная трапеза мне по душе. Но хочу предупредить: стряпня Джонно — яд.

Марианна немного поколебалась, очарованная и шокированная одновременно.

— Я... э... помогу вам. — И, быстро взглянув на подругу, она выскочила за Люком на кухню.

— Кажется, мы приехали не вовремя, — начала Эмма. — Я даже не догадывалась, что у тебя есть... сосед по номеру. Я понятия не имела, Джонно. Правда.

— Строго охраняемая тайна рок-н-ролла, — бросил тот, сжимая в карманах брюк кулаки. — Значит, я должен объясниться с твоим отцом и снять вам номер в «Уоллдорфе»?

Эмма вспыхнула и уставилась на свои руки.

— Нет, конечно. Папа знает?.. Ну конечно же, знает, — быстро поправилась она. — Глупый вопрос. Я не представляю, что сказать. Он... э-э... Люк очень привлекательный.

Глаза Джонно весело блеснули.

— Да, я того же мнения, — усмехнулся он.

Эмма покраснела еще больше, но заставила себя взглянуть на него:

— Ты издеваешься надо мной.

— Нет, дорогая. Ни в коем случае.

Она внимательно изучала его, пытаясь выяснить, нет ли чего странного или непривычного в хорошо знакомом ей лице. Ничего, просто Джонно.

— Ладно, придется изменить свои планы.

Джонно ощутил боль. Намного более сильную и острую, чем от кулаков мальчишек в детстве.

— Сожалею, Эмма.

— Даже вполнину не так, как я, — сказала она. — Мне придется забыть о своих мечтах соблазнить тебя.

Впервые в жизни она увидела на лице Джонно полное непонимание.

— Извини?

— Я всегда думала, что, когда вырасту, ты увидишь во мне женщину... Я приехала сюда, чтобы поужинать с тобой при свечах, послушать вместе с тобой музыку, а потом соблазнить. — Эмма достала из-под рубашки цепочку с маленьким перстеньком. — Я всегда думала, что первым у меня будешь ты.

Джонно молча глядел на перстенок, затем посмотрел Эмме в глаза. В них была любовь, любовь на всю жизнь. И понимание без осуждения. Джонно взял ее руки и поднес к губам:

— Мне очень редко приходилось сожалеть о том, что я гей. Сейчас один из таких редких моментов.

— Я люблю тебя, Джонно.

— И я люблю тебя, Эмма. Одному богу известно почему, ведь ты настоящая уродина. — Девушка засмеялась, а он, поцеловав ее, сказал: — Идем. Люк не только красив, он еще чертовски хорошо готовит.

Рано проснувшись, Эмма отправилась на запах кофе и приглушенный звук телевизора в кухню. Она не чувствовала разницы

во времени, но ощущала беспокойную дезориентированность оттого, что проснулась в незнакомом месте после очень недолгого сна. Ей почему-то стало неловко, когда она увидела, как Люк готовит завтрак, слушая интервью Дэвида Хартмана с Гаррисоном Фордом.

Вчера за ужином Эмме почти удалось расслабиться в присутствии Люка. Он был хорошо воспитан, умен, насмешлив, красив. И был геем. «Как Джонно», — напомнила себе Эмма.

— Доброе утро.

Люк обернулся. Сегодня он выглядел по-другому: причесанный, гладко выбритый, в серых полосатых брюках и аккуратной голубой рубашке с узким галстуком. «Энергичный молодой управляющий», — подумала Эмма. Какой разительный контраст с Джонно.

— Привет. Не думал, что ты встанешь до полудня. Кофе?

— Спасибо. Мне не спалось. После обеда мы с Марианной начнем искать квартиру. Наверное, я беспокоилась по поводу того, как отец воспринял звонок Джонно.

— Джонно мастер убеждать. — Люк подвинул ей чашку. — Почему бы мне не вывести тебя из подавленного состояния? Тосты?

— Нет. Вам известно, о чем они говорили?

— Они спорили. И долго. — Люк взглянул на часы. — Джонно обозвал его кое-какими словами, которые, полагаю, он за претил бы повторять при тебе.

— Ужасно.

— Он также обещал — по-моему, была упомянута клятва на крови — не спускать с тебя глаз.

— Да благословит его господь.

— В конце концов, а это заняло немало времени, Брайан согласился, чтобы ты училась здесь, но... — добавил он, прежде чем Эмма успела вскочить и заплясать, — телохранители останутся.

— Черт возьми, я не потерплю, чтобы двое верзил продолжали следить за каждым моим шагом. С тем же успехом я могла бы сидеть и в пансионе. Ну когда отец поймет, что под каждым кустом не таятся похитители? Здесь никто даже не знает, кто я такая, и никому до этого нет дела.

— Отцу есть дело. — Люк коснулся ее руки. — Эмма, иногда приходится брать то, что нам дают.

— Я только хочу жить нормальной жизнью, — начала она.

— Как и большинство из нас. — Он снова улыбнулся, а Эмма вспыхнула. — Слушай, мы оба любим Джонно, так что, по-моему, это делает нас друзьями. Верно?

— Верно.

— Тогда хочу дать тебе первый дружеский совет. «Подумай вот о чем. Ты хочешь жить в Нью-Йорке, верно?»

— Да.

— Хочешь здесь учиться?

— Да.

— Хочешь иметь свой дом?

— Да.

— Что ж, ты все это получила.

— Вы правы, — после некоторого раздумья согласилась Эмма. — Вы абсолютно правы. А от телохранителей я могу сбегать, когда захочу.

— Я этого не слышал. — Люк опять взглянул на часы. — Мне пора. Скажи Джонно, что я захвачу что-нибудь в китайском ресторане. Да, чуть было не забыл. Это твои снимки? — Он указал на открытую папку, лежащую на кухонном столе.

— Да.

— Хорошая работа. Не возражаешь, если я их покажу кое-кому?

— Вам не обязательно делать это. Если вы дружите с Джонно...

— Остановись. Я случайно увидел фотографии, когда сидел в комнате, и мне понравилось то, что я увидел. Джонно ни о чем не просил меня и никогда этого не сделает.

— Они вам действительно понравились?

— Да. Я кое с кем знаком. Могу посодействовать, если хочешь.

— Очень хочу. Мне, конечно, еще многому надо учиться. Я здесь именно для этого. Я уже участвовала в нескольких конкурсах и выставках, но... — Эмма осеклась, поймав себя на том, что начинает растерянно лепетать. — Спасибо. Очень вам признательна.

— Не стоит. Пока.

Эмма сидела, боясь дышать. Она вышла на свою дорогу. Наконец-то.

Глава 19

— Наша собственность.

Они стояли, обнявшись, и глядели в окно только что приобретенной квартиры в Сохо.

— До сих пор не могу поверить, — прошептала Марианна.

— Верь. Это все наше. Двадцатифутовые потолки, неисправная сантехника и проценты за кредит до самого неба, — закружилась Эмма. — Мы с тобой владелицы недвижимости, Марианна. Ты, я и «Чейз Манхэттен».

— Мы ее купили.

Марианна уселась на обшарпанный пол. С улицы доносился шум транспорта, затем его перекрыл какой-то грохот, и раздались крики и ругань. Для девушек они прозвучали музыкой.

Их недвижимость представляла собой огромное квадратное помещение с рядом окон по фасаду и стеклянной правой стеной.

«Солидное вложение капитала», — ворчливо отозвался о покупке отец Марианны.

«Полнейшее безумство», — вынес приговор Джонно.

Солидное вложение капитала или безумство. Но после недельных поисков, бесчисленных звонков в агентства недвижимости и бесконечных переговоров в банках дом принадлежал им. Неважно, что он пустой, что потолки все в каких-то пятнах, а окна грязные, — для них это было воплощением детской мечты.

Они посмотрели друг на друга, и на их лицах появился восторженный ужас. Первой не выдержала Эмма, и ее смех эхом отразился от высоких оштукатуренных стен. Схватившись за руки, девушки закружились по дому.

— Наш, — задыхаясь, произнесла Эмма, когда они остановились.

— Наш. — Марианна торжественно пожала ей руку. — Ну что, совладелица, давай принимать решение.

Они уселись на полу среди эскизов, бутылок с теплой пепси и грязных пепельниц. Здесь нужна стена, здесь — лестница. Наверху — студия, внизу — темная комната. Они строили, перестраивали, созидали, разрушали. Наконец Марианна указала сигаретой:

— Вот оно. Идеально.

— Настоящее вдохновение. — Отобрав у нее сигарету, Эмма наградила себя затяжкой. — Ты гений.

— Да, — согласилась Марианна. — А ты мне помогала.

— Правильно. Два гения. Место для всего, и все на месте. Не могу дождаться, когда мы... о черт!

— Черт? Что ты хочешь этим сказать?

— Ванной нет. Мы забыли про ванную. Быстро изучив план, Марианна изрекла:

— К черту ванную. Будем пользоваться сливным бачком. Эмма лишь ткнула подругу в бок.

Забравшись на стремянку, Марианна рисовала в простенке между окнами их портреты в полный рост. Эмма занималась более прозаическими делами вроде хождения за покупками.

— Звонок, — возвестила Марианна, перекрикивая музыку.

— Слышу.

Запихнув два грейпфрута, упаковку пепси и банку клубничного джема в холодильник, Эмма пошла к домофону.

— Да?

— Макавой и Картер?

— Да.

— Груз от фирмы «Кровати, кровати и кровати».

Издав боевой клич, Эмма открыла входную дверь.

— Что? — поинтересовалась Марианна.

— Кровати! Нам привезли кровати.

— Не шути так, Эмма. Хотя бы когда я рисую. А то изображу тебя с бородавкой.

— Я не шучу. Их уже поднимают.

— Настоящие кровати?

— Матрасы. С пружинами.

— Господи Иисусе! — Марианна в экстазе закатила глаза.

Когда подошел лифт, Эмма пулей метнулась к нему и увидела за раскрывшимися дверями обтянутый полиэтиленом матрас королевских размеров.

— Куда его? — донесся из кабины приглушенный голос.

— О, этот можно отнести в дальний угол.

Грузчик с именем Бадаи на кепке вытащил его на площадку и начал подниматься по лестнице.

— В лифт входит только один. Мой напарник остался внизу.

— О, конечно. — Эмма опять нажала на кнопку, отпирающую входную дверь, и сказала Марианне: — Настоящие кровати.

— Пожалуйста, не болтай, мы же не одни. Черт, телефон. Я отвечу.

Снова подъехал лифт. Эмма дала указание второму грузчику, Рико, и улыбнулась Бадди, направившемуся за спинками. Когда двери лифта открылись, Эмма радостно взглянула на заполненную кабину.

— Несите одни сюда, а другие наверх. Хотите выпить чего-нибудь холодненького?

— Да, — ответил появившийся Брайан.

— Папа!

— Мистер Макавой, — крикнула Марианна, вытирая перепачканные краской руки о комбинезон, — здравствуйте.

— Не освободите дорогу? — жалобно спросил Бадди и потащил спинки к лестнице.

— Папа! Мы не знали, что ты здесь.

— Это уж точно. Господи, Эмма, сюда может подняться кто угодно. Вы всегда оставляете входную дверь открытой?

— Нам привезли мебель. — Кивнув в сторону Рико, она поцеловала отца. — Я думала, что ты в Лондоне.

— Я и был там. Но потом решил, что пора взглянуть, где живет моя дочь.

Брайан хмуро оглядел помещение. Большую часть пола устлала тряпки. Упаковочный ящик из-под плиты, застеленный газетами, выполнял роль стола. На нем мирно соседствовали настольная лампа, полупустые стаканы и банка с краской. Стоящий на подоконнике радиоприемник изрыгал лучшие песни хит-парада. Остальная мебель была представлена стремянкой, карточным столиком и единственным складным стулом.

— Боже, — только и произнес Брайан.

— Мы находимся на стройплощадке, — с напускной веселостью сообщила Эмма. — Возможно, тебе трудно это представить, но мы уже почти закончили. Еще придут плотники и мастер-плиточник.

— Похоже на склад.

— Вообще-то здесь была фабрика, — вставила Марианна. — Тут и тут мы сделали перегородки из стеклоблоков. Идея Эммы. Здорово,

правда? Только электропроводка ужасно старая. — Взяв Брайана за руку, она провела его по помещению. — Вот здесь будет спальня Эммы. Перегородка обеспечивает уединение и в то же время пропускает свет. Я буду жить наверху — у меня что-то вроде комбинированной студии-спальни. Вот там уже готова фотолаборатория Эммы, а со следующего понедельника ванная комната не только станет пригодной для использования, но и красивой.

Брайан с неприязнью отметил творческий потенциал девушек. Вероятно, он был раздражен потому, что в Эмме теперь приходилось видеть не столько его маленькую девочку, сколько чужую женщину.

— Вы решили обходиться без мебели?

— Пока не закончим ремонт. — Голос Эммы звучал холодно, но она ничего не могла поделать. — Мы не торопимся.

— Не распишетесь ли здесь? Мы все закончили. — Бадди сунул ей квитанцию и взглянул на Брайана. — О! О, вы случайно не... Будь я проклят. Макавой. Вы — Брайан Макавой. Эй, Рико, это Брайан Макавой из «Опустошения».

— Не врешь?

Губы Брайана автоматически расплылись в чарующей улыбке:

— Рад познакомиться.

— Грандиозно, — продолжал Бадди. — Моя жена ни за что не поверит. Я был на вашем концерте в семьдесят пятом. Можно попросить у вас автограф?

— Разумеется.

— Господи, она ни за что не поверит!

Пока Бадди шарил по карманам в поисках клочка бумаги, Эмма подала отцу записную книжку.

— Как зовут вашу жену? — спросил Брайан.

— Дорин. Господи, она просто умрет!

— Надеюсь, что нет. — Продолжая улыбаться, Брайан вручил ему автограф.

Потребовалось еще десять минут и автограф для Рико, чтобы они наконец остались одни. Марианна дипломатично ушла наверх по витой чугунной лестнице.

— Пиво есть? — спросил Брайан.

— Нет. Только безалкогольные напитки.

Брайан с тревогой подошел к окну. Эмма здесь совершенно незащищена. Неужели она не понимает? Громадные окна, из которых виден весь город. Хотя он купил весь первый этаж, где будет жить Суинни и второй телохранитель, это, похоже, не имеет значения. Дочь уязвима всякий раз, когда выходит на улицу.

— Я надеялся, ты предпочтешь другой квартал, где есть охрана.

— Как в Дакоте? — спросила Эмма и тотчас пожалела. — Извини, папа. Я знаю, что Леннон был твоим другом.

— Да, был. И ты должна понять мои чувства. Его застрелили на улице не с целью ограбления, не из-за ненависти, а лишь потому, что он был тем, кем был. Ты моя дочь, Эмма, и это делает тебя столь же уязвимой.

— А ты? — возразила Эмма. — Каждый раз, выходя на сцену, ты становишься незащищенным. Достаточно одного-единственного больного человека из многих тысяч, заплативших за билет. Ты полагаешь, это никогда не приходит мне в голову?

— Нет, я не думал. Ты никогда об этом не говорила.

— Мои слова что-нибудь изменили бы?

— Нет. — Брайан сел на подоконник, достал сигарету и посмотрел на огонек спички. — Но я уже потерял одного ребенка. Если потеряю и тебя, то уже не переживу.

— Я не хочу говорить о Даррене, — глухо произнесла Эмма.

— Мы говорим о тебе.

— Ну хорошо. Я больше не могу жить только для тебя, иначе стану тебя ненавидеть. Я отдала тебе годы учебы в школе и первый год в колледже, к которому испытывала отвращение. Теперь я должна жить для себя.

— Я согласен даже на ненависть. Ты — все, что у меня есть.

— Неправда. Я никогда не была всем и никогда не буду.

Эмма взяла его за руку, села рядом. На отца приятно смотреть. Годы, напряжение, бурная жизнь не оставили следов на его внешности. Может, он несколько худоват, но время пощадило поэтическое лицо и не посеребрило светлые волосы. Какое чудо сделало ее взрослой, не состарив отца? Не отпуская его руку, Эмма сказала:

— Беда в том, что большую часть жизни ты был всем для меня. Теперь мне нужно и многое другое, папа. И я только хочу, чтобы ты дал мне возможность найти это.

— Здесь? — Брайан обвел глазами комнату.

— Для начала.

— Позволь хотя бы установить охранную сигнализацию.

— Папа...

— Эмма, я хочу спать без кошмаров.

— Ну хорошо. Будем считать это подарком на новоселье, — облегченно засмеялась она, целуя отца. — Останешься на ужин?

Брайан еще раз огляделся. Похоже на его собственную квартиру, хотя та была намного меньше. Он вспомнил старую мебель, облупленную краску на стенах. И как они с Бев занимались любовью на полу.

— Нет. Лучше я приглашу вас с Марианной поужинать.

— Куда? — Марианна опасно свесилась через перила. Брайан улыбнулся:

— Выбор за тобой.

Вынужденный согласиться с решением дочери, Брайан начал играть роль уступчивого отца. Он купил ей литографию Варола, дорогую лампу от Тиффани со знаками Зодиака и обюссонский ковер нежно-голубых и розовых тонов. В течение недели, которую Брайан провел в Нью-Йорке, он ежедневно заглядывал к ней с подарками. Эмма пыталась возражать, но, заметив, какое он получает от этого удовольствие, оставила отца в покое.

Накануне его отъезда в Лондон они устроили первую вечеринку. На дорогом ковре стояли упаковочные коробки. Лампа от Тиффани украшала картонный столик. Еда подавалась на пластиковых тарелках и хрупком лиможском фарфоре, принесенном миссис Картер. Радиоприемник был заменен подаренным Джонно стереокомплексом, от которого дрожали стены.

Студенты колледжа смешались с музыкантами и звездами Бродвея. Одежда варьировала от джинсов до шелковых платьев с шитьем. Споры и смех тонули в реве музыки.

Эмма ощутила ностальгическую тоску по вечеринкам, которые помнила с детства, по лежащим на подушках людям, по красоте и свету. Потягивая, как всегда, минеральную воду, она наблюдала.

— Интересный вечерок, — заметил Джонно, обнимая ее за плечи. — Пиво осталось?

— Давай посмотрим.

Эмма увела его на кухню. В холодильнике были только бутылка вина и почти пустая упаковка «Беке». Открыв пиво, Эмма протянула Джонно:

— Как в прежние времена.

— Более или менее. — Тот понюхал ее стакан. — Хорошая девочка.

— Я редко пью.

— Не стоит оправдываться. Брай развлекает себя. — Джонно кивнул в ту сторону, где на полу сидел Брайан и, как менестрель, перебирал струны акустической гитары.

Эмма глядела на отца, напевающего для себя и окружающей его группы, и ее захлестнула бесконечная любовь и нежность.

— Он наслаждается своей игрой не меньше, чем выступлениями на стадионе или работой в студии.

— Больше, — сказал Джонно. — Хотя, по-моему, не знает этого.

— Кажется, он чувствует себя здесь лучше. — Эмма оглядела людей, собравшихся в ее доме. Ее доме. — По сравнению с его охранной системой даже королевские гвардейцы в Букингемском дворце выглядят просто жалкими любителями.

— Раздражает?

— Нет. Хотя постоянно забываю код. Люк говорил тебе, что послал мои снимки Тимоти Раньяну?

— Как-то упоминал. Есть проблемы?

— Не знаю. Раньян предложил мне работу на полставки в качестве ассистентки.

Джонно подергал ее за волосы, которые она собрала на затылке в конский хвост.

— Лишь жалкая кучка людей начинает сверху, Эмма.

— Не в этом дело. Раньян входит в десятку лучших фотографов страны. О работе с ним можно только мечтать.

— Ну и?..

— Почему он предложил мне работу, Джонно? Дело в моих снимках или в тебе и моем отце?

— Спроси об этом Раньяна.

— Я собираюсь. «Американский фотограф» опубликовал мой снимок только потому, что его предложил Люк.

— Вот как? — мягко заметил Джонно. — Значит, снимок не достоин столь высокой чести?

— Снимок чертовски хороший, но...

— Улыбнись, Эмма. Нельзя жить, постоянно ища тайный смысл во всем происходящем. Плохом ли, хорошем ли.

— Люк с самого начала оказывает мне неоценимую помощь. Но это не то же самое, что давать нам с Марианной кулинарные уроки.

— По-другому и быть не может, — сухо отозвался Джонно.

— Я хочу, чтобы работа у Раньяна была только моей заслугой. У тебя есть музыка, Джонно. То же самое я испытываю к фотографии.

— И у тебя хорошо получается?

— Очень хорошо.

— Тогда все в порядке. — Сочтя тему закрытой, Джонно повернулся к гостям. — Ну и сборище.

— Жаль, что здесь нет Пи Эм и Стиви.

— Как-нибудь в другой раз. Но среди новых лиц мелькают знакомые. Я вижу, ты откопала Блэкпула.

— Папа случайно встретил его вчера. В эти выходные он работает в «Мэдисон-Сквер-Гарден». В городе не осталось ни одного билета. Ты пойдешь?

— И не подумаю, — нахмурился Джонно.

— Но он ведь записал три песни Макавоя — Донована.

— Это бизнес.

— Почему ты его не любишь? Джонно пожал плечами:

— Сам не знаю. Наверное, дело в его самодовольной улыбке.

— Полагаю, он имеет право быть самодовольным. Четыре золотых альбома, две «Грэмми», сногшибательная жена.

— Которая с ним не живет, как мне говорили. Он, по-моему, увлекся нашей любимой рыжей подружкой.

— Марианной?

Эмма обернулась, нашла взглядом бывшую соседку по комнате, устроившуюся у окна вместе с Блэкпулом, и вдруг ошутила странное чувство — смесь ревности и тревоги.

— Дай мне сигарету, — пробормотала она.

— Марианна уже взрослая девушка.

— Разумеется, только он годится ей... — Эмма осеклась, вспомнив, что Джонно всего на четыре-пять лет старше Блэкпула.

— Та-та-та, — усмехнулся тот. — Прикуси язычок, девочка. Но Эмма не улыбнулась.

— Просто она такая беззащитная.

— Ну конечно, невинная сестра-монахиня.

— Брось, Джонно.

Взяв стакан, она уставилась на Блэкпула. «Фамилия ему идет [1]», — подумала она. У него черные блестящие волосы, и одет он в свой любимый черный цвет. Кожа, замша, шелк. Изменчивое чувственное лицо. Прямо Хитклифф — как его представляла Эмма. Правда, она считала, что персонаж Эмили Бронте — скорее саморазрушительный образ, нежели героический. Рядом с Блэкпулом ее подруга казалась тонкой свечкой, готовой к тому, что ее зажгут — и сожгут дотла.

— Просто большую часть жизни она провела в этом чертовом пансионе.

— На соседней с тобой кровати, — заметил Джонно. У Эммы не было настроения смеяться.

— Это правда. Но я также проводила время с вами, многое видела, участвовала во многих событиях вашей жизни. Марианна из пансиона отправлялась в лагерь, а из лагеря — к своему отцу. Несмотря на вызывающее поведение, она очень наивна.

— И все же я ставлю на нашу рыжую подругу. Блэкпул скользок, дорогая, но он не чудовище.

— Конечно.

Однако мысленно Эмма решила приглядеть за Марианной. Взяв новую сигарету, она вдруг застыла. Кто-то сменил пластинку. «Битлз», «Эбби роуд». Первая композиция на стороне «А».

— Эмма! — Джонно схватил ее за руку. Пульс неровный, кожа похолодела. — В чем дело, черт побери? Эмма, посмотри сюда.

Он говорит: один, один и один — три.

— Снимите пластинку, — прошептала она.

— Что?

— Снимите пластинку. — Эмма почувствовала, как воздух застрял в легких. — Джонно, пожалуйста, выключи.

— Хорошо. Стой здесь.

Он стал быстро пробираться сквозь толпу, чтобы его не задержали.

Эмма ухватилась за угол стены так, что у нее онемели пальцы. Она снова видела темный коридор, слышала лязганье зубов чудовищ. И плач брата.

— Эмма. — В кухне стоял Брайан, рядом с ним Джонно. — Что случилось, детка? Тебе плохо?

— Нет. — Это папа, он прогонит чудовищ. — Нет, это Даррен. Я слышала его плач.

— О господи! — Брайан встряхнул дочь за плечи. — Эмма, посмотри на меня.

— Что? — Она подняла голову, ее глаза наполнились слезами. — Простите. Я убежала.

— Все в порядке. — Брайан крепче прижал ее к себе, встретившись взглядом с Джонно. — Надо увести ее отсюда.

— В спальню, — предложил тот и, стараясь не привлекать внимания, начал расчищать путь.

Наконец дверь из матового стекла закрылась за ними, приглушая шум вечеринки.

— Ложись, Эмма. — Брайан ласково усадил дочь на кровать. — Я останусь с тобой.

— Все в порядке. — Она не знала, печалиться ей или смущаться. — Не понимаю, что случилось. Я вдруг опять стала шестилетней девочкой. Извини, папа.

— Шшш. — Он прижался губами к ее виску. — Ничего страшного.

— Это все музыка, — сказал Джонно, усаживаясь рядом с ней.

— Да. — Эмма облизнула пересохшие губы. — Как в ту ночь, когда я проснулась и услышала плач Даррена. Она играла, когда я вышла в коридор. Потом я больше не могла слушать эту песню, хотя не знала почему. Наверное, сегодняшняя вечеринка мне все напомнила.

— По-моему, пора выпроваживать гостей, — сказал Джонно.

— Нет. — Эмма удержала его за руку. — Я не хочу портить вечер Марианне. Со мной уже все в порядке. Как странно, будто снова очутилась там. Интересно, дошла бы я до двери, увидела бы...

— Нет. — Брайан сжал ее руку. — Все кончено и забыто. Я не хочу, чтобы ты думала об этом.

— Пожалуй, я немного отдохну. Никто меня не хватится.

— Я побуду с тобой, — сказал Брайан.

— Не надо. Мне уже хорошо. До Рождества осталось совсем Немного. Я прилечу в Лондон, как и обещала. Мы проведем вместе целую неделю.

— Я побуду с тобой, пока ты не заснешь, — решительно заявил Брайан.

Когда Эмма очнулась от кошмарного сна, отца уже не было. Все было так ужасающе реально. Только эта реальность, как и Двенадцать лет назад, оказалась в тумане. Мокрая от пота, Эмма потянулась к выключателю. Ей нужен свет. Темнота многое скрывает.

Пять утра. Спокойно, тихо. Вечеринка закончилась, она в своей спальне. Эмма с трудом встала, сбросила одежду и натянула халат. Открыв дверь, она зажгла свет в комнате.

Там царил разгром. Пахло несвежим пивом, застоявшимся дымом, потом и духами. Эмма взглянула вверх, где спала Марианна. Не стоит ее будить, начиная уборку сейчас, лучше дождаться восхода солнца.

А теперь нужно покончить еще с одним делом. И как можно быстрее, пока ее не остановит трусость. Эмма набрала номер справочной.

— Пожалуйста, телефоны «Америкэн», «ТВА» и «ПанАмерикэн».

Глава 20

Она не хотела испытывать чувство вины. Более того, в настоящий момент Эмма вообще не желала ничего чувствовать. Если отец узнает о ее поездке в Калифорнию без охраны, то придет в ярость. Она проведет в Калифорнии два дня, вернется в Нью-Йорк, а в понедельник утром отправится на занятия. Обо всем будет знать только Марианна.

«Да благословит ее бог», — подумала Эмма, когда самолет коснулся земли. Марианна не задавала никаких вопросов, только встала ни свет ни заря, надела светлый парик, темные очки и пальто, а затем поспешила на утреннюю мессу в собор Святого Патрика. Охранники потащились за ней.

Для Суинни и его напарника Эмма Макавой спокойно проводит выходные дома. Если позвонят Брайан или Джонно, Марианне придется заговаривать им зубы, а уж это она умеет.

«Как бы то ни было, жребий брошен», — решила Эмма, выходя из самолета. Она в Калифорнии и выполнит то, ради чего приехала. Ей необходимо снова увидеть дом. Он был продан в том же году, поэтому вряд ли удастся попасть внутрь. Но Эмма должна его увидеть.

— «Бeverли-Уилшир», — сказала она таксисту.

Устало откинувшись на сиденье, она закрыла глаза. В пальто было слишком жарко, однако у Эммы не хватало сил снять его. Ей нужно взять напрокат машину. Почему она не позаботилась об этом заранее? Ладно, портье все устроит.

Здесь остались призраки. На Голливудском бульваре, в Беверли-Хиллз, на пляжах Малибу, на всем побережье Лос-Анджелеса. Призраки маленькой девочки, впервые приехавшей в Америку, и ее молодого отца, таскающего дочь на плечах по Диснейленду. Призрак Бев, с улыбкой глядящей свой живот. И Даррена, с хохотом возящего трактор по турецкому ковру.

— Мисс?

Открыв глаза, Эмма увидела швейцара в форме, готового помочь ей выйти из такси.

— Остановитесь у нас?

— Да, благодарю.

Девушка машинально расплатилась с шофером, вошла в гостиницу и направилась к администратору. Она получила ключ, забыв на время, что первый раз в жизни осталась одна.

В номере Эмма достала из неброской сумки от Гуччи белье и аккуратно его сложила, повесила одежду, расставила туалетные принадлежности, затем сняла трубку:

— Говорит мисс Макавой из 312-го. Я хотела бы взять напрокат машину. На два дня. Да, как можно скорее. Чудесно.

Ей было необходимо сделать еще одно дело, хотя она боялась этого. Открыв телефонный справочник, Эмма нашла адрес Лу Кессельринга.

— Ты будешь завтракать целое утро, Майкл, или все же подстрижешь газон?

— Газон большой, — улыбнулся тот, подкладывая себе блинчиков. — Мне понадобятся силы. Верно, мама?

— Мальчик не питается нормально с тех пор, как переехал от нас, — ответила Марджори, довольная тем, что мужчины сидят за столом вместе, и налила кофе. — От тебя остались лишь кожа да кости, Майкл. Вот лучший кусок ветчины, которую я приготовила на этой неделе, возьмишь его с собой.

— Не давай этому бездельнику ни кусочка, — возразил Лу.

— Кого это ты назвал бездельником?

— Ты проспорил, а я не вижу, чтобы мою траву подстригли.

— Дойдем и до этого, — проворчал Майкл, беря сосиску. — Я считаю, игра была договорной.

— «Ориола» победила честно. Причем больше месяца назад. Плати.

Этот разговор происходил каждые выходные, с тех пор как завершилась суперсерия, и, несомненно, будет продолжаться До Нового года, когда полагается расплачиваться со всеми долгами.

— Как капитан полиции, ты должен знать, что азартные игры противозаконны.

— Как новобранец, приписанный к моему участку, ты должен быть умнее и не спорить в безнадежной ситуации. Газонокосилка в сарае.

— Я знаю. — Майкл встал и обнял мать за плечи. — Как ты живешь с подобным типом?

— Это непросто, — улыбнулась Мардж, потрепав сына по щеке. — Поосторожнее с розовыми кустами.

Она проводила его взглядом, и на мгновение ей захотелось, чтобы Майклу опять стало десять лет. Это желание быстро прошло, и осталась только гордость.

— Мы сделали хорошую работу, Лу.

— Да.

Кессельринг отнес в раковину грязную посуду. Волосы у него уже совершенно поседели, и, хотя временами Лу вспоминал, что ему под шестьдесят, он никогда не чувствовал себя так хорошо. «Благодаря Мардж, которая строго следит за холестерином и сахаром», — подумал Лу, обнимая жену.

Мардж осталась такой же стройной, как в день их свадьбы. Ничто не могло помешать ее занятиям аэробикой дважды в неделю.

Пять лет назад она решила заняться собственным бизнесом. Лу считал ее идею бредовой, но все же позволил своей «маленькой женщине» открыть небольшой книжный магазин. Он был добр и снисходителен, как взрослый, треплющий ребенка по голове. Однако Мардж поразила его, продемонстрировав в делах острый, даже беспощадный ум. Ее магазинчик разросся, теперь он уже имел три филиала в Голливуде, Бель-Эйре и Беверли-Хиллз.

«Жизнь полна неожиданностей», — подумал Лу, услышав тархтение газонокосилки. Жена, которой всегда, казалось, было достаточно уборки в доме и выпечки пирогов, превратилась в деловую женщину, ее счета вел личный бухгалтер. Сын, беспечно проскочивший колледж и проведший больше года в бесплодных исканиях, вдруг поступил, не сказав никому ни слова, в полицейскую академию. Сам же Лу начал задумываться о том, что всегда казалось ему далеким будущим. О пенсии.

«Жизнь прошла хорошо», — думал он, вдыхая запах колбасы и роз. Охваченный внезапным порывом, он повернул жену к себе лицом и крепко поцеловал в губы.

— Парень будет занят не меньше часа, — тихо сказал он, кладя руку ей на грудь. — Пошли наверх.

Откинув голову, Мардж улыбнулась.

Майкл работал косилкой, наслаждаясь физическим трудом и выступившим на теле легким потом, хотя ему не нравилось, что он

проиграл спор. Он не любил проигрывать.

Но по газону он соскучился. Его удовлетворяла собственная квартира с ванной размером с почтовую марку и шумными соседями. Однако настоящий его дом — это пригород с уютными коттеджами, двориками, спрятанными среди больших деревьев, запахом мяса, которое жарят на открытом воздухе. Здесь всегда чувствуешь себя ребенком. Утренние велосипедные прогулки по субботам. Сосед по улице, Рики Джонс, учится кататься на доске. Красивые девчонки гуляют в тонких платьях, и ты, распространяющий билеты на бейсбольный матч, делаешь вид, что не замечаешь их.

Здесь все несильно изменилось со времен его детства. Мальчишки по-прежнему развозили почту на велосипедах, кидая газеты в кусты. Соседи по-прежнему соревновались, у кого лучше газон или сад. Брели друг у друга садовый инвентарь и забывали вернуть его.

Пребывание тут давало Майклу ощущение неразрывной связи с родными местами, о чем он не догадывался, пока не уехал отсюда.

Его привлекло какое-то движение, и он успел заметить, как опустилась занавеска в спальне родителей. Майкл замер с открытым ртом, сжимая вибрирующие ручки газонокосилки. Хотя у него еще нет золотого значка, он в состоянии догадаться, что происходит за занавеской. В девять утра. Майкл продолжал глядеть на окно, не зная, веселиться ему, смущаться или радоваться. Наконец он решил не думать об этом. Страшновато представлять себе, чем занимаются твои родители.

Майкл повел косилку одной рукой, на ходу расстегивая рубашку. Пусть дома украшены рождественскими огоньками, к полудню температура поднимается до восьмидесяти градусов [2]. Майкл помахал миссис Бакстер, пропалывающей гладиолусы. Она только молча взглянула на него. Больше десяти лет назад он разбил мячом витраж в ее окне, и миссис Бакстер до сих пор не могла простить его.

Закончив стричь газон за домом и половину газона перед ним, Майкл стал размышлять, почему отец так и не раскошелился на самоходную газонокосилку. К тротуару подъехал изящный «Мерседес», но Майкл не удостоил бы его вниманием, если бы не блондинка за рулем. А к блондинкам он питал слабость. Девушка сидела неподвижно; темные очки скрывали глаза. Прошло минут пять.

Наконец она вышла из машины, и он отметил, что девушка изящная, стройная, длинноногая. Майкл обратил внимание и на ее руки, тонкие и нежные, способные обращаться с хрупким фарфором. Она крепко сжимала кожаную сумочку.

Красивая, беспокойная и нездешняя. К тому же богатая. Сумочка и туфли из натуральной кожи — дорогие, на запястьях и в ушах — настоящее золото. Ее походка тоже свидетельствовала о высоком положении в обществе. Только руки выдавали ее волнение, движения же у нее были легкими, как у танцовщицы.

Девушка без колебания ступила на дорожку: очевидно, еще в машине приняла решение подойти к Майклу. Несмотря на запах свежескошенной травы, он уловил исходящий от нее аромат.

Когда девушка улыбнулась, у Майкла остановилось сердце. Заглушив двигатель косилки и стащив с головы наушники, он уставился на нее. В наступившей тишине отчетливо слышались металлические аккорды Брюса Спрингстина.

— Здравствуйте. Извините, что прервала вашу работу.

У Майкла пересохло во рту. Глупо, нелепо, только он не мог ничего поделать. Этот голос много лет музыкой звучал в его голове. Снился ему, слышался в разговорах других женщин. Увидев, что девушка прикусила губу, Майкл опомнился:

— Привет, Эмма. Сколько хороших волн поймала в последнее время?

У нее от удивления приоткрылся рот.

— Майкл! — Эмме захотелось броситься к нему на шею, щеки у нее вспыхнули, но она лишь протянула ему руку. — Я так рада видеть тебя.

Ладонь Майкла была сильной и влажной, он тут же вытер ее о джинсы.

— Ты... ты не появлялась больше на пляже.

— Да. — Эмма продолжала улыбаться, хотя ямочка у рта исчезла. — Я так и не научилась кататься на доске. Не знала, что ты по-прежнему живешь здесь.

— Я здесь не живу. Просто отец выиграл спор и на несколько недель получил бесплатного садовника.

Майкл не знал, о чем говорить. Эмма выглядела такой красивой, такой хрупкой на свежескошенной траве в своих дорогих итальянских

туфлях.

— Как твои дела? — наконец выдавил он.

— Ничего. А у тебя?

— В порядке. Я то и дело натыкался на твои фотографии. Один раз ты была там, где катаются на лыжах.

— В Сент-Морице.

— Кажется.

«Глаза все те же», — подумал Майкл. Большие, голубые, чарующие. Заглянув в них, он почувствовал, как у него дрогнуло сердце.

— Ты здесь кого-то навешаешь?

— Нет. Впрочем, да. На самом деле...

— Майкл, — раздался голос матери. Она стояла в дверях, как всегда опрятная. — Ты не собираешься предложить своей знакомой выпить чего-нибудь прохладительного?

— Ясное дело. У тебя есть несколько минут? — спросил он у Эммы.

— Да. Я собиралась поговорить с твоим отцом.

Майкл почувствовал разочарование. С чего он взял, что Эмма приехала ради встречи с ним?

— Отец дома. — Ему удалось улыбнуться. — Злорадствует. Эмма пошла за Майклом к двери, теперь уже вцепившись в сумочку мертвой хваткой, и никакие доводы рассудка не могли бы убедить ее расслабить пальцы.

Эмма увидела у окна наряженную елку, под которой лежали подарки, аккуратно завернутые и перевязанные, а по всему дому распространялся аромат сосновых веток.

Мебель была старая, но в хорошем состоянии, добротная. Семья жила среди этих вещей так долго, что уже вряд ли кто обращал на них внимание, уютно располагаясь на диване или в кресле. Занавески подняты, у окна на подставке цвели африканские фиалки.

Эмма сняла темные очки и, держа их в руках, оглядывала комнату.

— Не хочешь сесть?

— Да, благодарю. Я ненадолго, не стану мешать вам в выходной день.

— Ага, я просто мечтал всю неделю подстригать траву. — Усмехнувшись, Майкл расслабился и указал Эмме на кресло. — Схожу

за отцом.

Не успел он выйти, как появилась Мардж с подносом, заставленным стаканами свежезаваренного чая со льдом и с вазочкой домашних сахарных пирожков.

— Майкл, застегни рубашку. — Она поставила поднос на кофейный столик. Как мило, что к сыну заглянула его знакомая.

— Это моя мама. Мам, это Эмма Макавой.

Мардж сразу узнала ее и постаралась скрыть любопытство и сочувствие.

— Ах да, ну конечно же. — Она разлила чай. — У меня хранится газетная вырезка. Где вы с Майклом на пляже.

— Мам...

— Матери разрешается. Очень приятно наконец познакомиться с вами, Эмма.

— Спасибо. Извините, что я вот так, без предупреждения.

— Чепуха. Друзьям Майкла здесь всегда рады.

— Эмма хочет встретиться с папой.

— О! — Мардж нахмурилась, но только на мгновение. — Он за домом, проверяет, не скосил ли Майкл его розовые кусты. Сейчас позову.

— Всего один куст. И то когда мне было двенадцать, — сказал Майкл, беря пирожок. — Но с тех пор мне больше не доверяют. Попробуй, у мамы лучшие пироги в квартале.

Эмма взяла один из вежливости, с ужасом думая, удастся ли ей проглотить хоть что-нибудь.

— У вас прекрасный дом.

Майкл вспомнил особняк в Беверли-Хиллз, где Эмма проводила лето.

— Мне тоже нравится. — Он взял ее за руку. — Что случилось, Эмма?

Почему этот тихий вопрос и нежное прикосновение лишили ее остатков самообладания? Так просто опереться на Майкла, излить ему душу, найти утешение. Но это равносильно новому бегству.

— Не знаю.

Она встала навстречу Лу. Ее улыбка получилась неуверенной, но Майклу она показалась ужасно трогательной.

— Капитан.

— Эмма. — Обрадованный Лу взял обе ее руки. — Совсем взрослая.

Девушка едва удержалась от желания положить голову ему на грудь и заплакать, как уже случилось давным-давно. Но она только сжала ему руку, заглянула в глаза:

— А вы почти не изменились.

— Такого именно комплимента ждет мужчина от красивой девушки.

Она улыбнулась, на этот раз легко:

— Нет, правда. Я учусь на фотографа, поэтому стараюсь наблюдать, запоминать лица. С вашей стороны очень любезно встретиться со мной.

— Не говорите ерунды. Садитесь же. — Заметив чай со льдом, Лу взял стакан, давая ей время освоиться. — Ваш отец тоже в городе?

— Нет. — Эмма провела пальцами по стакану, но пить не стала— Он в Лондоне... или по пути туда. Я теперь живу в Нью-Йорке, учусь в колледже.

— Я уже много лет не был в Нью-Йорке. — Лу откинулся на спинку уютного полосатого кресла. — Значит, фотография. Помню, когда мы виделись в последний раз, у вас была камера.

— Она по-прежнему у меня. Папа частенько говорит, что сотворил чудовище, подарив мне этот «Никон».

— Как поживает Брайан?

— Хорошо, — неуверенно ответила Эмма. — Весь в работе. — В этом она была уверена. — Отец не знает, что я здесь, и мне не хочется, чтобы ему стало известно об этом.

— Почему?

— Он бы очень расстроился. Ведь я приехала к вам поговорить о Даррене.

— Майкл, мне нужна твоя помощь. — Мардж собралась встать.

— Нет, пожалуйста. Оставайтесь. Это дело не личное. Полагаю, таким оно никогда не было. — Эмма взволнованно поставила стакан. — Я только хотела узнать, нет ли чего-нибудь такого, известного вам и не попавшего в газеты, о чем в то время не сказали мне, посчитав слишком маленькой. Хотя мне удавалось надолго задвигать это в глубь памяти, но по-настоящему оно никуда не уходит. И вчера ночью я вспомнила...

— Что? — подался к ней Лу.

— Только песню. Которая звучала в ту ночь. Она доносилась снизу, когда я шла к комнате Даррена. На мгновение все стало таким отчетливым. Музыка, слова, плач Даррена. Но, понимаете, я не могу подойти к двери. Когда я пытаюсь вспомнить, то вижу лишь, как стою в коридоре.

— Возможно, ничего другого и не было. Нахмурившись, Лу глядел в свой стакан. Ему тоже удавалось надолго задвигать все это в глубь памяти. Но воспоминания постоянно возвращались. Лу знал, что лицо мальчика всегда будет являться ему, и не только во сне.

— Эмма, мы никогда не были уверены, что вы заходили в комнату и что-то видели. Тогда вам это лишь показалось, но, испугавшись, вы побежали к лестнице, чтобы позвать отца, и упали. Вам было только шесть лет, и вы боялись темноты.

«Боялась и боюсь», — подумала она.

— Я так никогда и не разобралась в случившемся. Но я не в силах выносить неизвестность: была ли у меня возможность предотвратить это? Спасти Даррена?

— Могу вас успокоить. — Лу отставил стакан. Пусть девушка видит в нем полицейского, официальное лицо. — В ту ночь в комнате вашего брата находились двое мужчин. Няня утверждала, что слышала шепот двух человек, когда ее связывали. Экспертиза подтвердила это. Шприц, обнаруженный там, содержал снотворное, детскую дозу. Согласно нашему анализу событий получилось, что с момента, когда связали няню, до вашего падения прошло меньше двадцати минут. Попытка похищения оказалась неумелой и привела к трагическому результату, но все было хорошо продумано. Что-то нарушило их планы. Возможно, мы никогда не узнаем, что именно. Но если бы вы вошли в комнату, вы не смогли бы защитить Даррена, а вас бы, наверное, тоже убили.

Эмма надеялась, что он прав, хотя это мало утешило ее. Уходя час спустя, она пообещала себе, что постарается поверить Кессельрингу.

— У тебя замечательные родители, — сказала она Майклу, когда тот провожал ее до машины.

— Да. Я уже почти приручил их.

Ни в коем случае он не позволит ей на этот раз так надолго уйти из его жизни. Майкл вспомнил, как она выглядела на пляже. Неужели

минуло пять лет? Эмма казалась печальной. И прекрасной. Тогда она задела в нем какую-то струну. Ту, что зазвучала и сейчас.

— Ты долго пробудешь в городе?

Эмма посмотрела на улицу. Милый район. Слышны голоса играющих детей, жужжание косилки. Она с грустью подумала, как хорошо было бы жить в таком месте.

— Я улетаю завтра.

Майклу захотелось выругаться.

— Краткий визит.

— В понедельник мне на занятия. Оба чувствовали себя неловко.

— Жаль, что у меня так мало времени.

— Куда ты сейчас?

— Я... я хотела прокатиться. В горы.

Он понял, и ее намерение не понравилось ему.

— Хочешь, я поеду с тобой?

Эмма собиралась вежливо отказаться.

— Да, очень, — вдруг услышала она свой голос.

— Подожди минутку.

Майкл убежал, не давая ей времени передумать. Он ворвался в дом, через минуту выскочил обратно и, ухмыльнувшись, сел на переднее сиденье.

— Ты спасла меня от лишнего часа работы газонокосильщиком. Отец не потерпит, чтобы дело оставалось незаконченным до моего возвращения. Он любит порядок.

— Рада, что смогла помочь.

Некоторое время она вела машину, довольная, что ветер теребит ее волосы, слушала радио, лениво болтала. Услышав голос отца, донесшийся из колонок, она улыбнулась.

— У тебя никогда не возникают при этом странные ощущения?

— Когда слышу его? Нет. Я знала голос отца еще до того, как встретила его самого. Нельзя думать о нем, не думая о его музыке. Наверное, у тебя то же самое. Лу — твой отец, но он полицейский. Уверена, для тебя естественно думать о том, что он носит значок, и все такое.

— И все такое. Но я чувствовал себя очень непривычно, когда начал работать под его началом.

— Работать под его началом?

— Ага, — усмехнулся Майкл. — Как однажды сказал Джонно, я иду по стопам отца.

Глава 21

— Ты полицейский? — удивилась Эмма.

— Новобранец, как любит говорить мой отец. А что? У меня вырос второй нос?

— Да нет. Просто непривычно думать о тебе как о полицейском.

— Уже что-то. Не предполагал, что ты вообще думала обо мне.

— Конечно, думала, — засмеялась Эмма. — Когда в газете появился наш снимок, я надолго стала самой популярной девчонкой в пансионе. Разумеется, я приукрасила случившееся в свою пользу.

— Как и я. — Положив руку на спинку сиденья, Майкл начал играть ее волосами. — Благодаря этой вырезке я добился свидания у Сью-Эллен Коуди.

— Вот как?

— Это были мои пятнадцать минут славы. Я надеялся, что ты придешь снова.

— Суинни все рассказал папе. Тебе нравится быть полицейским?

— Да. Хотя до прихода в академию был уверен, что стану эту профессию ненавидеть. Но какие-то вещи предопределены, и, сколько бы ты ни бегал от них, в конце концов придешь к тому, чем создан заниматься. Если ты хочешь попасть к особняку, сворачивай на эту улицу.

Эмма остановилась, глядя перед собой.

— Откуда ты знаешь?

— Отец частенько ездил сюда, иногда вместе со мной. Он просто сидел и смотрел. Наверное, тебе будет интересно узнать, что он никогда не забывал о случившемся и не примирился с тем, что не смог их найти.

— Я почему-то знала это, — тихо сказала Эмма. — Поэтому и захотела увидеться с ним, еще раз поговорить. И ты понял, что я имела в виду, когда собиралась прокатиться?

— Да.

— Почему ты поехал со мной?

— Не хотел, чтобы ты ехала одна.

— Значит, дело только в этом?

— Ну хорошо. Я хотел быть с тобой.

У него добрые, как у Лу, глаза, но это глаза парня, который отвез ее домой с пляжа. Она расслабилась.

— Спасибо.

Следуя его указаниям, Эмма повернула. Дорога казалась ей незнакомой, и она подумала, что без Майкла не нашла бы особняк. Теперь они ехали молча, лишь изредка раздавалось: «Сверни направо», «Возьми левее».

Но дом Эмма узнала сразу. Он почти не изменился, окруженный цветущими зарослями.

Эмма заметила объявление, что дом продается.

— Можно назвать это судьбой, — прикоснулся к ее руке Майкл. — Хочешь зайти?

Она увидела окно своей спальни, где они как-то стояли с Дарреном, наблюдая за мелькающей среди деревьев лисицей.

— Не могу.

— Ладно, будем сидеть здесь, сколько захочешь.

Эмма вспомнила, как она бродила вдоль ручья, как Бев смеялась над Дарреном, который шлепал по воде босыми ножками. Вспомнила пикник, расстеленное под деревом покрывало, отца, тихо перебирающего струны гитары, Бев, читающую книгу, и задремавшего у нее на коленях Даррена. Она никогда прежде не вспоминала об этом. Как могла она забыть тот день? Такой великолепный, такой прекрасный день. Трава была прохладной, солнечные лучи пробивались сквозь листву, Эмма слышала голос поющего отца:

Никогда не поздно искать любовь, Никогда не рано находить ее.

Они были счастливы. Они были семьей. А на следующий день была вечеринка, и все изменилось.

— Да, — резко сказала она. — Я хочу зайти.

— Хорошо. Но лучше, если никто не узнает, кто ты. Кивнув, Эмма въехала в распахнутые ворота и остановилась у дома. Майкл дотронулся до руки девушки, холодной как лед. Когда дверь открылась, Майкл изобразил на лице свою самую обаятельную улыбку:

— Здравствуйте. Мы проезжали мимо и увидели объявление.

Правда, через час мы договорились осмотреть еще одно место, но просто не смогли удержаться. Дом еще не продан, да?

Женщина лет сорока, одетая в стиле кантри, окинула их долгим, изучающим взглядом, отметив рубашку Майкла, поношенные джинсы и стоптанные ботинки на высоком каблуке. Но она была достаточно проницательной, чтобы увидеть неброские дорогие туфли Эммы, юбку и блузку от Ральфа Лорена, а также «Мерседес» с откидным верхом, оставленный на дорожке. Женщина улыбнулась. Дом выставлен на продажу уже пять месяцев, и до сих пор не было ни одного серьезного предложения.

— В общем-то, покупатель уже есть, но контракт подпишут только в понедельник. — Ее взгляд остановился на изящном перстне Эммы с бриллиантом и сапфиром. — Полагаю, хуже не будет, если я покажу вам дом.

Она шире распахнула дверь и удивленно посмотрела на Эмму, которая не решалась войти.

— Меня зовут Глория Штайнбрэннер.

— Рады познакомиться. — Майкл протянул руку. — Майкл Кессельринг. А это Эмма.

Миссис Штайнбрэннер ослепительно улыбнулась. «К черту агента по недвижимости», — подумала она. У нее появились собственные клиенты, и она собиралась извлечь максимальную выгоду.

— Дом в великолепном состоянии. Я обожаю его. — Она ненавидела каждую доску и каждый кирпич. — Сердце у меня разрывается, но, не хочу скрывать, мы с мужем разводимся и продаем имущество.

— О! — Майкл надеялся, что выражение у него сочувственное, но заинтересованное. — Извините.

— Ничего, — махнула рукой женщина. — Вы здешние?

— Нет, мы... из Долины и просто умираем от желания переехать. Чтобы ни толпы, ни смога. Не так ли, Эмма?

— Так. Дом очень красивый.

— Спасибо. Как видите, он просто бесподобен. Высокие потолки, дубовые балки, много стекла и простора. Камин, разумеется, действующий.

«Разумеется», — подумала Эмма. Разве она не сидела перед этим камином? Обстановка изменилась. Эмма ненавидела подобный стиль. Претенциозные модные скульптуры, блестящие хромированные столы.

Куда делись все подушечки, забавные корзиночки с клубками и нитками, расставленные Бев?

— Обеденный зал там, но для ужинов в узком кругу идеально подходит место у окон террасы.

«Нет», — думала Эмма, машинально следуя за миссис Штайнбрэннер. Бев посадила перед этими окнами деревья. Настоящие джунгли в горшках и вазах. Стиви и Джонно как-то в шутку притащили ей дерево, но Бев не только оставила дерево, а даже купила идиотского пластмассового дрозда, которого посадила на ветку.

— Эмма?

— Что? — вздрогнула та. — Извините.

— О, ничего страшного, — обрадовалась женщина, приняв ее реакцию за восхищение. — Я просто спросила, готовите ли вы?

— Нет, плохо.

— Кухня оборудована по последнему слову. Я переделала ее два года назад. Мебель встроенная. Микроволновая печь, плита «Джейн Эйр», естественно, духовка. Большие рабочие столы. Кладовая.

Эмма оглядела выстроенную по линейке безликую кухню. Все белое и из нержавеющей стали. Исчезли развешанные на крючках медные горшочки, которые до блеска начищала Бев. Никаких баночек с травами на подоконнике. Ни высокого стульчика Даррена, ни кучи поваренных книг, ни разноцветных банок.

Женщина продолжала бубнить, очевидно, считая кухню своим *pièce de resistance* ^[3], а Эмма стояла опечаленная.

Услышав телефонный звонок, миссис Штайнбрэннер закрыла блестящую дверь шкафчика.

— Извините, я на минутку.

— Все в порядке? — тихо спросил Майкл.

— Да. Мне хотелось бы подняться наверх.

— Слушай, Джек, — голос миссис Штайнбрэннер утерял всю певучесть, — меня не интересуют ни твои жалобы, ни угрозы твоего адвоката. Понятно?

Майкл кашлянул:

— Извините, ничего, если мы побродим по дому? Махнув, женщина зарычала в телефон:

— Слушай, задница!

— Похоже, некоторое время она будет занята, — весело бросил Майкл. — Ты уверена, что хочешь наверх?

Нет, Эмма не была уверена.

— Зайдя так далеко, я не могу не закончить.

— Хорошо.

Майкл обнял ее за плечи, и они начали подниматься по лестнице.

Дверь была открыта — дверь спальни ее отца и Бев. Иногда по ночам оттуда доносился смех. Комната Элис, всегда такая спокойная и опрятная, превратилась в гостиную с книжными полками и телевизором на столике. Ее комната. Эмма заглянула внутрь.

Куклы исчезли, как и лампа в виде Микки-Мауса, и веселые бело-розовые цвета. Здесь уже давно не спала и не мечтала никакая девочка. Теперь это, несомненно, комната для гостей. Искусственные цветы, голливудская кровать, заваленная пестрыми подушками, аккуратно сложенные журналы и книги. Исчезли занавески и милый пушистый коврик. Их сменили римские шторы и ковер от стены до стены.

— Это моя комната, — глухо произнесла Эмма. — Здесь бы ли обои с розочками и фиалками, розовые занавески с оборками, а на кровати белое стеганое одеяло. На полках у меня были куклы и музыкальные шкатулки. Наверное, такую комнату хотят иметь все маленькие девочки. Бев это понимала. Не знаю, почему-то я думала, что здесь все останется по-прежнему.

Майкл вспомнил цитату, запавшую ему в голову еще с колледжа.

— «Все меняется, но ничего не исчезает». — Он смущенно пожал плечами, ибо не относился к числу тех, кто любит говорить цитатами. — Все осталось у тебя в голове. Вот что главное.

Эмма молча повернулась и посмотрела на комнату Даррена.

— Я лежала в кровати. Что-то разбудило меня. Думаю, музыка. По-настоящему я ее не слышала, только чувствовала. Вибрацию низких частот. Я гадала, что это за песня, чем занимаются гости. Мне ужасно хотелось стать взрослой, тогда меня будут пускать на вечеринки. Я что-то слышала. Не знаю. Но я... Шаги, — вдруг вспомнила Эмма, и сердце у нее чуть не выпрыгнуло из груди. — Кто-то шел по коридору. Я хотела, чтобы это был папа или Бев, чтобы они поговорили со мной. Возможно, мне удалось бы уговорить их, и они разрешили бы спуститься вниз. Только это был не папа и не Бев.

— Спокойнее, — произнес Майкл, увидев, что у нее на лбу выступил пот. — Не торопись.

— Заплакал Даррен. Я слышала, как он плачет, и встала. Элис говорила, чтобы я не приносила ему Чарли, но Даррен любил спать вместе с Чарли, и он плакал. Я собиралась отнести ему Чарли и немного поговорить с ним, пока он снова заснет. Но в коридоре было темно. — Эмма оглядела коридор. — А ведь для меня всегда оставляли свет. Я очень боюсь темноты. В темноте прячутся твари.

— Твари? — нахмурился Майкл.

— Я не хотела выходить в коридор, в темноту. Но Даррен все еще плакал. Я вышла в коридор, в темноту, и теперь услышала музыку. Она была очень громкой, я испугалась. — Эмма бессознательно двинулась к двери. — Я слышала, как они шипели в углах, царапали стены, шелестели коврами.

— Что ты слышала? Что?

— Чудовищ. И... не помню. Я не помню, подошла ли к двери. Она была закрыта, я знаю, что она была закрыта, но не помню, открыла ее или нет.

Эмма остановилась у порога. На миг она увидела комнату такой, какой помнила: заваленную игрушками Даррена, раскрашенную яркими красками, с его кроватью, креслом-качалкой, новым трехколесным велосипедом. Затем эту картину сменила реальность.

Дубовый письменный стол, кожаное кресло, фотографии в рамках, стеклянные полки, заставленные всякой всячиной.

Комнату брата превратили в кабинет.

— Я побежала, — наконец выдавила Эмма. — И больше ничего не помню, кроме того, что побежала и упала.

— Ты говорила отцу, когда он навещал тебя в больнице, что подошла к двери и открыла ее.

— Все было как во сне. А теперь я почти ничего не помню. Все поблекло.

— Наверное, так и должно быть.

— Он был такой красивый. Прекрасный. Я любила его больше всех на свете. Все любили его. — Глаза Эммы наполнились слезами. — Уйдем отсюда.

— Пошли.

Майкл повел ее по коридору, затем по лестнице, с которой она упала много лет назад. Он бросил быстрый извиняющийся взгляд.

— Простите, моей жене стало нехорошо, — объяснил он миссис Штайнбрэннер, выскочившей из кухни.

— О! — Сначала появились раздражение и разочарование, потом надежда. — Проследите, чтобы она хорошо отдохнула. Как видите, этот дом просто создан для детей. А в Долине даже не мечтайте вырастить здорового ребенка.

— Да. — Майкл увлек Эмму к выходу и, заняв место водителя, бросил через плечо: — Мы свяжемся с вами.

Если бы он не был так обеспокоен состоянием Эммы и перспективой вести дорогой автомобиль, он бы, возможно, заметил темно-синий седан, тронувшийся следом за ними.

— Извини, — пробормотала Эмма, когда они выехали на дорогу.

— Не говори ерунды.

— Нет, правда. Я не справилась с делом.

— Ты сделала все замечательно. — Майкл, ощущая неловкость, потрепал ее по руке. — Слушай, я никогда не терял близких людей, но могу представить, каково это. Не мучай себя, Эмма.

— Оставить все в прошлом? — Она выдавила слабую улыбку. — Я надеялась, что, если приду в дом и буду думать о той ночи, воспоминания вернутся ко мне. Но этого не случилось... Знаешь, ты настоящий друг.

— Точно, — пробормотал Майкл. — Есть хочешь?

— Да, умираю от голода.

— Я угощу тебя бургером. Надеюсь, — добавил он, пытаясь вспомнить, что у него имеется в бумажнике.

— Люблю бургеры. Но поскольку ты мой друг, то угощаю я.

Подкатив к «Макдоналдсу» и обнаружив, что является обладателем трех долларов и бумажки с телефоном рыжей девчонки, которую уже не помнил, Майкл решил отбросить глупую мужскую гордость. Эмма не стала возражать, когда он предложил взять еду с собой, мимоходом заметив, что сам поведет машину.

— Поедем на берег.

— С удовольствием.

Закрыв глаза, Эмма откинулась на сиденье, радуясь, что приехала сюда. Поднялась по этой лестнице. Что ее волосы треплет ветерок, а

рядом сидит Майкл.

— Когда я уезжала из Нью-Йорка, там шел мокрый снег.

— В солнечной Калифорнии тоже есть колледжи.

— Мне нравится Нью-Йорк, — рассеянно сказала Эмма. — Всегда нравился. Мы вдвоем купили квартиру. Теперь в ней почти можно жить.

— Вдвоем?

— Да. Мы с Марианной вместе учились в пансионате Святой Екатерины.

Так как глаза у нее были закрыты, она не увидела радостного облегчения на лице Майкла.

— Когда-то мы поклялись, что будем жить в Нью-Йорке. Там и живем. Марианна учится в художественном колледже.

Майкл решил, что уже испытывает дружеское расположение к неизвестной Марианне.

— Она ничего?

— Даже очень. Настанет день, когда художественные галереи будут хватать друг друга за глотку, чтобы заполучить ее картины. Марианна рисовала на монашек невероятные карикатуры. — Увидев, что Майкл нахмурился, она обернулась: — В чем дело?

— Вероятно, просто инстинкт полицейского. Видишь тот седан?

Эмма оглянулась:

— Да. И?

— Он едет за нами от самого «Макдоналдса». — Майкл перестроился в другой ряд, седан повторил маневр. — Я бы сказал, что он следит за нами, если бы он не действовал так глупо.

— Вероятно, это Суинни, — устало вздохнула Эмма.

— Суинни?

— Телохранитель. Он всегда меня находит. Как будто отец вживил мне радиомаячок.

— Возможно. Тогда в этом есть смысл. — Но Майклу не нравилось, что за ними следят, причем неумело, во время первого свидания с девушкой, которая давно завладела его сердцем. — Я мог бы оторваться от него..

Эмма спустила очки, и глаза ее весело блеснули.

— Правда? — усмехнулась она.

— Я покажу все, на что способен. Наша малышка без труда повергнет его в прах.

— Давай, — засмеялась Эмма.

Майкл радостно надавил на газ и, обогнав грузовик, понесся со скоростью восемьдесят миль в час.

— Мы устраивали гонки на шоссе — в дни моей растроченной впустую юности.

Он снова перестроился, оказался между пикапом и «БМВ», резко крутанув руль, обогнал «Кадиллак» и увеличил скорость до девяноста миль.

— У тебя хорошо получается. — Эмма со смехом обернулась. — Его не видно.

— Он сзади, пытается обогнать «Кадиллак». А тот перетрусил и теперь еле тащится. Держись крепче.

Майкл надавил на тормоза. Один запрещенный поворот — и вот они уже несутся по шоссе в противоположном направлении. Пролетев мимо седана, они уже на дозволенной скорости направились к пляжу.

— Действительно хорошо, — сказала Эмма. — Тебя научили этому в полицейской академии?

— С кое-какими способностями просто рождаешься. — Остановившись, Майкл погладил руль. — Что за прелесть.

— Еще раз спасибо. — Эмма поцеловала его в щеку. Прежде чем Майкл успел что-то ответить, она, схватив пакет с бургерами, побежала к воде и закружилась по песку.

— Я люблю это! Люблю воду, ее запах, шум. Если бы можно было подвести океан к Бродвею, я была бы на седьмом небе от счастья.

Ему вдруг захотелось схватить ее во время этого танца и ощутить, так ли она хороша на вкус, как выглядит. Но Эмма, упав на песок, уже раскрыла пакет.

— Пахнет великолепно. — Она поднесла бутерброд ко рту и тут почувствовала, что Майкл смотрит на нее.

— В чем дело?

— Да так. — Во рту у него опять пересохло. — Я... ну, вспомнил, как однажды подумал, бываешь ли ты в «Макдоналдсе». Когда увидел тебя на репетиции. Отец потом купил мне чизбургеры, и я подумал, можешь ли ты пойти в «Макдоналдс». Со всей этой охраной.

— Нет, но папа, Джонно или кто-нибудь еще иногда мне кое-что приносят. Не жалея меня. Только не сегодня.

— Хорошо. Передай картошку.

Оба набросились на еду, не оставив чайкам ни крошки. На пляже были и другие люди: несколько семей, молодые девушки, демонстрирующие загар и стройные фигуры. Неизбежные радиоприемники извергали музыку, но Эмме ничто не мешало.

— Как бы мне хотелось сидеть на берегу, слушать плеск волн. — Вздохнув, она тряхнула головой, и волосы золотым дождем упали ей на спину. — Жаль, что у меня так мало времени.

— Мне тоже.

Ему просто необходимо прикоснуться к ней, кажется, он хотел этого всю жизнь. Когда Майкл провел пальцем по ее щеке, она улыбнулась.

Эмма не сопротивлялась, когда он прикоснулся губами к ее рту. Наоборот, она потянулась к нему, приглашая сделать нечто такое, чего сама еще не понимала. От нежного покусывания у нее запылали губы, а когда его язык проник ей в рот, она без колебаний прижалась к Майклу всем телом.

Поверит ли он, что ее впервые целуют по-настоящему? Что она впервые чувствует сладостную до боли истому, растекающуюся по телу? Этого ли она ждала? Эмма закрыла глаза, стараясь запечатлеть в памяти все.

— А ты действительно... — пробормотал Майкл и снова поцеловал ее, теперь нежно.

— Что?

— Так же хороша на вкус, как и внешне. Я очень давно об этом думал.

Эмма отпрянула, не зная, что делать со своими чувствами. Они были такими сильными, и все происходило слишком быстро.

— Это соль.

Смутившись, она встала и подошла к воде.

Мужчины легко путают смущение с безразличием. Майкл остался сидеть на месте, приказывая себе опомниться. Как это ни глупо, но он влюбился. Эмма красива, изящна и, несомненно, привыкла к мужскому поклонению. А он лишь полицейский-стажер из простой семьи. Майкл тоже встал:

— Уже поздно.

— Да.

Неужели она сошла с ума? Ей хотелось плакать и смеяться, танцевать и печалиться одновременно, хотелось вернуться к Майклу. Но завтра она уже будет за три тысячи миль от него. Она — молоденькая богатая девушка, занимает некоторое положение, которое сама ненавидит, а Майкл распоряжается жизнью по своему усмотрению.

— Мне пора возвращаться. — Она с улыбкой посмотрела на него. — Я действительно рада, что ты поехал со мной и мы вместе провели время.

— Всегда к твоим услугам. — Майкл взял ее руку. «Дружеский жест», — заверил он себя. К черту дружеские чувства. — Я хочу снова встретиться с тобой, Эмма. Мне это необходимо.

— Не знаю...

— Ты можешь позвонить мне, когда вернешься. От его взгляда Эмму бросало то в жар, то в холод.

— Позвоню. Мне хотелось бы... не знаю, смогу ли я опять приехать сюда.

— Я думал, ты, возможно, приедешь на съемки.

— На съемки?

— Через пару недель, кажется, начнутся съемки в Лондоне, а потом здесь. Будет усиленная охрана. Кино, — объяснил он, видя недоумение Эммы. — «Опустошенная», по книге твоей матери. В главной роли Энджи Парке. — Тут он понял, что совершил непростительную глупость. — Извини, Эмма. Я думал, ты знаешь.

— Нет, — сказала она, почувствовав невероятную усталость. — Я не знала.

* * *

Он сорвал трубку. Этого звонка он ждал, покрываясь потом, уже много часов.

— Да?

— Я нашел ее. — Знакомый голос дрожал.

— И?..

— Она встречалась с тем легавым, Кессельрингом. Провела с ним больше часа, а потом отправилась в тот чертов дом. Нужно что-то делать, и поскорее. Я уже говорил тебе и повторяю сейчас: я не позволю сделать из меня козла отпущения.

— Возьми себя в руки. — Голос прозвучал резко, но рука, потянувшаяся за сигаретой, слегка дрожала. — Итак, она поехала. А в дом заходила?

— Особняк, твою мать, продается. Они с парнем свободно туда зашли.

— С каким парнем? С кем она была?

— С каким-то парнем. Думаю, с сынком легавого.

— Хорошо. — Он сделал пометку в записной книжке. — Куда они отправились потом?

— За проклятыми гамбургерами.

— Не понял.

— Я сказал, что они поехали за гамбургерами в «Макдоналдс», а потом кататься. Я потерял их. Могу найти кого-нибудь, и с ней быстро разберутся.

— Не будь идиотом.

— Говорю тебе, она встречалась с легавым, ездила в тот дом.

— Я слышал. Но пораскинь, ради бога, мозгами. Да разве бы она поехала за гамбургерами, если бы что-то вспомнила?

— Не думаю...

— В этом твоя главная беда. Она не вспомнила тогда, не вспомнит и сейчас. Вероятно, ее маленькая экскурсия была попыткой оживить воспоминания или, что более вероятно, просто сентиментальной прогулкой. Оставь Эмму в покое. Она не представляет для нас опасности.

— А если она помнит?

— Маловероятно. Теперь слушай меня, и слушай внимательно. Тогда произошла трагическая непредвиденная случайность. В которой виноват ты.

— Это была твоя затея.

— Именно, так как из нас двоих только я способен мыслить. Но это была случайность. Я не хочу совершать преднамеренное убийство. — Он подумал о музыканте, захотевшем пиццы, и не смог вспомнить его имени. — Если этого можно избежать. Понятно?

— Ну и хладнокровие у тебя, сукин сын.

— Да, — улыбнулся он. — Советую это запомнить.

Глава 22

В Лондоне шел густой мокрый снег. Это был прекрасный снегопад с рождественской открытки, если только не глядеть на него из машины, застрявшей в пробке на Кингз-роуд.

Эмма предпочла идти пешком. Хотя Суинни не обрадуется, сейчас не время думать о нем: в кармане ее пальто лежит клочок бумаги с адресом. Но она помнила его наизусть.

Странно было чувствовать себя взрослым человеком, идти куда захочешь, словно туристка. Челси был для нее такой же за границей, как и Венеция.

Улицы с магазинчиками и антикварными лавками, где покупатели в роскошных пальто и ботинках торопились выбрать надлежащий подарок. Смеющиеся девушки в жемчугах, скрытых под куртками. Парни, стремящиеся выглядеть крутыми, пресыщенными и светскими.

На Слоун-сквер торговали цветами. Даже в Рождество здесь за соответствующую цену можно купить весну. Но Эмма прошла мимо. Было бы странно вдруг преподнести букет матери.

Своей матери. Она не могла считать Джейн Палмер своей матерью. Даже имя казалось ей вычитанным из книги. Но лицо Эмма помнила, оно являлось ей в снах, помрачневшее от раздражения, предвещавшее затрещины или тычки. Лицо со снимков в «Пипл», «Инкуайрер» и «Пост».

Лицо из прошлого, которое не имеет отношения к дню сегодняшнему.

Тогда зачем Эмма идет сюда? Об этом она думала, пока шла по узкой ухоженной улице. Затем, чтобы решить то, что следовало решить много лет назад.

Возможно, Джейн сочла забавной шуткой переезд в фешенебельный район, где в свое время жили Оскар Уайльд и Джеймс Уистлер. Челси всегда привлекал художников, писателей, музыкантов. Здесь иногда бывает Мик Джаггер. Или бывал. Но это не имело значения. Эмма пришла увидеться лишь с одним человеком.

Вероятно, Джейн привлекли контрасты. Челси был низкопробным и добропорядочным, необузданным и спокойным. Проживание в элитном особняке стоило здесь целое состояние. Или переезд Джейн

как-то связан с тем обстоятельством, что Бев тоже обосновалась в Челси?

Но и это вряд ли имело значение.

Эмма глядела на дом, нервно теребя ремень сумочки. Особняк с претензией на старину решительно отличался от маленькой квартирки, где они с Джейн когда-то жили. Хотя простоту викторианского стиля чуть-чуть нарушали более поздние архитектурные дополнения, особняк выглядел бы по-своему очаровательным, если бы не зашторенные окна и нерасчищенная дорожка. Никто даже не потрудился украсить его рождественскими венками из хвои или гирляндами.

Эмма с грустью вспомнила о доме Майкла. Хотя в Калифорнии не было снега, у Кессельрингов царило радостное веселье. Она тут же напомнила себе, что приехала домой не для празднования Рождества. И вообще она приехала не домой.

Толкнув калитку, Эмма пошла по заметенной снегом дорожке к входной двери и уставилась на молоток, словно ожидая, что бронзовая львиная голова вдруг превратится в разбитое лицо Джекоба Марли. Наверное, такой впечатлительной ее сделали предстоящее Рождество или призраки детства.

Замерзшей рукой Эмма подняла молоток, бронзовую львиную голову, и стукнула в дверь.

Никакого ответа. Она постучала снова, надеясь, что ее не услышат, так как дом пуст. Но сможет ли она тогда сказать, что I сделала все от нее зависящее, чтобы выбросить Джейн из головы и из сердца? Эмме хотелось убежать. От этого дома, от бронзовой львиной головы, от женщины, видимо, никогда полностью не ушедшей из ее жизни. Внезапно дверь распахнулась.

От неожиданности Эмма лишь молча смотрела на женщину в красном шелковом халате, который обтягивал непомерно раздавшиеся бедра. Спутанные волосы падали на широкое одутловатое лицо. Незнакомое лицо. Эмма узнала глаза. Прищуренные, злые, красные от выпивки, наркотиков или недосыпания.

— Ну? — Джейн запахнула халат, и на ее пальцах сверкнули бриллианты. К своему ужасу, Эмма уловила запах джина. — Слушай, милочка, в субботний вечер можно найти занятие и получше, чем стоять в дверях.

— Кто там, черт побери? — донесся со второго этажа раздраженный мужской голос.

— Заткнись, хорошо? — крикнула в ответ Джейн и повернулась к Эмме: — Как видишь, я занята.

«Уходи, — приказала себе девушка, — просто повернись и уходи».

— Мне хотелось бы поговорить с вами, — услышала она свой голос. — Я Эмма.

Джейн не шелохнулась, только еще больше прищурилась. Она увидела молодую женщину, высокую, стройную, с бледным утонченным лицом и светлыми волосами. Увидела сначала Брайана, потом свою дочь. И на миг ощутила нечто похожее на сожаление. Затем скривила рот:

— Так-так-так. Маленькая Эмма вернулась домой к маме. Значит, хочешь поговорить со мной?

Она издала резкий смешок, от которого девушка вздрогнула, приготовившись к пощечине. Но Джейн отошла от двери, освобождая дорогу:

— Заходи, дорогая. Поболтаем.

Ведя Эмму в захлавленную гостиную, она занималась подсчетами. В комнате воняло перегаром и застоявшимся дымом. Не табачным.

Ежегодные чеки от Брайана скоро прекратятся. Никакими угрозами и жалобами не удастся вырвать у него ни пенса. Остается девчонка. Ее маленькая Эмма. «Женщине надо думать о будущем, — решила Джейн. — Особенно если у нее большие запросы, дорогие привычки».

— Не хочешь выпить? Отметить нашу встречу?

— Нет, спасибо.

Пожав плечами, Джейн налила стакан для себя. Когда она повернулась, красный шелк на пышных бедрах распахнулся.

— За семейные узы? — предложила она, поднимая стакан, и засмеялась. — Кто бы мог подумать, ты здесь, после стольких лет! Садись, Эмма, милочка, расскажи мне о себе.

— Рассказывать нечего, — ответила та, осторожно садясь на край кресла. — Я приехала в Лондон только на праздники..

— На праздники? Ах да, Рождество, — усмехнулась Джейн и постучала ногтем по стакану. — Ты принесла мамочке подарок?

Эмма покачала головой. Она снова чувствовала себя ребенком, запуганным и одиноким.

— Вернувшись домой после стольких лет, могла бы принести матери хоть небольшой подарок. Ну ладно. Ты никогда не была внимательным ребенком. А теперь уже совсем взрослая, да? — Она взглянула на бриллиантовые серьги Эммы. — И не плохо устроилась. Шикарные учебные заведения, шикарная одежда.

— Я учусь в колледже, — беспомощно ответила Эмма. — Работаю.

— Работаешь? За каким чертом ты работаешь? Твой старик купается в деньгах.

— Мне это нравится. — Эмма испытывала к себе отвращение за то, что заикается. — Я хочу работать.

— Тебе всегда недоставало ума, — нахмурилась Джейн, прикладываясь к стакану. — Я выбивалась из сил, экономила, чтобы купить тебе платье и накормить. А от тебя ни капли признательности. — Она снова потянулась за бутылкой. — Только хныкала и редела, а потом ушла за отцом, даже не оглянувшись. Зажила припеваючи, не так ли, девочка моя?

— Я думала о вас, — пробормотала Эмма.

Джейн снова постучала по стакану. Ей хотелось принять дозу, но она боялась, что, если выйдет из комнаты, девчонка исчезнет, а с ней и все надежды.

— Он настроил тебя против матери, — заплакала Джейн от жалости к себе. — Он хотел, чтобы ты принадлежала только ему, хотя это я перенесла муки родов, а потом одна воспитывала ребенка. Знаешь, я ведь могла избавиться от тебя.

Эмма пристально всматривалась в лицо матери.

— Почему же вы этого не сделали?

Джейн обхватила стакан руками, которые уже начинали трястись. Она провела без дозы несколько часов, а джин был плохой заменой. Однако у нее хватило ума не признаться, что она боялась подпольного аборта больше, чем родов на чистой больничной койке.

— Я любила его. — И поскольку Джейн верила в это, ее слова прозвучали убедительно. — Я всегда любила его. Ты знаешь, мы росли

вместе. Он тоже любил меня. Если бы не его музыка, его проклятая карьера, мы бы не расстались. Но он любил только свою музыку. Ты думаешь, он любит тебя? — Джейн встала, слегка пошатываясь. — Его заботил только собственный имидж. Ему не хотелось, чтобы глупая публика думала о Брайане Макавое как о человеке, бросившем своего ребенка.

Прежние сомнения и страхи нахлынули так быстро, что Эмма с трудом выдавила:

— Он любит меня.

— Он любит Брайана.

Джейн подалась к ней, и ее глаза заблестели от удовольствия. Теперь она может заставить страдать лишь немногих. Брайана, видимо, уже нет. Зато в ее силах заставить страдать Эмму, а это почти так же приятно.

— Он наплевал бы на нас обоих, если бы не испугался скандала. Именно так он бы и поступил, но я пригрозила, что обращусь в газеты.

Джейн не упомянула, что обещала убить себя и Эмму. По правде говоря, для нее это не имело значения — она попросту забыла о своей угрозе.

— Он понимал, и его говнюк менеджер тоже, какой поднимется визг, если пресса начнет скулить о том, что идол рока оставил в нищете своего незаконнорожденного ребенка. Поэтому он забрал тебя, заплатив мне приличную сумму, чтобы я больше не появлялась в твоей жизни.

Эмме стало дурно и от этих слов, и от зловония, которым пахло на нее, когда Джейн говорила.

— Он заплатил вам?

— Я заработала эти деньги. — Джейн схватила ее за подбородок. — Я заработала все до последнего фунта, и даже больше. Он купил тебя и собственное спокойствие. За мизерную для него цену. Но так и не получил желаемого, верно? Спокойствие купить нельзя.

— Отпустите. — Эмма оттолкнула руку Джейн. — Не прикасайтесь ко мне.

— Ты моя в такой же степени, как и его.

— Нет. — Девушка встала, молясь, чтобы ноги держали ее. — Нет, вы продали меня и все права материнства, которые у вас были. Возможно, он купил меня, Джейн, но он тоже не владеет мной. Я

пришла к вам с просьбой остановить съемки фильма по вашей книге, надеюсь, что у вас, может быть, остались ко мне какие-то чувства, достаточные для того, чтобы удовлетворить мое единственное желание. Но я зря потратила время.

— Я все еще твоя мать, и ты не можешь ничего изменить! — закричала Джейн.

— Да, не могу. Мне придется научиться жить с этим.

— Хочешь, чтобы я остановила съемки? — Джейн схватила ее за руку. — Очень хочешь?

Эмма спокойно обернулась и бросила на нее последний взгляд:

— Думаете, я заплачу вам? На этот раз вы просчитались, Джейн. От меня вы не получите ни пенни.

— Сука!

Джейн «ударилась» по щеке, но Эмма не стала уклоняться. Она просто открыла дверь и ушла.

Она долго бродила по улицам, не обращая внимания на смех, ревушие двигатели и рождественское веселье. Слез не было. Эмма поражалась своей способности сдерживать их. Возможно, из-за мороза или шума. Так просто ни о чем не думать. Поэтому, оказавшись у дома Бев, она не поняла, как здесь очутилась.

Не было времени ни думать, ни чувствовать. Она постучала. Пора связать все разорванные концы и продолжить свою жизнь.

Дверь отворилась. Тепло и рождественские песни. Аромат хвои и радушия. Эмма глядела на Элис. Как странно встретиться со своей няней. Та узнала ее, и губы у нее задрожали.

— Здравствуйте, Элис, очень приятно видеть вас.

Няня продолжала стоять на месте, только из глаз закапали слезы.

— Элис, если зайдет Терри, передай ему этот сверток. Я вернусь к... — Бев умолкла, выронила из рук маленькую черную сумочку и прошептала: — Эмма.

Они стояли в четырех футах друг от друга, а между ними плакала Элис. Бев первая бросилась к Эмме, стиснула ее в объятиях и вдруг устыдилась.

— Мне нужно было позвонить, — начала девушка. — Я приехала в Лондон и решила, что...

— Очень рада тебя видеть, — улыбнулась Бев и тронула няню за плечи: — Элис, приготовьте нам чай.

— Ты собиралась уходить, — возразила Эмма. — Мне не хотелось бы нарушать твои планы.

— Пустяки. — Когда няня поспешно удалилась, Бев крепко сжала руки, борясь с желанием прикоснуться к Эмме. — Ты уже совсем взрослая. Трудно поверить... Но ты, должно быть, замерзла. Пожалуйста, входи.

— У тебя были какие-то планы.

— Прием у клиента. Это неважно. Мне хочется, чтобы ты осталась. — Бев стиснула ее руки, глаза жадно впилась в лицо девушки. — Пожалуйста.

— Хорошо. На несколько минут.

— Давай твоё пальто.

Они устроились — две вежливые незнакомки — в просторной гостиной.

— Очень красиво. — Эмма заученно улыбнулась. — Я слышала, ты настоящая звезда дизайна, и теперь вижу, что это так.

— Спасибо.

Господи, о чем говорить?

— Мы со школьной подругой купили пустое помещение. — Эмма взглянула на тлеющие в камине угли. — Я понятия не имела, как все сложно. У тебя, казалось, все получалось само собой.

— Ты живешь в Нью-Йорке?

— Да. Учусь фотографии в колледже.

— Вот как. Тебе нравится?

— Очень.

— Долго пробудешь в Лондоне?

— Уеду после Нового года.

Следующая пауза вышла долгой и неловкой. Обе с облегчением посмотрели на Элис, вкатившую чайный столик.

— Спасибо, я сама разолью чай. — Бев прикоснулась к руке няни.

— Элис все еще с тобой, — заметила Эмма, когда они снова остались вдвоем.

— Да. — Чашки, заварочный чайник, маленькие пирожные, уложенные на блюде северского фарфора помогли Бев расслабиться.

— Ты по-прежнему кладешь в чай много сахара?

— Нет, я американизировалась.

В голубой вазе стояли тюльпаны. Интересно, купила Бев их у цветочницы или вырастила сама?

— Мы с Брайаном всегда боялись, что ты из-за любви к сладкому будешь толстой и беззубой, — начала Бев и тут же сменила тему: — Расскажи про свои фотографии. Какие снимки тебе нравится делать?

— Я предпочитаю снимать людей. Характерные портреты. Надеюсь в этом преуспеть.

— Чудесно. Хотелось бы взглянуть на твои работы. — Бев снова осеклась. — Возможно, когда буду в Нью-Йорке.

Эмма разглядывала елку с крошечными украшениями, сделанными вручную, и кружева с белыми кисточками. Она не принесла Бев подарок и не сможет положить под елку красиво завернутую коробочку. Но что-то она все-таки сможет дать.

— Почему ты не спрашиваешь о нем, Бев? Нам обеим стало бы легче.

Бев посмотрела в красивые темно-синие глаза, так похожие на глаза отца:

— Как он?

— Не знаю. Его музыка хороша, как никогда. Последнее концертное турне... Вероятно, тебе все это известно.

— Да.

— Он снимает фильм и поговаривает о создании концептуального альбома. Еще видеоклипы. Можно подумать, что эта форма возникла специально для папы. У него все получается, как на концерте. — И, помолчав, Эмма выпалила: — Он слишком много пьет.

— Об этом я тоже слышала. Пи Эм очень беспокоится. Но они... последние несколько лет у них осложнения.

— Я хочу уговорить его полечиться. — Эмма нервно пожала плечами. — Только он не слушает. Хотя на примере Стиви видит, к чему это ведет. У него, правда, все по-другому. Не мешает работе, творчеству, даже здоровью. Пока...

— Ты беспокоишься?

— Да.

— Поэтому и пришла?

— Отчасти. Но таких «отчасти», кажется, много.

— Эмма, клянусь, если бы я считала, что могу помочь, сделать хоть что-то, я бы это сделала.

— Почему?

Бев взяла чашку, чтобы иметь возможность подобрать слова.

— Мы с Брайаном очень много пережили вместе. Пусть это было давно, но такие чувства не забываются.

— Ты его ненавидишь?

— Нет, конечно.

— А меня?

— О, Эмма...

— Я не собиралась тебя спрашивать, не собиралась ворошить прошлое. Просто внезапно я ощутила... какую-то незавершенность... В общем, я ходила к Джейн.

Чашка в задрожавших руках Бев звякнула о блюде.

— О!

Рассмеявшись, Эмма вцепилась в свои волосы.

— Да. Мне казалось, что встреча с ней прояснит мои чувства.

К тому же по глупости надеялась уговорить ее отказаться от съемок фильма. Ты просто не представляешь, каково смотреть на нее и знать, что это твоя мать.

— Эмма, мне нечего сказать тебе, кроме правды. Вероятно, она все-таки может что-то сделать, хоть самую малость, чтобы исправить ту ошибку, которую совершила много лет назад. Поставив чашку, Бев спокойно и уверенно произнесла:

— Ты не похожа на нее. Совершенно. Ничем. Не была похожа, когда попала к нам, не похожа и сейчас.

— Она продала меня папе.

— Господи! — Бев закрыла лицо руками. — Дело было не так, Эмма.

— Отец дал ей денег. Она их взяла. Я была товаром, который один передал другому, навязав его тебе.

— Нет! — вскочила Бев. — Ты говоришь жестоко и очень глупо. Да, Брайан заплатил ей. Он заплатил бы любую сумму, лишь бы ты оказалась в безопасности.

— Она утверждает, что он сделал это из-за своего имиджа.

— Она врет. — Бев взяла девушку за руки. — Я помню тот день, когда Брайан привел тебя домой, помню, как ты выглядела. Как выглядел он: нервничал, даже был испуган, но полон решимости

сделать все, чтобы тебе было хорошо. Не ради какого-то чертова общественного мнения, а потому, что ты — его дочь.

— И каждый раз, когда он смотрел на меня, когда ты смотрела на меня, вы должны были видеть ее.

— Только не Брайан. Скорее это относилось ко мне. Я была молода. Господи, как ты сейчас. Мы безумно любили друг друга, собирались пожениться. Я ждала ребенка. И вдруг появилась ты — частица Брайана, к которой я не имела отношения. Я испугалась. Возможно, испытывала к тебе неприязнь. Честно говоря, я не хотела испытывать к тебе никаких чувств. Может, немного жалости. — Эмма отшатнулась, и Бев обняла ее за плечи. — Я не хотела любить тебя, но полюбила. Нет, я не приказывала себе: «Дай ей шанс». Я просто тебя полюбила.

Уронив голову ей на плечо, Эмма зарыдала, горько, не сдерживаясь, а Бев начала гладить ее по голове.

— Извини, милая. Так жаль, что меня не было рядом с тобой. Вот ты и выросла, а я упустила свой шанс.

— Я думала, ты ненавидишь меня... из-за Даррена.

— Нет, о нет!

— Ты винила меня...

— Нет! Боже милосердный, Эмма, ты была ребенком. Я винила Брайана и была не права. Я винила себя и молю бога, чтобы в этом тоже была не права. И хотя мои поступки и мысли непростительны, тебя я не винила никогда.

— Я услышала, как он плачет...

— Шшш.

Бев не представляла, что девочка так страдала. Если бы она знала... Может, у нее хватило бы сил отбросить ради нее собственную боль.

— Послушай, это было самое жуткое в моей жизни, самое пагубное и мучительное. Я оттолкнула от себя близких людей. Но первые годы после смерти Даррена я... не осознавала, где нахожусь, что делаю. Лечилась, думала о самоубийстве, жалела, что у меня нет сил покончить со всем этим. В Даррене было нечто такое, Эмма... ну просто магическое. Иногда мне не верилось, что он произошел от меня. А когда его не стало... так внезапно, жестоко, бессмысленно, я

словно лишилась сердца. Потеряв ребенка, я с горя отвернулась от другого своего ребенка. Потеряла и его.

— Я тоже любила Даррена. Очень.

— Знаю, — улыбнулась Бев.

— И тебя. Я так по тебе скучала.

— Никогда не думала, что мы снова встретимся и ты сможешь простить меня.

Простить? Многие годы Эмма считала, что это ее никогда не простят. Тяжесть, давившая на нее весь день, упала с плеч, и она смогла улыбнуться.

— В детстве я считала тебя самой красивой женщиной на свете. — Эмма прижалась щекой к щеке Бев. — И по-прежнему так считаю. Ты не будешь возражать, если я опять стану называть тебя мамой?

Бев только крепче прижала ее к себе.

— Подожди минутку, — наконец сказала она и вышла из комнаты.

Достав из сумочки платок, Эмма вытерла глаза. Ее матерью всегда была и останется Бев. Хотя бы этот вопрос разрешен.

— Я сохранила его для тебя, — сообщила Бев, вернувшись в гостиную. — Или для себя. Он помог мне пережить самые одинокие ночи.

Эмма вскочила с радостным криком:

— Чарли!

Глава 23

Двадцать два оркестранта толпились в студии звукозаписи, украшенной блестящими красными шарами и сосновыми ветками. В углу вращалась на подставке алюминиевая елка.

Джонно приготовил таинственную смесь, которую торжественно именовал глинтвейном. Когда после двух выпитых чашек он остался жив, на дегустацию удалось заманить и других. Никто еще не опьянел, но кругом царило веселье.

Над одной песней работали больше четырех часов, а Брайана так и не удовлетворяла запись. Он слушал в наушниках последний вариант, изумляясь, что неясная, когда-то родившаяся у него в голове мелодия теперь обрела собственную жизнь. Временами Брайан испытывал отголосок того восторга, который пережил, записав свою первую композицию.

Он видел Пита, стоящего в аппаратной, как всегда недовольного его стремлением добиться совершенства.

Джонно играл в покер с флейтистом и очаровательной арфисткой, оживляя игру демонстративным жульничеством и бешеными торгами.

Пи Эм с головой ушел в мрачный детектив и, судя по всему, предпочитал оставаться наедине с жуткими убийствами.

Стиви опять заперся в туалете. После выписки из новейшей клиники он решил завязать, но его хватило лишь на неделю.

«Все довольны, — подумал Брайан, — и готовы закончить».

— Я хочу еще раз переписать вокал, — сказал он. Джонно приложился к своей чашке и многозначительно подмигнул арфистке. Та со смехом протянула ему пятифунтовую бумажку:

— Как вы узнали, что он решит записывать еще раз?

— Я знаю своего мальчика, — ответил Джонно и показал кулак Питу. Он тоже заметил недовольство менеджера. — К оружию!

— Зачем тебе это, сын мой? — В студию ввалился Стиви. Кокаин, усиленный героином, уже вознес его под облака. — Ты не знаешь, какой сегодня день?!

— До Рождества еще два часа. — Брайан скрыл негодование. Как ни печально, от Стиви удалось получить целых двадцать минут

отменной работы, пока он не сломался. — Давай быстро закончим, чтобы ты смог вернуться домой и повесить чулок.

— Ой, смотрите, кто здесь, — объявил Стиви, когда в студию вошла Эмма. — Наша маленькая девочка. Ну, милая, кто лучше всех?

Эмма заставила себя улыбнуться:

— Папа.

— В твоём чулке будет только уголь, крошка.

— Я подумала, что вы ещё здесь. — Так как рука Стиви ещё лежала на её плече, она подошла к микрофону вместе с ним. — Ничего, если я немного послушаю?

— Билеты по два шиллинга и пять пенсов. — Джонно незаметно освободил её от Стиви. — Но по поводу Рождества шиллинг можно сбросить.

— Мы недолго, — сообщил Брайан.

— То же самое он говорил два часа назад. — Джонно сжал её руку. — Этот человек — маньяк. После записи мы сдаём его в лечебницу.

— Только вокал в «Потерял солнце», — успокоил Брайан.

— Двадцатая перезапись, — вставил Пи Эм, обрадованный тем, что Эмма поцеловала его в щеку.

— Извини, но приходится отрывать тебя от изучения литературы, — резко ответил Брайан.

Эмма бессознательно встала между ними.

— «Потерял солнце»? — повторила она. — Тогда мне повезло, это моя любимая.

— Хорошо. Можешь подпевать, — разрешил Джонно, но она, засмеявшись, направилась к стульям.

— Нет, постой. — Брайан схватил её за руку и дал знак, чтобы принесли ещё пару наушников. — Ты вступишь со второго куплета.

— Папа, я не смогу.

— Конечно, сможешь. Ты знаешь слова, мелодию.

— Да, но...

— Все прекрасно. Не знаю, почему я не подумал об этом раньше. Песне как раз недостает женственности. Пой тихо и немного печально.

— Спорить бесполезно. — Джонно надел ей наушники. Эмма вздохнула. Ладно, она их повеселит.

— Меня упомянут среди исполнителей? Как насчет авторских прав?

Брайан только схватил ее за нос.

Хорошо видеть его счастливым. Ничто так не возбуждало отца, как новая мысль. Он давал распоряжения, советовался с Джонно, орлиным взором приглядывал за Стиви, но избегал ПиЭм.

Эмма слышала в наушниках печальный аккомпанемент струнных и флейт. Богатый, почти классический звук. Словно дождь. Не ливень, а серый размеренный дождь.

Потом вступил голос отца:

*Я искал твое лицо.
Я звал тебя по имени.
Ты была светом,
Но тени закрыли меня.
Я потерял солнце.*

Эмма слушала, в который уже раз пораженная чарующим созвучием голосов отца и Джонно, а слова, полные безысходности, проникали ей прямо в сердце.

«Он же поет о Бев. Для Бев», — вдруг поняла она, глядя на Брайана. Почему она не видела этого раньше? Почему не понимала?

Он по-прежнему любит. Не злится, не винит, а любит, полный отчаяния.

Повинуясь чувствам, Эмма выполнила просьбу отца и даже не заметила, что Джонно умолк, не заметила своих слез. Она бессознательно взяла Брайана за руку, и их голоса слились.

*Моя жизнь без тебя — сплошная тень.
Без тебя
Мне снится свет, но пробуждаюсь я в темноте.
Я потерял солнце.*

Когда музыка плавно затихла, Эмма прижала руку отца к мокрой щеке:

— Я люблю тебя, папа.

Тот лишь прикоснулся губами к ее рту, боясь дать волю слезам.

— Теперь послушаем! — крикнул он.

Полночь уже наступила, когда приглашенные музыканты начали расходиться. Но понадобилось еще время, пока Брайан одобрил сведенный вариант. Эмма видела, как он, налив полный бокал виски, проглотил его, словно воду, споря со звукорежиссером. Она не хотела расстраиваться по этому поводу. Только не сейчас, когда начала понимать его боль. Однако спокойно глядеть на то, как отец заливает боль алкоголем, она тоже не могла.

Эмма побродила по студии, потом заглянула в туалет, чтобы поправить макияж, поскольку намечался поход в ближайший бар. Несмотря на усталость, Эмма хотела идти вместе со всеми, чтобы присмотреть за отцом.

Открыв дверь туалета, она застыла: белый кафель был забрызган кровью. От ее характерного металлического запаха, смешанного со зловонием рвоты, Эмму чуть не стошнило. Зажав горло руками, она быстро отступила назад и, едва не упав, бросилась назад в студию.

— Папа!

Брайан уже надевал пальто, смеясь над какими-то словами Джонно. Но его смех тут же умер, когда он увидел ее лицо.

— Что случилось?

— В туалете, быстрее. — Эмма потянула его за собой. — Там все стены... Я не могу... не могу войти.

Она отступила, пропуская отца вперед.

— Черт побери! — воскликнул Брайан, заглянув в туалет, и тут же захлопнул дверь. — Пусть кто-нибудь уберет здесь.

— Уберет? — отшатнулась Эмма. — Папа, ради бога, здесь же все стены в крови. Кого-то ранили. Мы должны...

— Надевай пальто, и идем.

— Мы должны вызвать полицию, врача или...

— Успокойся, Эмма, — вмешался Пит. — Полиция не нужна.

— Но...

— Это Стиви. — Взбешенный Брайан повернул дочь к тому месту, где валялся гитарист. — Он снова перешел на тяжелый калибр, а ни в одну вену не воткнешь иглу без крови.

— О боже, что он делает с собой? Он же убивает себя!

— Вероятно.

— Почему же ты ничего не предпринимаешь?

— Что, черт возьми, я должен сделать? Это его жизнь.

— Говорить такое отвратительно, — прошептала она. Взяв на себя роль миротворца, Пит тронул ее за плечо:

— Ты не можешь винить Брайана, Эмма. Он пробовал, уверяю тебя. Мы все пробовали. Как только закончим альбом, уговорим Стиви опять лечь в клинику.

— Альбом, проклятый альбом. — Возмущенная Эмма повернулась к отцу: — Он же твой друг.

— Да, он мой друг. — Брайан не стал говорить, как упрашивал Стиви обратиться за помощью, сколько раз прикрывал его, выбрасывая иголки и вытирая кровь. — Ты ничего не понимаешь, Эмма.

— Да, я не понимаю. Я еду домой.

— Эмма...

— Идите одни, — сказал Пи Эм. — Я уложу его спать.

— Хорошо.

Брайан догнал ее на улице. Снег перестал, и в небе засияла луна.

— Эмма. — Он положил руку на ее плечо. Девушка остановилась, но не обернулась. — Я не виню тебя за срыв. Видеть близкого человека в таком состоянии — это большое потрясение.

— Да. — Глубоко вздохнув, Эмма повернулась к нему.

— Я никогда не кололся. Никогда.

Она почувствовала облегчение, но ненадолго.

— А все остальное хорошо?

— Я не говорю, хорошо это или нет. Просто такова действительность.

— Таковую действительность я не принимаю.

— Знаю и рад этому. Если бы я еще мог оградить тебя от бед и печалей.

— Я не хочу, чтобы меня ограждали. — Тут они увидели, как Пи Эм с Джонно вытащили Стиви к ожидающей машине. — Тебе нравится вот такая жизнь? Ради этого ты работал, об этом мечтал?

Ее вопрос заставил Брайана устыдиться и привел в ярость, ибо он не был уверен в ответе.

— Я не могу объяснить, Эмма, но почему-то никогда не получаешь всего, чего хочешь, и уж тем более того, о чем мечтал.

Эмма снова отвернулась, и он нежно поцеловал ее волосы. Не говоря больше ни слова, оба направились к машине. Суинни тенью

следовал за ними.

* * *

Хотя Майкл прожил рядом с Голливудом всю жизнь, «фабрика грез» не потеряла для него ни блеска, ни волшебства. Как и любой парень, он восхищался встречами с кинозвездами, поэтому несколько не возражал против того, чтобы провести несколько дней, обеспечивая безопасность на съемках «Опустошенной». Жаль, что пока не участвовала Энджи Парке. Зато Майкл с удовольствием смотрел на двойняшек, игравших Эмму и очень на нее похожих. «Но Эмма красивее, — думал Майкл, — глаза у нее больше, голубее. А губы...»

Лучше сосредоточиться на работе. Это было отнюдь не пустым времяпрепровождением, как презрительно отзывались о его работе коллеги-ветераны. Фанаты «Опустошения» были недовольны книгой Джейн Палмер и тем, что по ней снимают «фильм. Одни приходили с флагами и плакатами, другие просто орали. Некоторые в коже, сапогах и ошейниках, похоже, были не прочь подраться с копами.

К ним приходили ватаги девчонок, которые, завидя Мэтта Хоулдена, начинали визжать и хихикать. Молодой актер, играющий Брайана Макавоя, в настоящее время был кумиром всех подростков. Его поклонницы лягнули Майкла по ноге, украсили плечо синяками и промочили слезами форму.

«Успех, черт его возьми», — думал Майкл, стоя на съемочной площадке. Солнце уже подернуто дымкой, воздух отвратителен даже для Лос-Анджелеса. К тому же продюсеры ради хвалебных отзывов в газетах разрешили поклонникам участвовать в массовках. У службы безопасности и так хватало неприятностей, когда требовалось удерживать толпу за линией оцепления. А теперь люди свободно расхаживали между декорациями, изображающими лондонскую улицу. Значит, у полицейских в боевой готовности должен быть каждый мускул.

И тут появилась она. Энджи Парке. Соблазнительная королева экрана с пышными формами, словно олицетворение понятия «горячий секс». Газеты уже ехидничали по поводу того, что бывшая жена П. М. Фергюсона играет бывшую любовницу Брайана Макавоя.

Мужчин прошибал пот, когда она проходила мимо в узкой юбке и хлопчатобумажной блузке. Ее волосы были уложены в стиле 60-х годов. Энджи улыбнулась поклонникам дружески, но несколько отчужденно, сказала что-то режиссеру, потом исполнителю главной мужской роли, и началась съемка первого эпизода.

Сцена была достаточно простой: Джейн и Брайан гуляли по грязной улице, обняв друг друга за талию. Романтично и интимно. Уже близился полдень, а эпизод повторяли снова и снова. Разные ракурсы, лицо Джейн крупным планом, обращенное к возлюбленному.

Только к обеденному перерыву Майкл вдруг заметил, что Энджи постоянно смотрит на него. Воротник тут же сдавил ему шею, лоб под фуражкой взмок.

Энджи что-то сказала одному из ассистентов, затем удалилась под ручку с режиссером.

После обеда начали записывать диалог. Та же прогулка, те же движения. При всем желании Майкл не смог бы вспомнить слов. Что-то о бессмертной любви, верности, планах на будущее. Он замечал лишь то, как после каждого дубля Энджи бросала на него заинтересованный взгляд. И каждый раз у него сводило мышцы живота.

Она запала на него и не делает из этого тайны. Майкла охватил тупой восторг, граничащий с животным страхом.

И все же его повергло в шок, когда после съемки Энджи сделала знак подойти.

— Моя примерная там.

— Извините, не понял.

— Моя примерная, — улыбнулась она и, не спуская с Майкла глаз, провела кончиком языка по верхней губе. — Мне нужно переодеться и снять грим. Вы подождете снаружи.

— Но...

— Вы проводите меня домой.

— Мисс Парке, я... э... на службе.

— Да, и теперь приставлены ко мне. — Энджи снова улыбнулась, наслаждаясь этой фразой. — Я получила угрожающие письма... из-за моей роли. Поэтому буду чувствовать себя гораздо спокойнее рядом с сильным мужчиной. Продюсеры уже договорились с вашим начальством.

Бросив на него взгляд из-под длинных ресниц, Энджи направилась к гримерной, где ее тотчас же окружила толпа помощников.

Майкл остался на месте.

— Кессельринг, — услышал он голос сержанта Коуэна.

— Сержант?

— Ты должен сопровождать мисс Парке. До отмены этого приказа будешь встречать ее каждое утро, отвозить в студию, а затем домой.

Коуэну это явно не нравилось. Майкл решил, что если бы сержант не был в форме, то сплюнул бы на землю.

— Да, сэр.

— Надеюсь, ты будешь вести себя подобающим образом.

— Да, сэр.

Майкл постарался сдержать ухмылку, пока Коуэн не отвернется.

Энджи вышла из гримерной через тридцать минут в свободном красном костюме, стянутом на талии кожаным поясом, распространяя вокруг себя головокружительный аромат, сводящий мужчин с ума. Ее волосы были очаровательно взъерошены, а глаза скрывались за громадными черными очками. Приподняв их, Энджи еще раз взглянула на Майкла и, подойдя к патрульной машине, дождалась, пока он откроет ей дверцу.

Энджи назвала ему адрес, закрыла глаза и холодно молчала всю дорогу. Майкл даже решил, что неправильно истолковал ее намерения, чувствуя одновременно досаду и облегчение. Разве он не слышал о романе Энджи с ее партнером? Возможно, слухи распространялись специально, чтобы подогреть публику. Но разумнее все же предположить, что такую женщину скорее всего привлечет красавец и звезда Мэтт Хоулден, а не простой коп.

Энджи махнула охраннику, и затейливые чугунные ворота распахнулись. Майкл вспомнил, как привез сюда Эмму с пляжа. Воспоминание заставило его улыбнуться. И почувствовать сожаление. Эмма никогда не станет частью его жизни. Разве только в мечтах.

Не забывая о своих обязанностях, Майкл вышел из машины и открыл перед Энджи дверцу.

— Идемте, полисмен.

— Мэм, я...

— Идемте, — повторила она и начала подниматься по ступеням.

Оставив входную дверь открытой, Энджи даже не оглянулась, уверенная, что Майкл последует за ней. В гостиной она сразу же подошла к шкафу времен Людовика XV и достала бокалы.

— Виски или коньяк? — спросила она у стоявшего в нерешительности Майкла.

— Я на службе, — пробормотал тот.

Энджи знала, что молодой коп смотрит на ее портрет, висящий над камином.

— Приятно видеть столь серьезное отношение к службе. — Повернувшись к бару, Энджи выбрала безалкогольный напиток. — Колу вам можно, правда? Мне бы хотелось поговорить с вами, познакомиться, раз уж вы некоторое время будете заботиться обо мне. Ну же.

Энджи провела языком по верхней губе. Она рассчитывала каждое слово, каждый жест, с наслаждением плетя сеть. Ничто не доставляет такого удовлетворения, как мужчина, угодивший в мягкую, липкую паутину секса.

— Я не кусаюсь.

Когда Майкл взял у нее стакан, Энджи растянулась на диване. Это будет легкая добыча. Она лениво вытянула руку:

— Садитесь.

Энджи пригубила виски. Заученная соблазнительная улыбка скрывала ее нарастающее возбуждение. Он такой молодой, с сильным мускулистым телом. Он будет страстным и нетерпеливым. Когда она заставит его отбросить робость — что привлекательно само по себе, — он будет великолепен. В его возрасте парни способны трахаться несколько часов подряд. Энджи вонзила ногти в подушку.

— Расскажите о себе.

Майкл сел, так как чувствовал себя идиотом, стоя посреди комнаты со стаканом в руке. Значит, он правильно угадал намерение Энджи. К сожалению, Майкл не знал, что ему делать.

— Полицейский во втором поколении, — начал он. — Уроженец Калифорнии.

Черт побери, ему двадцать четыре года, и, если восхитительная мисс Парке желает флиртовать, он пойдет ей навстречу.

— И ваш поклонник, — улыбнулся Майкл.

— Вот как?

— Я смотрел все ваши фильмы. — Его взгляд снова устремился к портрету.

— Нравится?

— Да. Поразительно.

Энджи достала из роскошной коробки сигарету и ждала, пока Майкл поднесет ей такую же роскошную настольную зажигалку.

— Угощайтесь. — Она указала на сигареты.

А Майкл представлял, как все ребята в участке умрут от зависти, когда он расскажет, что сидел на диване Энджи Парке.

— Я уже видел его.

— Что?

— Этот портрет. — Майкл почти расслабился. — Забавно, если вдуматься. Я уже был здесь, лет семь-восемь назад. Вместе с Эммой.

— Макавой? — встрепелась Энджи.

— Да. Как-то летом мы встретились на пляже, и я подвез ее домой. Точнее, сюда. Кажется, вы были на съемках в Европе.

— М-м.

Подумав немного, она улыбнулась. Становится все более интересно. Вот-вот она соблазнит дружка малышки Эммы Макавой, исполняя роль ее мамочки в фильме, который, несомненно, будет самым шумным событием в мире кино в этом году. И очень занимательно представлять себе Джейн, когда они займутся любовью.

— Мир тесен. — Отставив стакан, она начала играть пуговицами на рубашке Майкла. — Вы с Эммой часто встречаетесь?

— Нет. Хотя я видел ее месяц назад, когда она была здесь.

— Как мило. — Первая пуговица расстегнулась. — Вы с ней... дружите?

— Нет. То есть... Нет, мисс Парке.

— Энджи. — Пустив ему в лицо тонкую струйку дыма, она загасила сигарету. — А как тебя зовут, дорогой?

— Майкл. Майкл Кессельринг. Я не... Она замерла.

— Кессельринг? Вы не родственник офицера, который расследовал убийство Макавой?

— Это мой отец. Мисс...

— Все лучше и лучше, — радостно засмеялась Энджи. — Назовем это судьбой, Майкл. Расслабься.

Он был живым человеком. Когда руки Энджи, скользнув по его бедрам, крепко обхватили их, удовольствие полоснуло Майкла, словно бритва. И чувство вины. Глупость, перед ним роскошная опасная женщина — мечта любого мужчины. Он уже имел дело с женщинами, начиная с Каролины Фицджеральд. В ночь его семнадцатилетия они вместе лишились невинности. После доброй старой Каролины он многому научился.

Выхватив у него сигарету, Энджи бросила ее в пепельницу.

«Коп будет очень хорош, — решила она, ощутив твердость его плоти. — Очень-очень хорош. А ирония судьбы — это прелестно».

— Я никогда не занималась любовью с полицейским, — бормотала она, впиваясь ему в губы. — Ты будешь первым.

Майкл почувствовал, как воздух застрял у него в легких. На секунду мелькнуло видение: они с Эммой сидят вдвоем на зимнем пляже. Затем Энджи встала и расстегнула кожаный пояс. Одно движение — и красный шелк скользнул на пол, обнажив пышное белое тело. Она провела по нему руками, лаская себя, и, прежде чем Майкл смог встать, упала на него. Застонав от удовольствия, она прижала его голову к своей идеальной груди:

—Сделай что-нибудь. Делай со мной что хочешь.

Глава 24

Бульварные газеты старались вовсю:

«ЛЮБОВНИКОМ ЭНДЖИ ПАРКС СТАЛ ПОЛИЦЕЙСКИЙ», «ТАИНСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ», «ГОЛЛИВУДСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК СТРАСТИ И УБИЙСТВА».

Эмма пыталась не обращать внимания на сплетни, молясь о том, чтобы они оказались выдумкой.

И вообще это ее не касается. Майкл лишь друг, точнее, знакомый. Они никак не связаны, и между ними не было никаких отношений. Если не считать единственного поцелуя.

А один поцелуй ничего не значит. Даже если она что-то почувствовала, едва ли это имеет значение. И если Майкл действительно попал в сети Энджи, его можно только пожалеть. Мысль о том, что ее предали, смешна.

У каждого из них своя жизнь. Он — на одном побережье, она — на другом. И наконец-то после стольких лет чего-то начинает добиваться.

Она работает. Пусть ассистенткой, зато ассистенткой у самого Раньяна. За два месяца она узнала от него больше, чем за годы учебы. Эмма положила отпечаток в закрепитель. У нее хорошо получается, и она сделает так, чтобы получилось еще лучше.

Настанет день, и Раньян увидит, что она не зря у него работала.

В творческом плане Эмма шла именно туда, куда стремилась. Но ее личная жизнь...

Мать. Ведь женщина, с которой она встретила в Лондоне, дала ей жизнь. Несмотря на заверения Бев, Эмма никогда не избавится от страха. Вдруг она станет такой же, как Джейн? Нет ли у нее в глубине ростков, которые однажды дадут о себе знать, превратив ее в то, чем быть ей написано на роду?

Пьяницей. Жалкой горькой пьяницей.

Сможет ли она бежать от судьбы? Ее мать, ее дед. Отец. Сколько бы Эмма ни закрывала глаза, но самый любимый человек на свете — такой же раб спиртного, как и ненавистная ей женщина.

Она не хотела в это верить. И боялась не верить.

«Нечего заикливаться на всяких ужасах», — приказала себе Эмма, вешая промытый отпечаток на просушку.

Так как ей уже стало тошно от беспокойства, она решила подумать о Марианне. Та начала пропускать занятия, ходя по шикарным ресторанам, барам и клубам с Робертом Блэкпулом.

Иногда Марианна возвращалась только под утро, но было гораздо хуже, когда Блэкпул оставался у Марианны, в ее постели.

Эмма всем сердцем хотела бы пожелать ей счастья. Подруга безумно влюблена в мужчину, видимо, обожающего ее. Она вела захватывающую жизнь, о которой обе мечтали еще в пансионе.

Но Эмму печалило то, что она воспринимает это критически и с завистью. Ей было неприятно разговаривать с Марианной, раздражало ее счастливое лицо. И она называла себя мелочной.

К тому же Эмма чувствовала себя неуютно рядом с Блэкпулом. Он был ослепительным, волнующим и талантливым человеком. «С этим не поспоришь», — думала Эмма, изучая отпечатки. По настоянию Марианны она согласилась фотографировать Блэкпула, который вел себя как истинный джентльмен. Легко, весело, учтиво. Манера держаться по-дружески очень шла возлюбленному подруги.

Возлюбленному. Печально вздохнув, Эмма склонилась над отпечатками. Вероятно, это и есть главная причина. Больше десяти лет они с Марианной поверяли друг другу каждую мысль, каждую мечту. А теперь появилось то, чем Марианна не могла поделиться, и ее бурное счастье являлось постоянным напоминанием о том, чего Эмме еще не довелось испытать.

«Стыдись», — подумала она. Блэкпул слишком ловкий, слишком опытный, слишком любит увеселительные заведения и женщин. Его глаза слишком темнеют, когда он смотрит на Эмму, и становятся слишком нахальными, когда он переводит взгляд на Марианну. Эмма отчаянно завидовала подруге.

Неважно, что Блэкпул ей не нравится, что он не нравится Джонно, который постоянно отпускает ехидные замечания по поводу его страсти к кожаным штанам и серебряным цепям. Важно то, что Марианна влюблена.

Эмма зажгла в лаборатории свет и потянулась. Она провела большую часть дня, печатая фотографии, и у нее разыгрался зверский аппетит. Она надеялась, что Раньян и журнал «Роллинг стоунз»

одобряют снимки, которые она сделала во время работы «Опустошения» в студии звукозаписи.

Эмма обшаривала холодильник в поисках чего-нибудь съестного, когда услышала звук открывающихся дверей лифта.

— Надеюсь, ты принесла какую-нибудь еду! — крикнула она.

— Извини.

Эмма вздрогнула, услышав голос Блэкпула.

— Я думала, это Марианна.

— Она дала мне ключ. — Беззаботно улыбнувшись, Блэкпул показал ключ и сунул его в карман. — Я бы заскочил в магазин, если бы предполагал, что застану здесь голодную женщину.

— Марианна на занятиях. — Эмма взглянула на часы. — Она должна скоро прийти.

— У меня есть время.

Войдя в кухню, Блэкпул заглянул в холодильник.

— Трогательно, — сказал он, беря импортное пиво, которое купила для него Марианна, затем внимательно посмотрел на Эмму.

Она вдруг почувствовала, что ее джинсы слишком узки, майка велика, и схватилась за край, сползающий с плеча.

— Извини, больше ничего не могу тебе предложить.

— Не бери в голову. Считаю меня членом семьи.

Эмме не хотелось оставаться с ним в тесной кухне. Но когда она сделала шаг к двери, Блэкпул умышленно встал так, чтобы их тела соприкоснулись. Она была потрясена, ведь до сих пор Блэкпул вел себя лишь как учтивый друг ее подруги.

— Я заставляю тебя нервничать? — засмеялся он.

— Нет, — солгала Эмма, пытаясь не видеть в нем мужчину. — Вы с Марианной уходите?

— Собираемся. Хочешь присоединиться?

— Нет.

Как-то Марианна уговорила ее пойти вместе с ними, и Эмме пришлось весь вечер таскаться по барам, изображая радость.

— Ты очень редко выходишь, дорогая. — Он хотел коснуться ее волос, но Эмма отстранилась.

— У меня много работы.

— Кстати, ты напечатала мои фотографии?

— Да. Они сушатся.

— Не возражаешь, если я посмотрю?

Пожав плечами, Эмма направилась к фотолаборатории, уверяя себя, что не боится его. Если Блэкпул зондирует почву, желая выяснить, не будет ли она третьей в их дуэте, то она быстро поставит его на место.

— Думаю, ты останешься доволен, — начала Эмма.

— О, у меня большие требования, милочка.

Она напряглась, услышав это обращение, но продолжала:

— Я старалась показать человека неуравновешенного, отчасти высокомерного.

— Сексуального?

Она почувствовала на шее его горячее дыхание и не смогла удержать невольную дрожь.

— Многие женщины связывают высокомерие с сексуальностью. А ты?

— Нет. — Эмма показала на висящие отпечатки. — Если один из них тебе подойдет, я могу увеличить.

Блэкпул погрузился в изучение собственного портрета и забыл о флирте. Марианна очень хотела, чтобы съемка происходила в квартире, и Блэкпул согласился, желая хоть немного испробовать свои чары на Эмме. Он предпочитал молодых женщин — свежих, прямо, так сказать, с фермы. Особенно после отвратительного развода с женой, которой было тридцать. Заподозрив мужа в неверности, она каждый раз вопила, ну а поводов, естественно, хватало.

Блэкпул наслаждался пылкостью Марианны, ее умом, раскованностью в постели. Но Эмма, юная, тихая, — дело иное. Какое удовольствие сорвать с нее оболочку холодной сдержанности! А он может это сделать. Ее отец, конечно, придет в ярость, что сделает интригу еще более пикантной. Блэкпул обдумывал множество способов, как заманить обеих девушек в постель. Два нежных гибких тела, две способные ученицы. А мысль о невинности Эммы только усиливала его желание.

Отбросив на время эти мысли, Блэкпул изучал снимки.

— Марианна говорила, что у тебя хорошо получается, но я приписывал все ее дружеским чувствам.

— Нет, у меня действительно хорошо получается. — Даже в тесном помещении Эмме удавалось держаться от него на расстоянии

вытянутой руки.

От его тихого смеха у нее по коже побежали мурашки. Черт, он и правда сексуален. Но в этом примитивном влечении было что-то отгалкивающее.

— Именно так, милочка.

— Я знаю свое дело.

— Это больше, чем дело. — Блэкпул небрежно оперся рукой о стену, преграждая ей путь к отступлению. Его возбуждал элемент опасности. — Фотография — настоящее искусство, не так ли? Художник рождается с чем-то таким, чего нет у других людей.

Внезапно Блэкпул выдернул шпильку из ее волос. Эмма стояла неподвижно, словно кролик, попавший в свет фар грузовика.

— Художники всегда узнают друг друга. — Он медленно вынул еще одну шпильку. — Ты узнаешь меня, Эмма?

У нее не было сил ни говорить, ни двигаться. На какое-то мгновение она даже лишилась способности думать. Наконец она отрицательно покачала головой, но Блэкпул прижал ее к стене и впился ей в рот жадными губами.

Эмма не сопротивлялась. По крайней мере, сначала. И она всегда будет ненавидеть себя за этот ошеломляющий миг наслаждения. Блэкпул раздвинул языком стиснутые зубы. Она застонала, начиная протестовать, а его руки уже сжимал под майкой грудь.

— Нет, не надо! — сумела выдавить она.

Блэкпул только засмеялся. От ее дрожи простое любопытство вдруг превратилось у него в настоящий огонь. Он всей тяжестью навалился на Эмму.

— Пусти меня!

Теперь она уже боролась, царапала его куртку, брыкалась. А когда Блэкпул швырнул ее к стене так, что на полке зазвенели бутылки, Эмму охватил ужас, лишивший ее мужества, и она перестала кричать. Он начал стаскивать с нее джинсы. Эмма не осознавала, что плачет и еще больше возбуждает его.

Блэкпул отпустил ее, чтобы снять брюки, и она дико огляделась вокруг, ища путь к бегству. Объятая ужасом, Эмма схватила ножницы, вцепившись в них обеими руками.

— Не подходи ко мне. — Ее голос прозвучал хрипло и тихо.

— Это что такое?

Он был достаточно умен и по безумному взгляду девушки понял, что Эмма сначала нанесет удар, а уж потом начнет жалеть об этом. Да, он прав насчет ее девственности. И ему хотелось стать тем человеком, который устранит это препятствие.

— Защищаешь свою честь? Минуту назад ты была готова забыть о ней.

Эмма покачала головой и, когда Блэкпул осторожно шагнул вперед, выставила перед собой ножницы:

— Убирайся. Не подходи больше ни ко мне, ни к Марианне. Если я скажу ей...

— Ты ничего ей не скажешь, — улыбнулся он, скрывая бешенство. — Иначе потеряешь подругу. Она любит меня и поверит тому, что скажу я. Только подумай: ты хотела соблазнить возлюбленного лучшей подруги.

— Ублюдок и лжец!

— Совершенно верно, милочка. А ты фригидная извращенка. — Немного успокоившись, он приложился к недопитой бутылке пива. — И я еще собирался оказать тебе услугу! Твои проблемы, дорогая, излечит только хорошее траханье. — Продолжая улыбаться, Блэкпул взял в руку свой член. — Поверь, я трахаюсь очень хорошо. Спроси у подруги.

— Убирайся.

— Но ты и понятия об этом не имеешь, да? Милая девочка-католичка, какие греховные фантазии мучают тебя, когда ты слышишь, чем мы с Марианной занимаемся наверху? Особы вроде тебя любят насильников, чтобы можно было изображать невинность и в то же время требовать еще.

Стиснув зубы, Эмма демонстративно посмотрела на руку Блэкпула, продолжающую поглаживать его плоть.

— Пожалуй, я воспользуюсь случаем и отрежу тебе яйца. Она с удовлетворением заметила, как он побледнел от ярости и, совершенно очевидно, от страха.

— Сука, — произнес он, отступая.

— Лучше быть сукой, чем евнухом, — спокойно ответила Эмма, хотя боялась, что ножницы вывалятся из ее онемевших рук.

Услышав, как открылись двери лифта, оба вздрогнули.

— Эмма! Ты дома?

— Да, любимая. Она показывает мне фотографии. — Ухмыльнувшись, Блэкпул вышел, и тут же раздался его бархатный голос: — Я ждал тебя.

Воцарившееся молчание свидетельствовало о том, что Марианну целуют. Потом, запыхавшись, она сказала:

— Давай посмотрим фотографии.

— Зачем смотреть на фотографии, когда перед тобой оригинал? — возразил Блэкпул.

— Роберт... — Протест Марианны утонул в приглушенном шуме. — Но ведь Эмма...

— Она занята. А я весь день не мог дождаться, пока ты попадешь мне в руки. Когда они поднялись по лестнице, Эмма тихо прикрыла дверь фотолаборатории. Она не желала ничего слышать. Не желала ничего представлять. Добравшись на дрожащих ногах до стула, она упала на него и выпустила из рук ножницы.

«Он прикасался ко мне», — с омерзением думала Эмма. Господи, какое-то мгновение ей даже хотелось, чтобы он продолжил, не оставив ей выбора. Именно в этом Блэкпул и обвинил ее. Эмма ненавидела его за это. И ненавидела себя.

Стоящий рядом телефон успел трижды прозвонить, прежде чем она нашла в себе силы поднять трубку.

— Да.

— Эмма... это ты?

— Да.

— Это Майкл. Майкл Кессельринг.

Она безучастно уставилась на снимки, висящие над столом.

— Да, Майкл.

— Я... у тебя все в порядке? Ничего не случилось?

— Нет, а что со мной должно случиться?

— Ну, твой голос... Наверное, ты читала газеты?..

— Видела кое-что.

Майкл вздохнул. Заготовленная заранее фраза напрочь вылетела у него из головы.

— Я хотел позвонить и все объяснить..!

— Зачем? Меня совершенно не касается, что ты делаешь и с кем. — Сквозь пережитый страх прорвался гнев. — Почему я должна волноваться о том, с кем ты спариваешься? Не вижу причин. А ты?

— Да. Нет, черт побери, Эмма, я не хочу, чтобы у тебя сложилось неверное представление.

Она задрожала, но ошибочно приняла свое горе за злость.

— Не собираешься ли ты сказать мне, что не спал с ней?

— Нет, не собираюсь.

— Тогда нам больше нечего обсуждать.

— Эмма! Черт, все случилось помимо моей воли. Я хочу поговорить с тобой, но не по этому проклятому телефону. Надеюсь поменять дежурство и прилететь на пару дней.

— Я не стану встречаться с тобой.

— Пожалуйста, Эмма!

— Нет смысла, Майкл. Ты волен быть с тем, с кем пожелаешь. Если хочешь, прими мое благословение. А я собираюсь оставить все это в прошлом, и встреча с тобой не входит в мои планы. Понимаешь?

— Да. — Наступило долгое молчание. — Кажется, понимаю. Всего хорошего, Эмма.

— Спасибо, Майкл. До свидания.

Она снова заплакала. «Реакция», — сказала она себе. Запоздалая реакция на жуткую сцену с Блэкпулом. А Майклу она желает всего хорошего, правда. Черт побери его и всех мужчин.

Эмма заперла дверь, включила радио на полную громкость и, сев на пол, зарыдала.

Глава 25

Нью-Йорк, 1986 год

Квартира выглядела так, словно по ней пронесся ураган. Повсюду валялись газеты, журналы. На полу лежали две ярко-красные сумки, одна босоножка того же цвета и пластинки. Выбрав одну, Эмма поставила ее на проигрыватель и с улыбкой вспомнила, что Марианна слушала Арету Франклин, когда неистово собирала вещи. Неужели они расстались почти на год?

Эмма подняла с пола шелковую блузку и красную шляпу. Марианна не смогла отказаться от возможности учиться в Париже, в Школе изящных искусств. Эмма радовалась за подругу, хотя ей было очень грустно стоять одной в опустевшей квартире.

С улицы доносился шум транспорта, студентка консерватории, жившая по соседству, разучивала арию из «Женитьбы Фигаро». Глупо, наверное, быть одинокой в Нью-Йорке, но Эмма чувствовала себя именно так.

К счастью, это ненадолго, ей тоже пора собираться. Через два дня она будет в Лондоне и отправится в турне вместе с «Опустошением». На этот раз в качестве официального фотографа. «Причем добилась признания собственным трудом», — подумала Эмма, втаскивая на кровать первый чемодан. Отец попросил ее сфотографировать группу для обложки альбома «Потерял солнце», и простой черно-белый снимок имел такой успех, что даже Пит прекратил бубнить о семейственности. А когда Эмме предложили сделать фотографии для следующего альбома, он уже не сказал ни слова против.

Она испытала большое удовлетворение, поскольку именно он, менеджер группы, сам пригласил ее в турне. Естественно, с полным обеспечением и плюс жалованье. Раньян недовольно бормотал что-то насчет коммерциализации искусства, но быстро успокоился.

Лондон, Дублин, Париж (с кратким визитом к Марианне), Рим, Барселона, Берлин. Не говоря о мелких городах. Европейское турне

рассчитано на десять недель, а после него Эмма наконец сделает то, о чем мечтала почти два года: откроет собственную студию.

Не найдя свой кашемировый костюм, девушка поднялась наверх, где очаровательно пахло скипидаром и духами «Опиум». Марианна оставила комнату в полном беспорядке, какой, впрочем, царил там почти всегда. Кисти, ножи, куски угля распаханы повсюду, начиная от банок из-под майонеза и кончая дрезденскими вазами. Вдоль стены пьяно толпились холсты; пестрые рабочие блузы, покрытые еще более яркими пятнами краски, валялись на столах и стульях.

На мольберте у окна стояла чашка, содержимое которой Эмма даже не решалась исследовать. Покачав головой, она направилась в ту часть студии, где располагалась спальня чуть больше алькова. Кровать с резными спинками была зажата между двумя столами. На одном стояла лампа, на другом — полдюжины свечей различной длины.

Постель, конечно, не убрана. Марианна принципиально отказывалась это делать с тех пор, как они покинули пансион. В шкафу Эмма обнаружила свой черный костюм. Он висел между кожаной юбкой и майкой с надписью «Я люблю Нью-Йорк», порванной у рукава.

Эмма села на смятую постель.

Господи, как ей будет не хватать Марианны! Они делились всем: шутками, слезами, проблемами. У них не было друг от друга тайн. Кроме одной. Даже сейчас при воспоминании об этом она поежилась.

Эмма не рассказала подруге о Блэкпуле. Вообще никому. Хотя собиралась это сделать, когда Марианна вернулась домой пьяная, со счастливой уверенностью, что Блэкпул предложил ей выйти за него замуж.

— Роберт подарил мне вот это. — Она похвалилась бриллиантовым сердечком на золотой цепочке. — Чтобы я не забыла его, пока он работает в Лос-Анджелесе над новым альбомом.

— Красиво, — выдавила Эмма. — Когда он уезжает?

— Улетел сегодня вечером. Я проводила его в аэропорт и потом целых полчаса сидела на автостоянке и ревела, как девчонка. Глупо. Он вернется. — Марианна бросилась ее обнимать. — Он предложит мне выйти за него. Я знаю.

— Выйти за него? — ужаснулась Эмма, вспомнив прикосновение рук Блэкпула. — Но он ведь... как...

— Я поняла это по тому, как он прощался со мной, как смотрел на меня, когда дарил это украшение. Господи, Эмма! Чуть не пришлось умолять его взять меня с собой. Но мне хочется, чтобы он сам пригласил. Он это сделает. Я знаю.

Разумеется, Блэкпул этого не сделал.

Марианна просиживала у телефона бее вечера, после занятий неслась домой, чтобы посмотреть почту. От Блэкпула не было ни слова.

А три недели спустя прозвучали первые намеки, объясняющие его молчание. Сначала по радио. Потом телевидение показало сюжет: Блэкпул в неизменной черной коже сопровождал молодую знойную брюнетку в один из голливудских клубов. Затем в это вцепились газеты.

Первой реакцией Марианны был смех. Она попыталась связаться с Блэкпулом. На звонки он не отвечал. В «Пипл» появилась статья о нем и его новой любовнице. Марианне отвечали, что мистер Блэкпул отдыхает на Крите. Вместе с брюнеткой.

Ни до, ни после Эмма не видела подругу настолько угнетенной. Она почувствовала громадное облегчение, когда Марианна наконец вырвалась из слезливой депрессии и прокляла Блэкпула с такой искренностью, от которой у Эммы стало тепло на душе.

Затем она торжественно швырнула в окно его подарок, и Эмма понадеялась, что в это время по улице проходила какая-нибудь остроглазая старушка.

Марианна окунулась в работу, наверстывая упущенное. Художник ничего не стоит, если он не страдал.

Эмме оставалось только пожелать, чтобы и она сама так же легко все забывала. Но она всегда будет помнить слова Блэкпула. В отместку она сожгла его снимки и даже негативы.

Ее проблема в том, что она слишком хорошо все помнит. Это и проклятие, и одновременно благо, что она видит случившееся год и много лет назад так же отчетливо, как свое отражение в зеркале.

За исключением той ночи, которая является ей только в туманных сновидениях.

Забрав свои вещи, Эмма спустилась вниз. Услышав звонок, она нахмурилась. Странно, всем известно, что Марианна уехала, и она сама уже одной ногой за дверью.

Эмма нажала кнопку домофона:

— Да?

— Эмма? Это Люк.

— Люк! — обрадовалась она. — Заходи.

Эмма забежала в спальню, кинула на кровать вещи и поспешила назад, успев встретить гостя, выходящего из лифта.

— Привет. — Она крепко стиснула ему руку, немного удивленная его отстраненностью. — Не знала, что ты в городе.

Отступив, Эмма оглядела его, и ей пришлось сделать усилие, чтобы сохранить на лице улыбку. Люк выглядел ужасно: бледный, с запавшими глазами, исхудавший. Последний раз они виделись, когда он отправлялся в Майами. Новая работа, новая жизнь.

— Я вернулся пару дней назад. — Губы у Люка дрогнули, но улыбки не получилось. — Ты все хорошеешь, Эмма.

— Спасибо. — Его рука показалась ей ледяной, и она машинально погладила ее. — Проходи, садись. У меня должно быть неплохое вино.

— Бурбон есть?

Эмма снова удивилась. За все годы их знакомства Люк не пил ничего крепче «Шардоне».

— Не знаю. Посмотрю.

«Майами не пошел ему на пользу», — решила она, изучая на кухне скудные запасы. Или, возможно, причина в разрыве с Джонно. Тот Люк, которого она помнила, которого целовала на прощание полтора года назад, был великолепным, мускулистым, здоровым, настоящим образцом мужественности.

— Коньяк, — объявила Эмма. Кто-то подарил ей на Рождество бутылку «Курвуазье».

— Отлично. Спасибо.

В доме не было ни одной коньячной рюмки, поэтому она взяла бокал для вина, себе налила «Перье».

— Мне всегда здесь нравилось. — Люк указал на расписанную Марианной стену. — А где твоя подруга?

— В Париже или уже близко. Будет там учиться. Он перевел взгляд на фотографии:

— Я видел в Майами твой фотоэюд с Барышниковым.

— Самое большое потрясение в моей жизни. Я была поражена, когда Раньян доверил это мне..

— И обложку альбома.

Люк выпил, чувствуя, как бурбон проходит по горлу.

— Подожди, то ли еще скажешь, когда увидишь новый. — Эмма говорила легко и беззаботно, но в глазах ее была тревога. — Он появится к концу следующей недели. Разумеется, музыка тоже неплохая.

— Как Джонно? — Пальцы Люка, сжимающие бокал, побелели.

— Замечательно. Кажется, его уговорили сыграть роль в «Пороках Майами»... Уверена, он свяжется с тобой, если ваши пути пересекутся.

— Да. Его нет в городе?

— Он в Лондоне. Готовится к турне. Я еду с ними.

— Ты увидишь его?

— Да, через два дня. Нас ждет уйма работы. Люк, в чем дело? Тот осторожно поставил бокал, достал из кармана простой белый конверт и протянул ей:

— Передашь ему?

— Конечно.

— Сразу, как только увидишь.

— Хорошо. — Эмма хотела положить конверт на стол, но, заметив взгляд Люка, сказала: — Я положу его в чемодан.

Когда она вернулась, Люк стоял, сжимая обеими руками пустой бокал, и вдруг покачнулся. Бокал упал на пол прежде, чем Эмма успела подхватить Люка. Ее ошеломила невесомость его тела.

— Садись, ну же, садись. Ты нездоров. — Опустившись рядом с ним, она стала гладить его по голове. — Кажется, тебя лихорадит. Позволь, я вызову врача.

— Нет, — с яростью отозвался Люк. — Я уже был у врача. У целой оравы гребаных врачей.

— Тебе нужно поесть, — твердо заявила она. — Ты выглядишь так, словно целую неделю голодал. Давай, я приготовлю...

— Эмма!

Люк схватил ее за руку. Он видел, что она все поняла, но отказывается верить. Он и сам долго отказывался верить.

— Я умираю, — легко, почти умиротворенно сказал он. — Это СПИД.

— Нет! — Ее пальцы вцепились ему в руку. — О боже, нет.

— Мне плохо уже несколько недель. Точнее, месяцев. Я думал, это простуда, грипп, нехватка витаминов. Не мог заставить себя пойти к врачу, потом был вынужден сделать это. Я не согласился с первым диагнозом. И со вторым, и с третьим, — засмеялся он, снова прикрывая глаза. — Но от некоторых вещей нельзя убежать.

— Но можно же что-то сделать. — Обезумев от горя, она прижала его ладонь к своей щеке. — Я читала о курсах лечения, таблетках.

— Я напичкан таблетками. Порой я чувствую себя очень не плохо.

— Есть специальные клиники.

— Я не собираюсь проводить остаток своих дней в клинике. Я продал дом, так что деньги у меня есть. Сниму номер в «Плазе», буду ходить в театр, кино, музеи, на балет. Делать то, на что у меня последние несколько лет не хватало времени. — Люк улыбнулся, касаясь пальцем ее щеки. — Прости за бокал.

— Не бери в голову.

— Похоже, это «Уотерфорд», — пробормотал он. — У тебя всегда был класс, Эмма. Не плачь.

— Я соберу осколки.

— Не надо. — Люк снова взял ее за руку. Ему необходимо, чтобы кто-то держал его за руку. — Просто посиди со мной.

— Хорошо. Люк, тебе нельзя сдаваться. Каждый день... О, я знаю, это звучит банально, но каждый день врачи делают шаг вперед. — Эмма снова прижала его руку к щеке. — Средство, вот-вот найдут. Врачи просто обязаны.

Люк промолчал. Эмме нужно утешение, которое он не мог дать. Как объяснить ей, что он почувствовал, узнав результаты анализов? Поймет ли она, сможет ли понять, что в его душе не только страх и злоба? Есть еще унижение, отчаяние. Когда у него началось воспаление легких, врачи «Скорой» не хотели прикасаться к нему. Его изолировали от людей, от сострадания, от надежды.

Эмма была первой, кто прикоснулся к нему, кто заплакал, переживая за него. А он не мог ей ничего объяснить.

— Когда увидишься с Джонно, не говори ему, как я выгляжу.

— Не скажу.

— Помнишь, я пытался научить тебя готовить?

— Ты сказал, что я безнадежна.

— В конце концов ты выучилась готовить спагетти.

— Я по-прежнему готовлю их раз в неделю, даже когда не хочу.
Люк молча заплакал, и слезы медленно потекли из-под ресниц.

— Почему бы тебе вместо «Плазы» не остаться здесь? — Когда он покачал головой, Эмма продолжила: — Ну хотя бы сегодня. Всего на один вечер. Здесь так одиноко без Марианны. А я продемонстрирую тебе свои успехи в приготовлении соуса к спагетти.

Эмма сидела рядом с Люком, а он, закрыв лицо руками, плакал.

* * *

Когда самолет приземлился в Хитроу, шел дождь. Мягкий весенний дождь, заставивший Эмму вспомнить о нарциссах. Неся на плече сумку с фотопринадлежностями, она прошла через контроль, Джонно чмокнул ее в щеку и, обняв за талию, повел к выходу.

— Пит позаботится о твоём багаже.

Когда Джонно открыл дверь лимузина, Эмма подняла бровь.

— Ненавижу ездить из аэропорта на такси, — заявил тот. Когда они устроились, он налил два стакана пепси и предложил Эмме хрустящий картофель. — К тому же здесь мы сможем поболтать. Как перенесла полет?

— С помощью драмина и молитвы. — Эмма набросилась на картофель. Есть в самолете ей не позволял желудок. — Не беспокойся. К турне я запаслась и тем и другим.

— Буду рад видеть тебя на борту самолета.

Эмма крепилась, задавала вопросы, шутила. Потом опустила стекло, отделяющее их от водителя.

— Хорошо, что именно ты приехал встречать меня.

— Как я понял, у тебя были причины просить меня об этом.

— Да. Можно сигарету?

— Что-то серьезное? — Джонно зажег две сигареты.

— Очень. — Эмма глубоко затянулась. — Пару дней тому назад ко мне приходил Люк.

— Он в Нью-Йорке?

— Да... Мы ужинали вместе.

— Очень хорошо. Как он?

Не поднимая глаз, Эмма достал из сумочки конверт:

— Он хотел, чтобы я передала это тебе.

Джонно вскрыл конверт, и она отвернулась. Тихо урчал двигатель, мягко барабанил дождь, из колонок доносилась прелюдия Шопена. Эмма подождала минуту, пять, наконец взглянула на Джонно.

Тот невидящими глазами уставился перед собой, письмо лежало у него на коленях. Когда он повернулся к Эмме, у нее сжалось сердце.

— Ты знаешь?

— Да, он сказал мне. — Не зная, что делать, она взяла его за руку. — Мне очень жаль, Джонно. Очень жаль.

— Люк беспокоится обо мне. Хочет, чтобы я обязательно сдал анализы. И он... он успокаивает меня, что не распространялся о наших взаимоотношениях. Господи Иисусе, — хрипло засмеялся Джонно, откинув голову на спинку. — Умирает, но хочет, чтобы я знал: моя репутация не пострадала.

— Для него это имеет значение.

У Джонно запершило в горле. Поняв, что сейчас заплачет, он глубоко затаился.

— Люк не был мне безразличен, черт возьми. Теперь он умирает, и что я должен сказать? Благодарю, старина. Чертовски благородно с твоей стороны унести мою тайну в могилу.

— Не надо, Джонно. Для него это очень важно. Люк хочет отдать все свои долги. Ему необходимо рассчитаться со своими кредиторами.

— Будь проклята эта зараза!

В Джонно бушевали горе и ярость. Они душили его, не находя выхода. Прокляв болезнь, он не испытал облегчения, как не испытал его, когда проклял судьбу, поняв, что сотворен геем. Достав новую сигарету, он пытался дрожащими пальцами совладать с зажигалкой.

— Месяцев шесть назад мне за большие деньги тайно уст роили сдачу анализов. Я чист. — Втянув дым, он скомкал письмо. — С моей иммунной системой все в порядке. Никаких проблем.

Эмма поняла, и ее голос прозвучал резко:

— Глупо чувствовать себя виноватым, если у тебя все в порядке.

— Где справедливость, Эмма? — Разгладив письмо, Джонно аккуратно сложил его и убрал в карман. — Где, черт возьми, справедливость?

— Не знаю. Когда убили Даррена, я была еще слишком маленькой. Но потом я сотни раз задавала себе этот вопрос. Почему

люди, которых мы любим, умирают, а мы — нет? Монашки говорят, что такова воля господ.

— Этого недостаточно.

— Да, недостаточно. Люк в Нью-Йорке. — Наверное, она с самого начала знала, что скажет ему. — Остановился в «Плазе». Он не хотел, чтобы я говорила тебе.

— Спасибо. — Джонно крепко пожал ей руку.

Когда лимузин остановился у дома ее отца, Джонно поцеловал Эмму:

— Скажи Брайану... скажи ему правду. Я вернусь через пару дней.

— Хорошо, — ответила она и проводила взглядом лимузин, скрывшийся в пелене дождя.

Глава 26

Поставив широкоугольный объектив, Эмма устроилась перед сценой лондонского «Палладиума». Да, «Опустошение» на репетиции выглядит так же динамично, как и на концерте. Она была довольна снимками и намеревалась еще поработать в лаборатории.

Но сейчас, пока музыканты ушли на часовой перерыв, она снимала пустую сцену, инструменты, усилители, шнуры. Здесь были электроорган, рожки, даже рояль. Но в данный момент ее интересовало другое. Она хотела увековечить свой взгляд на процесс создания музыки.

Покрытый шрамами «Мартин» заставил Эмму вспомнить о человеке, который на нем играет. Стиви такой же потрепанный в сражениях и блистательный, как и его инструмент, с которым он не расстается уже двадцать лет. Ремень, бросающийся в глаза яркостью красок, она подарила Стиви на последнее Рождество.

Тут же стоял перламутровый «Фендер» Джонно. Рядом с «Марином» он выглядел легкомысленным и фривольным. Как и его хозяин, скрывающий лучшие свои качества под блестящим лаком.

На ударной установке Пи Эм было написано название группы. Издалека установка казалась совершенно заурядной, но при ближайшем рассмотрении становились видны сложные устройства барабанов, подставок и тарелок. Предусмотрительно запасенные три комплекта палочек, сверкание хрома.

Наконец сделанный на заказ «Гибсон» отца. Простая гитара рабочего человека на строгом черном ремне. Но дерево сияло тусклым золотом, а когда он трогал струны, от голоса инструмента наворачивались слезы.

Опустив камеру, Эмма нежно провела рукой по грифу и тут же отдернула ее. На миг ей показалось, что своим прикосновением она оживила гитару. Почувствовав себя идиоткой, Эмма взглянула налево. Музыка доносилась оттуда, и она действительно казалась волшебной.

Тихо пройдя по сцене, Эмма направилась в ту сторону.

Перед дверью примерной на полу сидел какой-то парень. Его длинные изящные пальцы ласкали струны, как тело возлюбленной, и он тихо напевал:

*Пока ты спала, я лежал без сна.
Лунный свет падал на твое лицо,
Играя ангельскими волосами.
Глядя на тебя, я вздыхал и загадывал желания:
Прокрасться бы в твои сны и остаться там навеки с тобой.*

Голос у парня был теплый и мягкий. Темно-русые волосы скрывали лицо. Боясь его потревожить, Эмма осторожно присела и навела на него объектив. Когда щелкнул затвор, парень вскинул голову.

— Извините. Я не хотела мешать.

Глаза у него оказались золотые, как и волосы, а лицо соответствовало голосу: поэтически бледное, гладкое, глаза затенены длинными ресницами, пухлый, четко очерченный рот.

— Ни один мужчина не может думать о вас как о помехе.

Он продолжал перебирать струны, внимательно изучая Эмму, которую уже видел, но впервые у него появилась возможность рассмотреть ее вблизи.

— Привет. Меня зовут Дрю Латимер.

— Здравствуйте... О, конечно, я должна была узнать вас.

«И узнала бы», — подумала Эмма, если бы не ее потрясение. Она протянула Дрю руку:

— Солист «Дороги в ночлежку». Мне нравится ваша музыка.

— Спасибо. — Так как он не отпустил ее руку, Эмме пришлось сесть рядом с ним. — Фотография — это увлечение или профессия?

— И то и другое. — Сердце у нее колотилось, ибо Дрю продолжал ее изучать. — Надеюсь, вы не против, что я сфотографировала вас.

— Скорее рад. Почему бы вам не поужинать со мной сегодня вечером и не сделать еще несколько сотен фотографий?

— Даже я не фотографирую так много за едой, — засмеялась Эмма.

— Тогда оставьте аппарат дома.

— У меня дела.

— Тогда завтрак? Обед? Съедем на двоих шоколадный батончик.

Улыбнувшись, Эмма встала:

— Я знаю, что вам едва хватит времени на шоколадный батончик. Завтра вы разогреваете публику перед «Опустошением».

Дрю не выпускал ее руки:

— Может, я проведу вас на концерт, а потом мы что-нибудь выпьем?

— Я и так иду на концерт.

— Так, кого мне нужно убить? — Расстегнутая джинсовая рубашка обнажала бледную гладкую кожу. Одно ловкое движение, и он уже стоял рядом с Эммой. — Вы же не собираетесь покинуть меня накануне такого значительного события в моей жизни, правда? Мне нужна моральная поддержка.

— Все будет прекрасно.

Она собралась уходить, но Дрю только крепче сжал ее руку:

— Бог мой, как ни банально это звучит, но вы самая красивая женщина, которую я когда-либо видел.

Польщенная и взволнованная, Эмма попыталась высвободиться.

— Вам нужно почаще выходить на люди.

— Хорошо. Куда вы хотите пойти?

Она снова потянула руку, борясь с паникой и смехом. Со стороны сцены уже доносились голоса и шум.

— Мне пора возвращаться.

— По крайней мере скажите, как вас зовут. — Дрю провел пальцем по ее руке, и ноги у Эммы стали ватными. — Мужчина имеет право знать, кто разбил его сердце.

— Меня зовут Эмма. Эмма Макавой.

— О господи! — Вздрогнув, он выпустил ее руку. — Извините. Не имел понятия. Боже мой, я чувствую себя идиотом.

— Почему?

— Дочь Брайана Макавой, а я неумело заигрывал с ней. — Дрю с отчаянием взъерошил волосы.

— Я не считаю, что у вас это получилось неумело, — пробормотала она. — Мне действительно пора возвращаться. Было очень... приятно с вами познакомиться.

— Эмма... — К его радости, она остановилась. — Возможно, в ближайшие десять недель вы найдете время на шоколадный батончик?

— Хорошо.

Дрю прислал ей батончик «Милки Вей», перевязанный розовой ленточкой, и первое в ее жизни любовное письмо. Когда посыльный ушел, она долго стояла в дверях, не отрывая глаз от записки:

«Эмма!

В Париже я придумаю что-нибудь получше. А сейчас это просто напоминание о нашей первой встрече. Сегодня вечером я буду петь «В твоих снах» и думать о вас.

Дрю».

Эмма посмотрела на шоколадный батончик. Даже корзина с бриллиантами не привела бы ее в больший восторг. Сделав три пируэта в просторном фойе, она схватила жакет и выбежала на улицу.

Дверь снова открыла Элис. На этот раз она не заплакала, а посмотрела на нее с едва заметной улыбкой:

— Вы вернулись.

— Да. Здравствуйте, Элис. — Девушка поцеловала няню, чем немало удивила ее. — Я вернулась. И надеюсь увидеть Бев. Она дома?

— Наверху, в своем кабинете. Я передам ей.

— Спасибо.

Эмме хотелось петь и плакать. Никогда в жизни она так себя не чувствовала: опьяненной, взволнованной, преображенной. Если это и есть влюбленность, она слишком долго ждала ее. Эмма нагнулась к вазе с нарциссами и гиацинтами, подумав, что впервые ощущает столь прелестные ароматы.

— Эмма! — По лестнице спешила Бев. В очках, с карандашом за ухом. — Я так рада видеть тебя. В Нью-Йорке ты говорила, что приедешь сюда, но я не думала, что у тебя найдется время зайти в гости.

— Мне принадлежит все время в мире. — Засмеявшись, Эмма прижалась к ней. — О, мама, разве сегодня не чудесный день?

— У меня пока не было возможности даже нос высунуть на улицу, но я тебе верю. — Бев отстранила девушку от себя, — Что случилось? Ты выглядишь так, будто вместе со сметаной проглотила и миску.

— Правда? — Эмма прижала ладони к щекам. — О, мне не обходимо с кем-то поговорить. Я не могу вынести этого. Папа куда-то ушел. Хотя все равно от него мало проку.

— Вот как? — Положив очки на стол, Бев повела ее в гостиную. — В чем же он не смог тебе помочь?

— Вчера я встретила одного человека.

— Одного человека? — Бев указала на кресло, но Эмма продолжала рассказывать по комнате. — Насколько я понимаю, одного

человека мужского пола.

— Восхитительного человека мужского пола. О, звучит по-идиотски. Я давала себе слово никогда не быть подобной идиоткой, но он великолепен — такой милый и забавный.

— Имеет ли этот великолепный, милый и забавный мужчина имя?

— Дрю, Дрю Латимер.

— «Дорога в ночлежку».

Рассмеявшись, Эмма шутливо толкнула Бев, затем продолжила возбужденно ходить взад-вперед.

— Ты идешь в ногу.

— Разумеется.

Бев нахмурилась, затем обозвала себя чопорной старой дурой за то, что ее встревожил роман Эммы с музыкантом. «Соринка в чужом глазу», — подумала она и улыбнулась.

— Значит, у него действительно такая неотразимая внешность, как на фотографиях? — поинтересовалась Бев.

— Лучше. Мы наткнулись друг на друга за сценой. Он сидел на полу, играл на гитаре и пел, как иногда делает папа. Он принялся флиртовать со мной. Кажется, я начала что-то лепетать. — Эмма пожала плечами. Лепетала она или нет, ей хотелось запомнить каждое его слово. — Но главное, он не знал, кто я такая. Понятия не имел.

— Это столь важно?

— О да. Понимаешь, его привлекла я сама, а не дочь Брайана Макавоя. — Эмма присела на кресло и тут же опять вскочила. — Кажется, все, с кем я встречалась, хотели узнать что-то о папе и о том, каково быть дочерью Брайана Макавоя. Но Дрю пригласил меня на ужин, не зная, кто я. Для него это было не важно. А когда я сказала ему, он... смутился. Очаровательная реакция.

— Ты ходила с ним куда-нибудь?

— Нет. Возможно, я была немного испугана, чтобы сказать «да». А сегодня он прислал мне записку. И... о, мама, я до смерти хочу увидеть его. Не могла бы ты вечером тоже пойти туда? Чтобы быть рядом.

— Ты же знаешь, я не могу, Эмма.

— Знаю, знаю. Понимаешь, я никогда раньше такого не чувствовала. Как-то...

— В голове пустота, трудно дышать.

— Да, — засмеялась Эмма. — Именно так. Бев испытала это. Всего один раз.

— У тебя есть время узнать его. Не торопись.

— Я никогда не тороплюсь, — пробормотала девушка. — А ты... с папой?

Прошло больше пятнадцати лет, но Бев все равно стало больно:

— Я никого не слушала.

— Ты слушала себя. Мама...

— Не будем говорить о Брайане.

— Хорошо. Еще только одно. Папа ездил в Ирландию... к Даррену. Один раз на день его рождения, другой... другой раз в декабре. Я подумала, что ты должна это знать.

— Спасибо. — Бев сжала ее руку. — Но ты ведь пришла не за тем. Опустившись на колени, Эмма обняла Бев за талию.

— Сегодня вечером мне нужно надеть что-то совершенно восхитительное. Пойдем со мной по магазинам.

Радостно рассмеявшись, Бев вскочила с кресла:

— Одеваюсь.

Эмма почти убедила себя, что глупо было волноваться о наряде. Она здесь, чтобы работать, а не кокетничать с солистом разогревающей группы. Нужно еще проверить оборудование, механизмы сцены, освещение, дымовую установку. Скоро Эмма забыла, что потратила больше часа на свой туалет.

Зрители уже собирались, хотя до начала еще целых полчаса. Майки, футболки, плакаты, значки. Рок-н-ролл восьмидесятых превратился из музыки для бунтарской молодежи в выгоднейший бизнес.

В черном изящном комбинезоне, не привлекая к себе внимания, Эмма шла между рядами, фотографировала поклонников, выкладывающих фунт за фунтом, чтобы иметь память о концерте. Она слышала, как обсуждают ее отца, критикуют, хвалят его. Эмма улыбнулась, вспомнив очередь к лифту в Эмпайр-стейт-билдинг. Тогда ей было три года. Но и сейчас, девятнадцать лет спустя, Брайан Макавой по-прежнему заставляет биться быстрее сердца подростков.

Эмма сменила камеру, чтобы передать в цвете красные, синие, зеленые пятна маек с яркими четкими буквами: «Опустошение»-1986».

Да и сами поклонники выглядели очень колоритно. Растрепанные волосы, бритые головы, длинные гривы. Одежда варьировалась от рваных джинсов до костюмов-троек. Большинство из тех, кто сейчас занимал места в зале, были сверстниками ее отца и даже старше. Врачи, зубные техники, адвокаты, выросшие на рок-н-ролле, делили теперь это наследство со своими детьми. Эмма видела школьников и малышей, которых несли на плечах, женщин в жемчугах и их дочерей, прижимающих к груди купленные футболки с заветной надписью. И словно эхо шестидесятых, слабый запах травки смешивался с ароматами «Шанель» и «Брют».

Эмма медленно пробралась сквозь толпу. Увидев прикрепленный к ее комбинезону пропуск, охранник только молча кивнул, и она беспрепятственно прошла за сцену.

Если в зале только начинался психоз, то здесь царил настоящее безумие. Неисправный усилитель, перекрученный кабель, рабочий, только что несшийся в одну сторону, уже бежал назад, отчаянно пытаясь исправить последнюю из неизбежных неполадок. Эмма сделала несколько снимков и направилась к гримерным.

Она уже представляла сцену, отложившуюся у нее в памяти, которую ей хотелось запечатлеть: отец и все остальные сидят, развалившись, непрерывно курят, шутят и жуют резинку или миндаль в сахаре. Эмма улыбнулась своим воспоминаниям и тут в буквальном смысле слова налетела на Дрю.

— Еще раз здравствуй.

— Привет. — Эмма нервно поправила ремешок камеры. — Хочу поблагодарить тебя за подарок.

— Я думал о розах, но было уже поздно. Ты потрясающе выглядишь.

— Спасибо.

Желая успокоиться, она внимательно оглядела Дрю. Он был уже в сценическом наряде: белых кожаных брюках в обтяжку, усеянных серебряными заклепками, и таких же сапогах до колен. Торчащие волосы и полуулыбка делали его похожим на разодетого ковбоя.

— И ты тоже, — пробормотала Эмма, осознав, что слишком долго не сводит с него глаз. — Выглядишь потрясающе.

— Хотим произвести фурор. — Дрю вытер ладони о штаны. — От волнения все наполовину трупы. А Дон, наш басист, уже полный труп

и заперся в сортире.

— Папа говорит, что всегда лучше выступаешь, когда на взводе.

— Тогда мы произведем дьявольский фурор. — Дрю осторожно взял ее за руку. — Слушай, ты не думала о том, чтобы после концерта пойти чего-нибудь выпить?

Именно об этом она и думала.

— Вообще-то...

— Я настойчивый, что уж тут поделаешь. Как только увидел тебя, сразу понял: «О, это она!» — Дрю провел рукой по волосам, искусно взъерошенным и закрепленным муссом. — У меня не очень хорошо получается.

— Ты думаешь? — Интересно, слышит ли он, как колотится ее сердце?

— Не знаю. Давай выразим это иначе: Эмма, спаси мою жизнь. Проведи со мной час.

— С удовольствием. — Она улыбнулась, и на ее щеке появилась ямочка.

Эмма едва слышала аплодисменты и почти не воспринимала музыку. Когда отец, весь мокрый от пота, в последний раз ушел со сцены, она подумала, что будет чудом, если хоть малая часть сделанных ею снимков окажется приличной.

— Господи, я умираю от голода. — Вытирая лицо и волосы, Брайан направился в примерную, а в ушах его еще стоял гром аплодисментов. — Эмма, не вытащить ли нам эти реликвии рока на пиццу?

— О, с удовольствием, но... У меня кое-какие дела. — Она быстро поцеловала отца. — Ты был великолепен.

— А что ты хочешь? — изрек Джонно, протискиваясь по запруженному людьми коридору. — Мы уже легенда.

К ним подошел Пи Эм. По его красному лицу текли струйки пота.

— Эта леди Аннабель... с такими волосами. — Он показал руками, какими именно.

— В красной замше и бриллиантах? — вставила Эмма.

— Кажется. Она пробралась на сцену. — Пи Эм вытер лоб, но глаза у него смеялись. — Когда я проходил мимо, она... она... Попыталась пристать ко мне.

— Боже милосердный, зови полицию. — Джонно обнял его за плечи. — Таких женщин нужно сажать в тюрьму. Должно быть, ты чувствуешь себя выжатым и грязным, милоч. Идем, ты можешь обо всем рассказать дяде Джонно. Так к чему именно она прикоснулась и как? Не бойся подробностей.

Хмыкнув, Брайан проводил их взглядом:

— Пи Эм, как ни странно, всегда привлекал бойких. Почему? В его тоне прозвучали теплые нотки. «Знает ли отец, что уже простил старого друга?» — подумала Эмма и тут же заметила, как улыбка Брайана померкла. В нескольких футах от них к стене привалился Стиви. Лицо бледное, потное, волосы тоже мокрые, и выглядит на десять лет старше.

— Пойдем, сынок. — Брайан обнял его за талию и качнулся, принимая на себя вес гитариста. — Нам требуется душ и сырое мясо.

— Папа, тебе помочь?

Тот лишь покачал головой. Это он не мог взваливать ни на свою дочь, ни на кого другого.

— Нет, я обо всем позабочусь.

— Тогда... увидимся дома, — пробормотала Эмма, но отец уже закрыл дверь гримерной.

Она думала, что Дрю выберет какое-нибудь многолюдное заведение с громкой рок-музыкой вроде «Тремпа» или «Табу», а оказалась в полумраке угловой кабинки прокуренного джаз-клуба в Сохо. На сцене, освещенной призрачно-синими лучами прожекторов, выступало трио: пианист, басист и певец. Их музыка была негромкой и задумчивой, в тон освещению.

— Надеюсь, ты не против, что мы пришли сюда?

— Нет.

Эмма радовалась полумраку, скрывающему ее нервозность от Дрю... и Суинни, лениво куrivшего за одним из столиков.

— Я здесь никогда не была. Мне нравится.

— Конечно, ты не привыкла к таким клубам, но в других местах трудно уединиться и поговорить. А я хотел именно этого.

— Я еще не успела сказать, что у вас здорово получилось. Скоро у вас самих появится разогревающая группа.

— Спасибо. — Дрю положил ладонь на ее руку. — Вначале мы были немного скованными, потом расслабились.

— Ты давно играешь?

— С десяти лет. И благодарить нужно твоего отца.

— Почему?

— Мой двоюродный брат, работавший в группе сопровождения, провел меня как-то на концерт «Опустошения». Брайан Макавой покорила меня. Я начал откладывать деньги и купил подержанную гитару. — Дрю усмехнулся, сжав руку Эммы. — Остальное — уже история.

— Я никогда об этом не слышала.

— По-моему, я никогда не рассказывал. — Он беспокойно пожал плечами. — Мне даже неловко.

— А по-моему, очень трогательно. Подобные истории всегда привлекают фанатов.

Дрю посмотрел на нее, и его глаза блеснули темным золотом.

— Сейчас я не думаю о фанатах. Эмма...

— Что будете пить?

Оторвав от него взгляд, Эмма повернулась к официантке:

— О, минеральную воду.

— «Гиннесс», — сказал Дрю, продолжая играть ее пальцами. — Ты, должно быть, уже слышала о музыкантах. Расскажи лучше о себе.

— Мне нечего рассказывать.

— Думаю, ты не права. Я хочу знать про Эмму Макавой. — Он поднес ее руку к губам. — Все.

Она провела вечер как в тумане, а фоном служила знойная музыка, великолепно подходящая к ее настроению. Казалось, Дрю впитывает каждое ее слово, при этом все время прикасаясь к ней: сжимает ей руки, гладит по волосам, дотрагивается до плеча. Они не вставали со своего укромного места, не глядели на пары, сидящие за другими столиками.

Выйдя из клуба, они брели вдоль Темзы, залитой туманным лунным светом. Было очень поздно, но время для них не имело значения. Эмма чувствовала запах реки и весенних цветов, едва она подумала о доблестных рыцарях, Дрю накинул ей на плечи свою куртку.

— Тебе холодно?

— Нет. — Эмма сделала глубокий вдох. — Чудесное ощущение. Только вернувшись сюда, я поняла, как люблю Лондон.

— Я прожил здесь всю жизнь. — Дрю шел медленно, глядя на темную реку, в которой отражались звезды. Он хотел увидеть другие реки, другие города, и это время подходит. — Ты никогда не думала переехать сюда?

— Нет.

— Возможно, стоит подумать. — Он удержал ее, нежно положив ей руки на плечи. — Неужели ты настоящая? Когда я смотрю на тебя, мне все время кажется, что ты лишь порождение моих грез. — Дрю с силой привлек ее к себе. От волнения у Эммы пересохло во рту. — Я не хочу, чтобы ты исчезла.

— Я никуда не уйду, — еле слышно ответила она.

С бешено колотящимся сердцем Эмма ощутила тепло его губ, мягких и таких нежных. На миг Дрю оторвался от нее, затем снова прижался к ее рту.

«Хорошо, как хорошо, прекрасно», — думала Эмма, обнимая его за шею. Едва касаясь, он покрыл легкими поцелуями ее лицо и надолго припал к ее губам.

— Лучше я провожу тебя домой, — глухо произнес Дрю, потом, как бы не в силах удержаться от прикосновений, опять провел ладонями по ее рукам. — Я хочу увидеть тебя снова. Ты не против?

— Я совершенно не против, — ответила Эмма и положила голову ему на плечо.

Глава 27

Все свободное время она теперь проводила с Дрю. Полночные ужины, долгие прогулки при свете звезд, редкие свободные часы днем. Было что-то волнующее, трогательное и печальное в этих часах, ибо они выпадали не так часто, как хотелось бы им обоим.

В Париже Эмма познакомила Дрю с Марианной. Они встретились в маленьком кафе на бульваре Сен-Жермен. Марианна в белой кружевной блузке и короткой узкой юбке казалась парижанкой. Когда-то непослушные ярко-рыжие волосы теперь являли собой короткую гладкую прическу на французский манер. Но голос и тон Марианны, когда она окликнула подругу, прозвучали совершенно по-американски.

— Ты здесь, не могу в это поверить! Кажется, прошли годы. Боже, ты выглядишь потрясающе! Ненавижу тебя!

— А ты выглядишь именно так, как должна выглядеть студентка, изучающая искусство во Франции. *Tres chic et sensuel* [4], — засмеялась Эмма.

— Здесь это не менее важно, чем еда. А вы, наверное, Дрю? Продолжая обнимать подругу за талию, Марианна протянула ему руку.

— Рад познакомиться с вами. Эмма мне все про Вас рассказала.

— Ого! Ну ладно, садитесь. Здесь бывал Пикассо, и я постоянно сажусь за разные столики. Уверена, если я найду стул Пикассо, то впаду в транс. Хотите вина? — спросила она Дрю и подозвала официантку. — *Un vin rouge et un cafe, s'il vous plaet* [5]. Кто бы мог подумать, что нудные уроки сестры Магдалины пригодятся!

— Но твое произношение остается на тройку с минусом.

— Знаю. Я над ним работаю. Как турне?

— «Опустошение» лучше, чем всегда. — Эмма улыбнулась Дрю. — А разогревающая группа произвела настоящую сенсацию.

— Нас принимают великолепно.

Марианна потягивала вино, оценивая приятеля Эммы. Если бы ее интересовали религиозные сюжеты, она бы написала с него Иоанна Крестителя. У Дрю именно такой мечтательно-отрешенный вид. Или это Гамлет. Молодой принц, переживающий трагедию. Ну а если вернуться на несколько лет назад, Дрю можно использовать в качестве

натурщика для молодого Брайана Макавоя. Интересно, заметила ли сходство Эмма?

— Куда дальше? — спросила Марианна.

— В Ниццу. Но я не тороплюсь уезжать из Парижа. — Дрю бросил взгляд на улицу, где проносились машины и велосипедисты, не думая об опасности для жизни и травмах. — Как тебе здесь живется?

— Шумно. Захватывающе. Чудесно. Я снимаю небольшую квартиру над булочной. Ничто, поверьте, не может сравниться с запахом французских булочек рано утром, — засмеялась Марианна.

Они провели вместе еще час, потягивая напитки, затем Дрю поцеловал Эмму:

— Мне пора на репетицию, а вам, я знаю, хочется поболтать. Увидимся вечером. И с тобой, Марианна.

— Жду с нетерпением.

Марианна, как и половина женщин, сидящих в кафе, проводила его взглядом.

— По-моему, он самый красивый мужчина, каких я встречала.

— Правда? — Эмма схватила подругу за руки. — Тебе он понравился, да?

— Он великолепен. Умный, талантливый, веселый. — Марианна ухмыльнулась. — Возможно, он бросит тебя ради меня.

— Конечно, мне ненавистна мысль убить лучшую подругу, но...

— Думаю, я в безопасности. Он смотрит только на тебя. Почему, не знаю. Наверное, у тебя невероятные скулы, большие голубые глаза, целый ярд белокурых волос и совершенно отсутствуют бедра. Но у некоторых ребят совсем нет вкуса. — Марианна откинулась назад. — Ты выглядишь неприлично счастливой.

— Да. — Эмма вдохнула в себя аромат вина и цветов Парижа. — Кажется, я люблю его.

— Правда? Ни за что бы не догадалась. — Марианна со смехом потрепала ее по щеке. — Подружка, это написано у тебя на лице. Если бы я сейчас рисовала тебя, то назвала бы портрет «Влюбленная до безумия». Что думает о нем твой отец?

— Он признает талант Дрю как музыканта и как композитора.

— Я имела в виду, что он думает о нем как о человеке, которого любит его дочь.

— Не знаю.

— Ты хочешь сказать, что не говорила ему? — изумилась Марианна.

— Да.

— Почему?

— Наверное, я просто хочу оставить это себе. Чтобы все какое-то время принадлежало одной мне. Отец до сих пор считает меня ребенком.

— Все отцы так думают о своих дочерях. Мой звонит дважды в неделю, желает убедиться, что меня не охмурил какой-нибудь развратный французский *comte* [6]. О чем я только и мечтаю. — Заметив, что подруга не улыбается, Марианна склонила голову набок. — Ты думаешь, отец не одобрит?

— Не знаю.

— Эмма, если у вас с Дрю серьезно, он рано или поздно узнает.

— Надеюсь, что поздно.

Но случилось по-другому.

Эмма наслаждалась утренним солнцем на террасе своего номера. И хотя время завтрака давно прошло, она сидела в халате с чашкой остывающего кофе и просматривала снимки. Эмма отбирала их не только для Пита, но и для своей будущей книги.

Улыбнувшись, она взяла любимую фотографию Дрю, которую сделала в Булонском лесу перед тем, как Дрю поцеловал ее и сказал, что любит.

Любит. Эмма ждала этого, надеялась на это, но даже не представляла себе всей безмерности охватившего ее счастья. Теперь можно помечтать о будущем, о том, как они обзаведутся домом, будут заниматься любовью и воспитывать детей.

Эмма раньше не представляла, как сильно хочет этого. И они будут так счастливы. Кто поймет жизнь и проблемы музыканта лучше женщины, воспитанной музыкантом? Она станет поддерживать и вдохновлять его, а он сделает то же самое для нее.

Ее мысли прервал стук в дверь. Эмма решила, что пришел Дрю, и радостная улыбка лишь на миг потускнела, когда она увидела отца.

— Пап, какой сюрприз увидеть тебя до полудня.

— Возможно, я слишком предсказуем. — Держа сложенную газету, Брайан зашел в комнату, посмотрел сначала на кровать, потом на дочь. — Ты одна?

— Да. А в чем дело? Что-нибудь случилось?

— Тебе лучше знать.

Он швырнул ей газету. Фотография не нуждалась в подписи. Она вместе с Дрю. Необязательно знать итальянский, смысл ясен и так. Они стоят обнявшись, у нее затуманенные мечтательные глаза женщины, которую поцеловал возлюбленный.

Эмма не смогла определить, где их сняли. Но это не имело значения. Важно лишь то, что кто-то вторгся в ее личную жизнь и выставил напоказ интимную сцену.

Бросив газету в угол, Эмма вышла на балкон, чтобы глотнуть свежего воздуха.

— Черт бы их побрал, — бормотала она, ударяя кулаком по перилам. — Почему нас не могут оставить в покое?

— Ты давно с ним встречаешься? — С начала турне.

Брайан сунул руки в карманы:

— Значит, несколько недель. И ты не потрудилась сказать мне об этом.

— Папа, мне уже двадцать один год. Я не обязана спрашивать у отца разрешения на свидание.

— Ты скрывала это от меня. Черт возьми... вернись в комнату. — Он смягчил тон приказа. — Проклятые газетчики не отводят от гостиницы телеобъективов.

— Какая разница? — упрямо спросила Эмма. — Все, что мы делаем, рано или поздно отдается на растерзание публике. Черт возьми, я занимаюсь тем же самым. — Она махнула на лежащие снимки.

— Это совсем другое дело. — Брайан яростно взъерошил волосы. — Но сейчас я хочу знать, что у тебя с Дрю.

— То есть сплю ли я с ним? — Эмма стиснула руками перила. — Хотя это тебя не касается, папа. Как твоя сексуальная жизнь не касается меня. Ты сам мне так сказал много лет назад.

— Я твой отец, черт побери!

Да, он каким-то образом стал отцом взрослой женщины и понятия не имеет, что теперь делать.

— Эмма, я люблю тебя, поэтому беспокоюсь.

— Нет причин для волнения. Мы с Дрю любим друг друга.

Брайан лишился дара речи и, схватив остывший кофе Эммы, залпом выпил. Мимо балкона пролетел голубь, хлопая мягкими серыми крыльями.

— Вы знакомы всего несколько недель, ты недостаточно знаешь его.

— Он зарабатывает на жизнь, играя на гитаре.

— Меньше всего я хочу, чтобы ты связалась с кем-либо из музыкантов. Господи, Эмма, тебе же известно, что наше ремесло делает с людьми. Нагрузка, давление, самомнение. Об этом парне я знаю лишь то, что он честолюбив и талантлив.

— А я знаю все, что мне нужно знать.

— Ты говоришь как девчонка с куриными мозгами. Ведь нравится тебе или нет, но ты не в том положении, чтобы верить мужчине только из-за его смазливого лица и признаний в любви. У тебя слишком много денег и слишком много власти.

— Власти?

— Никто не сомневается, что я сделаю ради тебя все. Чего бы ты ни попросила.

Когда до Эммы наконец-то дошел смысл его слов, она со слезами ярости шагнула к отцу:

— Вот как? Значит, Дрю интересуется только моими деньгами и тем, что я могу убедить тебя помочь ему сделать карьеру? Ты считаешь, что его или любого мужчину я сама привлечь не могу? Да?

— Это не так, но...

— Ты думаешь именно так. В конце концов, разве можно, глядя на меня, не видеть тебя?

Отвернувшись, Эмма вцепилась в перила. В саду блеснул на солнце объектив. И черт с ними. Пусть фотографируют.

— О, такое уже бывало не раз. «Эмма, не поужинать ли нам в пятницу?.. Кстати, вы не сможете достать моей кухне билет на концерт вашего отца и пропуск за сцену?»

— Прости. — Брайан протянул руку, но Эмма отстранилась.

— За что? Ты не в силах ничего изменить, ведь так? И я научилась жить с этим, иногда меня это даже забавляло. Но сейчас я встретила человека, который полюбил меня, которого интересуют мои чувства и мысли. Который ни о чем меня не просит. Ему только хочется быть со мной рядом. А ты собираешься все испортить.

— Я не желаю ничего портить. Но мне не хочется, чтобы тебе причинили боль.

— Ты сам делаешь мне больно. — Эмма взглянула на него уже сухими глазами. — Пап, оставь меня в покое. И оставь в покое Дрю. Если ты вмешешься в наши отношения, я никогда тебя не прощу. Клянусь.

— Я лишь хочу удержать тебя от ошибки.

— Это будет моя ошибка. Ты свою уже совершил. Многие годы я смотрела, как ты делаешь все, что тебе угодно и с кем угодно. Ты убежал от собственного счастья, пап. Я от своего не убегу.

— А ты умеешь повернуть нож в ране, — тихо произнес Брайан. — Не знал.

Дрю обнял ее за плечи. Они стояли на другом балконе в другом городе. Величие мадридского «Ритца» не производило на Эмму никакого впечатления, с таким же успехом она могла находиться в любом ином месте. Но рука Дрю ее успокаивала, и Эмма потерлась о нее щекой.

— Ненавижу, когда ты грустишь, дорогая.

— Я не грущу. Вероятно, немного устала.

— Ты сама не своя с тех пор, как вы с Брайаном поссорились. Из-за меня. — Дрю убрал руку. — Меньше всего на свете я хотел бы причинять тебе неприятности.

— Ты здесь ни при чем, правда. Это его обычная реакция. Папа всегда сверх меры заботился обо мне. В основном из-за того... что случилось с моим братом.

Дрю нежно поцеловал ее в висок:

— Знаю. Наверное, страшный удар для него и для тебя, но это было очень давно.

— Некоторые вещи не забываются. — Эмма поежилась, ощутив внезапный холодок, пробежавший по спине, несмотря на теплую ночь. — Именно поэтому он так боится за меня.

— Он тебя просто обожает, — улыбнулся Дрю, погладив ее по щеке. — И я разделяю его чувства.

— Я тоже люблю отца, но не могу ради него отказаться от собственной жизни.

— Он мне не доверяет, — усмехнулся Дрю. — И я не виню его. С высоты своего положения он видит во мне лишь начинающего

музыканта, который любыми способами желает пробиться наверх.

— Для этого я тебе совершенно не нужна. Дрю выпустил тонкую струйку дыма:

— Успокойся, дело не в том. Просто мы оба без памяти любим тебя.

— Нет, Дрю. — Эмма прижалась губами к его плечу. — Он не может смириться с тем, что я повзрослела. И влюблена.

— Если кто и способен умиловать Брайана, так это ты. — Он выбросил сигарету и заключил Эмму в объятия. — Мне бы не хотелось, чтобы сегодня вечером ты уходила.

— У меня не намечено походов в клуб или вечеринок.

— Такая несовременная девочка, да?

— Ты полагаешь?

— Не провести ли нам вечер вдвоем? — Пока его губы играли с ее ртом, руки скользили по ее телу. — Я выгляжу сумасшедшим?

— Ты выглядишь изумительным. — Она чуть не задохнулась, когда пальцы Дрю сжали ей грудь.

— Сладко, ах, как сладко, — бормотал он и, по мере того как увлек Эмму к кровати, все сильнее впивался ей в губы, все требовательнее и нетерпеливее. — Турне почти закончилось.

— Да.

— Эмма, ты вернешься в Лондон?

Ее снова охватила дрожь. Он уже понял, что их отношения будут продолжаться.

— Да. Я вернусь в Лондон.

— Нас ждут такие же ночи. — Дрю опустил ее на кровать. Голос у него оставался ласковым, а руки осторожно и умело вытаскивали блузку из-под пояса брюк Эммы. — Ночь за ночью я смогу доказывать, как люблю тебя. Как сильно тебя хочу. Позволь мне сделать это сейчас.

— Дрю!

Его губы спускались все ниже, язык ласкал впадину между грудями. Эмму захлестнули наслаждение и страсть. «Сейчас все произойдет, — говорила она себе, пока длинные мозолистые пальцы Дрю скользили по ее телу. — Сейчас все произойдет».

Эмма чувствовала, как напряглись его плечи. Для хрупкого на вид мужчины у него были сильные плечи и сильные руки. Она любила

ощущать перекачивающиеся под его кожей мышцы. А те же умелые пальцы уже нетерпеливо возились с застежками.

— Нет. — Она тут же возненавидела себя, но ничего не могла поделать. Он продолжал мять ее, и Эмма стала вырываться: — Нет, Дрю, пожалуйста.

Она была уже готова расплакаться, когда ей наконец удалось оттолкнуть его.

— Извини, — начала она. — Мне очень жаль, я просто еще не готова.

Дрю молчал. Не видя в темноте его лица, она сжалась на постели и лежала молча, пока немного не успокоилась.

— Наверное, это нечестно. — Эмма с досадой вытерла слезы. — Не знаю, то ли монашки сделали свое дело лучше, чем смели надеяться, то ли из-за папы. Ты имеешь право сердиться, но я просто не могу сделать это. Пока.

— Ты не хочешь меня? — Голос прозвучал тихо и как-то безучастно.

— Ты же знаешь, что хочу. — Схватив руку Дрю, она стыдливо поднесла ее к губам. — Полагаю, я немного боюсь. Я не хочу потерять тебя, пожалуйста, дай мне еще немного времени.

Эмма почувствовала, как его рука расслабилась, и у нее вырвался давно сдерживаемый выдох.

— Ты не можешь потерять меня, Эмма. У тебя будет столько времени, сколько потребуется. Я подожду.

Дрю привлек ее к себе. Одна рука гладила Эмму, другая была сжата в кулак.

Глава 28

Как странно жить летом в Лондоне. В детстве она проводила здесь последние недели каникул. Но сейчас все по-другому. Эмма уже не ребенок. Она больше не останавливалась в доме отца. И она любила.

Дрю обиделся на ее отказ поселиться с ним. Дело было не в морали... или, возможно, не только в морали. Просто Эмме хотелось, чтобы романтика продолжалась еще какое-то время: букеты, которые присылал ей Дрю, смешные записки, приходящие по почте или подсунутые под дверь. Она желала вдоволь насладиться всем этим. Восторгом влюбленности. Ужасом влюбленности. Легкомысленной потерей рассудка, которую хотя бы раз имеет право пережить каждая женщина.

Но больше всего Эмма хотела убедиться в том, что наконец-то перестала жить в тени своего отца.

Нет, ее любовь к отцу не уменьшилась, и вряд ли это когда-нибудь случится. Но Эмме требовалось уже нечто большее, чем фотография, чтобы самостоятельно встать на ноги. И еще Бев.

Эмму несправедливо лишили матери, поэтому в последние 1 недели лета, катящегося в осень, она осуществила давнишнюю мечту, переехав к Бев.

Когда Дрю проявлял нетерпение, Эмме приходилось сдерживать его. Ей нужно было время. Также ей требовалось время на то, чтобы снова сблизиться с Бев.

Город, где провел детство отец, пленил ее воображение. Она часами бродила по улицам и паркам в поисках новых сюжетов. Пожилая женщина, которая день за днем приходила в парк кормить голубей. Ультрамодные парочки, разгуливающие по Лабрадору или толкающие коляски по Кингз-роуд. Крутые ребята, завсегда и баров.

И Эмма осталась, сначала на месяц, затем еще на два. Альбом Дрю обосновался на двенадцатом месте в хит-параде «Биллборда», и они отпраздновали это событие. Эмма забавлялась, наблюдая, как леди Аннабель безжалостно наседа на ошарашенного Пи Эм, срезала астры и хризантемы в саду Бев и наконец сделала шаг вперед: предложила издателю проект своей книги.

— В семь я встречаюсь с Дрю, — сообщила она Бев, натягивая замшевый жакет. — Мы поужинаем, а затем пойдём в кино.

— Желаю приятно провести время. А куда сейчас?

— К Стиви.

— Я думала, он приболел.

— Судя по всему, дело уже пошло на поправку. — Эмма быстро оглядела себя в зеркале. Синяя замша подчеркивала цвет ее глаз. — Я сделала последнюю серию снимков турне. Мы с папой встретимся у Стиви и отберем лучшие.

— А у меня встреча с леди Аннабель, — обреченно вздохнула Бев. — То ли она желает, чтобы я помогла ей оформить гостиную, то ли попытается выведать у меня, каков Пи Эм в постели.

— Думаешь, она еще не знает?

— Скоро я это выясню, — усмехнулась Бев и, чмокнув Эмму | в щеку, заторопилась к выходу.

Через несколько минут Эмма уже садилась в «Астон-Мартин», безуспешно представляя себе милого бескорыстного Пи Эм вместе с разодетой леди Аннабель. Впрочем, ей никогда не удавалось представить его и с Энджи Парке.

По-британски мрачно она боролась с транспортным потоком. Хорошо, что Дрю и его группа подписали контракт с Питом Пейджем. Только он способен помочь «Дороге в ночлежку» подняться вверх. Достаточно вспомнить, чего добился с его помощью Блэкпул. Этот человек заработал целое состояние на рекламе. А Брайан отказался участвовать в рекламных проектах и запретил использовать свою музыку в рекламных роликах, отшвырнув мировую известность и миллионы фунтов стерлингов, чем привел в ярость Пита. Но Эмма гордилась отцом. «Пусть этим занимается Блэкпул», — с неприязнью подумала она, сворачивая к особняку Стиви.

Эмма обрадовалась, когда тот купил старый викторианский дом с большим садом. Он даже заинтересовался цветоводством и постоянно ходил к Бев с книгами по розам, почвоведению и садоводству. Ни для кого уже не было тайной состояние здоровья Стиви, но Пит умудрялся скрывать от газетчиков причину.

Эмма опасалась, что турне окончательно изнурит Стиви, но тот выдержал и теперь вернулся к своему саду. Он был полон желания поддержать Брайана в его благотворительных начинаниях.

Да, отец снова оказался на своем месте. В Европе и Америке музыканты объединялись, чтобы использовать свои таланты в новых целях. Благотворительные концерты по сбору средств в помощь выжженной засухой Эфиопии или разорившимся американским фермерам стали такой же неотъемлемой частью восьмидесятых, какой в шестидесятые были политические марши. Гордыня и самолюбие, как в дни Вудстока, канули в прошлое. Рок-музыканты прониклись бедами всего человечества. Эмма была счастлива, что в какой-то степени помогает им и запечатлевает происшедшие в них перемены.

В конце дорожки поникли на солнце фиалки в горшке. Покачав головой, Эмма переставила их в тень. Судя по всему, Стиви читал книги не очень внимательно.

Не увидев машины отца, Эмма понадеялась, что у Стиви, возможно, появится настроение провести ее по саду.

— Доброе утро, миссис Фримонт, — сказала она появившейся на звонок домработнице.

Тусклые русые волосы миссис Фримонт были собраны в чопорный, строгий узел, а крепкое тело упрятано под добротное бесформенное платье из черной шерсти. Она приходила к Стиви ежедневно уже более пяти лет, вытирала за ним кровь и блевотину, выносила пустые бутылки и отводила взгляд в сторону, обнаруживая подозрительные ампулы и пузырьки.

Возможно, кто-то решил бы, что миссис Фримонт любит своего хозяина. Но преданная домработница любила только щедрое жалованье, которое платил ей Стиви за то, что она не вмешивалась в его дела.

Фыркнув, миссис Фримонт отворила перед Эммой дверь:

— Он где-то там. Возможно, в постели. Я еще не была наверху. «Старая летучая мышь», — подумала Эмма.

— Он ждет меня, — вежливо улыбнулась она.

— Меня это не касается, — заявила домработница и набросилась с тряпкой на беззащитный стол.

— Не беспокойтесь, — сказала Эмма уже пустому коридору и, расстегивая на ходу жакет, начала подниматься по старинной дубовой лестнице. — Стиви! Принимай приличный вид. У меня мало времени.

Дом напоминал огромный сарай, и уже одним этим он был Эмме по душе. На стенах широкого коридора, обитых красным деревом, в

привинченных бронзовых рожках со стеклянными колпаками когда-то горел газ. Эмма сразу вспомнила фильм Ингрида Бергмана, в котором герой задумал свести с ума невинную жену. Сравнение было бы полным, если бы Стиви не потешил себя, развесив между светильниками литографии Дали.

Услышав музыку, Эмма постучала.

— Ну же, Стиви, вставай. — Ответа не последовало, и она, помолвившись, чтобы тот оказался один, распахнула дверь. — Стиви?

В комнате никого не было, шторы задернуты, воздух спертый. Нахмурившись, Эмма посмотрела на смятую кровать и полупустую бутылку «Джек Дэниэлс» на столике восемнадцатого века. Заметив оставленный бутылкой круг, она переставила ее на смятый номер «Биллборда».

«Стиви уже добился неплохих результатов, а теперь стал накачивать себя виски», — подумала Эмма. Ну как он не может понять, что при его здоровье спиртное ему не меньший враг, чем наркотики!

Значит, вчера он напился, вероятно, почувствовал себя плохо и уполз куда-то, где его стошнило. Спит на полу в туалете, а если умрет от простуды, так ему и надо. Будь она проклята, если пожалеет его.

Эмма толкнула дверь в соседнюю комнату.

Кровь. Рвота. Испражнения. От стоявшего зловония она отпрянула назад, хватая ртом воздух. Перед глазами поплыли красные и серые круги, она наскочила на проигрыватель, и игла с треском проехала по винилу. Потом, испуганно вскрикнув, Эмма бросилась к телу, распростертому на полу. С ужасом она перевернула его на спину, обнаружив шприц и револьвер.

— Нет! О боже, нет!

Охваченная паникой, Эмма начала искать рану, затем пульс. Вот следы от иголки, а на шее едва различимое биение.

— Стиви, о господи, что ты наделал?

Эмма выскочила за дверь, подбежала к лестнице.

— Вызовите «Скорую»! — крикнула она. — И побыстрее! Вбежав в комнату, она сорвала с кровати одеяло и накрыла голого Стиви. Лицо у него было пепельным, на лбу виднелась отвратительная рана. Эмма приложила к ней какую-то тряпку, потом начала хлестать Стиви ладонью по лицу:

—Очнись, черт тебя побери, Стиви! Очнись! Я не позволю тебе умереть вот так..

Она трясла его, била по щекам, в ярости прикусив губу, чтобы побороть тошноту.

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, — словно заклинание, повторяла Эмма. Она помнила, как нашли Даррена, лежащего на полу, а рядом валялся шприц. — Нет! Нет! Ты не умрешь.

Она погладила Стиви по голове, снова прижала палец к его шее. Ничего.

— Ублюдок! — крикнула Эмма, отбросила в сторону одеяло и принялась нажимать на щуплую грудь. — Ты не поступишь так со мной, с папой, со всеми нами.

Открыв ему рот, она сделала туда выдох и откинулась назад, чтобы нажать ладонями на грудную клетку.

— Ты слышишь меня? Стиви, вернись.

Она сражалась за него, угрожая, ругаясь, умоляя. Она настолько сосредоточила внимание на лице Стиви, ловя на нем хоть искорку жизни, что забыла, где находится, У нее в мозгу толпились воспоминания: Стиви в белом, поющий в саду, Стиви на сцене в цветном дыму, извлекающий неистовую музыку из шестиструнной гитары, Стиви играет с ней у камина, и его извечный вопрос: Кто лучше всех, Эмми?

Отчетливая мысль снова и снова возвращалась к ней. Она не потеряет еще одного человека, которого любит, вот так просто и так бессмысленно.

Когда Эмма услышала топот ног в коридоре, с нее уже градом катился пот.

— Сюда. Быстрее! О господи, папа!

— Боже милосердный! — Брайан опустился рядом с дочерью.

— Я нашла его... он был жив. Потом перестал дышать. Мышцы ее рук, продолжающих нажимать Стиви на грудь, нестерпимо болели.

— Она вызвала «Скорую»? — едва вымолвила Эмма.

— Она позвонила Питу. Достала нас по мобильному телефону.

— Черт ее побери, Стиви нужна «Скорая», — подняв голову, она встретилась глазами с Питом. — Черт тебя побери, неужели ты не видишь, что он умрет, если не получит помощь? Звони!

Пит кивнул. Он не собирался вызывать «Скорую», он позвонил в частную закрытую клинику.

— Прекрати, Эмма. Прекрати, он дышит.

— Я не могу...

Брайан взял дочь за руки, чувствуя, как напряглись ее мышцы:

— Ты сделала это, детка. Он дышит.

Эмма зачарованно смотрела на чуть заметно поднимающуюся и опускающуюся грудь Стиви.

Иногда он кричал. Иногда плакал. Тело расставалось с отравой, и появлялись новые боли. Маленькие чертики мучения, прыгающие в гнойных ранах на руках, между пальцами ног, в паху. Они носились по всей коже, сначала горячие, затем холодные. Стиви буквально видел их, с красными глазками и голодными ртами, отплясывающих по всему телу перед тем, как вонзить в него зубы.

За этим следовала такая маниакальная истерия, что санитарам приходилось удерживать его на кровати. Потом Стиви затихал, погружался в транс и глядел в одну точку.

В эти долгие промежутки тишины он вспоминал спокойный безболезненный полет. Затем голос Эммы, полный гнева, страха, отчаяния, требующий вернуться. И Стиви вернулся. Здесь его снова ждала боль, и никакого умиротворения.

Он умолял всех заходящих к нему в палату отпустить его, достать ему что-нибудь. Обещал умопомрачительные деньги и страшно ругался, когда его требования оставались безответными. Он не хотел возвращаться в мир живых. Но когда Стиви отказывался есть, его кормили через трубку. Врачи использовали сильнейшие препараты, снимающие напряжение, чтобы обмануть его мозг и заверить, что у него нет ломки. Добавляли налтрексон и лекарство, содержащее опиум, к которому не возникает привыкания. Тело Стиви ощущало парение. Сам же он тосковал по успокоительному дурману героина и быстрому удару кокаина.

Он редко оставался один, но боялся и ненавидел даже эти короткие моменты одиночества. В эти мгновения он был наедине с собой и механизмами, грохочущими в голове в ответ на его малейшее движение.

Через две недели Стиви успокоился, но стал хитрым. Он снова обманет их — ублюдков со сжатыми губами, упрятавших его сюда.

Будет есть овощи и фрукты, улыбаться, отвечать на их вопросы. Будет лгать симпатичной женщине-психиатру с холодными глазами. И выйдет отсюда.

Стиви мечтал снова наполнить вены изумительной смесью китайской «белизны» и высококлассного «снежка». Таким прекрасным белым порошком! Стиви мечтал о горах восхитительного белого порошка, высыпавшихся на серебряных подносах. Он будет хватать его целыми пригоршнями.

Он мечтал убить врачей, медсестер. Мечтал убить себя. Потом снова плакал.

Ему сказали, что он испортил сердце и печень. Говорили, что у него малокровие, безжалостно лечили это, а также его двойную зависимость от героина и коки. Никто не произносил слова «наркоман». Просто у него есть нехорошие привычки.

Трудно было удержаться от смеха. Значит, он — человек с нехорошими привычками. Не дерьмо. Так оставьте в покое лучшего в мире гитариста, мать вашу так. Ему сорок пять, а двадцатилетние девчонки жаждут провести несколько часов в постели с ним. Он богат, до отвращения богат. У него есть «Ламборджини» и «Ройс», а мотоциклы он покупает, словно пакетики с жареной картошкой. У него поместье в Лондоне, вилла в Париже и уединенный особняк в Сан-Франциско. Может похвалиться чем-то подобным хоть кто-то из медсестер с поджатыми губками или святош-врачей?

Разве стояли они когда-нибудь на сцене перед восторженно кричащей толпой в десять тысяч человек? Нет. А он стоял. Им завидно, всем завидно. Поэтому его держат здесь, вдалеке от поклонников, музыки, наркотиков.

Упиваясь жалостью к самому себе, он рассматривал палату. Обои с голубыми и серыми цветами, в тон им занавески, скрывающие решетки на окнах. В противоположном конце палаты — «гостиная»: две мягкие софы, кресло, на десертном столике осенние цветы в соломенной корзине, со вкусом сделанная имитация комода девятнадцатого века с телевизором, видеомагнитофоном и стереокомплексом. «Центр развлечения», — с горечью подумал Стиви. Только ему не до развлечений.

Почему он так долго один? Почему его оставили одного?

У Стиви перехватило дыхание, но тут дверь открылась.

Каждый раз Брайан старался скрыть потрясение, которое испытывал при виде друга. Он не хотел глядеть на редкие седеющие волосы Стиви, на глубокие морщины у рта и глаз, на хилое тело, ссохшееся не от возраста, а от беспорядочного образа жизни. Но больше всего Брайан не хотел, глядя на Стиви, видеть собственное будущее. Богатый, избалованный, беспомощный старик.

— Как дела?

Стиви действительно обрадовался его приходу.

— Великолепно! Просто можно лопнуть со смеху. Присоединяйся, — улыбнулся он.

Брайан похолодел от страха.

— Тогда у тебя появится соперник, отбивающий длинноногих медсестер, — сказал он, протягивая Стиви коробку конфет, ибо общеизвестна страсть наркоманов к сладкому. — Ты почти стал похож на человека, сынок.

— Ага. По-моему, настоящая фамилия доктора не Мэттьюз, а Франкенштейн. Что происходит в большом мире?

Они натянуто и вежливо разговаривали, пока Стиви быстро поглощал карамель с орехами.

— Пит давненько не заходил, — сказал он.

— У него дел по горло.

Не стоило упоминать, что Пит занят общением с прессой и менеджерами. Американское турне «Опустошения» пришлось отменить.

— Ты хочешь сказать — он наплевал на меня?

— Отчасти, — улыбнулся Брайан, тоскуя по сигарете. — А когда это тебя волновало?

— И сейчас не волнует, — бросил Стиви, хотя каждая царапина ныла, словно зияющая рана. — Не знаю, чего Пит лезет в бутылку. Он же подготовил заявление для прессы. Вирусная пневмония, осложненная истощением, так?

— Похоже, так было лучше всего.

— Разумеется, разумеется, нет проблем. Никаких проблем, мать твою. К чему всем знать, что старина Стиви переборщил, засадив лишний шарик, и пытался размозжить себе голову?

— Не надо, Стиви.

— Да нет, все в порядке. — Он заморгал, прогоняя слезы жалости к себе. — Только мне больно, очень больно. Он не хочет навещать наркомана. Но когда он боялся, что я не смогу играть без дозы, то что-нибудь доставал мне, а теперь даже не хочет меня видеть.

— Ты никогда не говорил, что Пит снабжал тебя наркотиками. Стиви опустил глаза. Это была маленькая тайна.

— Время от времени, когда мне становилось туго, а источники иссякали. Шоу должно продолжаться, да? Проклятое шоу всегда должно продолжаться. И Пит доставал мне немного порошка, всегда очень неохотно, а затем помещал меня в какое-нибудь похожее место.

— Никто не знал, что дело примет такой оборот.

— Да, никто не знал. — Стиви начал выстукивать пальцами по коробке. — Брай, помнишь Вудсток? Господи, какое время! Мы сидели в рощице, глотали «кислинку», отключались, слушали музыку. И что за музыку! Как мы дошли до того, где мы сейчас?

— Хотел бы я знать. — Брайан сунул руки в карманы, но тут же вытащил их. — Стиви, ты выкарабкаешься. Черт, да ты уже в полном порядке. Все просыхают, очищаются, — Он изобразил улыбку. — В восьмидесятые этим никого не удивишь.

— Это по мне, быть постоянно на острие. Слушай, мне тяжело. Господи, как мне тяжело!

— Знаю..

— Откуда тебе знать, ты же не лежишь здесь. — Стиви проглотил злость и сожаление. Теперь не время показывать ни то, ни другое. — Возможно, на этот раз у меня получится, Брай, но мне нужна твоя помощь.

— Поэтому ты здесь.

— Ну хорошо, хорошо, я здесь. Но этого недостаточно. Брай, ты ведь сможешь пронести сюда пару граммов кокаина... только чтобы помочь мне продержаться.

Он просил не в первый раз. «И не в последний», — подумал Брайан, и в сердце у него защемило.

— Не могу, Стиви.

— Господи, всего пару граммов. Ничего сильного. Здесь мне дают одни игрушки, а это все равно что бороться с ломкой при помощи аспирина.

Высвободив руку, Брайан отвернулся, не в силах вынести взгляда зававших темных глаз друга. Молящих глаз.

— Стиви, я не буду доставать тебе кокаин. С таким же успехом можно приставить дуло пистолета к твоему виску.

— Это я уже пробовал. — Стиви прижал руки к лицу, борясь со слезами. — Ну хорошо, коку не надо. Можешь достать мне чего-нибудь еще. Например, долофин. Хорошее средство, Брай. Он удовлетворял нацистов, удовлетворит и меня. Это заменитель, дружище. Ты уже доставал его мне, так какая разница?

Брайан вздохнул. Собираясь отказать, он повернулся к Стиви и тут увидел стоящую в дверях Эмму. Она застыла словно изваяние, держа в руках коробку с игрой. Собранные в хвост пышные волосы, мешковатые синие брюки с белыми подтяжками, выделяющимися на фоне алой рубашки, делали Эмму похожей на девочку. «На вид ей лет шестнадцать», — подумал Брайан, пока не увидел ее глаза. Холодные, осуждающие глаза взрослой женщины.

— Я помешала?

— Нет. — Он сунул руки в карманы. — Я как раз собирался уходить.

— Мне хотелось бы поговорить с тобой, — сказала Эмма, не глядя на отца, и подошла с другой стороны к кровати Стиви. — Может, подождешь меня на улице? Я не задержусь. Врач сказал, что Стиви нужен покой.

— Хорошо.

Глупо, но Брайан чувствовал себя ребенком, которого будут отчитывать.

— Я загляну через день-два, Стиви.

— Ладно, — коротко ответил тот, однако его глаза, провожающие Брайана, молили.

— Я принесла тебе вот это. — Эмма положила игру на колени Стиви. — Решила, что ты захочешь поупражняться, чтобы выиграть у меня.

— Я всегда у тебя выигрывал.

— В детстве, к тому же ты жульничал. А я больше не ребенок. Стиви не мог унять руки, нервно выстукивая по коробке дробь.

— Не думаю.

— Значит, тебе нужен какой-то наркотик. — Эмма произнесла эти слова таким обыденным тоном, что Стиви потребовалось некоторое время, чтобы понять их смысл. — Как он называется? Я запишу. Думаю, мне удастся раздобыть его.

— Нет.

— Ты же сам просил. Как называется?

Она достала записную книжку, приготовила карандаш, и у Стиви появилась отчаянная надежда, но потом он вспыхнул от стыда. На миг он даже показался здоровым человеком.

— Я не хочу впутывать тебя.

Эмма засмеялась, и от ее издевательского смеха он покрылся холодным потом.

— Не распускай нюни. Я впуталась года в три. Неужели ты действительно веришь, что я не догадывалась о происходящем на ваших вечеринках или в турне? Доверься мне.

Стиви поверил, ему это просто необходимо. Она была и остается невинным лучиком света среди мрака и безумия.

— Я... я устал, Эмма.

— Устал? Тебе нужна заправка? Маленькая доза, чтобы забыть действительность? Скажи название, Стиви. В конце концов, я спасла тебе жизнь, поэтому будет только справедливо, если я помогу тебе расстаться с ней.

— Я не просил спасти мне жизнь, черт тебя побери. — Он поднял руку, как бы собираясь оттолкнуть Эмму, потом безвольно уронил на колени. — Ну почему ты не оставишь меня в покое?

— Это моя ошибка, — резко сказала она. — Но мы сделаем все, чтобы ее исправить. — Эмма подалась к нему, обдав нежным ароматом, однако в ее голосе и глазах не было жалости. — Я достану тебе этот проклятый наркотик, Стиви. Я достану. Накормлю тебя им. Воткну иглу тебе в вену, если они у тебя еще остались. Черт побери, может, попробую сама.

— Нет!

— Почему? — Эмма недоуменно подняла бровь. — Это хороший наркотик. Разве ты не так сказал папе? А если он достаточно хорош для тебя, значит, будет хорош и для меня.

— Нет! Проклятие. Взгляни, что я сделал с собой. — Он протянул ей исколотые, покрытые струпьями руки.

— Я вижу, что ты сделал с собой. — Эмма швырнула блокнот через всю палату. — Очень хорошо вижу. Ты слабый, больной и вызываешь жалость.

— Мисс! — В дверях появилась медсестра. — Вы должны...

— Убирайтесь отсюда! — обернулась к ней Эмма, сжимая кулаки. — Убирайтесь к черту! Я еще не закончила.

Медсестра испарилась, лишь гулким эхом отозвались ее торопливые шаги.

— Оставь меня в покое, — прошептал Стиви, закрыв руками глаза, из которых лились слезы.

— О, я оставлю тебя в покое. Когда сдохну. Я нашла тебя на полу, в крови и блевотине, рядом со шприцем и револьвером. Ты что, не знал, каким способом хочешь покончить с собой? Плохо, чертовски плохо, не так ли, что я не позволила тебе умереть? Я плакала, боясь, что буду действовать недостаточно быстро, недостаточно хорошо, недостаточно умело. Но когда тебя забирали, ты дышал, и я решила, что трудилась не зря.

— Чего ты хочешь?! — крикнул он. — Чего ты хочешь, черт побери?

— Я хочу, чтобы ты подумал... для разнообразия... о ком-то другом. Каково бы мне пришлось, если бы я обнаружила тебя мертвым? Или папе? У тебя есть все, но ты настроен на самоуничтожение.

— Я ничего не могу поделать.

— Какое жалкое оправдание, жалкое и печальное, но устраивающее то существо, которое ты сотворил из себя! — Эмма тоже была на грани слез, но сдерживалась, выплескивая клокочущую в ней ярость. — Я всю жизнь любила тебя, слушала твою игру и год за годом поражалась тому, что ты способен создавать. А теперь ты сидишь и говоришь, что ничего не можешь поделать.

Ладно. Только не жди, что люди, которые тебя любят, тоже будут сидеть и равнодушно смотреть на это.

Эмма пошла к выходу, но в дверях ее остановила невысокая брюнетка:

— Мисс Макавой? Я доктор Хейнс, лечащий врач мистера Ниммонса.

— Я ухожу, доктор.

— Вижу. — Улыбнувшись, женщина протянула руку: — Хорошее выступление, дорогая. Рекомендую небольшую прогулку, затем горячую ванну.

Обойдя Эмму, она подошла к кровати Стиви.

— Одна из моих любимых игр. Не желаете поиграть, мистер Симмонс?

Эмма услышала, как кубики с буквами ударились о стену, но не остановилась.

Отец ждал ее на улице, опираясь на капот недавно купленного «Ягуара». Увидев дочь, Брайан сделал последнюю затяжку и выбросил окурочок.

— Я думал, ты пробудешь дольше.

— Нет, я сказала все, что хотела. — Она застегнула до верха голубую куртку. — Правильно ли я поняла: ты покупал для Стиви наркотики?

— Не в том смысле, в каком ты это понимаешь, Эмма. Я не торговец наркотиками.

— Опять игра в слова. Ты обеспечивал его наркотиками?

— Я обеспечивал его заменителем опиума... чтобы он продержался в турне и не искал в какой-нибудь подворотне героин.

— Продержался в турне, — повторила Эмма. — Я считаю, Пит поступает неправильно, обманывая газеты и помогая Стиви лгать самому себе.

— Пит не виноват.

— Нет, виноват. Все виноваты.

— Мы должны напечатать в «Биллборде» заметку о том, что Стиви наркоман?

— Так было бы лучше. Разве он способен трезво взглянуть на происходящее, если не может признаться самому себе, кто он такой? И как он может перестать быть таким, если лучшие друзья постоянно снабжают его наркотиками, чтобы он продержался еще один концерт, еще одно турне?

— Все не так...

— Неужели? Или ты действительно обманываешь себя, думая, что поступаешь так из дружбы?

Слишком измученный, чтобы злиться, Брайан опять прислонился к машине. Ветерок, шевеливший его волосы, обдавал осенним

холодком. «Хочется мира, — подумал он, глядя на разгневанное лицо дочери, — только мира».

— Ты ничего не понимаешь, Эмма. И я не в восторге от нравоучений собственной дочери.

— Я не собираюсь читать тебе нравоучения. — Она подошла к своей машине, положив руку на дверцу, обернулась. — Я ни когда не говорила тебе, но пару лет назад я ходила к Джейн. Она имеет жалкий вид, поглощена лишь собственными нуждами и эгоизмом. Тогда я не поняла, насколько ты похож на нее.

Захлопнув дверцу, она включила двигатель. Если на лице отца и была мука, Эмма ее не увидела, поскольку не оглянулась.

Глава 29

Бракосочетание проходило скромно. Ни приглашенных, ни прессы. Эмма никому не сообщила, даже Марианне. Она уже совершеннолетняя и не нуждается в разрешении и одобрении. Правда, она мечтала не о такой свадьбу. Ни дымки фаты, ни белого шелка, ни цветов, если не считать одной розы, подаренной Дрю, ни музыки, ни слез.

Эмма говорила себе, что это не имеет значения, она поступает именно так, как хочет. Возможно, она эгоистка, но, в конце концов, может же она совершить один эгоистичный поступок в своей жизни! Как можно было сказать Марианне или Бев, не сказав отцу? А ей не хотелось, чтобы он стоял рядом, отдавая ее против своей воли.

Она вверит себя Дрю.

Эмма сделала все, чтобы хоть как-то скрасить унылую процедуру: надела веселое шелковое платье с кружевами и оборками, цветом чуть темнее подаренной розы. Она вспомнила свадьбу отца. Бев, восхитительную в своем счастье. Улыбающегося Брайана. Стиви в белом костюме, поющего словно ангел. От воспоминаний у нее навернулись слезы, но она сдержала их и взяла руку Дрю.

Он улыбался, надевая ей кольцо с бриллиантом. Его рука была такой сильной, теплой, а голос, обещающий любить, чтить и лелеять, звучал чисто и красиво. Эмма отчаянно нуждалась в том, чтобы о ней заботились. Когда Дрю поцеловал ее, она поверила, что так и будет.

Они стали мужем и женой. Теперь она не просто Эмма Макавой, а Эмма Макавой-Латимер. Новый человек. И, поклявшись, что будет принадлежать Дрю, она начала новую жизнь.

Неважно, что ему после церемонии тут же пришлось бежать в студию звукозаписи. Эмма лучше других понимала заботы музыкантов. Кроме того, она сама предложила быстро и тихо пожениться во время записи нового альбома Дрю. Это дало ей время приготовить номер в гостинице, где они проведут первую брачную ночь. Здесь все должно быть восхитительно.

Букеты роз, орхидей, нарциссов из теплицы Эмма расставила сама, получив от этого огромное удовольствие. Вазы стояли по всей комнате, а в ванной — корзина с цветущими ирисами.

Двенадцать белых ароматизированных жасмином свечей ждали, когда их зажгут. В хрустальном ведреке охлаждалось шампанское. Создавая настроение, тихо играло радио. Насладившись ванной с ароматной водой, Эмма смазала кремом и припудрила тело и согласно женскому ритуалу чуть-чуть подушила нужные места. Она хотела, чтобы и комната, и ночь, и ее тело были совершенными. Эмма расчесывала волосы до тех пор, пока у нее не онемела рука, потом медленно, растягивая удовольствие, облачилась в белый шелковый пеньюар с кружевами.

Изучив свое отражение в зеркале, она пришла к выводу, что выглядит как настоящая невеста, а закрыв глаза, она и почувствовала себя такой. Брачная ночь. Самая прекрасная ночь в ее жизни. Теперь она узнает, что это такое. Придет Дрю, посмотрит на нее, и его глаза потемнеют. Он будет нежным, ласковым, терпеливым. Эмма почти ощутила, как его длинные умелые пальцы скользят по ее коже. Дрю скажет, как сильно любит ее, как сильно хочет, потом отнесет ее в спальню и все ей покажет.

Терпеливо. Нежно. Страстно.

К десяти часам Эмма начала волноваться. К одиннадцати встревожилась. К полуночи уже не находила себе места. На ее звонки в студии отвечали, что он давно ушел.

Эмма подумала о катастрофе. Дрю очень спешил к ней, тоже мечтая о начале совместной жизни в большой мягкой кровати, был неосторожен, и его автомобиль... Ни врачи, ни полиция не знают, как с ней связаться. Возможно, сейчас он лежит на больничной койке, истекает кровью, зовет ее.

Эмма уже принялась за список больниц, когда щелкнул замок. Не успел Дрю отпереть дверь, а она уже бросилась ему на шею.

— О, Дрю, я так переживала!

— Спокойно, спокойно. — Он схватил ее за ягодицы. — Мы волнуемся, да?

Пьян. Часть ее сознания пыталась отрицать это, но его заплетающийся язык, покачивание, запах...

— Ты выпил. — Эмма отступила назад.

— Немного отметили с ребятами. Ведь человек женится не каждый день, правда?

— Но ты... Ты обещал вернуться к десяти.

— Господи, Эмма, ты уже с первого дня хочешь меня отчитывать?

— Нет... я беспокоилась, Дрю.

— Я ведь уже здесь, да?

Выбравшись из куртки, он уронил ее на пол. Дрю часто напивался, но сегодня одна рюмка так легко следовала за другой. Сегодня он сделал еще один шаг наверх.

— Гляди-ка, ты вылитая невеста. Раскраснелась. Красивая-прекрасивая Эмма, вся в белом.

Она действительно покраснела. В глазах Дрю появилось вожделение. Такое она уже видела прежде и ожидала увидеть сегодня.

— Я хотела выглядеть красивой сегодня ночью... для тебя. Эмма покорно отдалась его объятиям, с невинной доверчивостью поднося к нему лицо.

Но он, больно укусив ее за нижнюю губу, уже давил на нее всем телом.

— Дрю. — Эмма попыталась освободиться, испуганная воспоминанием о Блэ KPUле. — Дрю, пожалуйста...

— Не играй со мной в эти игры. — Схватив ее за волосы, он откинул ей голову. — Ты заставила меня долго ждать, Эмма. Сегодня никаких отговорок.

— Я не отказываюсь. Просто... Дрю, не можем ли мы...

— Ты моя жена. Мы сделаем все по-моему.

Он швырнул ее на пол, не обращая внимания на мольбы и сопротивление. Грубые руки, разорвав прозрачные кружева, стиснули ее грудь. Быстрота и настойчивость происходящего ужаснули Эмму. «Как это ужасно — лежать на полу в разодранном пеньюаре при горящем свете», — с отчаянием думала она.

Пальцы Дрю вонзились ей в бедра, а рот впился в губы, обдав запахом виски. Когда Эмма начала отбиваться в полную силу, он прижал ее руки и одним грубым движением лишил невинности.

Она закричала от страха и боли, а Дрю лишь стонал и тяжело дышал, потом рухнул на нее, скатился на бок и тут же заснул. Эмма заплакала.

Утром Дрю был полон раскаяния, стыда и нежности, проклинал себя и просил у Эммы прощения. Он был пьян. Это никудаышное, но единственное объяснение, почему он вел себя как чудовище. Когда он ласково гладил ее по голове, шепча обещания, Эмма поверила ему.

Словно другой мужчина пришел к ней в брачную ночь, чтобы показать, каким жестоким и бессердечным может быть секс. От мужа она видела только хорошее. В конце первого дня своего замужества Эмма лежала в объятиях Дрю удовлетворенная, мечтающая только о прекрасном будущем, полном счастья и любви.

* * *

Майкл наконец добрался до кухни с твердым намерением вымыть посуду и, с удивлением обнаружив переполненную раковину, бросил на нее обвиняющий взгляд. Всю неделю он работал по две смены, так почему столь простые проблемы, как грязная посуда, не могли бы решиться сами собой?

Исполненный чувства самопожертвования, Майкл решил покончить с этим до завтрака и утренней газеты. Собрав одноразовые тарелки, миски, чашки, вилки, он свалил их в пятигаллоновый мусорный бак. Хотя скромная кухня могла похвастаться современной посудомоечной машиной, у Майкла, к ужасу его матери, никогда не было ни одной тарелки, которой требовались бы подобные услуги.

Затем он пошарил по шкафам, отодвинул в сторону бутылку соуса «Эль-Пасо» и банку орехового масла «Скиппи». Обнаружив коробку пшеничных хлопьев, Майкл высыпал их в чашку и залил горячим кофе.

В первый раз он приготовил этот деликатес по чистой случайности. Как-то, устав после дежурства, Майкл почти расправился с завтраком, когда вдруг понял, что вылил в хлопья кофе, перепутав с молоком в чашке. С тех пор он вообще отказался от молока. Не успел Майкл сесть, как ему снова пришлось встать и пойти открывать дверь.

Сначала могло показаться, что ему навстречу радостно бросился пятифутовый серый матрас с виляющим хвостом и розовым языком.

— И не пытайся меня вымазать, — предостерег Майкл, сбрасывая с обнаженной груди лапы здорового пса, но было уже поздно.

Конрой, родословная которого представляла собой большую загадку, сел и оскалился. От его спутанной, усеянной колючками шерсти несло какой-то мерзостью, хотя самого пса это, видимо,

нисколько не смущало. Майкл с трудом верил, что выбрал Конроя из помета резвых смышленных щенков меньше двух лет назад. Повзрослев, он стал отвратительным на вид — не просто некрасивым, а самым что ни на есть отвратительным. Но и эта маленькая шутка природы не беспокоила собаку.

Продолжая добродушно скалиться, Конрой поднял лапу, и его жест не имел никакого отношения к раболепству.

— У меня нет желания пожимать эту лапу. Я не знаю, где она ступала. Ты опять ходил к сучке, да?

Конрой отвел взгляд. Если бы он умел небрежно посвистывать сквозь зубы, то сделал бы именно это.

— Не пытайся отрицать. Ты провел выходные, катаясь в грязи, волочаясь за этой полукровкой-гончей и не заботясь о возможных последствиях и моих чувствах. — Отвернувшись от него, Майкл заглянул в холодильник. — Если ты опять ее обрюхатил, разбирайся сам. Я тебе уже тысячу раз говорил: безопасный секс. На дворе восьмидесятые, парень.

Конрой ловко поймал на лету кусок колбасы. Смягчившись, Майкл дал ему еще два куска и сам приступил к завтраку.

Ему нравилась его жизнь. Переехав в пригород, он получил именно то, что хотел: небольшой газон, из-за стрижки которого можно поворчать, несколько деревьев и клумбу, оставшуюся от прежнего владельца.

Майкл попробовал заняться садом, но вскоре отказался от бесполезной затеи. Конроя это полностью устраивало. Никто не выходил из себя, когда он подкапывал кусты львиного зева.

Свое небольшое кирпичное ранчо Майкл купил, едва закончилась его короткая и неблагоприятная связь с Энджи Парке. Он выучился у нее не только причудливому сексу, но также осознал, что он, Майкл Кессельринг, есть и всегда останется лишь представителем среднего класса.

Странно было видеть Энджи на экране после того, как в ее постели его сменил двадцатилетний хоккеист. У Майкла возникло какое-то брезгливое чувство, когда он увидел Энджи в роли Джейн Палмер. Она играла эту же роль все три месяца, пока он был ее любовником.

Майкл ходил в кинотеатр один, желая убедиться, что избавился от нездорового влечения к Энджи. И когда она обнажила свою прекрасную грудь, Майкл не ощутил ничего, кроме неловкости. Получилось, будто, хотя и опосредованно, он занимался любовью с матерью Эммы.

Сидя в темноте зрительного зала, он гадал, посмотрит ли этот фильм Эмма.

Майкл не любил думать о ней.

У него были другие женщины. Ничего серьезного, просто другие женщины. Была работа. Он больше не удивлялся, что у него есть и способности, и желание работать в полиции. Возможно, он не обладает усидчивостью отца, его умением возиться с бумагами, зато хорошо ориентируется в непредвиденных ситуациях, не брезгует патрульными дежурствами и монотонным сидением в засаде, имеет уважение к человеческой жизни и не радуется любой возможности нажать на курок.

— Вчера в меня стреляли, — мимоходом доложил он Конрою. Тот, не проявив никакого интереса, занялся блохами. — Если бы тому извращенцу повезло, ты бы очутился на улице. И не думай, что эта сучка подобрала бы тебя. Всего одно посещение ветеринара, пара надрезов, и твои похотливые деньки закончатся.

Довольный, что последнее слово осталось за ним, Майкл развернул газету. Новая вспышка терроризма на Ближнем Востоке. Нытье по поводу экономики. Статья о каком-то Нике Аксельроде, мелком человечике, накачавшемся наркотиками и зарубившем топором свою возлюбленную.

— Взгляни-ка на этого типа. — Майкл протянул газету Конрою. — Его нашли в квартире в центре города, он палил в стены и вопил благим матом. Смотри, а вот и мое имя. Детектив Майкл Кессельринг. Да, знаю, знаю, но будем считать, это про меня. Если тебя не интересуют свежие новости, займись чем-нибудь полезным, например, принеси мне сигареты. Вперед.

Конрой со стоном поднялся, хотел было изобразить хромоту, но Майкл уже вернулся к газете и не обратил на него внимания. Открыв страницу досуга и взглянув на фотографию, он невольно сжал кулаки.

Эмма. Она выглядела... Господи, возмутительно! Эта застенчивая полуулыбка, огромные спокойные глаза. Одета в какое-то, скромное

открытое платье, распущенные волосы густыми волнами падают на плечи.

А за плечи ее обнимает рука, и эта рука принадлежит мужчине.

Дрю Латимер. Он тоже улыбался. «Просто сияет, мать твою», — подумал Майкл, снова переключаясь на Эмму, изучая каждую черточку ее лица. Вернувшийся Конрой бросил ему на колени облюбованную пачку «Винстона», но Майкл даже не заметил этого.

Очень медленно, словно переводя с иностранного, он прочел:

«РОК-ПРИНЦЕССА ЭММА МАКОВОЙ ВЫХОДИТ ЗАМУЖ ЗА СВОЕГО ПРИНЦА».

Два дня назад Эмма Маковой, дочь Брайана Маковоя из «Опустошения» и писательницы Джейн Палмер, тайно сочеталась браком с Дрю Латимером, солистом подающей надежды рок-группы «Дорога в ночлежку». Новобрачные познакомились во время последнего европейского турне «Опустошения».

Дальше Майкл не стал читать. Не смог. — Господи, Эмма. — Закрыв глаза, он уронил газету на стол. — О господи!

* * *

Она была в восторге от того, что вернулась в Нью-Йорк. Ей не терпелось показать Дрю город и встретить их первое Рождество в ее квартире.

Неважно, что самолет задержался, а в Нью-Йорке шел ледяной дождь. Впереди у них четыре недели медового месяца, который был отложен из-за работы Дрю над новым альбомом. Эмма хотела провести его у себя дома.

Она попросила таксиста провезти их по городу, чтобы показать мужу огни, людей, величественную елку у Рокфеллеровского центра, карнавал на Таймс-сквер.

Она была рада приехать домой и знать, что она наконец одна, без Суинни в квартире на первом этаже.

— У меня такое чувство, словно я не была здесь несколько лет.

К огорчению отца Марианны, они не сдали квартиру, и теперь Эмма была счастлива, что никто не жил здесь в ее отсутствие.

— Ну? — Она провела руками по мокрым волосам. — Что ты об этом думаешь?

— Просторно. — Дрю обвел взглядом оштукатуренные стены, голые полы, китайскую вазу, купленную Эммой в соседнем магазине. — Немного... по-спартански.

— Подожди, когда я начну украшать квартиру к Рождеству. У нас с Марианной есть коллекция по-настоящему ужасных игрушек. — Порывшись в сумочке, Эмма дала чаевые шоферу, принесшему вещи. — Благодарю вас.

— Спасибо, мэм. С Рождеством вас, — сказал тот, убирая в карман двадцатку.

— И вас также.

Сбросив пальто, она подбежала к окнам:

— Дрю, посмотри, какой отсюда вид. Из студии Марианны лучше, но у меня там начинается головокружение.

— Очень мило, — отозвался тот, увидев грязную улицу и безумный транспортный поток. — Эмма, почему ты не переедешь в другое место, получше?

— Я не хочу.

— Конечно, здесь очаровательно, и, я уверен, двум студенткам колледжа это вполне подходило. Но теперь нам придется кое-что пересмотреть. — Дрю провел рукой по ее волосам. — В конце концов, не будем же мы жить в одной квартире с Марианной, пусть даже такой замечательной подругой.

— Я как-то не задумывалась....

— А пора бы. — «Миленькое личико и куриные мозги», — подумал он, целуя Эмму в лоб. — Насколько я слышал, чтобы найти подходящее место в Нью-Йорке, требуется много денег и сил. Раз ты хочешь делить наше время между Лондоном и Нью-Йорком, нужно устроиться как следует. Господи Иисусе, как же здесь холодно.

— Я распорядилась, чтобы в наше отсутствие здесь не топили. — И Эмма поспешила включить отопление.

— Ты всегда такая практичная, да, любовь моя? — В его голосе прозвучала издевка, но, когда он обернулся, на лице играла улыбка. — Мы великолепно проведем здесь пару недель. В конце концов, медовый месяц, хоть и отложенный, требует лишь постели.

Эмма зарделась, а Дрю, подойдя, страстно поцеловал ее.

— Ведь кровать у нас есть, не так ли?

— Да. — Она крепче прижалась к нему. — Вон там. Надо только сменить белье.

— О белье мы еще позаботимся.

И он увлек Эмму к двери, на ходу стягивая с нее свитер.

Она знала, что все произойдет без злобы и боли, как в первую брачную ночь, но очень быстро. Ей хотелось большего, ведь должно же быть что-то еще, а не только быстрое ощупывание в темноте. Эмма чувствовала холод матраса, но тело Дрю, который проник в нее задолго до того, как она была готова, пылало. Эмма обвила его руками, дожидаясь того звездного мгновения, о котором она лишь читала.

Когда Дрю закончил, она поежилась. «От холода», — убеждала себя Эмма, а через мгновение Дрю повторил вслух ее мысль:

— Боже всемогущий, здесь как в морозильнике.

— Чтобы прогреть квартиру, много времени не потребуется. У меня в комоде есть одеяла.

Она потянулась за свитером, но Дрю поймал ее за руку:

— Мне нравится смотреть на твое тело. Милое, изящное, чуть-чуть незрелое. Тебе ведь не надо больше стесняться меня, правда?

— Да.

Она смущенно встала, и Дрю, пошарив в карманах куртки, брошенной на пол, достал пачку сигарет.

— Наверное, в этом доме нет никакой еды или выпивки, чтобы застраховаться от воспаления легких.

— На кухне есть немного коньяка.

Эмма вспомнила о бутылке, которую открыла для Люка. Он вернулся в Майами и всеми силами пытался продлить жизнь. Она сложила простыни и одеяло на кровать. У нее уже не было секретов от Дрю... кроме тех, что были связаны с Джонно и Люком.

— О еде я совсем не подумала. — Она увидела, как Дрю нахмурился. — Может, сходить в магазин за углом? Куплю там чего-нибудь. А ты выпьешь коньяка, примешь горячую ванну. Об ужине я позабочусь.

— Замечательно. — Ему даже не пришло в голову пойти вместе с ней. — Захвати мне сигарет, хорошо?

— Конечно. Я ненадолго.

Когда она ушла, Дрю натянул джинсы, не столько из приличия, сколько для удобства. Затем налил себе коньяка, и, хотя подходящей рюмки не нашлось, коньяк ему понравился.

Надо же, Эмма ожидала, что он похвалит этот дурацкий хлев, который она называет квартирой. Жить в центре. Нет, он не собирается здесь оставаться, его мечта — двигаться только вверх. Так неужели сейчас, взойдя на первую ступеньку, он удовлетворится меньшим, чем самое лучшее?

Разумеется, он вырос в худших условиях. Попивая коньяк, Дрю изучал портрет жены, написанный на штукатурке, и размышлял о том, откуда пришел и куда направляется. Конечно, он вышел не из трущоб, но его жизнь была ненамного лучше.

Меблированная квартира, грязный двор, залатанные джинсы. Он ненавидел свое рабочее происхождение, презирал отца, который навсегда остался рабочим, поскольку никогда не имел ни грамма честолюбия. Старик с поникшей спиной, ни хребта, ни мозгов. Иначе почему жена ушла от него и троих детей?

Значит, ей хотелось чего-то большего, а не только борьбы за хлеб насущный. Дрю не винил мать. Он ее ненавидел.

Теперь он идет своей дорогой, ведущей прямо вверх. Если наивная и угодливая женушка чуть подтолкнет его, то они заживут счастливо.

Но командовать будет Дрю.

Одну-две недели он позволит ей пожить здесь, а потом они переедут. В дорогую до умопомрачения квартиру за Центральным парком. Для начала сойдет. Он не возражает проводить часть года в Нью-Йорке. Более того, Нью-Йорк великолепно ему подходит. Особенно учитывая связи Эммы.

Просмотрев диски, стоящие у проигрывателя, Дрю выбрал «Полное опустошение». Надо же расшаркаться перед стариком. Ведь если бы не турне, Дрю не смог бы завлечь Эмму за сцену, охмурить ее. Просто удивительно: она оказалась настолько глупа, что поверила, будто он не знает, кто она такая и что может сделать для него.

Покачав головой, Дрю поставил диск на проигрыватель. Нет, потакать Эмме нетрудно, хотя в постели она полное ничтожество, сплошное разочарование — просто желает угодить. С их первой встречи Дрю играл на ней так же умело, как на своей шестиструнке, и

рассчитывал, что это окупится. Сполна. Вскоре ей придется скрестить копы с отцом. Старик воспринял ее замужество неплохо, даже расщедрился на пятьдесят тысяч фунтов в качестве свадебного подарка. Выписанных Эмме, но уже переведенных на общий счет.

Отношения между отцом и дочерью оставались натянутыми, однако Дрю не сомневался, что это пройдет. Быть любимым зятем Брайана Макавоя — отличный шаг вперед. А пока у Дрю очень-очень богатая жена. Богатая наивная жена.

Засмеявшись, он подошел к окну. Может ли честолюбивый мужчина желать лучшей спутницы жизни? Надо только сдерживаться, терпеливо притворяться, что для него главное — сделать Эмму счастливой, и все, чего он ни пожелает, само поплывет ему в руки.

Глава 30

Они переехали в элегантную двухкомнатную квартиру в Верхнем Вест-Сайде. Эмма старалась не обращать внимания на то, что они поселились на одиннадцатом этаже. Правда, голова у нее кружилась, только когда она подходила к окну и глядела вниз. Боязнь высоты ее беспокоила. Ведь даже на самом верху Эмпайр-стейт-билдинг Эмма ощущала только восторг, а теперь стоило ей подойти к окну четвертого этажа, и у нее начинала кружиться голова, бунтовал желудок.

Дрю был прав, когда сказал, что ей нужно учиться жить с этим. Однако Эмме нравились высокие лепные потолки в спальне, затейливая балюстрада изгибающейся лестницы, ниши в стенах и выложенные в шахматном порядке белые и темно-бордовые плитки холла. Эмма пригласила Бев оформить новую квартиру, надеясь, что ее мастерство и общество сделают переезд менее болезненным. Она признавала, что квартира очень мила, из нее, словно с птичьего полета, открывается вид на Центральный парк и его широкую изогнутую лестницу. Эмма удовлетворила свою страсть к антиквариату и несуразице, обставив комнаты чопорной мебелью эпохи королевы Анны и крикливыми творениями поп-арта.

Ей нравились широкие окна и маленький застекленный балкончик, где можно выращивать цветы. И отсюда очень быстро добираться пешком до Джонно.

Они виделись почти ежедневно. Джонно сопровождал ее в походах по антикварным лавкам, что навевало тоску на Дрю. Один-два раза в неделю он заходил к ним ужинать или шел вместе с ними в город. Раз Эмма не смогла добиться одобрения своего отца, ее утешало то, что она получила его от Джонно. Ей было приятно слышать, как они с Дрю разговаривают о музыке. И Эмма очень обрадовалась, когда они начали писать вместе песню.

Сама же она занялась созданием дома: для себя, для мужа и детей, которых она почему-то никак не могла зачать.

Эмму очень удивило и обрадовало, что Дрю тоже хотел иметь ребенка. Сколь бы разными, как выяснилось, ни были их вкусы и точки зрения, в данном случае они мечтали об одном и том же.

Она старалась представить, насколько приятно будет вынашивать ребенка Дрю, а потом вместе с мужем катать по парку коляску. Будут ли у них на лицах такие же самодовольные улыбки, которые она замечала у других молодых родителей?

Эмма призывала себя к терпению: ее время придет. Дело в стрессе, слишком большом желании. Когда она научится расслабляться, занимаясь любовью, тут все и произойдет.

В начале весны Эмма наделала десятки снимков беременных женщин, грудных детей и малышей, гуляющих в парке, смотрела, как они наслаждаются прекрасными теплыми днями. И завидовала.

Планы открыть собственную студию и начать работать над книгой были отложены. Но Эмма продолжала продавать снимки, чувствуя удовлетворение от того, что, выйдя замуж, не забросила любимое дело. Она собирала кулинарные книги и смотрела телепередачи по кулинарии. Ей льстило, когда Дрю хвалил ее попытки воспроизвести какое-нибудь блюдо. Однако ему быстро надоело ее увлечение фотографией, и Эмма больше не показывала свои снимки, не обсуждала с ним работу.

Похоже, Дрю хотел видеть в жене только домохозяйку. В первый год замужества Эмма была счастлива угождать ему.

Намеренно с головой уходя работу, она пыталась скрыть разочарование, когда в очередной раз узнавала, что не беременна. Пыталась не чувствовать себя виноватой, когда Дрю в очередной раз укорял ее.

Из этой рутины Эмму вытащил Раньян.

Она ворвалась в квартиру с бутылкой шампанского в одной руке и охапкой тюльпанов в другой.

— Дрю! Дрю, ты дома? — Поставив бутылку, Эмма включила радио.

— Господи, да выключи ты его. На лестнице в одних трусах появился Дрю. По утрам он выглядел не лучшим образом: всклокоченный, с заплывшими глазами, с отросшей за ночь щетиной.

— Ты же знаешь, вчера я работал допоздна. По-моему, я прошу немного: тишины утром.

— Извини. — Несколько месяцев замужества научили Эмму, что настроение мужа до утреннего кофе напоминает зажженный фитиль. — Я понятия не имела, что ты еще в постели.

— Некоторым людям необязательно вставать с рассветом, чтобы плодотворно работать.

Эмма крепче стиснула цветы. Ей не хотелось портить сегодняшнее утро ссорой.

— Приготовить тебе кофе?

— Конечно. Все равно мне больше не дадут поспать.

Она унесла шампанское и цветы на кухню: узкое помещение, увеличенное застекленной комнатой для завтраков. Для ее оформления Эмма выбрала голубой и белый цвета. Блестящий синий стол, белые бытовые приборы, голубые и белые плитки на полу. В старинном кухонном шкафу, который она сама выкрасила в белый цвет, стояла посуда из синего стекла.

Полив три кактуса в синих горшках, она принялась готовить завтрак. Трижды в неделю приходила служанка, но Эмма наслаждалась готовкой не меньше, чем фотографией. Она положила на решетку любимые колбаски Дрю и стала молоть кофе.

Через некоторое время он сам появился на кухне такой же небритый, однако от вкусного запаха у него улучшилось настроение. К тому же он любил видеть жену у плиты, с удовлетворением вспоминая, что, несмотря на свой крупный счет в банке, Эмма принадлежит ему.

— Доброе утро. — Он поцеловал ее в шею.

Но ее улыбка сразу исчезла, когда Дрю начал теребить ее грудь.

— Все будет готово через минуту.

— Хорошо. Я умираю от голода, — сказал он, грубо ущипнув ее за соски.

Эмма ненавидела, когда муж так делал, но промолчала и начала разливать кофе. Она уже говорила Дрю, что ей неприятно, а он лишь стал проделывать это чаще.

Ты слишком обидчива, Эмма. Где твое чувство юмора?

— У меня новость, — сообщила она, подавая ему чашку. — О, Дрю, замечательная новость!

Неужели она беременна? Ему просто необходимо подарить Брайану внука.

— Ты была у врача?

— Нет... о, Дрю, я не беременна. Извини. — Эмма ощутила знакомое чувство вины и бесполезности, видя, как исказилось лицо

мужа. — Нужно еще немного подождать. Я внимательно слежу за своей температурой.

— Конечно. Ты стараешься вовсю.

Эмма открыла рот. Потом закрыла. Не время напоминать, что для этого требуются двое. При последней дискуссии на подобную тему Дрю расколотил торшер, а затем на всю ночь ушел из дома.

— Я встречалась с Раньяном.

— Гм? Ах да. Мерзкий старик, фотопачкун?

— Он вовсе не мерзкий. — Нет смысла возвращаться к прозвищу «фотопачкун». — С причудами, но не мерзкий. — Она поставила свою тарелку на стол, готовая взорваться. — Он устраивает мою выставку. Мою персональную выставку.

— Выставку? О чем ты говоришь, черт возьми?

— О своей работе, Дрю. Я уже говорила тебе, что он, наверное, снова предложит мне работать у него. А дело оказалось вовсе не в этом.

— Ну, место тебе совсем не нужно. Ты знаешь мое мнение по поводу твоей работы у этого старого пердуна.

— Да... в общем, не имеет значения. Раньян считает, что у меня хорошо получается. Ему было трудно признать это, но он собирается спонсировать выставку.

— То есть это будет одно из милых дорогостоящих сборищ, где люди бродят, разглядывая снимки, говорят что-то вроде: «Какая глубина, какая перспектива»?

Эмма встала из-за стола и принялась развязывать тюльпаны, чтобы успокоиться. «Он не собирался меня обижать», — уверяла она себя.

— Это важный шаг в моей карьере, я мечтала об этом с детства. Надеюсь, ты понимаешь.

Пользуясь тем, что она стоит к нему спиной, Дрю закатил глаза. Кажется, ему следует теперь восхититься и ублажить ее.

— Конечно, понимаю. Очень хорошо, любимая. Когда настанет этот замечательный день?

— В сентябре. Раньян хочет дать мне время подготовить лучшие работы.

— Надеюсь, ты включишь в экспозицию и несколько моих фотографий.

Эмма заставила себя улыбнуться:

— Разумеется. Ты — мой любимый сюжет.

Эмма была уверена, что Дрю вовсе не желает ей мешать, хотя его постоянные требования уделить ему внимание почти не позволяли ей работать. Он намеревался использовать все преимущества Нью-Йорка, и они непрерывно посещали клубы. Ему захотелось отдохнуть, и они улетели на Виргинские острова. Он завел друзей среди богатой молодежи, теперь их квартира редко пустовала. Если они не принимали гостей сами, то шли к кому-то на вечеринку.

Премьера на Бродвее, вечер в открывшемся ночном заведении, концерт в Центральном парке. Все их действия запечатлевались, имена и лица украшали газеты, их помещали на обложку «Роллинг стоунз», «Пипл» и «Ньюсуик». У них просила интервью Барбара Уолтере.

Когда это пристальное внимание начинало выводить Эмму из терпения, она напоминала себе, что именно о такой жизни мечтала в пансионе. Однако действительность оказалась гораздо изнурительнее и скучнее, чем она предполагала.

«Первый год брака самый тяжелый», — постоянно говорила себе Эмма. Он требует усилий и терпения. Если замужество и жизнь в целом оказываются не такими увлекательными, как представлялись, значит, она просто чересчур старается.

— Ну же, милочка, у нас вечеринка. — Дрю повернул жену к себе. Плеснув ей в бокал минеральной воды, привлек к себе, приглашая танцевать. — Расслабься, Эмма.

— Я устала.

— А ты вечно устала!

Когда Эмма попыталась отстраниться, его пальцы вонзились ей в спину. Она три ночи работала в фотолаборатории. До выставки оставалось всего шесть недель, Эмма страшно нервничала и злилась, потому что муж не проявлял никакого интереса к ее работе, потому что лишь два часа назад объявил о приходе нескольких друзей.

В квартиру набилось сто пятьдесят человек. Гремела музыка. И такие «маленькие» сборища происходили все чаще. Недельный счет за спиртное доходил до пятисот долларов. Нет, Эмме не жалко денег. Дело не в них. И даже не во времени, если речь идет о друзьях. Но число друзей катастрофически увеличивалось, они приводили уже своих друзей и подружек. На прошлой неделе, когда все разошлись, в

квартире был полный разгром. Софу залили. О восточный ковер ручной работы загасили сигарету. Но хуже разбитой вазы из баккара и пропавшей конфетницы из лиможского фарфора были наркотики.

В комнате для гостей Эмма обнаружила незнакомых людей, нюхающих кокаин. Эта комната, как она надеялась, скоро должна стать детской.

Дрю обещал, что впредь такого не будет.

— Ты злишься потому, что Марианна не пришла.

«Не была приглашена», — мысленно поправила Эмма и пожала плечами:

— Дело не в этом.

— С тех пор как она вернулась в Нью-Йорк, ты проводишь с ней больше времени, чем со мной.

— Дрю, мы не виделись с ней около трех недель. У меня со всем нет времени.

— Однако у тебя хватает времени крутить хвостом.

— Я иду спать.

Эмма пробралась сквозь толпу, не обращая внимания на оклики и смех. Дрю поймал ее на лестнице, и вонзившиеся в нее пальцы дали ей понять, что он не менее разъярен, чем она.

— Пусти меня, — задыхаясь, сказала она. — Вряд ли ты хочешь затеять драку на глазах у своих друзей.

— Значит, перенесем ее наверх.

Стиснув жену так, что она вскрикнула, Дрю потащил ее за собой.

Эмма приготовилась к объяснению. Более того, даже радовалась предстоящей ссоре с криком. Но, войдя в спальню, она застыла на месте.

Ее антикварным зеркалом воспользовались, чтобы нюхать коку. Четверо, хихикая, склонились над туалетным столиком. Коллекция старинных флаконов из-под духов была бесцеремонно отодвинута в сторону.

Один лежал на полу, разбитый вдребезги.

— Убирайтесь отсюда!

Четыре головы взметнулись, и на Эмму уставились четыре пары удивленных, бессмысленных глаз.

— Вон! Убирайтесь ко всем чертям из моей спальни, убирайтесь ко всем чертям из моего дома!

Прежде чем Дрю успел остановить жену, она схватила ближайшего мужика, вдвое превосходившего ее весом, и потащила к двери.

— Эй, слушай, мы поделимся.

— Убирайтесь, — повторила она, волоча его к двери. Наконец они заторопились прочь. Одна из женщин остановилась и потрепала Дрю по щеке.

Захлопнув дверь, Эмма повернулась к мужу:

— С меня довольно. Я хочу, чтобы эти люди ушли и больше здесь не появлялись.

— Вот как? — тихо сказал Дрю.

— Тебя это не волнует? Совсем? Здесь же наша спальня. Господи, Дрю, посмотри, они же лазили ко мне в шкаф! — Разъяренная Эмма схватила ворох одежды. — Одному богу известно, что они украли и сломали на этот раз. Но хуже всего другое. Я даже не знаю их, а они принимают наркотики в моем доме. Я не потерплю наркотиков в своем доме.

Она увидела, как Дрю отвел руку назад, однако не придавала значения. В следующее мгновение он с такой силой ударил ее по щеке, что Эмма не удержалась на ногах. Упав на пол, она ошарашенно потрогала рассеченную губу.

— В твоём доме?

Дрю поднял ее на ноги и грубо потащил за собой. Эмма больно ударилась о туалетный столик, любимая лампа от Тиффани разлетелась вдребезги.

— Испорченная сучка! Твой дом?

Слишком пораженная, чтобы сопротивляться, она только сжалась, когда муж двинулся на нее и швырнул на кровать. Рев музыки заглушил ее крик.

— Наш дом. Хорошенько запомни это. Он такой же мой, как и твой. Все здесь в такой же степени мое, как и твое. Не смей мне указывать. Думаешь, ты можешь запросто унижить меня и тебе это сойдет с рук?

— Я не... — Эмма осеклась, когда он снова поднял руку.

— Так-то лучше. Я дам тебе знать, когда захочу услышать твой скулеж. Всегда было по-твоему, да, крошка Эмма? Не станем делать из сегодняшнего вечера исключение. Посиди здесь в одиночестве. — Дрю

схватил телефонный аппарат, швырнул его о стену, вышел и запер дверь.

Эмма свернулась калачиком на постели, оцепенев от ужаса, даже не чувствуя боли. «Это кошмарный сон», — подумала она. У нее и прежде бывали такие сны. Она вспомнила пощечины и крики, среди которых прожила первые три года своей жизни.

Испорченная сучка.

Кому принадлежал голос? Джейн или Дрю?

Поежившись, Эмма протянула руку к маленькому черному псу. Обняв его, она заснула в слезах.

Открыв на следующее утро дверь спальни, Дрю равнодушно взглянул на спящую жену. Одна сторона лица у нее заплыла от синяка. Надо проследить за тем, чтобы Эмма пару дней не выходила на люди.

Не стоило терять выдержку. Это доставило удовольствие, но было глупо. Хотя Эмма сама постоянно провоцирует его. А он делает все возможное, не так ли? Невзирая на сложности. Ведь спать с ней — как будто класть себе в постель дохлую рыбу. И она постоянно болтает о своей проклятой выставке, часами сидит в лаборатории, вместо того чтобы заботиться о нем.

На первом месте его работа, его нужды. Пора ей это понять.

Жена должна заботиться о муже. Для того он и женился на ней. Должна помогать ему достичь того, к чему он стремится.

Возможно, неплохо, что он ее немного поколотил. Теперь она подумает дважды, прежде чем послушаться его.

Но сейчас, когда он показал ей, кто главный, можно позволить себе великодушие. Малышка Эмма, так мало требуется усилий, чтобы управлять ею.

— Эмма. — Осторожно, стараясь не наступить на осколки лампы, Дрю подошел к кровати. Эмма открыла глаза, и он увидел в них страх. — О, малышка, прости.

Она вздрогнула, когда он провел рукой по ее волосам.

— Не знаю, как все произошло. Я потерял ощущение реальности и заслуживаю того, чтобы меня держали взаперти.

Эмма молчала. Ей будто бы слышались жалобные оправдания матери.

— Ты должна простить. Я так люблю тебя. Дело в том, что ты закричала на меня, обвинила, а я не виноват. — Взяв ее не гнушился

пальцы, Дрю поднес их к губам. — Конечно, этот сброд не имел права находиться здесь, в нашей комнате. Но яне виноват. Я бы и сам вышвырнул их отсюда, — солгал он. — Просто обезумел от ярости, когда увидел их здесь. И тут ты набросилась на меня.

Эмма снова заплакала, из-под ресниц медленно покатились слезы.

— Я больше никогда не сделаю тебе больно, Эмма. Клянусь. Если хочешь, я уйду. Можешь развестись со мной. Одному богу известно, что я буду делать без тебя, но я не стану тебя отговаривать. Просто все наложилось одно на другое. Альбом продается неважно, не так, как мы ожидали. Премия «Грэмми» прошла мимо нас. И... я постоянно думаю о ребенке.

Закрыв лицо руками, он тоже заплакал. Когда Эмма осторожно прикоснулась к его руке, Дрю едва не рассмеялся, но упал на колени перед кроватью:

— Пожалуйста, Эмма. Конечно, то обстоятельство, что ты набросилась на меня с несправедливыми обвинениями, совсем не оправдывает мой поступок. Дай мне еще шанс, я сделаю все, чтобы исправиться.

— Будем надеяться, — пробормотала она. Уткнувшись в одеяло, Дрю ухмыльнулся.

Глава 31

Вечеринки прекратились. Иногда в гости приходили люди, с которыми Эмме было уютно, но толп незнакомцев в ее доме уже не было. Дрю оставался ласковым и предупредительным, каким Эмма помнила его до свадьбы. Она убедила себя, что гнев и жестокость — всего лишь случайность.

Она спровоцировала мужа. Дрю напоминал об этом достаточно часто, чтобы заставить ее поверить. Она хотела обвинить его в том, к чему он не имел отношения, набросилась на него, вместо того чтобы поддержать и поверить. А если муж порой выходил из себя и Эмма замечала в его глазах ярость, видела стиснутые кулаки или сжатые губы, он всегда находил убедительные объяснения, как и чем она разгневала его.

Ссадины зажили. Боль прошла. Дрю делал вид, что интересуется фотографией, хотя намекал, что хобби, как он называл ее работу, отвлекает Эмму от супружеских обязанностей и мешает поддерживать мужа и помогать ему добиться успеха.

Если кому-то нравится смотреть на то, как старухи кормят голубей, почему его жена должна надолго уходить из дома, чтобы вернуться с несколькими черно-белыми снимками болтающихся по парку людей?

Конечно, муж обойдется и бутербродом, даже если работал шесть часов подряд. Судя по всему, он должен сам тащить белье в прачечную, хотя все утро занят на встрече. Раз ее работа так чертовски важна, он еще один вечер сам развлечет себя.

Но все свои замечания Дрю неизменно сдабривал комплиментами. Она выглядит так соблазнительно, когда занимается, готовкой у плиты. Как хорошо приходить домой и видеть, что она ждет его.

Возможно, Дрю слишком давил на нее, указывая, как одеваться, какие вещи покупать, как укладывать волосы, но, в конце концов, имидж жены не менее важен, чем его собственный.

Особенно Дрю заботило, что Эмма наденет на свою выставку. Она должна выглядеть как можно лучше, а у нее очень посредственный вкус.

Эмма предпочла бы строгие черные брюки и расшитый золотом пиджак, но Дрю выбрал ей нечто немыслимое из перьев и ткани в «елочку». Мол, теперь она художник и обязана выглядеть соответствующе. Тронутая словами мужа, Эмма надела выбранный им наряд. Он также подарил ей громоздкие золотые серьги с разноцветными камешками. И не имело значения, что они безвкусные. Дрю сам вдел их ей в уши.

Когда они подъехали к небольшой галерее на окраине города, желудок Эммы тут же напомнил о себе. Дрю погладил ее по руке.

— Ну же, Эмма, — подбодрил ее муж, — тебе же не выходить на сцену к десяти тысячам орущих поклонников. Это всего лишь выставка фотографий. Расслабься. Люди будут покупать снимки дочери Брайана Макавой независимо от того, понравятся они им или нет.

Обиженная, Эмма вышла из машины.

— Дрю, мне сейчас нужны другие слова. Я хочу все делать сама.

— Тебе не угодишь. — Он больно стиснул ей руку. — Раз уж ты вбила это себе в голову, я пытаюсь тебя развеселить, поддержать, несмотря на доставленные мне неудобства, а ты опять готова вцепиться мне в горло.

— Я не хотела...

— А ты никогда не хочешь. Желаеть все делать сама, тогда лучше иди одна.

— Ни в коем случае. — Почему-то ей никак не удается найти правильный тон. — Извини, Дрю. Я не собиралась грубить. У меня просто нервы на взводе.

Удовлетворенный извинениями, Дрю повел жену в галерею. Они явились с опозданием, как и приказал Раньян. Он хотел, чтобы к появлению звезды собравшаяся толпа уже была заинтригована. Орлиным взором Раньян следил за дверью и, увидев Эмму, поспешил ей навстречу.

Это был невысокий полный мужчина в неизменной черной водолазке и черных джинсах. Когда-то Эмма думала, что Раньян создает артистический образ, но все оказалось более прозаичным: черный цвет скрадывал полноту. Крупная лысая голова выглядела еще массивнее на длинной шее, а густые черные брови с проседью изгибались над удивительными бледно-зелеными глазами.

Нос с горбинкой и тонкие губы Раньян компенсировал усами в духе Кларка Гейбла, хотя они никоим образом не улучшали его внешность, которую нельзя было назвать привлекательной. Однако три жены бросили Раньяна не из-за его внешности, а потому, что искусству он уделял больше внимания, чем супружеству.

Он встретил Эмму ухмылкой:

— Боже милосердный, ты похожа на кинозвезду, собирающуюся совратить режиссера. Ну ладно, поброди немного.

Эмма с тупым ужасом посмотрела на толпу, на блеск драгоценностей и шелков.

— Ты ведь не опозоришь меня, свалившись в обморок, — не спрашивая, а утверждая, произнес Раньян.

— Нет. — Эмма сделала глубокий вдох. — Не опозорю.

— Хорошо. — Ему предстояло сказать еще что-нибудь Дрю, к которому он сразу проникся неприязнью. — Пресса здесь. Они уже съели половину канапе. По-моему, твоего отца кто-то поймал.

— Папа? Где он?

— Вон там, — неопределенно махнул Раньян. — А теперь смешайся с толпой и держись увереннее.

— Не думала, что он приедет, — шепнула Эмма мужу.

— Конечно, приехал. — Дрю рассчитывал на это. — Он любит тебя, Эмма, и ни за что не пропустит столь важное событие. Пойдем искать его.

— Я не...

— Эмма, он твой отец. Не будь мелочной.

Она шла рядом с Дрю сквозь толпу, машинально улыбалась, останавливалась, чтобы сказать кому-то пару слов. Было приятно слышать, как муж расточает ей похвалы. Его одобрение, которого пришлось ждать так долго, заставило Эмму светиться. А она-то по глупости думала, что Дрю неприятна ее работа. Принимая от него поздравления, она дала себе слово проводить с мужем больше времени.

Ей всегда хотелось быть нужной ему. Улыбаясь Дрю, восторженно обсуждающему с другими гостями ее фотографии, Эмма чувствовала удовлетворение и от того, что ее работы нравятся людям.

Пробираясь через зал, она увидела Брайана, стоящего в окружении посетителей выставки у портрета, на котором он был снят

вместе с Джонно. Едва сдерживая улыбку, Эмма направилась к нему:

— Папа.

— Эмма. — Помедлив, Брайан взял дочь за руку. Она выглядела такой... далекой.

— Как хорошо, что ты приехал.

— Я горжусь тобой. — Он сжал ее пальцы, словно ища потерянную связь. — Очень горжусь.

Эмма хотела ответить, но тут засверкали фотовспышки, и она не поняла, действительно ли заметила на его лице раздражение, до того как отец непринужденно улыбнулся.

— Брайан, каково чувствовать себя, когда в свете прожекторов ваша дочь?

Тот даже не взглянул на репортера, продолжая смотреть на Эмму.

— Большой радости я не мог бы испытать. — Сделав усилие, он протянул руку Дрю.

— Она великолепна, не правда ли? — Дрю нежно прикоснулся губами к волосам жены. — Не знаю, кто больше волновался по поводу сегодняшнего вечера, она или я. Надеюсь, вы зайдете к нам, посмотрите, как мы живем. Поужинаете с нами.

— Боюсь, утром мне придется лететь в Лос-Анджелес, — ответил Брайан, взбешенный тем, что пригласил его Дрю, а не собственная дочь.

— Эмма!

Она обернулась, и натянутая улыбка тут же сменилась радостным удивлением.

— Стиви! — воскликнула Эмма, обнимая его. — Ужасно рада тебя видеть. Ты хорошо выглядишь.

Конечно, Стиви уже не тот холеный красавец, которого Эмма знала в детстве, но он поправился, исчезли безобразные мешки под глазами.

— Я не знала, что ты... никто не сказал мне... Поняв, о чем она думает, Стиви усмехнулся:

— Мне скостили срок за примерное поведение. Я даже обзавелся собственным врачом.

Выпустив ее из объятий, Стиви положил руку на плечо стоящей рядом женщины. После краткого недоумения Эмма вспомнила маленькую брюнетку — психиатра.

— Рада снова встретиться с вами.

— Здравствуйте, — улыбнулась Кэтрин Хейнс. — И примите мои поздравления.

— Спасибо.

— Я ваш первый покупатель. Купила портрет Стиви и снимок его гитары. Он просто влюблен в нее. Я не могла удержаться.

— И будет часами ее исследовать. — Стиви уловил запах виски и с трудом подавил пробудившееся желание. Наклонившись к Эмме, он прошептал: — Пи Эм тоже здесь, даже привел леди Аннабель.

— В самом деле?

— Кажется, они помолвлены. Но Пи Эм очень стесняется, когда об этом заходит речь. — Подмигнув, он взял Кэтрин под руку, и они удалились.

— Думаю, мне надо посмотреть на него, — засмеялась Эмма, вопросительно глядя на отца.

Что он мог сказать? Стиви она встретила с большей радостью и непринужденностью, чем его. Он хотел поговорить с дочерью, но сейчас едва ли это было уместно.

— Ступай. Я еще подойду к тебе перед уходом.

— Да, ступай, Эмма, — согласился Дрю. — А мы побродим с твоим отцом, поболтаем о тебе. Она потрясающая, да? — начал он, когда Эмма отошла.

Она действительно чувствовала себя потрясающе. Столько посетителей, такой интерес к ее работе. Но внутренний голосок спрашивал, действительно ли она считает, что эти люди пришли смотреть на ее работы, а не на отца и его друзей. Эмма изо всех сил пыталась не обращать на него внимания.

Она увидела Пи Эм. Очевидно, барабанщик не бегал от леди Аннабель, похоже, он нашел то, что искал всю жизнь. Леди Аннабель была в изумрудно-зеленом кожаном костюме и сапогах из змеиной кожи, упрямые рыжие волосы торчали во все стороны. После десятиминутного разговора Эмма поняла, что эта женщина влюблена по уши.

Ну и хорошо. Пи Эм заслужил такую привязанность. Такое счастье.

Люди приходили и уходили, но большинство задерживалось. Раньян поступил очень умно, дав в качестве музыкального фона

ретроспективу «Опустошения». Эмма с изумлением обнаружила синие наклейки под десятком снимков. Проданы.

Из угла, куда ее загнал претенциозный коротышка, желающий обсудить с ней форму и фактуру, Эмма увидела Марианну.

— Извините, — начала она, но бывшая соседка по комнате уже схватила ее в объятия.

— Вот звезда сегодняшнего вечера, — провозгласила она. — Ты своего добилась. Ты далеко ушла от Святой Екатерины, по дружка.

— Ага.

Эмма зажмурилась. Лишь так ей удалось почувствовать, что все происходит в действительности.

— Смотри, кого я нашла.

— Бев! — Эмма бросилась ей на шею. — Не думала, что тебе удастся выбраться.

— Я не пропустила бы это ни за что на свете.

— Мы вместе входили, и я узнала ее, — объяснила Марианна. — Мы великолепно провели время, расхваливая тебя, когда пробирались сквозь толпу. Настоящее сумасшествие. — Она схватила одно из немногих оставшихся канapé. — Помнишь снимок, где я в студии, в рабочей блузе и футбольных гетрах? Его только что приобрел какой-то ослепительный мужчина. Я собираюсь узнать, не хочет ли он познакомиться с оригиналом.

— Нетрудно понять, почему ты любишь ее, — заметила Бев, когда Марианна исчезла в толпе. — Ну а как ты себя чувствуешь?

— Невероятно. Жутко, — ответила Эмма, прижимая руку к бурлящему животу. — Я уже целый час пытаюсь попасть в туалет, чтобы хорошенько выплакаться. Как я рада тебя видеть. — Тут она заметила стоящего неподалеку Брайана. — Папа тоже здесь. Поговоришь с ним?

Слегка повернув голову, Бев увидела Брайана. «После стольких лет, — подумала она, — все как прежде». Все ее чувства здесь.

— Ну конечно, — небрежно сказала она.

В толпе безопасно, а это ночь Эммы. По крайней мере, они смогут поделиться своей радостью за нее.

«Неужели ему так же трудно, как и мне? Влажные ли у него от волнения ладони? Дрогнет ли его сердце?»

Подошедший Брайан не посмел к ней прикоснуться. Лишь изо всех сил постарался, чтобы голос не выдал его смятения.

— Рад видеть тебя.

— Я тоже. — Бев силилась разжать пальцы, мертвой хваткой вцепившиеся в сумочку.

— Ты выглядишь... — «Прекрасно, восхитительно». — Неплохо.

— Спасибо. У Эммы все замечательно, правда? — Бев оглянулась, но девушка уже исчезла. — Должно быть, ты очень ею гордишься.

— Да. — Брайан сделал большой глоток из стакана, который держал в руке. — Тебе принести чего-нибудь выпить?

«Как вежливо, как чертовски любезно», — подумала Бев.

— Нет, спасибо. Я немного поброжу, возможно, сама что-нибудь куплю. — Но сначала она найдет туалет и поплачет там. — Очень приятно снова увидеть тебя, Брай.

— Бев... — Глупо думать, что у нее еще остались какие-то чувства к нему. — До свидания.

Эмма издали наблюдала за ними и готова была их убить. Неужели они слепы? Это же не плод ее воображения, она хорошо научилась понимать чувства людей по глазам, жестам, поведению. Оба по-прежнему любили друг друга. И по-прежнему боялись этого. Глубоко вздохнув, Эмма направилась к отцу. Возможно, если она поговорит с ним...

— Эмма, милочка, — поймал ее за талию Джонно, — я собираюсь сбежать.

— Ты не можешь уйти так рано. — Она разгладила лацканы его пиджака. В настоящее время Джонно предпочитал одежду в стиле ретро, и лацканы были шириной с ее ладонь. — Бев здесь.

— Вот как? Тогда надо посмотреть, готова ли она удалиться со мной. А пока гляди, я встретил кое-кого из твоего прошлого.

— У меня нет прошлого, — засмеялась Эмма.

— А знойный день на пляже? А парень в спортивных трусах? — Джонно махнул рукой, словно фокусник, вытаскивающий из шляпы зайца. — Майкл!

«Как странно видеть его здесь, — подумала Эмма, — такого красивого и неловкого в костюме, при галстуке». Темные густые волосы Майкла по-прежнему не поддавались расческе. Лицо стало более утонченным, а нос с горбинкой лишь добавлял очарования.

Майкл стоял, засунув руки в карманы, и, похоже, предпочел бы оказаться подальше отсюда.

— Я... э... был в городе и...

Засмеявшись, Эмма бросилась ему на шею, и Майклу показалось, что у него остановилось сердце. Во всяком случае, его мозг перестал работать. Медленно вытащив руки из карманов, Майкл едва прикоснулся к ее спине, такой же, какой он ее запомнил и какой она будет всегда. Прямой, упругой и хрупкой.

— Это замечательно. Не могу поверить, что ты действительно здесь.

У нее в голове пронеслись воспоминания. День на пляже. Два дня на пляже. Чувства, которые она испытала в детстве и уже будучи взрослой девушкой, нахлынули на Эмму так стремительно, так неожиданно, что она прижала Майкла к себе и долго не отпускала. А когда наконец отодвинулась от него, у нее были влажные глаза.

— Прошло столько времени.

— Да. Года четыре, плюс-минус. — Он мог бы точно назвать количество лет, месяцев и дней. — Ты выглядишь великолепно.

— Ты тоже. Я никогда не видела тебя в костюме.

— Ну...

— Ты в Нью-Йорке по делам?

— Да-а, — соврал Майкл, озабоченный не собственной правдивостью, а тем, чтобы не показаться дураком. — Я прочел о выставке.

Это правда, только он прочел об этом в Калифорнии и взял отпуск на три дня по семейным обстоятельствам.

— Ну и что ты думаешь?

— О чем?

— О выставке. — Держа его за руку, Эмма медленно пошла по залу.

— Великолепно. Я ничего не смыслю в фотографии, но твои работы мне нравятся. Более того...

— Более того?

— Я не имел понятия, что ты можешь делать такое. Например, вот это.

Майкл остановился перед снимком двух мужчин в натянутых на самые глаза шерстяных шапочках и завернувшихся в рваные пальто.

Один лежал на куске картона и спал. Другой смотрел прямо в объектив, и глаза у него были мрачные и усталые.

— Очень, сильно и очень трогает.

— Нью-Йорк — это не только Мэдисон-авеню.

— Нужны талант и большая восприимчивость, чтобы передавать все стороны жизни.

Эмма с удивлением взглянула на Майкла. Именно это она и пыталась сделать серией работ о городе, «Опустошении», людях.

— Для человека, не смыслящего в фотографии, удивительно правильное замечание. Когда ты уезжаешь?

— Рано утром.

— О! — Эмма пошла дальше, удивляясь глубине своего разочарования. — А я надеялась, ты сможешь побыть здесь несколько дней.

— Я даже не был уверен, что ты заговоришь со мной.

— Это было так давно, Майкл. Я тогда отреагировала не столько на то, что происходило с тобой, сколько на то, что случилось в тот вечер со мной. Теперь это уже совершенно неважно. — Улыбнувшись, она поцеловала его в щеку. — Прощаешь меня?

— Такой же вопрос хотел задать и я.

Продолжая улыбаться, она провела рукой по его щеке.

— Эмма!

Она вздрогнула. Опять это чувство вины, как будто Дрю застал ее с Майклом в постели, а не в зале, полном людей.

— О, ты напугал меня. Это Майкл Кессельринг, мой старый друг. Майкл, это Дрю, мой муж.

Тот крепко обхватил жену за талию. Майклу он руки не протянул, ограничившись кивком.

— Эмма, кое-кто хочет поговорить с тобой. Ты забыла про свои обязанности.

— Виноват я, — быстро произнес Майкл, озабоченный тем, как стремительно потускнел взгляд Эммы. — Мы давно не виделись друг с другом. Еще раз поздравляю, Эмма.

— Благодарю. Передавай привет родителям.

— Передам.

«Это ревность», — сказал себе Майкл. Откровенная ревность вызвала у него желание вырвать Эмму из рук мужа.

— Майкл, — оглянулась она, когда Дрю уводил ее, — не пропадай.

— Хорошо.

Майкл схватил с подноса бокал и проводил взглядом удаляющуюся Эмму. Если это всего лишь ревность, почему же тогда все его инстинкты вопиют о том, чтобы он испортил смазливое лицо Дрю Латимера?

«Потому что он получил ее, — безжалостно напомнил себе Майкл, — а ты — нет».

* * *

Дрю не был пьян. Весь долгий нудный вечер он нянчил два бокала шампанского, желая сохранить ясную голову и полный контроль над собой. Он прямо-таки облизал Брайана Макавоя, что непременно принесет свои плоды. Каждый дурак отметил, как Дрю Латимер любит жену, исполняет все ее прихоти. За такое представление он должен получить «Оскар».

А пока он разыгрывал любящего мужа, Эмма упивалась своим успехом, своими светскими связями.

Дрю хотелось вклеить ей затрещину на виду у всех.

Но это не понравилось бы ее папочке. Ни ему, ни продюсерам, ни менеджерам, суется вокруг великого Брайана Макавоя. «Ничего, скоро они будут суется вокруг Дрю Латимера», — пообещал себе Дрю. Тогда Эмма за все заплатит.

Он почти разрешил ей насладиться своим торжеством, и тут у нее хватило наглости прицепиться к «другу». Просто необходимо преподать ей урок. И он — тот человек, который это сделает.

По пути домой он молчал, но Эмму, похоже, это несколько не беспокоило. Она дремала рядом. «Притворяется», — решил Дрю. Наверное, уже строит планы свидания с подонком Кессельрингом.

Дрю представил их себе в каком-нибудь дорогом гостиничном номере на широкой кровати и чуть не засмеялся. Кессельринг был бы очень разочарован, обнаружив, что от малышки Эммы в постели нет никакого толка. Но Кессельрингу не представится такой возможности.

Никто еще не обманывал Дрю Латимера, и сейчас он даст ей это понять.

Когда лимузин остановился, Эмма почти засыпала. Вздохнув, она положила голову на плечо мужа, и они вошли в прихожую.

— Я чувствую себя так, будто не спала всю ночь. И эта ночь кажется сном. Я не дождусь отзывов. Наверное, я...

Он ударил ее. Так сильно, что Эмма скатилась по двум ступеням в гостиную и, застонав, прижала руку к лицу.

— Дрю!

— Сука. Лживая похотливая сука!

— Дрю, не надо. Пожалуйста. Что я сделала? Он схватил ее за волосы и ударил по щеке.

— Сама знаешь. Шлюха! — рявкнул он, с силой опуская на ее грудь кулак. Эмма, обмякнув, сползла на пол. — Всю ночь я вынужден был торчать там, улыбаться, притворяться, что мне нравятся твои дурацкие картинки. Ты думаешь, кто-нибудь пришел из-за них? — Он потянул ее за плечи вверх, оставляя на теле красные следы ногтей. — Ты думаешь, что нужна хоть кому-то? Люди пришли взглянуть на дочь Брайана Макавова. На жену Дрю Латимера. А ты ничто.

Дрю швырнул ее на пол.

— О господи, пожалуйста, не бей меня больше.

— Не указывай, что мне делать. — Чтобы усилить впечатление, он лягнул ее по ребрам, но, промахнувшись, больно ударил по бедру. — Думаешь, ты очень умная, необыкновенная? Я единственный, кого хотят видеть люди. И единственный, кто здесь командует. Запомни это.

— Да. — Эмма попыталась свернуться клубком, моля бога, чтобы Дрю оставил ее в покое, пока не пройдет боль. — Да, я запомню.

— Майкл пришел, чтобы встретиться с тобой? — Он опять схватил ее за волосы и перевернул на спину.

— Майкл? — Эмма покачала головой. Внутри у нее волнами накатывала боль. — Нет. Нет.

— Не лги. — На нее снова посыпались удары, и она перестала что бы то ни было чувствовать, — Все подстроили, да? «О, Дрю, я так устала. Я ложусь спать». А потом ускользнула бы к нему. Так?

Эмма покачала головой, но он снова ударил ее.

— Собиралась потрахаться с ним? Признавайся!

— Да.

— Вот почему ты надела это платье. Хотела показать свои ноги и бесполезные маленькие сиськи. — (Она вспомнила, что Дрю, кажется, сам выбрал это платье, однако уже не была уверена.) — Ты его облапала и позволила ему лапать себя на глазах у всех. Ты хотела его?

Эмма кивнула. Она прижимала к себе Майкла. На какое-то мгновение, когда он прикасался к ней, она что-то ощутила. Что именно, она вспомнить не могла. Она ничего не могла вспомнить.

— Больше не станешь встречаться с ним, да?

— Да.

— Никогда?

— Да, я не буду встречаться с ним.

— И никогда не наденешь это платье шлюхи. — Схватив за ворот, Дрю разорвал его до талии. — Ты заслуживаешь наказания, Эмма. Заслуживаешь?

— Да.

Сознание покидало Эмму, потом возвращалось. Она пролила мамины духи. Она не должна трогать маминих вещей. Она противная девчонка и должна быть наказана.

— Это для твоего же блага.

Она не кричала до тех пор, пока Дрю не ударил ее кулаком в живот и не начал хлестать своим ремнем. Эмма потеряла сознание задолго до того, как он остановился.

Глава 32

Дрю больше не просил прощения. В этом не было необходимости. Десять дней Эмма пролежала в постели, и все десять дней он твердил, что она сама виновата, объясняя снова и снова, что действовал исключительно в ее интересах.

Она ведь думала только о себе, не так ли, когда столько недель готовилась к выставке? Она ночь за ночью оставляла мужа одного, а затем насмехалась над их браком, публично флиртуя с другим мужчиной.

Она вынудила наказать ее, заслужила это и виновата сама.

Хотя несколько дней после выставки телефон звонил не переставая, Эмма ни с кем не разговаривала. Дрю прикладывал лед к ее распухшим губам, кормил бульоном, давал обезболивающие таблетки, чтобы она могла спать.

Потом он сказал, что все звонят лишь для того, чтобы пообщаться с ним. А им необходимо побыть вдвоем, заняться семьей, сделать наконец ребенка.

Она же хочет иметь семью, не так ли? Хочет быть счастливой, хочет, чтобы о ней заботились? Если бы она не отдавала столько времени работе, она уже давно бы забеременела. Разве не этого она хочет?

И когда Дрю так спрашивал, постоянно сверля вопросами, Эмма соглашалась. Но ее согласия всегда было недостаточно.

Она проснулась в темноте, разбуженная музыкой. «Это сон», — убеждала она себя, кутаясь в одеяло и силясь проснуться. Однако даже открыв глаза, Эмма продолжала слышать песню, которую пел давно умерший человек. Дрожащими пальцами, она потянулась к выключателю ночника, щелкала, щелкала и щелкала им, но свет не зажигался, не разгонял тьму.

Музыка становилась все громче, Эмма зажала уши руками и все равно слышала ее, дрожащую, пульсирующую, пока музыка не потонула в ее крике.

— Ну, Эмма, все хорошо. — Дрю гладил ее по голове. — Опять кошмар? Пора бы вырасти из кошмаров.

Эмма вцепилась в него, спасителя, единственную прочную веревку, способную вытащить ее из моря страха и безумия.

— Это было не во сне. Я слышала песню... которая звучала ночью, когда убили Даррена.

— Никакой музыки не было.

Дрю незаметно положил на столик пульт стереокомплекса.

«Хороший урок», — думал он, прижимая к себе дрожащую жену. Хороший способ держать ее в зависимости и повиновении.

— Я слышала ее, — всхлипывала Эмма. — И свет не зажигался.

— Ты уже достаточно взрослая, чтобы не бояться темноты, — ласково произнес он, втыкая вилку ночника в розетку и Щелкая выключателем. — Так лучше?

— Спасибо, — кивнула она. Ее затопила волна признательности. — Не оставляй меня одну, Дрю. Пожалуйста.

— Я же сказал, что буду заботиться о тебе. — Улыбаясь, он продолжал гладить ее по голове. — Я не оставлю тебя одну, Эмма, не беспокойся.

К Рождеству она думала, что все опять наладилось. Дрю освободил ее от житейских мелочей: сам выбирал для нее одежду, разговаривал за нее по телефону, занимался всеми денежными вопросами.

Эмма должна была заботиться только о доме и муже. Не надо было больше принимать решения. Все фотопринадлежности и камера заперты, но они уже не интересовали Эмму. А когда она вспоминала о своей работе, ее охватывала депрессия.

На Рождество Дрю подарил ей бриллиантовый кулон, и этот подарок вдруг вызвал у нее желание заплакать.

Она сдала кучу анализов, чтобы выяснить причины своего бесплодия. Когда сведения об этом просочились в прессу, Эмма пережила унижение молча, затем вовсе перестала читать газеты. Для нее почти не имело значения то, что происходило за стенами дома. Ее мир заключался в семи комнатах, выходящих окнами на Центральный парк.

Врачи подтвердили, что у Эммы нет физиологических причин для бесплодия, и она застенчиво намекнула, чтобы Дрю тоже сдал анализы.

Он избил ее до потери сознания и на два дня запер в спальне.

Кошмары продолжались. Иногда Дрю был рядом, гладил и утешал ее, пока она не успокаивалась. Но чаще называл душой, жаловался, что она мешает ему спать, и оставлял дрожащую Эмму одну в темноте.

Если Дрю неосмотрительно забывал пульт у изголовья кровати, поставив на проигрыватель «Эбби роуд», Эмма бывала слишком уставшей, чтобы обратить на это внимание.

Смутно она уже начала осознавать, что Дрю с ней делает. В кого хочет превратить. Десять недель турне и мужчина, в которого она влюбилась, теперь казались ей лишь плодом фантазии. От прежнего Дрю ничего не осталось. Он был для нее лишь тюремщиком.

Эмма стала думать о побеге. Дрю редко оставлял ее надолго одну, а если она выходила из дома, то всегда отправлялся с ней. Иногда по ночам Эмма, лежа без сна, обдумывала, как сбежать. Надо позвонить Марианне, Бев, отцу. Они помогут ей.

Потом накатывали стыд и сомнения, которые так глубоко заронил в ее голову Дрю.

Он не пользовался ремнем до того рокового дня, когда его и группу не обошли музыкальной премией года.

Эмма не сопротивлялась, когда Дрю бил ее кулаками, лишь пряталась в себя, как в детстве пряталась под раковиной. Словно исчезала. И вот тогда, охваченный бешенством, Дрю совершил роковую ошибку.

— Какой от тебя прок, черт возьми? — Он носился по комнате, круша все, что попадалось под руку. — Неужели ты думаешь, я мечтал провести всю жизнь рядом с испорченной безмозглой сучкой? — Он выместил на вазочке для орехов разочарование, которое испытал, глядя, как другой поднимался на сцену за наградой, его наградой. — Разве ты хоть чем-то помогла мне? И это после того, как я все сделал для тебя, окрасив романтикой твою однообразную, никчемную жизнь. Ты действительно поверила, что я не знал, кто ты такая, когда мы встретились?

Устав бить посуду, он ухватил Эмму за остатки платья и встряхнул.

Но та была уже за пределами страха. За пределами надежды. Она видела, как потемневшие глаза Дрю сузились до щелок.

— Ты была такой душой, Эмма, заикалась и краснела, чуть не уморила меня. Потом, черт возьми, я женился на тебе и хотел только

одного: чтобы ты помогала мне двигаться вверх. Но попросила ли ты хоть раз своего отца нажать ради меня на пару кнопок? Нет.

Эмма ничего не ответила. Молчание было единственным остававшимся у нее оружием.

Преисполненный отвращения, Дрю опять швырнул ее на пол. Сквозь туман, застилавший глаза, она смотрела на мужа, метавшегося по разгромленной комнате, в которой она пыталась создать свой дом.

— Тебе пора думать. Пора искать способы отплатить мне за все то время, которое я трачу на тебя.

Эмма закрыла глаза. Она не плакала. Плакать было уже поздно. И она действительно начала обдумывать план.

Надежда на побег появилась, когда она узнала о смерти Люка.

— Он был моим другом.

— Он был педиком!

Дрю подбирал аккорды на рояле, купленном на деньги жены.

— Он был другом, — повторила Эмма, силясь унять дрожь в голове. — Я должна поехать на похороны.

— Ты не должна никуда ехать, — улыбнулся он. — Ты принадлежишь мне, и тебе незачем ехать к какому-то сдохшему гомику.

Эмма возненавидела его за эти слова, поразившись, что способна испытывать такое чувство. Все остальные чувства умерли. Странно, но трагедия заставила ее наконец признать, что ее замужество оказалось неудачным. Она разведется. Эмма открыла рот, потом увидела длинные тонкие пальцы Дрю, перебирающие клавиши. Может, и тонкие, зато стальные. Однажды она уже молила его о разводе, и тогда он чуть не придушил ее.

Не стоит его злить. Хотя оружие у нее все-таки есть.

— Дрю, всем известно, что он был моим другом. Он был другом Джонно, папы и всех остальных. Если я не приеду, в прессе начнут говорить, что я отвернулась от Люка из-за СПИДа. Это навредит тебе, особенно сейчас, когда ты занимаешься благотворительностью вместе с папой.

Дрю ударил по клавишам. Если сучка не перестанет ему надоедать, он заставит ее заткнуться.

— Мне начхать на прессу. Я не собираюсь на похороны «голубого».

Эмма сдержалась. Это было жизненно важно.

— Я понимаю твои чувства, Дрю. Ты очень ранимый. — Она чуть не поперхнулась на этом слове. — Но благотворительный концерт будут передавать по телевидению здесь и по всей Европе. Это самое крупное событие со времени концерта в пользу голодающих Эфиопии. Деньги направят на создание лекарства от СПИДа. Я могу поехать вместе с Джонно. Представляя тебя, — быстро добавила она.

Дрю оторвался от клавиатуры. Его глаза были пустыми. Эмма знала этот взгляд и боялась его.

— Не терпится смыться от меня, дорогая?

— Нет. — Она заставила себя подойти к нему, прикоснуться к его волосам. — С большей радостью я предпочла бы ехать с тобой. Потом мы смогли бы съездить куда-нибудь отдохнуть.

— Черт возьми, Эмма, я же работаю. Как всегда, думаешь только о себе.

— Извини. Просто мне очень хотелось бы вырваться с тобой на несколько дней. Чтобы мы были совсем одни. Я позвоню Джонно и скажу, что не смогу поехать.

Дрю задумался. Благотворительный концерт — именно тот мощный толчок, который ему необходим. Он собирался покинуть «Дорогу в ночлежку» и начать сольную карьеру. В конце концов, он — звезда, а остальные члены группы тянут его назад.

Ему требуется крупное общественное событие, отзывы прессы, и если похороны в этом помогут — замечательно. К тому же сейчас он больше всего на свете хотел бы на день-два избавиться от Эммы.

— Полагаю, ты должна ехать.

Сердце у нее едва не остановилось. «Будь осторожна, — урезонила она себя, — не соверши ошибку».

— Значит, ты не поедешь?

— Нет. Один день ты как-нибудь справишься без меня. Особенно если о тебе позаботится Джонно. Не забудь прослезиться и сказать все, что нужно, о трагедии СПИДа.

Эмма надела простой черный костюм. Так как Дрю следил за каждым ее шагом, она не смогла прихватить другие вещи. «Для траурной церемонии пестрые наряды ведь не понадобятся, не так ли?» — спросил он. Ей было разрешено взять черные туфли и большую

косметичку вместо сумочки. Ее содержимое Дрю проверил собственноручно.

Поскольку он отобрал у нее паспорт и кредитные карточки («Ты слишком беспечно к ним относишься»), Эмма была в полной зависимости от мужа. Он позаботился о билетах, дав ей четырнадцать часов свободы. Ее самолет вылетал в девять пятнадцать утра, а в десять двадцать пять вечера Эмма должна была вернуться. Дрю великодушно дал ей сорок долларов наличными, и еще пятнадцать она, чувствуя себя воровкой, тайком взяла из хозяйственных денег. Эмма спрятала их в туфлю.

Она лгала Дрю.

Никогда не лги мне, Эмма. Я непременно узнаю правду и накажу тебя.

Она не собиралась возвращаться.

Не пытайся уйти от меня, Эмма. Я найду тебя. И тебе будет плохо.

Она бежала от него.

Тебе никогда не удастся бежать настолько быстро, чтобы скрыться от меня, Эмма. Ты принадлежишь мне. Я тебе нужен, поскольку ты все время совершаешь глупые ошибки.

— Эмма! Черт возьми, повернись ко мне.

— Извини, — вздрогнула она, когда муж дернул ее за волосы.

— Ты неисправимая дура. Одному богу известно, что бы ты без меня делала.

— Я... думала о Люке.

— Делай кислое лицо, когда выйдешь за дверь. Меня от твоего вида тошнит. С минуты на минуту явится Джонно. Что ты скажешь, если он спросит, как дела?

— Все прекрасно. Ты очень сожалеешь, что не можешь поехать. Но ты не был знаком с Люком, поэтому твой приезд был бы некстати, — механически повторила Эмма заранее заготовленную фразу. — После мессы я должна сразу вернуться домой, потому что ты простудился и я хочу быть рядом.

— Как и подобает любящей жене.

— Да, как подобает любящей жене.

— Хорошо.

Просто отвратительно, до чего она безропотна. Вчера даже не пикнула, когда он бил ее. Дрю хотелось, чтобы жена уехала, помня о

том, кто в доме главный. Разумеется, он постарался не бить ее по лицу и тем местам, где было бы заметно. Он собирался хорошенько отлупить ее и после возвращения, чтобы напомнить: место женщины дома.

Дрю со злобой подумал о своей матери. Ее место тоже было дома, но она сбежала, шлюха, оставив его с недотепой-отцом.

Если бы глупый старикан почаще задавал ей жару, она бы не посмела смяться.

Он улыбнулся жене. Тогда его мать сидела бы, как Эмма, сложив руки на коленях, и выполняла бы приказы. Женщине нужен мужчина, который установит порядки и будет обеспечивать их соблюдение.

— По-моему, тебе незачем ехать.

Дрю с удовольствием заметил, как у Эммы округлились глаза. Разве не здорово управлять ею, словно марионеткой? Руки у Эммы вспотели, но она нашла в себе силы неподвижно держать их на коленях.

— Если ты не хочешь, я не поеду, Дрю.

Тут он ласково погладил ее по лицу, и Эмма вспомнила начало их романа. Почему-то от этого стало только хуже.

— Нет, поезжай. Тебе очень идет черный цвет. Ты уверена, что там не будет этой суки Марианны?

— Джонно сказал, что она не может.

Еще одна ложь. Дрю сделал все возможное, чтобы разлучить их. «И у него хорошо получилось», — устало подумала Эмма. Ее подруга больше не звонит и не заходит к ним.

— Тогда все в порядке. Если бы я узнал, что она едет, тебе пришлось бы отказаться от увеселительного путешествия. Она дурно на тебя влияет, Эмма. Она — стерва. Притворялась твоей подругой, чтобы подобраться к Брайану, а потом и ко мне. Я уже говорил, что она приставала ко мне. Помнишь?

— Да.

— А, вот и Джонно. Быстро приготовь свою милую печальную улыбку, которую мы так хорошо знаем и любим. — Эмма автоматически повиновалась. — Послушная девочка. И упомяни о благотворительном концерте журналистам, — приказал Дрю, когда они спускались вниз. — Обязательно расскажи им, как меня волнует

сбор денег на исследования, цель которых — найти лекарство от этой ужасной болезни.

— Хорошо, Дрю. Я не забуду.

Эмма ужаснулась при мысли, что ноги вдруг откажутся ей служить. Может, действительно лучше не ехать? Дрю постоянно твердит ей, какая она без него беспомощная.

— Дрю, я...

Но тот уже открыл дверь, за которой стоял Джонно.

— Привет, малышка. — Он обнял ее, не столько утешая, сколько ища утешения. — Рада, что едешь?

— Да. — Эмма тупо оглянулась на мужа. — Я хочу поехать. Весь полет она боролась со страхом. Дрю приедет за ней. Он обнаружит исчезновение пятнадцати долларов и накажет ее. Он прочел ее мысли и знает, что она не собирается возвращаться.

Сойдя с трапа, Эмма вцепилась в руку Джонно и стала искать в толпе встречающих Дрю.

Когда они добрались до лимузина, с нее уже лил пот, она тряслась, прилагая усилия даже для того, чтобы дышать.

— Эмма, тебе плохо?

— Нет.

Она облизнула пересохшие губы. На тротуаре стоял худой светловолосый мужчина, но, когда он повернулся, она увидела, что это не Дрю.

— Я просто очень расстроилась. Можно сигарету?

Дрю запретил ей курить. Последний раз даже вывихнул ей за это палец. «Но сейчас его здесь нет», — напомнила себе Эмма, затягиваясь сигаретой. В лимузине только она и Джонно.

— Наверное, тебе не стоило приезжать. Я не представлял, что на тебя это так подействует. — Поглощенный своим горем, Джонно смог только обнять ее за плечи.

— Все в порядке, — сказала Эмма.

Потом она снова и снова повторяла эти слова как заклинание.

Она почти не обращала внимания на похороны, какие говорились слова, какие проливались слезы. Пусть Люк простит ее. Ведь она тоже мертва, мертвы все ее чувства. Когда люди начали расходиться с кладбища, Эмма подумала, хватит ли у нее сил выполнить задуманное.

К Джонно подошла Марианна, ласково положила ему руку на плечо и вместо соблезнования поцеловала его.

— Жаль, что Люк не научил меня готовить, — сказала она., заставив Джонно улыбнуться.

— Ты была его единственной неудачей. — Джонно повернулся к Эмме: — Шофер отвезет тебя в аэропорт, а мне еще нужно заглянуть на квартиру Люка. Кое-что забрать. — Он коснулся ее щеки. — Все хорошо?

— Да.

— Не ожидала увидеть тебя здесь. — Хотя Марианна ненавидела себя за это, ей не удалось придать голосу дружелюбие.

— Я... очень хотела приехать.

— Неужели? — Раскрыв сумочку, Марианна достала скомканный носовой платок. — Не думала, что у тебя найдется время для старых друзей.

— Марианна...

Она не могла заплакать в присутствии крутившихся журналистов. Дрю увидит ее на фотографии вместе с Марианной и поймет, что она солгала. Эмма в отчаянии огляделась по сторонам.

— Я могу... мне нужно....

— С тобой все в порядке? — Подняв солнцезащитные очки, Марианна изучающе взглянула на подругу. — Господи, ты выглядишь ужасно.

— Я хотела бы поговорить с тобой, если у тебя найдется несколько минут.

— У меня всегда найдется несколько минут, — довольно резко ответила та, доставая сигарету. — Но я полагала, ты сразу же отправишься назад.

— Нет. — Глубоко вздохнув, Эмма переступила черту: — Я вообще не собираюсь возвращаться.

— Что? — прищурилась Марианна.

— Я не собираюсь возвращаться, — повторила Эмма и с ужасом почувствовала, как дрогнул ее голос. — Мы можем куда-нибудь пойти? Мне необходимо куда-нибудь уйти. Пожалуйста.

— Конечно. — Марианна взяла ее под руку. — Сейчас возьмем твой лимузин и поедem куда захочешь.

Потребовалось совсем немного времени, чтобы добраться до гостиницы Марианны. Та решила, что это лучший выход, поскольку Эмму уже начала бить дрожь.

Они сразу поднялись в номер — прекрасные комнаты, оформленные в пастельных тонах, с окнами, выходящими на белый пляж и голубое море. Марианна уже пометила номер как свою собственность, разбросав одежду на стульях. Сняв футболку и брюки, она кивком пригласила Эмму сесть и подошла к телефону:

— Бутылку «Гран-Марнье», два средних чизбургера, жареную картошку и литр пепси в ведерке со льдом. Я дам двадцатку тому, кто доставит все это через пятнадцать минут. — Удовлетворенная, она закинула туфли на кресло и уселась.

— Итак, Эмма, что происходит, черт побери?

— Я ушла от Дрю.

— Об этом я, кажется, догадалась, но почему? Вроде ты была безумно счастлива, — произнесла Марианна, еще не совсем готовая простить.

— Да, я очень счастлива. Дрю очень хороший, так заботится обо... — Услышав собственный голос, Эмма осеклась, переполненная отвращением, смешанным с ужасом. — О господи, иногда я действительно верю в это.

— Веришь во что?

— В то, что он приучил меня говорить. Марианна, если я не скажу это прямо здесь и прямо сейчас, то не скажу уже никогда. Я хотела рассказать Джонно. Начала было, но просто не смогла.

— Ну хорошо. — Так как Эмма была очень бледна, Марианна встала и открыла балконную дверь. — Не торопись. Дело в другой женщине?

Замолчав, она уставилась на Эмму, которая с хохотом согнулась в кресле:

— О боже, о боже милосердный!

Смех перешел во всхлипы. Марианна подскочила к ней, опустилась на колени, взяла ее за руки:

— Спокойно, Эмма. Тебе станет плохо. Ну же, ну! Всем известно, что большинство мужчин ублюдки. Если Дрю изменил тебе, пни его ногой под зад.

— Дело не в женщине, — выдавила Эмма.

— В мужчине?

Эмма напряглась, глотая слезы. Если они польются, ей уже никогда не остановить их.

— Я понятия не имею, верен мне Дрю или нет, да меня это и не волнует.

— Если другой женщины нет, то из-за чего же вы деретесь?

— Мы не деремся, — устало произнесла Эмма. — Я, во всяком случае.

Как же трудно выговорить это, признаться. Слова застряли у нее в горле комком стыда. Наконец она вытерла глаза рукой.

— Сидя здесь, я даже готова поверить, что все придумала, что дела не так уж плохи, как я считала, когда это происходило. Марианна, он мог быть добрым, обходительным, он приносил мне по утрам розы, пел, когда мы оставались с ним вдвоем, пел так, будто я единственная женщина на свете. Он говорил, что любит меня, хочет обо мне заботиться, сделать счастливой. А потом я что-то совершала... даже не знаю что... но что-то, и тогда он... Он меня бил.

— Что? — Если бы Эмма сказала, что Дрю отрастил себе крылья и вечером улетает с балкона, в это было бы легче поверить. — Он тебя бьет?

Погруженная в себя, Эмма не обратила внимания на недоверие Марианны.

— После этого я иногда по нескольку дней не могу ходить. В последнее время стало еще хуже. Наверное, он хочет меня убить.

Марианна осторожно выдохнула. Следя за лицом подруги, она пыталась осознать услышанное:

— Он пьет, принимает наркотики?

— Нет. Я только однажды видела его пьяным... в ночь нашей свадьбы. Наркотики он совсем не принимает, любит сохранять над собой контроль. Он должен сохранять над собой контроль. Видимо, я постоянно делаю нечто глупое, и это выводит его из себя.

— Прекрати! — Взбешенная Марианна заметалась по комнате, глотая слезы. — Ты в жизни не делала ничего глупого. И давно это продолжается, Эмма?

— Впервые это случилось после того, как мы уехали из центра. Тогда он ударил меня только один раз. Потом извинялся. Плакал.

— Сердце прямо разрывается от жалости к нему, — пробормотала Марианна. Открыв дверь, она впустила коридорного. — Вот сюда. Не беспокойтесь, расставлять не надо.

Подписав счет, она вручила ему двадцатку. «Неотложные дела в первую очередь», — решила она и, не обращая внимания на еду, разлила «Гран-Марнье».

— Пей, — приказала Марианна. — Конечно, ты ненавидишь это, но нам обоим сейчас необходимо выпить.

Сделав два маленьких глотка, Эмма почувствовала, как по телу разливается тепло.

— Не знаю, что делать. Кажется, я уже не способна мыслить самостоятельно.

— Пару минут я буду думать за тебя. Выношу на голосование: кастрировать сукиного сына.

— Я не могу вернуться, Марианна. Если вернусь, то сделаю что-то по-настоящему ужасное.

— По-моему, рассуждаешь ты прекрасно. А есть можешь?

— Пока нет.

Ей нужно просто посидеть какое-то время, чтобы постичь смысл своего поступка. Она ушла от Дрю. Сбежала от него, и теперь рядом с ней подруга, ее давняя и близкая подруга. Закрыв глаза, Эмма снова почувствовала стыд.

— Марианна, прости. Я не отвечала на твои звонки, последние месяцы вела себя не так, как подобает подруге. Он не позволял мне.

Марианна зажгла две сигареты и передала одну Эмме:

— Больше не думай об этом.

— Он даже сказал мне, что ты... пыталась отбить его у меня.

— Это ему приснилось. — Марианна чуть не засмеялась, но ее остановило выражение лица Эммы. — Ты же не поверила?

— Нет. Хотя... порой я верила всему, что он говорил. Так было проще, но самое страшное в том, что для меня это не имело значения.

— Если бы ты позвонила мне...

— Я не смогла бы говорить с тобой об этом, не смогла бы вынести встречи, так как боялась, что ты все узнаешь.

— Я бы помогла тебе.

Эмма только покачала головой:

— Мне так стыдно.

— Чего, черт возьми?

— Я сама позволяла ему, ведь так? Он не приставлял к моему виску пистолет. В этом не было необходимости.

— У меня нет ответа, Эмма. Точнее, есть один. Нужно обратиться в полицию.

— Нет! Боже милосердный, нет! Я не вынесу... увидев это на первых страницах газет. И никто не поверит. Он будет все отрицать. Говорю тебе, Марианна, он может заставить поверить во что угодно.

— Ну хорошо, с полицией повременим. Мы найдем тебе адвоката.

— Я пока не могу больше ни с кем говорить об этом. Мне только хочется быть подальше от него.

— Хорошо. Что-нибудь придумаем. А сейчас мы должны поесть. Я лучше думаю на полный желудок.

Заставив Эмму съесть несколько кусочков, Марианна пристала к ней с пепси, надеясь, что сахар и кофеин хоть частично вернут румянец на лицо подруги.

— Оставайся у меня. Несколько дней пошатаемся по Майами.

— Нет. — Теперь Эмма смогла думать более трезво. Изо всех ее безумных замыслов и планов лишь один, похоже, был верным. — Я не могу остаться у тебя даже на одну ночь. Это первое место, где он начнет меня искать.

— Тогда поезжай в Лондон, к Бев. Она поможет.

— Нет паспорта. Нет водительских прав. Он разорвал их. Марианна, у меня в кошельке пятьдесят пять долларов, пятнадцать из них я стащила. У меня нет ни единой кредитной карточки. Он отобрал их несколько месяцев назад. Я располагаю лишь тем, что на мне надето.

Марианне очень захотелось что-нибудь разбить, но она лишь встала и налила себе еще «Гран-Марнье». Все это время, пока она сидела и дулась в квартире-студии, лелея свою обиду, Эмма жила в аду.

— О деньгах не беспокойся. Я могу подтвердить твою платежеспособность. Сниму по своей карточке наличные, затем распоряджусь, чтобы принимали чеки с твоей подписью. Выберешь сама. «Виза», «Мастер-кард» или «Америкэн-экспресс».

— Наверное, ты считаешь меня слишком слабой?

— Нет, я считаю тебя лучшей своей подругой. — Слезы жгли Марианне глаза, и она дала им волю. — Если бы я могла, то задушила

бы его собственными руками.

— Никому не говори. Пока.

— Как хочешь. Но, по-моему, твой отец должен знать.

— Нет. У нас и без того достаточно плохие отношения. Я думала уехать куда-нибудь в горы, но, пожалуй, не смогу вынести тишину. Лучше затеряться в большом шумном городе. Меня не покидает мысль о Лос-Анджелесе. Я всегда представляла себе, что бегу туда. И мне опять начало это сниться.

— Даррен?

— Да. Кошмары начались уже давно и не оставляют меня. Наверное, я должна быть там, и, надеюсь, это последнее место, где меня станет искать Дрю.

— Я поеду с тобой.

Эмма взяла ее за руку:

— Ты угадала мое желание.

Глава 33

В спальне было холодно и грязно. Последняя служанка ушла, прихватив с собой пару серебряных подсвечников. Но хозяйка еще не знала о пропаже, теперь она не выходила из спальни. Время от времени Джейн совершала набеги на кухню, таскала наркотики, бутылки и съестное в комнату.

Джейн обожала красный бархат, который до сих пор еще висел на окнах. Он был покрыт слоем пыли. Как-то в ярости она сорвала балдахин, скрывавший круглую кровать, и теперь укрывалась им, когда мерзла.

Красные в серебряную крапинку обои загрязнились, так как Джейн имела привычку швырять в своих любовников бутылками, лампами, посудой. Вот почему ей было трудно удержать кого-нибудь в своей постели больше двух недель.

Последний любовник, мускулистый торговец Хитч, терпел эти припадки буйства дольше остальных. Затем, с философским спокойствием избив ее до бесчувствия, стащил у нее с пальца кольцо с бриллиантом и отправился искать лучшее место и более приятное общество. Зато оставил наркотики. По-своему Хитч был гуманистом.

Уже больше двух месяцев Джейн не занималась сексом, но это не особенно беспокоило ее. Если хотелось испытать оргазм, достаточно было вколоть иглу под кожу и отправиться в путешествие. Джейн нисколько не трогало, что никто к ней заходил, никто не звонил. За исключением коротких промежутков между заправками. Тогда она становилась слезливой, ее охватывала жалость к себе. И ярость. В основном она чувствовала ярость.

Фильм не имел ожидаемого успеха, поэтому быстро переключался с экрана на видеокассеты. Но Джейн так спешила увидеть готовый фильм, что не оговорила права на видео, к большому неудовольствию своего адвоката. В результате она вышвырнула его, поступив, как сочла нужным.

Кино не сделало ее богатой. Жалкой сотни тысяч фунтов хватило ненадолго, а новая книга переписывалась. Следовательно, аванс Джейн получит, только когда идиот, пишущий за нее, завершит работу.

Старый ее источник иссяк. От Брайана уже не поступало никаких чеков. Джейн горевала не только из-за денег: ведь пока Брайан платил, он помнил о ней.

Она радовалась, что он так и не нашел истинного счастья, гордилась тем, что тоже приложила к этому руку. Раз она не может получить Брайана, так хотя бы позлорадствует, что никакая другая женщина не способна удержать его.

Иногда Джейн представляла себе, как Брайан возвращается к ней, умоляет о прощении, как они занимаются на красной бархатной кровати неистовым сексом. В этих мечтаниях тело у нее было упругим, гладким, молодым.

Джейн всегда представляла себя только такой, хотя давно ожирела. Груды спущенными воздушными шарами свисали до того места, где когда-то была талия. Белый, как у рыбы, живот уродовали многочисленные складки дряблого жира. Мышцы на руках и ногах при каждом движении колыхались, словно желе. Под слоем жира стало трудно находить вену, и Джейн наобум всаживала иглу, но попадания случались редко.

Она оплакивала это, как мать оплакивает умершего ребенка.

Встав с кровати, Джейн включила торшер. Свет она не любила, но ей нужно отыскать трубку. Длинные сальные волосы были светлыми только у концов. Джейн собиралась выкрасить их в «убойный бежевый» фирмы «Клэрол», но потеряла коробку в заваленной мусором спальне. Черная кружевная сорочка размером с палатку, в которой поместились бы два взрослых человека с собакой, делала ее похожей на какой-то безумный персонаж из порнографического ужастика.

Затяжка успокоила Джейн. Она лежала в кровати и строила планы. У нее пока еще хватало ума понимать, что нужны деньги, много денег, чтобы расплачиваться с поставщиком. Ей хотелось иметь красивую одежду, красивых мальчиков, ходить в гости, привлекать к себе внимание.

Джейн курила и улыбалась.

Она знала, как раздобыть деньги, только нужно действовать Умно, очень умно. От наркотика она чувствовала себя хитрой. Настало время разыграть козырного туза.

Порывшись в шкафу, Джейн нашла коробку, где лежала очень красивая бумага всех цветов с ее именем. Полюбовавшись на нее и сделав еще одну затяжку, она взялась за ручку. «Небольшая страховка», — подумала она. Разумеется, имя надо будет оторвать. Она не дура.

Джейн писала медленно, высунув язык, как ребенок. Она осталась так довольна результатом своего труда, что забыла про имя на листе. В коробке нашлись и марки. Радостно мурлыкая, Джейн налепила сначала три штуки, но они смотрелись очень красиво, поэтому она добавила еще одну. Некоторое время она размышляла над адресом и в конце концов написала:

США

Лос-Анджелес, Калифорния

Полицейскому детективу Кессельрингу.

После некоторого раздумья подписала в углу: «Срочно!» — и подчеркнула.

Джейн спустилась с письмом вниз, гадая, куда бы его лучше спрятать. В кухне она съела целую пачку мороженого, отправляя его в рот большой салатной ложкой. И тут заметила конверт.

— Глупая девчонка, — пробормотала Джейн в адрес последней служанки. — Даже письмо не может отправить, черт возьми. Надо ее выгнать.

Негодую, она доковыляла до крыльца, с большим трудом протолкнула конверт под дверь и, вернувшись в комнату, закурилась до одури.

Лишь через неделю Джейн вспомнила о своем плане. Страховка. Она куда-то спрятала письмо, но куда именно? Впрочем, ее беспокоило другое: у нее почти нет еды и наркотиков, последняя бутылка джина выпита. Набирая телефонный номер, Джейн подумала о том, что скоро ей не придется тревожиться о деньгах.

Он ответил после третьего звонка.

— Привет, дорогой.

— Что тебе нужно?

— Ух, как ты мило разговариваешь со старыми друзьями.

— Я спросил, что тебе нужно?

— Поболтать, милоч, только поболтать, — хихикнула Джейн. Шантаж доставляет столько радости! — У меня небольшие

затруднения с финансами.

— Меня это не касается.

— О, думаю, касается. Видишь ли, при финансовых затруднениях меня обычно начинает мучить совесть. В последнее время я часто вспоминаю о несчастном малыше Брайана, и мне становится плохо от этих мыслей.

— Тебе всегда было наплевать на мальчишку.

— Как ты можешь, дорогой, в конце концов, я ведь мать. Мысли об Эмме, теперь уже взрослой замужней даме, заставляют меня думать о мальчишке. Если бы он остался жив, то был бы тоже взрослым.

— У меня нет времени.

— Придется найти. — Голос Джейн изменился. — Я тут подумала, не отправить ли записку тому следователю в Штатах. Не забыл о нем, дорогой? Его фамилия Кессельринг. Надо же, через столько лет я вспомнила.

Джейн усмехнулась. Все считают ее глупой, но скоро все изменится.

Он замешкался с ответом и мысленно выругался.

— Тебе нечего ему сказать.

— Да? Что ж, посмотрим. Наверное, стоит написать ему письмо. Возможно, дело снова откроют, если я назову пару имен. Например, твое...

— Это заденет и тебя. — Голос у него по-прежнему был спокойным, но сам он покрылся потом. — Ты замешана не меньше меня.

— О нет. Меня ведь там не было, правда? Я даже пальцем не прикоснулась к мальчику. — «Как, черт возьми, его звали? Кажется, Дональд или Дэннис. Впрочем, неважно». — Чего нельзя сказать о тебе. Это убийство. И даже после стольких лет остается убийством.

— Полиция ничего не смогла найти.

— С небольшой помощью, видимо, сможет. Хочешь рискнуть, дорогой?

Нет. Ей известно, что он не может рисковать. Он находится именно там, где хотел быть, и намерен там оставаться. Чего бы это ни стоило.

— Сколько?

Джейн улыбнулась:

— Думаю, миллиона хватит.

— Ты сошла с ума.

— Замысел был мой, — закричала она в трубку, — а я не получила ни пенни, черт возьми! Настало время расплачиваться, Дорогуша. Ты человек богатый, можешь себе это позволить.

— Выкуп не был получен, — напомнил он.

— Потому что ты все испортил. После совершеннолетия Эммы я уже два года не получаю от Брайана ни гроша. Будем считать, что ты выплатишь мне пенсионное пособие. Этой суммы мне хватит надолго, и я больше не стану беспокоить тебя. Принесешь деньги завтра вечером, и письмо не будет отправлено.

Несколько часов спустя Джейн уже не могла вспомнить, состоялся ли разговор на самом деле или это ей только почудилось. И куда она спрятала письмо? Джейн опять взяла трубку, надеясь, что это поможет ей думать, а потом решила написать письмо снова. А если он не придет в ближайшее время, придется еще раз позвонить.

Джейн начала писать и скоро заснула.

Ее разбудил звонок в дверь. Почему, черт возьми, глупая девчонка не открывает дверь? Похоже, в этом доме всем занимается только Джейн. Пыхтя и ворча, она заковыляла вниз. Он мрачно стоял в дверях с чемоданчиком в руке. И Джейн сразу вспомнила. Да, необходимо все делать самой:

— Входи, голубчик. Сколько лет, сколько зим.

— Я пришел не в гости.

«Жирная грязная Свинья», — подумал он.

— Входи, мы ведь старые друзья. Выпьем. Джин у меня в комнате. Всеми делами я занимаюсь в будуаре.

Джейн игриво положила руку на лацкан его пиджака, и он стерпел, зная, что потом сожжет костюм.

— Где тебе угодно, но давай быстрее покончим с этим.

— Ты вечно спешишь.

Джейн стала подниматься, ее слоновьи ляжки заколыхались. Он видел, как ее рука стиснула перила, слышал хриплое дыхание. «Один толчок», — подумал он. Никто не усомнится, что это был несчастный случай. Он уже протянул руку, но передумал. Есть лучший способ. Более надежный.

— Ну, вот мы и пришли, дорогой. — Джейн упала на кровать.

Он чуть не задохнулся от смрада. Комнату освещала единственная лампа, и в полумраке виднелись кучи грязной одежды и посуды, коробки, бутылки и консервные банки. В углах паутиной висело зловоние. Он буквально видел его, стараясь поменьше дышать.

И внимательно следил за тем, чтобы ни к чему не прикасаться. Теперь уже не только из-за отпечатков пальцев, но и из боязни испачкаться.

— Устраивайся поудобнее. Что ты мне принес?

Он поставил чемоданчик рядом с Джейн, набрал комбинацию цифр. Потом он его тоже сожжет.

— Здесь часть денег.

— Я же сказала...

— Невозможно за одну ночь достать миллион наличными. Зато я принес тебе еще кое-что. В знак дружбы.

Джейн увидела туго набитый пакетик, лежащий на ровных пачках банкнот. Сердце у нее забилось, рот наполнился слюной.

— Приятно посмотреть.

Но прежде чем она успела схватить пакетик, он отодвинул чемоданчик:

— Ну а теперь кто спешит?

Он с наслаждением издевался, видя капли пота, выступившие у нее на лице. Он уже имел дело с наркоманами и знал, как себя вести.

— Это лучший героин, какой можно достать. Одна доза, и ты отправишься прямо в рай. — «Или в ад, если веришь в подобные вещи». — Ты его получишь, Джейн. Весь. Но ты должна мне кое-что отдать.

— Что ты хочешь?

— Письмо. Ты даешь мне письмо, несколько дней, чтобы собрать остальные деньги, — и это все твое.

— Письмо?

Джейн совершенно забыла про него, глядя на пакетик с белым порошком и представляя, как он заструится по ее венам.

— Никакого письма нет. — Она хитро взглянула на него. — Пока Я еще не написала, но обязательно напишу. Дай мне заправиться, тогда поговорим.

— Сначала поговорим.

«О, убить ее будет удовольствием», — думал он. Мальчик стал жертвой несчастного случая, о чем он искренне сожалеет. Он не сторонник насилия и никогда им не был. Но Джейн Палмер он задушил бы собственными руками. Причем с огромным удовольствием.

— Я уже начала писать. — Смущенная и озабоченная, Джейн бросила взгляд на стол. — Потом решила дождаться тебя. Если мы договоримся, я не стану его заканчивать.

«Она не посмеет солгать», — думал он, изучая ее лицо. Недостаточно умна.

— Мы договоримся, — сказал он, подвигая к ней чемоданчик. — Принимай.

Джейн схватила пакетик обеими руками. Казалось, она разорвет его зубами и проглотит, словно карамель. Однако с максимальной скоростью, какую ей позволял громадный живот, она Добралась до шкафа и начала искать в ящиках нужные принадлежности.

Он ждал, полный отвращения. Джейн больше не обращала на него внимания. Руки у нее дрожали, и она просыпала немного порошка, готовя первую ложку. Ей не хотелось вкалывать первую дозу куда попало. Эта пойдет только в вену.

Облизываясь, словно в предвкушении восхитительного обеда, Джейн наполнила шприц. Пока она искала вену, у нее даже выступили слезы. Наконец она закрыла глаза и, привалившись спиной к шкафу, ждала удара.

Внутри у нее взмыла какая-то стремительная, неистовая, разбухающая волна, от которой вылезли из орбит глаза, а тело забилось в конвульсиях. Джейн вскрикнула только раз, оказавшись на чудовищном гребне.

Он смотрел на ее агонию и почему-то не испытывал удовольствия. Омерзительное зрелище. В смерти Джейн Палмер выглядела так же недостойно, как и в жизни. Повернувшись к ней спиной, он натянул перчатки, взял недописанное письмо, убрал его в чемоданчик. Затем, переборов отвращение, начал обыскивать комнату. Он должен быть уверен, что здесь не осталось ничего, способного навести на его след.

* * *

Брайан застонал, попытался сесть, но от похмелья в голове у него гудело, словно включили бензопилу. Прикрывая глаза одной рукой, он схватил трубку:

— Да?

— Брай, это Пи Эм.

— Перезвони мне, когда не буду умирать.

— Брай... по-моему, ты не читал утренних газет.

— Попал в самую точку. Я прочту завтрашнюю утреннюю газету.

Как только проснусь.

— Джейн умерла.

— Джейн? — Секунд десять мозг Брайана не реагировал. — Умерла? Как умерла?

— Передозировка наркотиков. Ее нашел вчера бывший любовник, торговец или кто-то еще. Она была мертва уже два дня.

Брайан попытался вытереть ладонями глаза.

— Господи!..

— Я решил, ты должен подготовиться к этому, пока на тебя не обрушилась пресса. Возможно, ты захочешь сообщить Эмме.

— Эмме. — Брайан прислонился к спинке кровати. — Да-да. Я позвоню ей. Спасибо, что дал мне знать.

— Брай... — Пи Эм собрался было выразить сожаление по поводу смерти Джейн, но тут же усомнился в том, что стоит это делать. — Увидимся.

— Хорошо.

Некоторое время Брайан лежал, думая о случившемся. С Джейн он был знаком дольше, чем с кем бы то ни было, за исключением Джонно. Когда-то любил ее, потом ненавидел. Но не мог представить, что она умерла.

Встав с кровати, он подошел к окну, и солнечный свет больно ударил по глазам. Брайан налил себе виски и залпом проглотил его. Он почти сожалел, что не может ощущать ничего, кроме головной боли.

Джейн была его первой женщиной.

Обернувшись, Брайан взглянул на брюнетку, спящую в его кровати под смятым атласным одеялом. К ней у него тоже не было никаких чувств. Он всегда тщательно выбирал женщин, которые не искали серьезных связей, а довольствовались несколькими ночами

секса. Опасного, беззаботного секса, не имеющего ничего общего с любовью.

Он совершил ошибку, выбрав однажды женщину, которая желала большего. Джейн так и не дала ему насладиться тем, что у него было.

Затем он нашел Бев. Она тоже хотела от него большего, как и он от нее. О господи, Бев так и не позволила ему жить без нее. За все семнадцать лет не было дня, чтобы он не думал о ней. Не хотел ее.

Джейн омрачила его жизнь, отказавшись уйти. Бев разрушила его жизнь, отказавшись разделить ее.

Теперь у него есть музыка, куча денег и сменяющиеся друг друга женщины, которые абсолютно ничего не значат для него. И вот Джейн умерла.

Брайану хотелось расшевелить свое сердце, ощутить хоть малейшую жалость к любимой когда-то девчонке. Отчаянной пылкой девчонке, утверждавшей, что она любила его больше всех на свете. Но чувств не было. Та девчонка и тот парень давным-давно умерли.

Ладно, он позвонит Эмме. Пусть она услышит это от него, хотя вряд ли дочь станет печалиться. Если он позвонит и убедится, что не нужен ей, то отправится в Ирландию. К Даррену. Проведет несколько тихих дней, сидя в высокой зеленой траве.

Глава 34

— Ты уверена, что все будет в порядке?

— Да. — Эмма сжала руку подруги, и они направились к выходу на посадку. — Со мной все будет хорошо. Я просто собираюсь провести здесь еще несколько дней, чтобы успокоиться.

— Знаешь, я бы предпочла остаться.

— Знаю. — Рукопожатия уже было недостаточно, и Эмма обняла Марианну. — Одна я ни за что не смогла бы пройти через это.

— Смогла бы. Ты сильнее, чем думаешь. Разве ты не приостановила действие кредитных карточек, не закрыла банковские счета, не заставила своего поверенного отказываться в выдаче денег?

— Это твои идеи.

— Просто ты забыла о практических вещах, а я не могла допустить, чтобы этот ублюдок получил еще хоть пенни. Я по-прежнему считаю, что ты должна обратиться в полицию.

Эмма покачала головой. Она только-только начинала верить, что сможет вернуть свою гордость. Вмешивать полицию, газеты, широкую публику — значит пережить еще одно унижение.

— Ну хорошо, подождем, — сказала Марианна, хотя очень надеялась на то, что ублюдку Дрю не удастся выпутаться из всего этого без ощутимых потерь. — Поверенный будет держать язык за зубами по поводу твоего местонахождения?

— Да. В конце концов, он ведь мой поверенный. Когда я сказала, что развожусь, он сразу приступил к делу. Видимо, после многих лет скукоты с попечительством и всем прочим он с восторгом отнесся к предстоящему шумному разводу.

«К разводу, — подумала Эмма. — Какое громадное слово. Такое веское».

Некоторое время они шли молча, потом Марианна сказала:

— Рано или поздно он тебя найдет.

— Знаю, но пусть лучше позже, когда я буду уверена, что никакие его слова или действия не заставят меня вернуться к нему.

— Повидайся с адвокатом, — настаивала Марианна.

— Как только взлетит твой самолет.

Марианна нервно сунула в рот таблетку аэрона. Ну и времена настали, в аэропорту даже нельзя курить.

— Слушай, Эмма, мы приехали сюда только пару недель назад. Ты уверена, что не хочешь, чтобы я задержалась на несколько дней?

— Я хочу, чтобы ты вернулась к своей живописи, — и быстро добавила, пока Марианна не успела возразить: — если тебе поступает заказ от члена семьи Кеннеди, твоя карьера обеспечена. Торопись закончить работу, вдруг Каролина передумает.

— Звони мне, — сказала Марианна, услышав, как объявляют ее вылет. — Каждый день.

— Хорошо. — Эмма цеплялась за последнюю минуту. — Когда все останется позади, думаю, я опять буду претендовать на свою половину нашей квартиры.

— Она твоя. Если, конечно, я не выйду замуж за дантиста и не перееду на Лонг-Айленд.

— Какого дантиста?

— Который хочет сровнять мне корни.

Губы у Эммы дрогнули, и Марианна подумала, как хорошо видеть, что подруга снова улыбается.

— У него такие большие карие глаза, хотя руки волосатые.

Не знаю, смогу ли я полюбить волосатые руки.

— Особенно если он сует их тебе в рот. Последний раз объявляют посадку на твой рейс.

— Позвони мне.

— Непременно.

Эмма обещала себе не плакать. Но ревели обе. Еще раз обняв подругу, Марианна унеслась прочь.

Эмма наблюдала в окно, как самолет выруливает на полосу. Теперь она одна и могла полагаться только на себя. Это пугало. Хотя не так уж давно она тоже была в Лондоне одна. Тогда она испытывала такое волнующее чувство свободы. И она любила.

Теперь она не любит. Одно небольшое утешение.

Эмма пошла к выходу, настороженно и испуганно вглядываясь в толпу. Мгновение назад она была совершенно незаметной среди толчеи аэропорта, а теперь, оставшись в одиночестве, чувствовала себя уязвимой.

Эмма не могла избавиться от ощущения, что Дрю притаился где-то за спинами людей, улетающих в Феникс, или среди бизнесменов, ожидающих посадку на рейс в Чикаго. Не поднимая головы, она прошла мимо сувенирного магазинчика. Возможно, он здесь, коротает время у россыпи журналов и сейчас шагнет вперед, окликнет по имени, а затем вопьется пальцами ей в плечо. Эмма заставила себя идти дальше, а не бежать к выходу на посадку, умоляя задержать самолет Марианны, чтобы та снова оказалась рядом.

— Эмма! — Ноги у нее подкосились, сердце остановилось. — Это ты?

Побледнев от ужаса, она глядела на Майкла, видела, как шевелятся его губы, но слышала только рев у себя в голове.

Радость на его лице померкла, и он увлек Эмму к креслу. Пожалуй, ее можно просто уложить в него, такой она казалась безжизненной. Майкл ждал, пока она придет в себя.

— Лучше?

— Да. Со мной все в порядке.

— Ты всегда падаешь в обморок, когда встречаешь в аэропорту друзей?

Эмме удалось выдавить нечто вроде улыбки:

— Дурная привычка. Но ты действительно напугал меня.

— Вижу.

«Напугал — не то слово», — подумал Майкл. На ее лице был написан самый настоящий ужас. Так она выглядела, когда он вытащил ее из воды больше десяти лет назад.

— Обождешь минутку? Я только скажу родителям, почему сбежал от них. — Эмма кивнула, и он повторил: — Жди.

— Да, я подожду.

Выполнить обещание было просто, так как она сомневалась, что сможет подняться на ноги. Эмма начала медленно, глубоко дышать. Она уже и так опозорилась, поэтому ей не хотелось выглядеть лепечущей идиоткой, когда вернется Майкл. Он отсутствовал всего несколько минут, но Эмма была уверена, что уже вновь обрела самообладание.

— Куда ты летишь? — спросила она.

— Я? Никуда. Это мать отправляется на конгресс, а отец потащился вместе с ней. Он не любит оставлять машину у аэропорта,

и я подбросил их. Ты только что прилетела?

— Нет. Я здесь недели две. Сейчас провожала подругу.

— Ты здесь по делам?

— Нет. В общем, и да, и нет.

Прибыл еще один самолет, и мимо двинулись новые потоки людей. Эмма опять стала вглядываться в них, борясь с охватившей ее паникой.

— Мне пора.

— Я провожу тебя. Майк не предложил ей руку, интуитивно чувствуя, что она избегает прикосновений. — Значит, ты здесь с мужем?

— Нет. Он в Нью-Йорке. Мы... — Ей нужно почаще произносить это вслух, чтобы привыкнуть. — Мы разошлись.

— О... Извини. — Майкл чуть не улыбнулся, но тут вспомнил ее реакцию в аэропорту. — Полюбовно?

— Надеюсь. — Эмма поежилась— Господи, как здесь холодно.

Майкл открыл было рот. «Не твое дело, — напомнил он себе, — каким был этот брак и чем завершился».

— Долго собираешься пробыть в городе?

— Еще не знаю.

— Как насчет того, чтобы пообедать или выпить вместе?

— Не могу. Через час у меня встреча.

— Тогда поужинай со мной.

— Здесь я стараюсь особенно не высовываться, в рестораны не хожу.

— Как насчет жареного мяса во дворе моего дома?

— Ну...

— Вот мой адрес. — Достав визитную карточку, Майкл быстро записал, — Заедешь к семи, и мы приготовим пару кусочков. Не волнуйся, тебя никто не увидит.

Эмма внезапно поняла, как ей было бы страшно сидеть в номере, уткнувшись в принесенный ужин и переключая телевизионные каналы в надежде отвлечься от дум.

— Согласна.

Майкл хотел предложить ей свои услуги, но увидел у тротуара белый лимузин.

— В семь часов, — напомнил он.

Эмма улыбнулась на прощание, и они разошлись в разные стороны. Майкл гадал, сможет ли найти уборщицу днем да еще в пятницу. А Эмма прошла мимо лимузина, встала в очередь на такси и машинально перевернула карточку.

Детектив М. Кессельринг

Отдел по расследованию убийств

Вздвогнув, Эмма уронила ее в сумочку. Странно, она забыла, что Майкл полицейский. Как и его отец.

* * *

Кипу газет за две недели Майкл запихнул в шкаф. Взглянув на забитые до отказа баки, он не мог поверить, что столько мусора способны оставить после себя один человек и одна собака. Но больше всего Майкла возмущало то, что в Лос-Анджелесе в пятницу вечером нельзя найти уборщицу.

Сначала он разлил на кухне целый флакон «Топ джоб», одолженный у соседки, и теперь здесь пахло, как в сосновом бору. Потом он заманил Конроя в ванную, помахивая у него перед носом колбасой, и закрыл стеклянные двери.

— Улыбнись и терпи, парень, — сказал Майкл ошестинившемуся от негодования псу.

Он истратил на Конроя полфлакона шампуня, но тот снес все как солдат. Пробовал, конечно, подвывать, но, возможно, это было ответом на пение хозяина. Когда оба завернулись в махровые полотенца, Майкл стал искать в бельевом шкафу фен, заодно отыскал и сковороду, которую давно считал потерянной.

В первую очередь он высушил Конроя.

— Ты должен благодарить своего хозяина, — возвестил Майкл. — Твоя приятельница понюхает тебя и больше не взглянет в сторону этого заносчивого кобеля немецкой овчарки.

Еще полчаса ушло на то, чтобы устранить следы потопа и собачью шерсть. Майкл уже готовился испробовать свои силы в приготовлении салата, когда подъехала машина. Он ожидал, что Эмма приедет в своем лимузине или в шикарном автомобиле, взятом напрокат, но увидел, как она расплатилась с таксистом.

Ветерок ерошил ее волосы и раздувал хлопчатобумажную рубашку, в которой девушка казалась еще миниатюрнее и женственнее. Она смахнула волосы с лица и посмотрела на дом. Она похудела, как Майкл заметил еще в аэропорту, причем сильно. Из стройной превратилась в невыносимо хрупкую.

В ней появилась какая-то неуверенность, чего он раньше никогда не замечал: в походке, в испуганных взглядах через плечо. Майкл уже достаточно прослужил в полиции и много раз наблюдал такую безотчетную панику. У подозреваемых. И у жертв. Судя по ее виду, Эмма готова была удрать, поэтому он быстро распахнул дверь:

— Нашла, значит?

Она замерла, потом, узнав его, расслабилась.

— Да. Ты купил себе дом, — сказала она и тут же почувствовала себя глупо. — Приятный район.

Не успела она войти, как к двери подбежал Конрой. Он рвался на свободу, желая поваляться в грязи и на траве, чтобы избавиться от недостойного и слишком человеческого запаха шампуня.

— Стой! — приказал Майкл.

Но окрик не подействовал бы на пса — его остановило нежное воркование Эммы.

— О, у тебя есть собака. — Нагнувшись, она потрепала Конроя по голове. — Ты хороший пес, да? — Тот не склонен был возражать, сел и позволил Эмме почесать его за ухом. — Да, хороший пес. Такой милый пес.

Еще никто не обвинял его в том, что он милый. Конрой уставился на Эмму одним глазом, скрытым космами, и, повернувшись к Майклу, ухмыльнулся.

— Что ты наделала, теперь он будет дожидаться регулярной похвалы.

— Я всегда хотела иметь собаку.

Конрой прижался к ее ногам, выражая преданность.

— Я дам тебе пятьдесят баксов, если ты забереешь у меня эту.

Эмма рассмеялась, и Майкл увлек ее в дом.

— Как мило.

Она обошла комнату, ей нравилось слышать за спиной звук собачьих шагов.

Большое серое кресло выглядело таким удобным. Длинная низкая кушетка будто приглашала вздремнуть после обеда. На полу лежало одеяло в серую и красную полоску — одновременно ковер и подстилка для Конроя. Вертикальные жалюзи впускали в комнату полосы света.

— А я думала, ты живешь в каком-нибудь коттедже на побережье. О, «Ноги Марианны».

Обрадованная, Эмма подошла к фотографии, висящей над кушеткой.

— Я купил ее на твоей выставке.

— Почему? — удивилась она.

— Почему купил? — Майкл задумчиво сунул в карманы большие пальцы. — Она мне понравилась. Если ты хочешь поговорить со мной о полутонах и технике, забудь. Все дело в том, что это великолепные ноги, снятые с умом.

— Твое мнение гораздо приятнее рассуждений о технике. Улыбнувшись, Эмма снова повернулась к снимку. Чтобы сделать снимок, ей потребовалось больше двух часов. В нем не было чего-то технически сложного, просто они с Марианной не могли сойтись во взглядах на туфли. В конце концов выбрали простые черные тапочки.

— Тебе не обязательно было покупать фотографию. Я знаю, какие умопомрачительные цены выставил Раньян. По крайней мере один снимок я тебе должна.

— Один ты мне уже дала.

Эмма вспомнила фотографию Майкла с отцом, которую она сделала давным-давно.

— Ну, тогда я еще не была профессионалом.

— Полагаю, ранняя Макавой будет стоить приличных денег, если я вздумаю продать снимок.

Эмма быстро инстинктивно отдернула руку, когда он коснулся ее. «Пугливая и недоверчивая», — машинально отметил Майкл. Впрочем, это естественно, когда распадается брак.

— Пойдем на кухню. Я как раз начинал готовить ужин.

Конрой последовал за ними и, когда Эмма села за стол, влюбленно положил голову на ее ногу. Майкл налил вино в бокалы, одолженные у соседки, затем включил радио.

— Давно ты живешь здесь? — спросила Эмма, лениво поглаживая собаку ногой.

— Почти четыре года.

Майкл разложил на столе овощи и недоуменно взглянул на них. Жаль, что он не поинтересовался у соседки, как готовится салат. Ополоснув латук, он взялся за соседский нож для разделки мяса.

— Что ты делаешь? — спросила Эмма.

— Готовлю салат. — От ее взгляда Майкл замер с ножом в Руке, занесенным над головкой чеснока. — Может, салат тебе не нравится?

— Я предпочла бы пломбир с орехами, но салат мне тоже нравится.

Встав, Эмма отобрала четыре крупных помидора, несколько перцев разных цветов и формы, лук, грибы, какую-то тыкву, цветную капусту и пучок моркови.

— Этого более чем достаточно, — заключила она.

— Я всегда готовлю много, — сымпровизировал Майкл. — Конрой настоящий истребитель салатов.

— Понятно, — улыбнулась Эмма и отобрала у него нож. — Давай я займусь этим, а ты приготовишь мясо.

— Ты умеешь готовить?

— Да, — засмеялась она. — А ты?

— Нет.

Она пахла, как дикие цветы, свежо и нежно. Майклу захотелось прижаться губами к ее шее. Но он лишь коснулся волос на затылке, и в глазах Эммы появилась тревога.

— Я даже не представлял, что ты умеешь готовить.

— Мне это нравится.

Майкл стоял близко, но не настолько, чтобы она испугалась. Возможно, это было неловко, но не страшно.

— У тебя хорошо получается.

— Пять лет я завоевывала призы за резку овощей. А теперь уходи.

Когда салат был готов, Эмма поставила его на круглый деревянный стол у симпатичной клумбы с петуниями. Увидев, что Майкл неплохо справляется с мясом, она вернулась в дом. Упаковка бумажных тарелок поставила Эмму в тупик. Кроме нее, в буфете были три пустые бутылки из-под пива, ящик, заполненный кетчупом и пакетиками с горчицей, а также целые залежи консервированной пасты; в посудомоечной машине оказалось постельное белье, а в

микроволновой печи — две симпатичные фарфоровые тарелки с бутончиками роз по краям, такие же блюда, пара ножей и вилок.

К тому времени, как Майкл пожарил мясо, Эмма уже накрыла на стол.

— Салатницу я не нашла, — сказала она.

— Ага, салатница, — глубокомысленно произнес он, ставя мясо.

Сейчас, когда Эмма здесь, улыбается ему, а ее рука лежит на голове собаки, глупо делать вид, что он знает, как готовить. Если им суждено познакомиться друг с другом по-настоящему, пусть она с самого начала узнает, куда попала.

— Позаботься, чтобы у Конроя не возникло никаких мыслей по поводу моего бегства, — сказал Майкл и перемахнул через проволочную ограду. Вскоре он вернулся с бутылкой «Вишбон» и толстой синей свечой. Засмеявшись, Эмма оглянулась и увидела женщину, стоящую у двери соседнего дома. Так как это показалось ей совершенно естественным, она помахала соседке рукой.

— Миссис Петровски тебя приветствует, — сказал Майкл.

— Это ее посуда?

— Ага.

— Очень милая.

— Я хотел, чтобы на этот раз было лучше, чем бутерброд на пляже.

Эмма пододвинула ему салат.

— Я рада, что ты пригласил меня. В Нью-Йорке мы не смог ли тогда поговорить и посмотреть город. Извини.

— В следующий раз, — ответил Майкл, разрезая мясо.

Они сидели за столом почти до темноты. Эмма уже забыла, что можно болтать о пустяках, смеяться за ужином под негромкую музыку при свете мерцающей свечи. Конрою перепала часть жаркого Эммы, и теперь пес храпел у ее ног. Впервые за много месяцев она почувствовала, что дикое напряжение и страх покидают ее.

Майкл заметил перемену в настроении гостыи, словно мышцы У Эммы постепенно расслаблялись одна за другой. Она не упоминала о своем браке, и Майклу это казалось странным. У его знакомых мужчин и женщин, прошедших через развод, это было излюбленной темой.

Когда из радиоприемника донесся вкрадчивый голос Розмари Клуни, Майкл поднял Эмму на ноги.

— Под старые вещи танцевать лучше всего, — сказал он.

— Вообще-то я не...

— И мы доставим такую радость миссис Петровски.

Он мягко привлек ее к себе, и Эмма машинально начала двигаться в такт музыке, закрыв глаза и сосредоточившись на том, чтобы игнорировать чувства, заползающие в душу. Она не хотела чувствовать ничего, кроме умиротворенности.

Они танцевали на траве. Ветерок стих до еле заметного шелеста, и когда Эмма открыла глаза, то увидела пламенеющее на западе небо.

— Дожидаясь тебя, я прикинул, что мы знакомы около восемнадцати лет.

Он провел пальцем по ее руке. На этот раз Эмма не отпрянула, но застыла на месте.

— Восемнадцать лет, — повторил Майкл. — А дни, проведенные с тобой, можно сосчитать на пальцах одной руки.

— В первую нашу встречу ты совершенно не обратил на меня внимания, — улыбнулась Эмма. — Тебя ошеломило «Опустошение».

— Одиннадцатилетние мальчишки не замечают девочек. Это приходит к тринадцати годам, в редких случаях к двенадцати.

Прыснув, Эмма не стала возражать, когда Майкл привлек ее чуть ближе.

— Я это где-то вычитал. Полностью развитыми они становятся лишь тогда, когда юная особь мужского пола ждет номер «Иллюстрированного спорта» с купальными костюмами так же нетерпеливо, как и футбольное обозрение.

— Ты много потерял. Я тогда безоглядно влюбилась в тебя.

— Неужели?

— По уши. Твой отец рассказал мне, как ты свалился с крыши, катаясь по ней на роликовых коньках. Я хотела спросить тебя об ощущениях.

— До или после того, как я пришел в сознание?

— В полете.

— По-моему, я провел в воздухе около трех секунд. Лучшие три секунды моей жизни.

Эмма надеялась, что он скажет именно это.

— Твои родители живут там же?

— Да. Их не выгонишь оттуда и гаубицей.

— Как хорошо, — мечтательно произнесла Эмма, — иметь такое место, которое всегда будет домом. Я чувствовала то же самое по отношению к квартире-студии.

— Ты собираешься жить там, когда вернешься?

— Не знаю. — В ее глазах появилось затравленное выражение. — Может, я никогда не вернусь туда.

«Наверное, она любит мужа и переживает, что брак распался», — подумал Майкл.

— У нас вдоль побережья есть симпатичные места. Я помню, тебе нравится вода. Ты по-прежнему хочешь научиться серфингу?

— Я много лет не вспоминала о нем, — грустно улыбнулась Эмма.

— В воскресенье я свободен и дам тебе урок. — Она увидела в его глазах вызов, и этого оказалось достаточно, чтобы поймать ее на крючок.

— Хорошо.

Майкл коснулся ее виска поцелуем, таким естественным, что Эмма, казалось, не заметила этого.

— Знаешь, когда я сказал, что сожалею о вашем разрыве, я солгал.

Она сразу отшатнулась и начала собирать посуду, но Майкл прикрыл ладонью ее руку.

— Тебя это не очень удивило, правда?

Эмма заставила себя поднять глаза на Майкла, который не отрываясь смотрел на нее — требовательно, даже нетерпеливо.

— Нет. — И она ушла с посудой в дом.

Он не стал нажимать. Эмма такая ранимая после распада брака. Он даст ей время... сколько сумеет вытерпеть.

Эмма больше не расслабилась. Не смогла. Что она за женщина? Едва ушла от одного, а ее уже влечет к другому. Она не хотела об этом думать. Решение принято. Она больше никогда не позволит чувствам овладеть ею. Ни за что не позволит себе опять попасть в капкан любви и брака. Теперь ей хотелось вернуться в гостиницу, запереть двери и на несколько часов ощутить себя в безопасности.

— Уже поздно. Можно вызвать такси?

— Я отвезу тебя.

— Это необязательно. Я могу...

— Эмма, я отвезу тебя.

«Прекрати. Прекрати», — велела она себе и разжала стиснутые пальцы.

— Благодарю.

— Расслабься. Если ты не готова к нашей будущей романтической связи, я могу подождать. Ждал же я восемнадцать лет.

Эмма не знала, смеяться ей или сердиться.

— Связь подразумевает двоих, — весело заметила она. — А я дала зарок.

— Ты же слышала: я готов подождать. — Майкл взял ключи, пес с лаем подпрыгнул. — Он любит кататься в машине. Конрой, заткнись.

Чувствуя в Эмме союзницу, пес кинулся к ней.

— Можно он поедет? — спросила она, когда тот положил голову ей на ногу.

— У меня «МГ».

— Я не возражаю против тесноты.

— Он тебя испачкает.

— Ничего.

Конрой следил за разговором, наострив уши, и Майкл готов был поклясться, что наглец ухмыляется.

— Ты победил.

Конрой бросился на улицу, полпути смахнув хвостом сумочку Эммы.

Майкл нагнулся за ней, застежка расстегнулась, содержимое вывалилось наружу. Он увидел пистолет тридцать восьмого калибра. Эмма молча наблюдала, как Майкл разглядывает оружие. Высший класс, лучший автоматический пистолет такого калибра из всех предложенных фирмой «Смит и Вессон». Его чувствуешь в руке, это не дамская игрушка. Он предназначен для серьезного дела. Майкл вынул обойму, убедился, что она полная, и вставил на место.

— Зачем он тебе?

— У меня есть разрешение.

— Я не о том.

Эмма начала собирать с пола свои вещи.

— Ты не забыл, что я живу в Нью-Йорке? — Она произнесла это легко, но в желудке у нее все перевернулось. Так случилось, когда она лгала. — В Манхэттене большинство женщин носит оружие для самообороны.

— Значит, он у тебя давно?

— Много лет.

— Очень интересно, так как эта модель появилась в продаже месяцев шесть назад. А, судя по его виду, пистолет находится в сумочке дня два.

Когда Эмма поднялась, она дрожала всем телом.

— Если ты собираешься устроить мне допрос, почему бы не сообщить о моих правах?

— Перестань лгать, Эмма. Такое оружие покупают не для того, чтобы отпугивать бродяг.

Эмма ощутила паническую дрожь, в горле пересохло, в животе забурлило. Майкл в ярости. Она видела это по тому, как потемнели его глаза.

— Это мое дело. Если ты собираешься проводить меня до гостиницы...

— Сначала мне хочется узнать, зачем ты носишь с собой оружие, почему солгала мне и почему сегодня в аэропорту выглядела такой напуганной.

Эмма молчала. Просто смотрела на него безучастным, отрешенным взглядом. Так на Майкла однажды смотрела собака, приползшая к краю их газона. Его мать тогда испугалась, вдруг собака бешеная. Но когда ее отнесли к ветеринару, выяснилось, что она избита. Причем били пса часто и жестоко. Поэтому ветеринару даже пришлось его усыпить.

Майкл шагнул к Эмме, охваченный бессильной яростью, и молодая женщина отступила.

— Что он с тобой сделал?

Майкл хотел выкрикнуть это, но получилось какое-то шипение сквозь зубы. Конрой перестал царапать дверь и с непонимающим видом уселся перед ней.

— Эмма, что он с тобой сделал?

— Мне... пора ехать.

— Черт побери, Эмма. — Майкл протянул к ней руку, но она прижалась к стене, и ее глаза расширились от ужаса.

— Нет. Пожалуйста.

— Я не прикоснусь к тебе. Хорошо? — Его голос был спокойным и тихим, лицо совершенно бесстрастным. — Я не причиню тебе

боли. — Не отводя от нее взгляда, он сунул пистолет в сумочку и пододвинул ее Эмме. — Тебе нечего меня бояться.

— Я не боюсь, — ответила она, не в силах унять дрожь.

— Ты боишься Латимера?

— Я не хочу говорить о нем.

— Я могу тебе помочь, Эмма.

— Нет, не можешь.

— Могу. Он угрожал тебе? — Не получив ответа, Майкл шагнул к ней. — Он ударил тебя?

— Я развожусь с ним. Какая разница?

— Чертовски большая. Мы можем получить ордер.

— Нет, я хочу, чтобы все скорее закончилось, Майкл. Я не могу говорить с тобой об этом.

Он молчал, буквально ощущая, как ужас постепенно покидает Эмму, и не хотел снова пугать ее.

— Хорошо. Я знаю, куда ты можешь пойти и поговорить об этом. Поговорить с людьми, которым известно, что это такое.

Неужели есть люди, которые знают, что это такое?

— Я не хочу, ни с кем говорить и не допущу, чтобы об этом читали посторонние. Это тебя не касается.

— Ты так думаешь? — тихо произнес Майкл.

Эмма чувствовала жуткий стыд. В его глазах было нечто такое, в чем она нуждалась, очень нуждалась. Если бы только у нее хватило мужества довериться ему. А Майкл просил лишь о том, чтобы она поверила ему. Но однажды она уже поверила.

— Я знаю. Это мои трудности, и я справлюсь с ними сама.

— Тебе необязательно делать это в одиночку.

— Он лишил меня самоуважения, — тихо сказала Эмма. — И если я не сделаю это сама, то уже никогда не смогу уважать себя. Пожалуйста, отвези меня в гостиницу. Я очень устала.

Глава 35

Значит, эта сука решила, что может запросто уйти от него? Может выйти за дверь и отправиться куда угодно? Когда он ее найдет, то вправит ей мозги. А найдет он ее обязательно. Дрю горько сожалел, что не избил жену сильнее перед ее отлетом во Флориду.

Ему надо было не спускать с нее глаз, ведь ей же нельзя доверять. Мужчины должны верить только проституткам. Те выполняют свою работу, получают за нее деньги, и все. Между честной проституткой и шлюхой целая пропасть. А его женушка с милым лицом — шлюха. Такая же, как и его мать.

И у нее еще хватило духа смыться. Хватило наглости перевести на себя деньги и закрыть кредит. Дрю был опозорен в магазине, когда продавец отобрал у него кашемировый плащ, холодно заметив, что кредитная карточка закрыта.

Она за это заплатит, будь он проклят.

Потом эта дрянь заставила какого-то сопливого адвоката прийти к нему с бумагами на развод. Да он скорее убьет ее, чем согласится.

Нью-йоркский адвокат ничем не помог. Развел ахинею о профессиональной этике по отношению к другой фирме. Миссис Латимер не желает открывать свое местонахождение. Не беспокойтесь, он найдет ее и вышибет из нее дурь.

Сначала он испугался, что Эмма вернулась к отцу. Учитывая предстоящую благотворительную акцию и его намерения заняться сольной карьерой, Дрю не хотел, чтобы против него выступил такой влиятельный человек. Но тут Брайан позвонил сам, чтобы сообщить о смерти мамы Эммы. К счастью, Дрю быстро нашелся: Эмма ушла, мол, на весь вечер с подругами, но он обязательно передаст ей. Если Макавой не знает, где находится его сука-дочь, то и другие члены группы не знают. Бев тоже отпадает. Если бы Эмма отправилась в Лондон, папаша был бы в курсе.

Или они водят его за нос, хохоча над ним. Если это действительно так, он оплатит Эмме с процентами.

Ее нет уже больше двух недель. Что ж, пусть она хорошо использует это время — ей предстоит заплатить за каждый час.

Дрю поежился, втягивая голову в плечи. Кожаный пиджак защищал от холода ранней весны, но в ушах шумело от ветра. Или, возможно, от бешенства. Эта мысль ему понравилась больше, он даже усмехнулся, направляясь к метро.

Пользоваться этим видом транспорта было для него унижительно, но в данных обстоятельствах менее опасно, чем такси. Дрю не терпелось сделать что-нибудь этакое... неприятное Марианне.

Эмма солгала ему. Ее подруга тоже была на похоронах. Дрю видел их на снимке в газете. Несомненно и то, что Марианна стала соучастницей его женушки. Она знает, где прячется Эмма. Но когда он с ней закончит, она с радостью это выложит. Дрю воспользовался ключом, отобранным у Эммы несколько месяцев назад. Войдя в подъезд, он набрал код и, когда двери лифта закрылись за ним, с нетерпением потер костяшки пальцев. Он надеялся, что Марианна еще в постели.

В квартире было тихо. С радостно колотящимся сердцем Дрю бесшумно двинулся по лестнице и поднялся наверх. Там его ждало разочарование: кровать пуста, а постель хоть и смятая, но холодная. Разочарование было столь велико, что Дрю выплеснул его, учинив в квартире погром. Целый час он в ярости разрывал одежду, крушил посуду, вспарывал подушку за подушкой взятым на кухне ножом.

Он вспомнил о картинах в студии, но, когда направился туда, зазвонил телефон. Дрю подскочил от неожиданности. Он тяжело дышал, глаза заливал пот, болела прокушенная при уничтожении дивана губа.

На четвертом звонке включился автоответчик:

— Марианна...

Услышав голос жены, Дрю скатился по лестнице и чуть было не схватил трубку.

— Наверное, ты еще в постели или у тебя руки в краске, так что перезвони мне. Попробуй все-таки застать меня утром. Я иду брать уроки серфинга. Представляешь, уже могу стоять на доске целых десять секунд. Не завидуй, сегодня в Лос-Анджелесе будет настоящее пекло. Звони.

В Лос-Анджелесе, значит. Обернувшись, Дрю впился взглядом в портрет жены на оштукатуренной стене.

* * *

Через час, когда Эмма уже выходила, раздался звонок. Она вернулась, заперла за собой дверь и лишь после этого взяла трубку.

— Эй, привет. — Голос Марианны был сонный и довольный.

— И тебе привет. Только что встала? В Нью-Йорке, должно быть, полдень.

— Я еще в кровати. Кровати дантиста.

— Ставишь коронку?

— Давай скажем так: его таланты выходят за рамки зубной гигиены. Я позвонила домой, и автоответчик выдал мне твое послание. Ну, как ты?

— У меня все в порядке.

— Рада слышать. Майкл идет с гобой?

— Нет, он работает.

Марианна поморщилась. Раз уж она сама не могла присматривать за Эммой, то рассчитывала, что это сделает полицейский. Услышав шум душа, она лениво подумала о любовнике, которому следовало бы вернуться к ней в кровать, а не бежать сражаться с кариесом.

— Больные зубы или плохие люди... наверное, мужчина должен выполнять то, что ему предназначено. Слушай, я надеюсь через пару недель приехать к тебе.

— Чтобы меня проверить?

— Точно. И наконец познакомиться с Майклом, которого ты столько лет скрываешь. Ладно, Эмма, развлекайся. Я позвоню тебе завтра.

* * *

Майклу нравилась оперативная работа. Конечно, он не возражал против работы с бумагами, телефонных переговоров или хождения от двери к двери. Но больше он любил действовать на улице.

В первые годы Майклу как сыну капитана пришлось выслушать много подначек, и добродушных, и не очень, но он их игнорировал. Золотой значок достался ему потом и кровью. Вернувшись в участок и

стацив у кого-то пончик, он умял его, стоя у кофеварки и листая газету.

Майкл начал с комиксов. После такой ночи ему требовалось нечто веселое. Затем он захотел перейти к спортивному разделу. Перелистывая страницы одной рукой, другой наливая кофе, он наткнулся на знакомое имя.

«ДЖЕЙН ПАЛМЕР УМЕРЛА ОТ ПЕРЕДОЗИРОВКИ НАРКОТИКОВ.

Джейн Палмер, сорока шести лет, бывшая возлюбленная Брайана Макавоя из «Опустошения» и мать его дочери Эммы, была найдена мертвой у себя дома в Лондоне. Видимо, смерть наступила от передозировки наркотиков. Тело обнаружил в воскресенье вечером Стенли Хитчмэн».

Майкл дочитал заметку до конца. В ней были только сухие факты. Однако просматривался и намек на самоубийство. Выругавшись, он отбросил газету и сказал напарнику:

— Отлучусь на час. Я должен кое-что уточнить об одном деле.

— У нас же трое задержанных, — недовольно отозвался Маккарти, прикрыв ладонью телефонную трубку.

— Вот и держи их. Один час, — повторил Майкл и вышел.

Он отыскал Эмму на пляже. Она вернулась в его жизнь лишь несколько дней назад, а Майкл уже изучил ее привычки. Эмма приходила каждый день на одно и то же место, но не для серфинга. Для исцеления. Она лежала на солнце и глядела на воду или читала в тени бело-голубого зонтика.

Эмма всегда устраивалась подальше от других. Она не искала общества, находя утешение в одиночестве. На ней был простой закрытый купальник. Однако именно эта скромность привлекала внимание мужчин. У большинства из них возникала мысль познакомиться с Эммой, но хватало одного ее взгляда, чтобы они проходили мимо.

Майклу казалось, будто она окружена стеклянными стенами: прозрачными, холодными и непроницаемыми. Интересно, чувствует ли Эмма запах кокосового масла, слышит ли разноголосую музыку радиоприемников?

Он подошел к ней ближе других. Но Эмма возвела еще одну линию обороны, удерживающую на расстоянии даже близких друзей.

— Эмма.

С невыносимой болью он увидел, как она вздрогнула (непроизвольное паническое движение) и выронила книгу, которую читала. Потом ее губы чуть дрогнули в улыбке, тело расслабилось. Переход от спокойствия к панике и снова к расслаблению произошел за какие-то секунды. Майкл подумал, что Эмма привыкает жить в страхе.

— Я не ожидала увидеть тебя сегодня. Прогуливаешь?

— — Нет. У меня всего несколько минут.

Он сел рядом с ней. Ветерок с моря распахнул его куртку, и Эмма успела заметить кобуру. Ее всегда потрясало сознание того, чем Майкл зарабатывает себе на жизнь. Он абсолютно не соответствовал сложившемуся у нее образу полицейского. Даже сейчас она не верила, что Майкл способен воспользоваться оружием.

— Ты выглядишь усталым.

— Тяжелая ночь.

Эмма улыбнулась. Наверное, решила, что он говорит о свидании. Да, большую часть ночи Майкл провел, общаясь с четырьмя трупами.

— Эмма, ты читала сегодня газеты?

— Нет.

Беды этого мира, как и живущие в нем люди, находились по другую сторону возведенной стены, но Эмма поняла, что ей нужно подготовиться к чем-то неприятному.

— Что случилось? — Когда Майкл взял ее руку, она забеспокоилась. — Папа?

— Нет. — Он выругал себя за то, что не перешел сразу к делу. Ее рука превратилась в лед. — Джейн Палмер. Она умерла.

Эмма уставилась на него, словно он говорил на непонятном языке.

— Умерла? Как?

— Видимо, передозировка наркотиков.

— Ясно.

Высвободив руку, она повернулась к морю. Вода, бледно-голубая у берега, темнела и менялась, уходя к горизонту переливчатой драгоценной синевой. Эмма подумала, каково быть там, вдали от всего, одиноко качаясь на волнах.

— Мне полагается что-нибудь чувствовать? — пробормотала она.

Майкл понял, что Эмма обращается к себе, но все же ответил:

— Нельзя чувствовать то, чего нет.

— Да, нельзя. Я никогда не любила ее, даже в детстве. Мне жаль, что она умерла. Хотя это безличная скорбь, какую испытываешь, прочтя в газете о погибших в автокатастрофе или при пожаре.

— Этого достаточно. — Майкл снова взял ее руку (у него уже выработалась такая привычка). — Слушай, мне пора возвращаться, но к семи я освобожусь. Почему бы нам не прокатиться? Тебе, мне и Конрою.

— С удовольствием.

Когда Майкл встал, она протянула ему руку. Мимолетное прикосновение, и вот уже Эмма отвернулась, снова глядя на море.

* * *

Дрю приехал в «Беверли-Уилшир» в начале четвертого. Это была первая гостиница, в которой он решил попытаться счастья, испытывая одновременно радость и отвращение от предсказуемости Эммы. В Лондоне — «Конно», в Париже — «Ритц», на Виргинских островах — «Литл-Дикс-Бей», в Лос-Анджелесе всегда «Уилшир».

Увидев в регистратуре молодую привлекательную женщину, Дрю понял, что ему сопутствует удача.

— Привет.

Сверкнув улыбкой, он проследил, как вежливость на ее лице сменилась узнаванием, затем радостью.

— Добрый день, мистер Латимер.

— Оставим это между нами, хорошо? — Он поднес руку девушки к губам. — Я приехал к жене, но, боюсь, по рассеянности забыл, в каком номере она остановилась.

— Миссис Латимер остановилась у нас? — удивилась администратор.

— Да, а у меня были кое-какие дела, и я приехал только сейчас. Вы можете мне, не так ли?

— Конечно. — Ее пальцы забегали по клавиатуре. — Миссис Латимер у нас нет.

— Да? Возможно, она зарегистрировалась как Макавой. — Дрю с трудом сдерживал нетерпение.

— Извините, Макавоев у нас тоже нет.

Ему захотелось схватить женщину за горло, но он все же удержал на лице недоумевающую улыбку.

— Странно. Я почти уверен, что не напутал с гостиницами. Эмма не останавливается нигде, кроме «Уилшира», — медленно произнес он, обдумывая варианты. — Ну конечно. Как я мог забыть. Некоторое время Эмма жила здесь с подругой, вероятно, номер на ее имя. Попробуйте Марианну Картер. Это скорее всего на третьем этаже. Эмма недолюбливает высоту.

— Да, вот. Люкс номер 305.

— Слава богу, — улыбнулся он, подавляя неистовую ярость. — Вы мне очень помогли, дорогая.

— Мне это доставило удовольствие, мистер Латимер.

«О нет, — думал он, направляясь к лифту, — это доставит удовольствие мне». Больше того, он просто насладится. Достав из сумки портативный магнитофон и ремень из толстой кожи, он плотно задвинул шторы на окнах, закурил и стал ждать.

* * *

— Кессельринг, — позвал его молодой детектив, заглянувший в комнату для допросов, где Майкл с напарником изматывали подозреваемого. — Вам звонят.

— Я занят, Драммонд. Спроси, что надо.

— Она говорит, это срочно.

Сразу подумав об Эмме, Майкл выскочил к телефону и схватил трубку:

— Кессельринг.

— Майкл? Это Марианна Картер, подруга Эммы.

— Ну да, — раздраженно буркнул он и полез в карман за сигаретой. — Вы в городе?

— Нет, я в Нью-Йорке. Только что вернулась в квартиру. Я... Кто-то учинил здесь разгром.

— Разумнее обратиться в местную полицию. — Майкл потер уставшие глаза. — Я не смогу попасть к вам раньше чем через несколько часов.

Марианна проигнорировала сарказм:

— Мне совершенно наплевать на квартиру, я беспокоюсь об Эмме.

— Какое она имеет к этому отношение?

— Все здесь перевернуто вверх ногами, все разрезано, разорвано, разбито. Это Дрю. Вероятно, у него есть ключ Эммы. Не знаю, как много она рассказала вам, но он страшен в ярости. Просто страшен. И я...

— Успокойтесь. Первым делом покиньте квартиру, идите к соседям или в какое-нибудь общественное место, вызовите полицию.

— Его здесь нет. — Марианна ненавидела себя за то, что ей не удавалось все объяснить быстро. — Майкл, по-моему, он знает, где Эмма. Утром она оставила сообщение на автоответчике. Дрю мог находиться здесь в это время или прослушать запись. Я уже позвонила Эмме, но она не отвечает.

— Я займусь этим. Уходите из квартиры и звоните в полицию. — И прежде чем Марианна успела ответить, положил трубку.

— Кессельринг, если ты кончил болтать со своей милашкой...

— Вперед! — Не слушая напарника, Майкл побежал к двери.

— В чем...

— Шевелись, — повторил Майкл. Маккарти прыгал в машину уже на ходу.

Глава 36

Эмма вернулась в отель около четырех, полная решимости позвонить отцу. Он должен знать о смерти Джейн и, несомненно, постарается связаться с дочерью.

Разговор будет нелегким, но без него не обойтись. Пора сказать отцу, что она ушла от Дрю. Пора также воспользоваться прессой, столь жадной до сплетен. Когда развод станет достоянием гласности, может, она перестанет бояться.

Идя по коридору, Эмма открыла сумочку, чтобы достать ключ, и пальцы скользнули по теплomu металлу пистолета. Видимо, больше не стоит носить его с собой. Пора перестать все время оглядываться.

Открыв дверь номера, Эмма нахмурилась. Шторы задернуты, в комнате темнота. Она мысленно выругала горничную и заставила себя войти в номер.

Вдруг заиграла музыка. Пальцы Эммы замерли на выключателе. Чарующее вступление, которое невозможно ни с чем спутать. Часто мучившее ее во сне. Голос убитого Леннона.

В противоположном углу комнаты зажегся свет, и Эмма, вскрикнув, отступила назад. В памяти на миг возникло лицо — неясное, но почти узнаваемое. Потом она увидела Дрю.

— Привет, милочка. Соскучилась по мне?

Выйдя из оцепенения, она метнулась к двери, но Дрю оказался проворнее. Он всегда был проворнее. Одним ударом он сбил ее с ног, отшвырнул сумочку, затем, продолжая улыбаться, запер дверь и надел цепочку.

— Нам ведь нужно уединение, правда?

От этого приятного, тихого, ласкового голоса у Эммы пробежали по спине мурашки.

— Как ты нашел меня?

— О, существует много способов, Эмма. Например, связь между тобой и мной. Разве я не говорил, что найду тебя?

У нее за спиной продолжала играть музыка. Это кошмарный сон. Она сейчас проснется в холодном поту, и все исчезнет.

— Угадай, что я получил? Бумаги на развод. Согласись, это было не очень красиво. Я две недели не знал, где ты, беспокоился. Вдруг

тебя похитили, — ухмыльнулся он. — Возможно, даже убили, как твоего несчастного маленького брата.

— Не надо.

— А, разговоры о нем тебя очень расстраивают? И музыка тоже? Выключить ее?

— Да.

Она сможет думать. Она должна сообразить, что ей делать.

— Ладно. — Дрю сделал шаг к магнитофону и остановился. — Нет, лучше ее оставить. Учись принимать вещи такими, какие они есть, Эмма. Я уже говорил тебе это. Да?

— Я принимаю их такими.

— Хорошо. Очень хорошо. Итак, сначала ты должна позвонить своему умнику-адвокату и сказать, что передумала.

— Нет. — От страха она могла лишь шептать. — Я не вернусь к тебе.

— Конечно, вернешься. Ты принадлежишь мне. Ты удовлетворила свою прихоть, Эмма, теперь не усугубляй положение.

Она только покачала головой. Дрю выдохнул, потом взмахнул рукой и с дикой силой ударил Эмму по лицу. Она налетела на стол, и лампа грохнулась на пол. Сквозь пелену боли Эмма увидела надвигающийся силуэт и закричала. Он ударил ее кулаком в живот, обрывая крик и дыхание, а затем приступил к размеренному избиению.

На этот раз Эмма ответила. Первый удар лишь скользнул по его подбородку, но настолько удивил Дрю, что у нее появилось время отползти. Она услышала стук и требование открыть дверь. Ей удалось подняться на ноги и сделать нетвердый шаг, но Дрю опять схватил ее:

— Значит, хочешь играть по-крутому?

Он срывал с нее одежду, вонзая ногти ей в кожу, а сопротивление только распаляло его. Она будет наказана так, что никогда не забудет.

Эмма слышала чьи-то мольбы, уговоры, обещания, не узнавая своего голоса, едва ощущая удары. Теперь Дрю бил кулаками, забыв обо всем, кроме необходимости отплатить Эмме.

— Ты думала запросто уйти от меня, сука? Думала, я позволю тебе разрушить все, над чем я трудился? Да я скорее убью тебя.

Ее тело превратилось в сгусток боли. Даже вдох и выдох резали Эмму десятком тупых ножей. Так плохо ей еще никогда не было. Она

ухватилась за ножку стула, пытаясь встать, но мокрые от крови пальцы соскользнули.

У нее больше не оставалось сил сопротивляться. Эмма почувствовала, как он поднял ее, затем швырнул. Что-то ударило ее в грудь, она снова закричала и в полуобморочном состоянии вытянулась на полу.

— Сука. Шлюха. Дрянь.

Тяжело дыша, он двинулся на нее. Эмма смутно разглядела кровь, текущую у него из носа, остекленевшие, безумные глаза. Она поняла, что на этот раз Дрю перешел какую-то черту — просто избиения ему недостаточно, он жаждет ее смерти.

Щелчок ремня заставил Эмму вздрогнуть. Ее всхлипывания перешли в завывания, а он продолжал щелкать ремнем в такт музыке, медленно надвигаясь на Эмму. Она рухнула. Удар криком отозвался во всех уголках ее тела, комната закружилась перед глазами.

Эмма услышала, как выкрикивают ее имя. Что-то затрещало. Был ли это звук треснувшего дерева или переломилось ее тело? Удар ремня отбросил ее в сторону, и пальцы наткнулись на металл. Стиснув не глядя пистолет, задыхаясь от боли, Эмма привстала и увидела лицо Дрю, замахнувшегося для нового удара.

Она почувствовала, как пистолет дернулся у нее в руке.

Майкл вышиб дверь в тот момент, когда Дрю отшатнулся с изумленным выражением, затем, качнувшись, снова поднял ремень. Майкл держал оружие наготове, но Эмма опередила его. Она выстрелила еще раз и продолжала нажимать на курок и после того, как тот сухо щелкнул, и даже после того, как Дрю свалился к ее ногам.

— Господи Иисусе, — произнес Маккарти.

— Не пускай сюда никого.

Сняв куртку, Майкл укутал Эмму. Та продолжала стрелять из разряженного пистолета, и Майклу не удалось вытащить его из намертво сведенной руки.

— Эмма. Малышка. Все хорошо. Все уже позади, — говорил он, нежно погладив ее по голове.

Ему потребовалась вся его воля, чтобы не дать выход ярости. Лицо Эммы представляло собой кровавое месиво, один глаз полностью заплыл, второй остекленел от шока.

— Отдай мне пистолет, детка. Он больше не нужен. Все в порядке. — Майкл встал, чтобы Эмма могла видеть его лицо. — Это Майкл. Ты меня слышишь? Это Майкл. Все будет хорошо.

Он прижал ее к себе и начал укачивать. Рука у нее обмякла, и Майкл наконец вытащил пистолет. Животный вой, который вырвался у Эммы, когда он обнял ее, не был признаком горя.

— «Скорая» уже в пути. — Взглянув на тело Дрю, Маккарти сел рядом с напарником. — Изуродовал он ее изрядно, да?

Майкл продолжал укачивать Эмму, но обернулся и с ненавистью посмотрел на Дрю Латимера.

— Как жаль, что умереть можно только раз.

— Да, — покачал головой Маккарти. — Сукин сын еще сжимает ремень.

* * *

Сидя у могилы Даррена, Брайан глядел на плывущие по небу облака. Каждый раз он надеялся, что обретет здесь успокоение. Но хотя этого не происходило, Брайан снова и снова возвращался сюда.

На месте, где покоился его сын, росли полевые цветы. Он предпочел их мраморной плите с именем и датами.

Рядом похоронены родители. Брайан знал их десятки лет, однако сына он помнил отчетливее.

С кладбища были видны поля, темно-коричневые лоскуты, прорезающие густую зелень, и пятнистые коровы. Утро в Ирландии — лучшее время для того, чтобы посидеть, помечтать. Свет мягкий, жемчужный, такого Брайан не видел нигде, кроме Ирландии. Единственными пронесившимися звуками были собачий лай да отдаленное ворчание трактора.

Бев остановилась. Она не предполагала, что встретит здесь Брайана. Она приезжала сюда только тогда, когда была уверена, что он в другом месте. Она не хотела встречаться с ним у могилы, перед которой они стояли много лет» назад.

Бев собралась повернуть назад, но Брайан выглядел таким одиноким.

Они оба слишком одиноки.

Брайан не услышал шагов и обернулся, только когда на него упала тень. Бев молча положила букет сирени к мраморной плите и опустилась на колени.

Они молча слушали шелест ветра в высокой траве и далекий шум трактора.

— Хочешь, я уйду? — спросил Брайан.

— Нет. — Она нежно провела рукой по мягкой траве, укрывшей ее сына. — Он был красивым, правда?

— Да. — Брайан пытался сдержать слезы. Он уже давно не плакал здесь. — Он был так похож на тебя.

— Он взял лучшее у нас обоих, — тихо сказала она, глядя вдаль. Холмы почти не изменились. Жизнь продолжалась. Это самый трудный урок, который усвоила Бев. — Он был такой веселый, жизнерадостный. У него была твоя улыбка, Брай. И Эммы.

— Он всегда был счастлив. Думая о нем, я постоянно вспоминаю это.

— Больше всего я боялась, что когда-нибудь забуду его и память о нем со временем потускнеет. Но этого не произошло. Я помню, как он смеялся, как смех буквально выливался из него. Я никогда не слышала звука прекраснее. Я любила его слишком сильно, Брай.

— Нельзя любить слишком сильно.

— Можно. — Некоторое время Бев молчала. Раздавшееся мычание коровы почему-то заставило ее улыбнуться. — Ты думаешь, все ушло? Все, чем он был и чем мог быть, просто исчезло, перестало существовать, когда он умер?

— Не думаю. — Брайан посмотрел на нее. Его ответ все решил.

— А я думала... сначала. Возможно, именно поэтому я потеряла тебя. Было ужасно думать, что вся эта красота и радость существовали так недолго. Но со временем поняла, что это неправда. Он по-прежнему жив в моем сердце. И в твоём.

Брайан отвернулся к далеким холмам.

— Иногда я хочу забыть. Иногда делаю все, чтобы забыть. Худшая из мук — пережить своего ребенка.

— Когда это случается, понимаешь, что ничего уже столь мучительного больше не произойдет. Он был с нами почти три года, Брай. Вот что я хочу помнить. Ты был прекрасным отцом.

Бев взяла его за руки, и, когда он сжал ее пальцы, она не стала отнимать их.

— Жаль, что я не поделила с тобой боль, как делила радость. Я была эгоисткой, стараясь удержать боль, хотела, чтобы она принадлежала только мне. Но она наша, так же как нашим был Даррен.

Слезы сдавили Брайану горло. Поняв все, Бев повернулась к нему. Они обнялись и молча сидели, глядя, как поднимается солнце, высушивая росу на высокой траве.

— Я не должен был покидать тебя.

— Мы покинули друг друга.

— Почему? Почему?

— Я много думала об этом. Наверное, мы считали, что, если будем счастливы после того, как Даррена не стало, мы предадим его. Это неправильно.

— Бев. — Он уткнулся лицом в ее волосы. — Не уходи. Пожалуйста, не уходи.

— Нет, — тихо сказала она. — Не уйду.

Они вернулись на ферму, держась за руки. В комнате, залитой солнечным светом, они раздели друг друга, прерываясь только для долгих поцелуев и нежных ласк.

Брайан не был тем молодым мужчиной, который когда-то любил ее. И Бев не была той же женщиной. Оба стали более терпеливыми, уже не бросились на кровать, а медленно легли, сознавая, насколько дорог каждый момент после того, как столько времени упущено.

Но, изменившись, они не перестали понимать друг друга, и, когда Бев прильнула к нему, обоим показалось, что этих лет разлуки не было. Прижавшись губами к ее шее, Брайан впитывал знакомый запах.

Охваченные страстью, они скользили по ее краю, не желая слепо подчиняться ей, как прежде. Закрыв глаза, Бев ласкала его тело, вспоминая каждую впадинку, каждую выпуклость. Освобожденная страсть разливалась по их жилам выдержанным вином.

Бев приняла его с радостью и, когда они стали одним целым, заплакала. Прикоснувшись губами ко рту Брайана, она почувствовала вкус его слез.

Потом они лежали молча. Бев уткнулась лицом ему в плечо, дивясь, как же все просто. Минуло почти двадцать лет, половина

жизни прожита без него. И вот он здесь, под ее ладонью стучит его сердце.

— Все как прежде, — сказал Брайан, словно читая ее мысли. — И в то же время по-другому.

— Я не хотела этого, прилагала столько усилий, чтобы быть подальше от тебя. — Подняв голову, Бев заглянула ему в глаза. — Я не хотела любить так сильно.

— По-настоящему хорошо мне было только с тобой. Больше не проси отпустить тебя.

Она смахнула с его лба волосы, тронутые первой сединой.

— Я всегда боялась, что ты не очень нуждаешься во мне. Во всяком случае, не так, как я нуждаюсь в тебе.

— Ты ошибалась.

— Знаю. Мы потеряли много времени, Брай. Я хочу, чтобы ты вернулся домой.

Они провели ночь в этой старой кровати, разговаривая, занимаясь любовью. Когда зазвонил телефон, Брайан ответил только потому, что не было другого способа прервать звонки.

— Брайан Макавой?

— Слушаю вас.

— Это Майкл Кессельринг. Я давно пытаюсь связаться с вами.

— Кессельринг. — Он сразу пожалел, что произнес фамилию вслух, ибо лежащая рядом Бев напряглась. — В чем дело?

— Эмма.

— Эмма? — Брайан сел, чувствуя, как пересохло во рту. Бев сжала его плечо. — Что случилось?

Лучше говорить сразу. Майкл знал это по опыту, но сейчас было трудно подбирать слова.

— Она в больнице. Здесь, в Лос-Анджелесе. Она...

— Несчастный случай?

— Нет, ее очень сильно избили. Я объясню при встрече.

— Избили? Эмму избили? Ничего не понимаю.

— Врачи ею занимаются. Они сказали, что с ней все будет в порядке, но ей нужны вы.

— Мы выезжаем. Бев уже одевалась.

— Что случилось?

— Не знаю. Она в больнице в Лос-Анджелесе. — Брайан выругался, борясь с пуговицами рубашки.

— Вот. — Бев моментально справилась с ними. — Все будет в порядке, Брай. Она крепче, чем выглядит.

Он только кивнул и на мгновение прижал ее к себе.

Глава 37

Темнота и боль. Она разливается по телу, теплым красным океаном накрывает ее, давит, не пропуская воздух и свет. Эмма старалась подняться над ней или опуститься под нее. Однако не могла обмануть эту ноющую боль. Ее она способна вытерпеть. Но не темноту, не тишину.

Эмма попыталась шевельнуться, но, когда осознала, что не имеет понятия, стоит она, сидит или лежит, ее охватила паника. Она не чувствовала ни рук, ни ног, только выматывающую боль. Она пыталась заговорить, позвать кого-нибудь, все равно кого. Мысленно кричала, но никто ей не отвечал.

Эмма знала, что ее били, помнила, как на нее смотрел Дрю. Возможно, он еще здесь, следит за ней, ждет в темноте. На этот раз он... Возможно, она уже мертва.

Теперь она чувствовала не только боль. Она чувствовала гнев. Ей не хотелось умирать. Застонав от отчаяния, Эмма напрягла все силы и волю, чтобы открыть глаза. Наверное, веки просто зашили.

Чья-то рука коснулась ее волос. Эмма ощутила это слабое прикосновение, и к боли тут же примешался ужас.

— Спокойно, Эмма. Все хорошо. Успокойся.

Это не Дрю. Не его голос, не его прикосновение.

— Ты в безопасности. Обещаю.

Майкл. Ей захотелось произнести имя вслух, поблагодарить за то, что она в темноте не одна. Что жива. Но Эмму опять накрыла темно-красная волна.

Большую часть ночи она тонула и всплывала. Майклу сказали, что она будет крепко спать, однако ее страх боролся со снотворным. Майкл чувствовал, что этот страх выплескивается из нее каждый раз, когда Эмма всплывает на поверхность.

Он разговаривал с ней, час за часом повторяя одни и те же заверения. Его голос или слова, кажется, успокаивали Эмму, поэтому он сидел рядом, смотрел на нее, держал за руку.

Ему хотелось сделать что-то еще. Ни его подготовка, ни годы службы в полиции не научили его терпению. Беспомощно сидеть

рядом, когда любимая женщина ведет молчаливую борьбу. Ее нежное лицо изуродовано, стройное тело покрыто ссадинами.

Врачи заверили, что она не умрет. О тяжести повреждений можно будет судить позднее. А сейчас он может только ждать. И сожалеть.

Если бы он в нужный момент поднажал, то смог бы уговорить ее рассказать о том, насколько плохи дела. Ведь он же полицейский, черт возьми, и знает, как получить информацию.

Но он отступил, желая предоставить ей время и дать возможность успокоиться. Господи, он оставил ее, когда нужно было взять ее под охрану. Он далией время, когда нужно было немедленно запрашивать в Нью-Йорке ордер на арест.

И потому, что Майкл не выполнил свой долг, а позволил вмешаться чувствам, Эмма теперь лежит в больнице.

Он оставил ее только раз, когда из Нью-Йорка прилетели Марианна с Джонно.

— Майкл, что случилось?

Тот потер глаза руками. Свет в коридоре ослепил его.

— Латимер. Похоже, он проник в ее номер.

— О боже! — Марианна стиснула плюшевую собачку. — Насколько плохо обстоят дела?

— Очень плохо. Он сломал ей три ребра, вывихнул плечо. У нее травмированы внутренние органы, синяки и ссадины даже не берусь считать... Врачи говорят, что хирургического вмешательства не потребуется.

— Где этот ублюдок? — процедил Джонно, глядя на закрытую дверь.

— Мертв.

— Хорошо. Мы хотим взглянуть на нее.

Майкл уже и так надоел врачам, но, воспользовавшись своим значком, он все-таки уговорил их впустить Марианну и Джонно в палату.

— Идите к ней, а мы с сиделкой подождем в коридоре. — Он тоже посмотрел на закрытую дверь. — Эмме дали успокоительное.

Пока их не было, Майкл перебирал в памяти все дневные события, пытаясь определить, мог ли он что-нибудь изменить. Дело во времени. Если бы он взломал дверь на пять минут раньше, может, все было бы по-другому.

Увидев выходящих из палаты, Майкл встал и уступил Марианне свой стул. Глаза у нее покраснели, но он решил, что она справится.

— Я не должна была оставлять ее одну.

— Ты ни в чем не виновата, — сказал Джонно.

— Не виновата. Но я не должна была оставлять ее одну.

Не обращая внимания на запрещающую надпись, Джонно зажег сигарету и передал Марианне.

— В самолете Марианна рассказала мне все. Полагаю, ты знаешь, что этот Латимер больше года издевался над Эммой.

Майкл раздавил пластиковую чашку.

— Подробности мне неизвестны. Как только Эмма сможет говорить, ей придется дать показания.

— Показания? — удивилась Марианна. — Разве она обязана давать показания?

— Так положено. — Майкл снова взглянул на дверь. — Простая формальность.

— Но этим займешься ты, — вставил Джонно. — Мне бы не хотелось, чтобы Эмме пришлось говорить с чужим человеком.

— Я возьму у нее показания.

Марианна изучала Майкла. Он сильно повзрослел по сравнению с тем парнем на фотографии десятилетней давности. А сейчас, с темными кругами под глазами и усталыми морщинами, он выглядел даже постаревшим. Но Марианна решила, что на этого человека можно положиться. Что бы там ни заявляла ее подруга, Майкл Кессельринг абсолютно соответствовал образу полицейского, который сложился у Марианны. — Это вы убили Дрю?

Больше всего на свете Майклу хотелось ответить «да».

— Нет, я опоздал.

— Кто это сделал?

— Эмма.

— О господи, — только и сказал Джонно.

— Слушайте, я не хочу оставлять ее одну, а вы поезжайте в гостиницу, отдохните.

— Мы останемся. — Марианна взяла Джонно за руку. — И будем сидеть с ней по очереди.

Кивнув, Майкл вернулся к Эмме.

Она вынырнула на поверхность, и даже неяркий свет принес ей облегчение. Всю ночь снились бесконечные сны, причем такие странные. Большинство уже исчезло, как полночные миражи в лучах солнца. Но скоро опять начнутся кошмары. Эмма слышала отголоски музыки и шелест теней.

Она пыталась стряхнуть остатки сна, открыть глаза. Но открылся только один. Подняв руку, она нащупала повязку и сразу все вспомнила.

Страх, как дым, наполнил легкие, буквально задушив ее. Эмма повернула голову и увидела Майкла, который дремал на стуле у кровати, уронив голову на грудь и держа ее за руку. Она чуть пошевелила пальцами, и Майкл тотчас проснулся.

— Эй, — улыбнулся он, поднося ее руку к губам. — Доброе утро.

— Как... — Эмма закрыла глаза, негодуя на свой едва слышный шепот. — Как долго?

— Ты проспала целую ночь, только и всего. Больно? Очень. Но она отрицательно покачала головой. Это заставило ее поверить, что она жива.

— Это произошло на самом деле, правда?

— Все уже позади. — Желая успокоить ее не меньше, чем себя, он прижал руку Эммы к своей щеке. — Сейчас позову сиделку. Врачи просили сообщить, когда ты проснешься.

— Майкл... Я его убила?

Тот ответил не сразу. Лица Эммы он не видел, но рука у нее не дрогнула.

— Да. И я буду до конца жизни жалеть о том, что ты меня опередила.

Эмма не выпускала руки Майкла.

— Мне кажется, я ничего не чувствую. Ни горя, ни облегчения, ни сожаления. Только опустошенность.

Майкл знал, что такое держать оружие, целиться, стрелять в человеческое существо. Повинуясь долгу. Защищая себя. Но какой бы необходимой или жизненно важной ни была причина, этого уже не забыть никогда.

— Ты сделала единственно возможное. Помни только это. Об остальном сейчас не беспокойся.

— У него был такой прекрасный голос. Я влюбилась в него. Почему все так получилось?

Майкл не мог утешить ее, не мог ответить.

Оставив Эмму на попечение сиделки, он вышел в холл. Марианна дремала, положив голову на плечо Джонно. Комната была окрашена в мягкие пастельные тона. Видимо, они должны успокаивать и подбадривать близких, которым оставалось только сидеть и ждать. У стены — включенный телевизор, на столе — чайники, корзинки с пакетиками растворимого кофе и чая, в противоположных углах комнаты по телефону.

— Она проснулась, — сказал Майкл.

— Проснулась? — тотчас же встрепенулась Марианна. — Как она?

— С ней все в порядке. — Майкл налил себе кофе, машинально размешивая. — Она помнит случившееся и привыкает к этому. С ней сиделка, доктора уже вызвали. Скоро сможете с ней увидеться.

Все замолчали, когда на экране телевизора возникло лицо Эммы. Сообщение было кратким, показали фотографии Эммы и Дрю, затем последовали интервью с администратором гостиницы и двумя свидетелями, которые, услышав шум, вызвали полицию.

Говорил лысеющий мужчина средних лет, покрасневший от возбуждения. Майкл вспомнил, что оттолкнул его, когда высаживал дверь.

— Я слышал ужасный грохот. И женщина кричала, умоляя мужчину остановиться. Мне показалось, дела плохи, и я начал стучать в дверь. У меня соседний номер. Затем появились копы. Один из них вышиб дверь. На секунду я увидел женщину, распростертую на полу, всю в крови. У нее был пистолет, она выстрелила, потом стреляла до тех пор, пока у нее не кончились патроны.

Выругавшись, Майкл бросился к телефону. А на экране уже появился вход в больницу. Репортер с важным видом сообщил, что Эмма Макавой-Латимер находится под охраной.

— Слушай, — бросил Майкл в трубку, — мне на это наплевать. Задержи их на время. Я хочу, чтобы у двери ее палаты круглосуточно дежурил полицейский в форме и гнал журналистов, которые вздумают пробраться к ней. После обеда я сделаю заявление.

— Ты не сможешь помешать, — сказал Джонно, когда Майкл бросил трубку.

— Я смогу на время задержать их.

Джонно встал. Не было смысла говорить ему, что Эмма знает цену популярности. Она платит ее всю свою жизнь.

— Марианна, сходи к Эмме, а я угощу копа завтраком.

— Я не хочу...

— Нет, хочешь, — заявил Джонно. — Не каждый день тебе представляется возможность делить омлет с рок-легендой. Марианна, иди к Эмме. Я скоро зайду. — И когда та ушла, он сказал Майклу: — Впервые я увидел Эмму трехлетней крошкой. Она пряталась под кухонной мойкой в грязной квартире Джейн. Ее уже успели достаточно побить. Она справилась тогда. Справится и на этот раз.

— Я обязан был получить ордер на его арест, — сказал Майкл. — Должен был надавить на Эмму и добиться ордера.

— Ты давно любишь ее?

— Большую часть жизни, — вздохнул Майкл. Он распахнул окно, чтобы глотнуть свежего воздуха, и, стиснув руками подоконник, свесился наружу. — Всего пять минут. Если бы ублюдок опоздал на пять минут или я пришел бы на пять минут раньше, я бы убил его. Я ворвался в номер с пистолетом в руке. Мне нужно было убить его... для нее.

— А, мужской эгоизм. — Джонно сохранял на лице саркастическую полуулыбку, когда Майкл резко обернулся к нему. — Представляю твои чувства, но не согласен с тобой. Я рад, что Эмма сама пришила этого подонка. Так справедливее. Жаль только, что она не сделала этого давно.

Майкл слишком устал, чтобы спорить. Они уже подошли к лифту, когда двери открылись и из кабины стремительно вышли Брайан и Бев.

— Где она? — спросил Брайан.

— Здесь. Не спеши, — взял его за руку Джонно. — С ней Марианна. А вам нужно сначала успокоиться. Эмме и так пришлось изрядно поволноваться.

— Джонно прав, Брай. Не нужно волновать ее. К тому же следует узнать, что... как это случилось. Вы можете рассказать, что произошло? — спросила Бев у Майкла. — После вашего звонка мы все время были в пути.

— Вчера Дрю Латимер нашел Эмму в гостинице.

— Нашел? — прервал Брайан. — Ты хочешь сказать, что они были не вместе?

— Она начала бракоразводный процесс и скрывалась от него.

— Бракоразводный процесс? — От недосыпания и тревоги Брайан плохо соображал и сделал медленный вдох-выдох, пытаясь прочистить мозги. — Я разговаривав с Эммой пару недель назад, и она ничего не говорила о разводе.

— Она не могла сказать, — ответил Майкл. — Потому что боялась. Латимер плохо обращался с ней.

— Бред какой-то. Он ее боготворил.

— Да. — Ярость, так долго сдерживаемая Майклом, выплеснулась наружу. — Он был любящим мужем. Принцем, мать его. Поэтому Эмма все время жила в страхе. Поэтому она лежит сейчас здесь с изуродованным лицом и сломанными ребрами. Он, черт возьми, едва не залюбил ее до смерти.

Губы у Брайана задрожали, и он до боли сжал руку Бев.

— Он бил ее? Ты хочешь сказать, Эмма здесь из-за него?

— Вот именно.

— Где он? — Брайан в ярости схватил Майкла за ворот.

— Мертв.

— Спокойно, Брай, — потрепал его по плечу Джонно, раздумывая, не встать ли между двумя разъяренными мужчинами. — Эмме нисколько не поможет, если ты сорвешься.

— Я хочу ее видеть. Мы с Бев хотим видеть ее немедленно.

Он подошел к двери в тот момент, когда Марианна выходила из палаты, и некоторое время молча смотрел на неподвижно лежащую дочь.

— Детка. — Рука об руку с Бев он вошел в палату. Эмма взглянула на них и попыталась прикрыть распухшую щеку, не желая, чтобы отец видел ее в таком состоянии. Брайан нежно отвел ее руки. — Эмма. — Нагнувшись, он поцеловал дочь в лоб. — Прости. Прости.

Тут она дала волю слезам, заикаясь, выпаливая извинения и объяснения. Потом откинулась на подушку, не выпуская руку отца.

— Я даже не знаю, как все случилось. И почему. Я хотела, чтобы меня кто-то любил, меня саму. Хотела иметь семью и решила... что он похож на тебя. — Эмма вздохнула.

Брайану хотелось положить голову на грудь дочери и дать волю слезам, но он только поднес ее руку к губам.

— Не тревожься об этом. Даже перестань об этом думать. Никто больше не причинит тебе зла. Клянусь.

— Сейчас важно только то, что ты в безопасности. — Бев нежно убрала ее волосы с перебинтованного лба. — Остальное не имеет для всех нас значения.

— Я убила его, — пробормотала Эмма. — Вам уже сказали?

— Все... сейчас все позади. — Брайан потрясенно взглянул на Бев.

— Я не слушала тебя. Не хотела слушать. Мне было обидно, ведь ты говорил, что он хочет жениться на мне, чтобы стать ближе к тебе.

— Не надо.

— Ты был прав. — За этими словами последовал долгий усталый вздох. — Он никогда меня не любил. А когда понял, что обладания мной недостаточно, чтобы получить желаемое, он возненавидел меня.

— Не думай об этом, — настаивал Брайан. — Отдохни, сосредоточься на том, чтобы выздороветь.

«Он прав», — решила Эмма. Она слишком устала.

— Я рада, что ты здесь. Извини, папа, я все время избегала тебя. Не впускала в свою жизнь.

— Мы оба были не правы, — наконец улыбнулся Брайан. — Но впереди у нас целая жизнь.

— Когда ты поправишься, мы бы хотели, чтобы ты вернулась домой. — Бев прикоснулась к щеке Брайана. — К нам.

— К обоим?

— Да. Нам многое предстоит наверстать. Всем.

— Сегодня утром я даже не представляла, что когда-нибудь снова буду счастливой, — сказала Эмма. — Но я счастлива за вас. Мне нужно подумать обо всем остальном.

— Не спеши. — Наклонившись, Бев поцеловала ее в щеку. — А сейчас мы дадим тебе немного поспать.

* * *

— Кессельринг, ты переехал сюда? — осведомился Маккарти, увидев напарника в холле больницы.

— Кофе?

— Нет, если от него я стану выглядеть так же, как ты. — Он бросил Майклу сумку. — Чистое белье и туалетные принадлежности. Твою собаку я покормил.

— Спасибо.

Маккарти передумал и, налив кофе, заворчал по поводу сливок в пакетике. По большей части он получал удовольствие, огорчая своего коллегу. Однако сейчас решил, что у старины Майкла и без него огорчений по горло.

— Как она?

— Страдает от боли.

— Дьюэр требует взять показания, — с издевкой в голосе упомянул он о заместителе капитана.

— Я займусь этим.

— Ему известно, что ты... дружишь с жертвой. Он хочет, чтобы их взял я.

— Я сам займусь этим, — повторил Майкл, накладывая в чашку сахар. Не для вкуса, а для поддержания сил. Ощущать вкус он уже давно перестал. — Ты привел стенографиста?

— Да. Он ждет.

— Я посмотрю, готова ли Эмма. — Проглотив кофе, словно лекарство, Майкл выбросил стаканчик. — Как пресса?

— Ждет какого-нибудь заявления к двум часам.

Взглянув на часы, Майкл ушел переодеваться и через пятнадцать минут заглянул в палату Эммы. У нее был Пи Эм. Как и все остальные, он выглядел измученным, потрясенным. Но заставил Эмму улыбнуться.

— Пи Эм готовится стать папой, — сказала она.

— Поздравляю.

— Спасибо.

Они летели из Лондона вместе со Стиви и в киоске аэропорта увидели газеты. Они не знали, что сказать друг другу, тем более что говорить Эмме.

— Ну я пойду. — Пи Эм поцеловал ее, затем, помедлив, добавил: — Мы зайдем вечером.

— Спасибо за фиалки. Они чудесные.

— Ну...

Постояв еще немного, Пи Эм ушел со щемящим сердцем.

— Он очень смущается. Они все смущаются, — пробормотала Эмма, теребя простыню, затем погладила Чарли. — Тяжело видеть их глаза, когда они приходят сюда первый раз. Наверное, я выгляжу ужасно.

— Впервые слышу, что ты ждешь комплиментов. — Майкл сел рядом. — Весь день у тебя народ, ты нисколько не отдыхаешь.

— Мне не хочется оставаться одной. Ты провел здесь всю ночь. Я слышала, как ты разговаривал со мной, и понимала, что еще жива. Спасибо.

— Я люблю тебя, Эмма. — Майкл уронил голову на их сплетенные руки. Эмма молчала. Вздыхнув, он встал и начал расхаживать по палате. — Не то время, не то место. Наверное, тебе придется обдумать это, раз я признался. А теперь, если ты в состоянии, нам бы хотелось записать твои показания.

Эмма смотрела, как он беспокойно мечется, но сказать ничего не могла. Только не сейчас. Если бы все было по-другому... А сложилось бы по-другому, если бы она доверилась Майклу. Увы, теперь уже ничего вернуть нельзя.

— С кем я должна говорить?

— Можешь говорить со мной. — Когда Майкл повернулся, он уже держал себя в руках. — Или я приглашу женщину-следователя, если так будет лучше для тебя.

— Нет. — Ее пальцы беспокойно теребили фиалки. — Я буду говорить с тобой.

— Стенографист ждет.

— Хорошо. Займемся этим прямо сейчас. Я хочу поскорее со всем покончить.

Ей пришлось нелегко. Почему-то она думала, что, раз ее чувства умерли, говорить будет просто. Но она все еще продолжала испытывать стыд. Эмма не смотрела на Майкла, рассказывая о перенесенных унижениях и жизни в страхе. Она надеялась очиститься от всего этого. Но когда допрос закончился, Эмма почувствовала только усталость.

Майкл кивком отпустил стенографиста. Говорить он не смел.

— Это все, что вам требовалось? — спросила Эмма. Он снова кивнул.

— Когда отпечатают, ты сможешь прочесть и подписать. Я загляну попозже.

Выскочив из палаты, Майкл бросился к лифту, но его остановил Маккарти:

— Дьюэр ждет тебя в участке. У газетчиков уже пена лезет изо рта.

— А пошли они знаешь куда... Мне нужно пройтись.

* * *

Роберт Блэкпул прочел газетное сообщение, и вся эта чушь об убийствах в порыве страсти и крушениях мечты чертовски развеселила его. А две фотографии, правда, не очень резкие, вообще доставили ему огромное удовольствие: Эмму везут на каталке в машину «Скорой помощи», ее лицо — сплошное кровавое месиво.

Он не забыл, как она с ним обошлась.

Жаль, что Латимер не забил ее до смерти. Хотя есть и другие способы расплатиться.

Подняв трубку, Блэкпул набрал номер лондонской «Тайме».

Пит побагровел от ярости, прочтя на следующий день заметку. Роберт Блэкпул выразил сожаление по поводу смерти талантливого музыканта, каким был Латимер, рассказал о своей ссоре с Эммой. По словам Блэкпула, она яростно ревновала его к подруге и после неудачной попытки соблазнения кинулась на него с ножницами.

И наглый заголовок:

«ЖАЖДА ЛЮБВИ ТОЛКАЕТ ЭММУ НА НАСИЛИЕ».

Читатели моментально проглотили эту заметку, но не могли прийти к единому мнению: действовала ли Эмма в целях самозащиты или застрелила мужа, ослепленная ревностью?

Пит схватился за телефон.

— Ты псих. Ненормальный!

— А, доброе утро. — Блэкпул ждал этого звонка.

— Чего ты, черт возьми, добиваешься, распространяя сплетни? Мне и так хватает грязи, которую нужно расчищать.

— Это не моя грязь, приятель. Если хочешь знать, Эмма получила по заслугам.

— Я не хочу ничего знать. И говорю тебе: уймись.

— С чего бы это? Реклама мне на руку. Ты сам утверждал, что пресса способствует продаже пластинок.

— Уймись.

— Или?

— Я не хочу угрожать, Роберт. Но поверь мне на слово: копание в грязном белье пользы не приносит никому.

После долгой паузы Блэкпул сказал:

— Я должен был ей отплатить.

— Возможно. Меня это не волнует. Последние два года твой рейтинг падает, Роберт. Фирмы грамзаписи поразительно не постоянны. Ты ведь не хочешь на данном этапе менять менеджера?

— Мы найдем общий язык. Вряд ли кто-либо из нас желает порвать старую дружбу.

— Помни об этом. Будешь мутить воду, и я выброшу тебя, как грязный носок.

— Я нужен тебе не меньше, чем ты мне.

— Сомневаюсь, — усмехнулся в трубку Пит. — Очень сомневаюсь в этом.

Глава 38

Майкл походил по коридору, загасил сигарету и принялся ходить снова.

— Мне это не нравится.

— Жаль, что ты так к этому относишься. — Эмма дышала очень осторожно. Даже спустя три недели при каждом неловком движении возникала боль в ребрах.

— Устраивать пресс-конференцию в день выписки из боль. шиш — это просто глупость. И упрямство.

— Мне проще сделать официальное заявление для прессы, чем ускользнуть от нее. — Эмма говорила веселым тоном, но руки у нее заледенели. — Поверь, я разбираюсь в этом лучше тебя.

— Если ты имеешь в виду эту чушь Блэкпула, он больше навредил себе, чем тебе.

— Мне нет дела до Блэкпула, я забочусь о своей семье и хочу высказаться. — Эмма направилась к конференц-залу, потом обернулась: — Полицейское расследование установило: это самооборона. Три недели я убеждала в этом же себя. Я хочу, чтобы все было ясно, Майкл.

Майкл знал, что спорить бесполезно, но все же попробовал:

— Пресса на девяносто девять процентов за тебя.

— Но этот один процент остается мерзким пятном.

Майкл смягчился и даже провел большим пальцем по ее щеке:

— Ты никогда не задумывалась, почему жизнь так сложна?

— Задумывалась, — улыбнулась Эмма. — И начала верить, что бог тоже человек. Ты идешь со мной?

— Конечно.

Репортеры ждали. С фотоаппаратами, лампами, микрофонами наготове. Как только Эмма ступила на подиум, засверкали вспышки. Она была очень бледна, синяки выделялись на коже, а левый глаз окружали разноцветные разводы.

Когда Эмма начала говорить, воцарилась тишина. Она изложила только факты, стараясь сохранять хладнокровие. Этому она успела научиться. Заявление было всего на восемь минут. Читая, Эмма чувствовала признательность Питу, который помог ей отточить фразы.

Она не обращала внимания ни на камеры, ни на лица и, закончив чтение, отошла от микрофона. Заранее было обговорено, что Эмма не станет отвечать на вопросы. Они тем не менее посыпались, но лишь один проник ей в душу:

— Раз он издевался над вами столько месяцев, почему вы не ушли от него?

Эмма не собиралась отвечать и все же обернулась.

— Почему не ушла? — повторила она.

В зале снова наступила тишина. Читать заявление было просто. Это лишь слова, отпечатанные на листе бумаги, которые не затрагивали ее, но нехитрый вопрос пронзил ей сердце.

— Почему не ушла? — опять спросила Эмма. — Не знаю. — Почему-то ей казалось жизненно необходимым ответить. — Не знаю. Если бы два года назад мне сказали, что я позволю жестоко обращаться с собой, я бы пришла в ярость. Не хочу верить, что стала жертвой сознательно. — Она бросила на Майкла отчаянный взгляд. — Он бил и унижал меня, а я оставалась с ним. Иногда я представляла себе, как сажусь в лифт, выхожу на Улицу, иду прочь, но не делала этого. Я оставалась из-за страха и ушла по той же причине. Так что во всем этом нет смысла.

Совсем нет смысла, — повторила Эмма и отвернулась, игнорируя дальнейшие вопросы.

— У тебя получилось замечательно, — сказал Майкл. — Мы выведем тебя через боковую дверь. Маккарти ждет в машине.

Они поехали в Малибу, где отец снял для Эммы особняк. Всю дорогу она молчала. В голове отдавался эхом один и тот же вопрос:

— Почему вы не ушли?

* * *

Ей нравилось сидеть по утрам на веранде из красного дерева, глядеть на воду, слушать крики чаек. Если она уставала сидеть, то гуляла вдоль берега. Следы побоев исчезали, только на подбородке остался небольшой шрам да изредка беспокоили ребра. От пластической операции Эмма отказалась. Шрам был едва заметен и к тому же служил напоминанием о происшедшем.

Другим напоминанием стали ночные кошмары. Они посещали Эмму с ужасающей регулярностью и представляли собой какой-то причудливый монтаж из старых и новых кадров. Иногда она шла по темному коридору, ощущая себя ребенком, в других случаях — женщиной. Музыка присутствовала всегда, но звучала приглушенно, словно из-под воды. Порой Эмма отчетливо слышала голос Даррена, затем на него накладывался голос Дрю. И ребенок, и женщина в ужасе застывали перед дверью.

Но когда все же поворачивали ручку и толкали дверь, Эмма просыпалась мокрая от пота.

Дни проходили спокойно. С океана дул ветерок, принося запах цветов, которые Бев посадила под окнами. И музыку.

Эмма видела, как отец и Бев начинают совместную жизнь, и это послужило ей лучшим лекарством. Постоянно звучал смех. Бев экспериментировала на кухне, Брачан в тени играл на гитаре. По ночам Эмма думала, как им, должно быть, просто, сделав первый шаг, перекинуть мост над пропастью в двадцать лет. Казалось, они никогда не разлучались.

А ей уже больше не стать ребенком и не исправить совершенные ошибки.

Бев с отцом жили здесь уже шесть месяцев, хотя Эмма знала, что им обоим не терпится вернуться в Лондон. Там их дом. Свой Эмме еще предстоит найти.

Она не скучала по Нью-Йорку, хотя ей не хватало Марианны. Теперь этот город будет всегда напоминать ей о Дрю. Она, конечно, приедет туда, но жить в Нью-Йорке больше не станет.

Там она была одна, а здесь это случалось редко.

Дважды приезжал Джонно и оба раза гостил по две недели. На день рождения он подарил Эмме брошь: золотой Феникс, восстающий из рубинового огня. Желая обрести мужество и снова расправить крылья, она часто надевала ее.

Пи Эм женился на леди Аннабель и по пути в Мексику, где они собирались провести медовый месяц, заехал в Лос-Анджелес. Новая миссис Фергюсон обожала своего супруга. Полненькая беременная Аннабель надела на свадьбу мини-юбку. Несомненно, Пи Эм был от жены в восторге. Это почти возродило в Эмме веру в брак.

Сейчас она тоже принимала гостей. Накануне вечером прилетел Стиви с Кэтрин Хейнс. Ночью, лежа в постели, Эмма слышала, что отец и Стиви вместе играют. «Как в доброе старое время», — думала она, с грустью вспоминая детство. Тогда в ее дом, словно принц к Золушке, пришел Брайан и увел ее на нескончаемый бал.

— Доброе утро. — К ней с двумя чашками подошла Кэтрин.

— Здравствуйте.

— Я увидела вас и решила предложить кофе.

— Спасибо. Утро такое чудесное.

— Мне не удалось заснуть. — Кэтрин села рядом. — Кроме нас, все спят?

— Да, — сказала Эмма, беря чашку.

— От переездов меня одолевает бессонница. Наверное, здесь много сюжетов для фотографирования.

Эмма больше года не прикасалась к камере и была уверена, что Кэтрин Хейнс знает об этом.

— Место великолепное, — пробормотала она.

— В отличие от Нью-Йорка?

— Да.

— Мне уйти?

— Нет. Извините, я не хотела быть невежливой.

— Но вы чувствуете себя неуютно.

— Это замечание профессионала.

Вытянув ноги, Кэтрин водрузила их на нижнюю перекладину перил.

— Я здесь как друг, а не как врач. — Кэтрин взглянула на чайку, спикировавшую к воде, и добавила: — Но я была бы плохим другом и плохим врачом, если бы не попыталась помочь.

— У меня все хорошо.

— Вы и выглядите хорошо. Только есть и невидимые раны, не так ли?

Эмма спокойно посмотрела на нее:

— Возможно, но, говорят, время лечит.

— Если бы это всегда соответствовало действительности, я бы осталась без работы. Ваши родители очень беспокоятся, Эмма.

— И зря.

— Они вас любят.

— Дрю мертв и уже не причинит мне боли.

— Он не сможет избить вас, — согласилась Кэтрин. — Но он по-прежнему способен причинять вам боль. Вы слишком вежливы, чтобы послать меня ко всем чертям.

— Я как раз думаю над этим.

Кэтрин засмеялась.

— Как-нибудь я расскажу вам о грубостях и мерзостях, которые бросал мне в лицо Стиви. Вряд ли вам удастся сравниться с ним.

— Вы любите его?

— Да.

— И собираетесь выйти за него замуж?

— Спросите еще раз через месяц. Бев сказала, что вы встречаетесь с неким Майклом?

— Это друг.

Я люблю тебя, Эмма.

— Друг, — повторила она, ставя чашку.

— Полицейский, не так ли? Сын человека, который расследовал убийство вашего брата. — Сочтя молчание Эммы ответом, Кэтрин продолжала: — Странно, жизнь почему-то развивается кругами. Это заставляет чувствовать себя щенком, пытающимся ухватить себя за хвост. Пройдя через унижительный развод, я познакомилась со Стиви. Мое «я» было втоптанно в грязь, а отношение к мужчинам... Скажем так: некоторые виды слизняков я находила более привлекательными. К Стиви же я прониклась отвращением с первого взгляда. Но это личные чувства. Как профессионал я должна была помочь ему. И вот что мы имеем.

— Вы считаете, что потерпели неудачу?

— С замужеством? — непринужденно уточнила Кэтрин. Она гадала, задаст ли Эмма этот вопрос. — Да. Но ведь люди постоянно терпят неудачи. Самое трудное не в том, чтобы признаться в них себе, а принять случившееся как факт.

— Я потерпела неудачу с Дрю и принимаю случившееся как факт. Вы это хотели от меня услышать?

— Нет. Я ничего не хочу слышать, если вам это не нужно.

— Я потерпела неудачу с собой. — Эмма вскочила, стукнув чашкой по столику красного дерева. — Все эти месяцы я терпела неудачу с собой. Такой ответ вас устраивает?

— А вас?

Тихо выругавшись, Эмма отвернулась к перилам.

— Если бы мне нужен был психиатр, я бы уже имела их целый десяток.

— Знаете, вы произвели на меня большое впечатление, когда вправили Стиви мозги. О такой взбучке для него я лишь мечтала. Он тоже отказывался от помощи.

— Я не Стиви.

— Да, вы не Стиви.

Кэтрин встала. Она была ниже ростом, но ее резкий, уверенный голос подействовал на Эмму.

— Хотите знать, сколько женщин сегодня подвергается насилию? Это происходит каждые восемнадцать секунд. Удивлены? Вы считали себя членом элитного клуба? А сколько из них остается со своими мучителями? И дело не в том, что у них нет друзей и родственников, которые помогли бы им. Не в том, что они бедны и не имеют образования. Они боятся, их лишили самоуважения. Им стыдно. На каждую женщину, нашедшую помощь, приходится десять не нашедших. Вы остались в живых, но еще не выжили. Пока.

— Да, не выжила, — обернулась к ней Эмма. В глазах сверкали слезы ярости. — Мне приходится бороться с этим каждый день. Вы полагаете, будет легче, если я стану говорить об этом, искать оправдания, находить причины? Какая разница, почему это случилось?! Я иду гулять.

Сбежав по ступеням, Эмма направилась к берегу.

Кэтрин была терпеливой женщиной. Два дня она молчала, не напоминая об их разговоре.

Поскольку она впервые приехала в Штаты, Стиви хотел показать ей все. Днем они осматривали достопримечательности, по вечерам ходили в клубы. Иногда вдвоем, иногда вместе с остальными. Но больше всего Кэтрин нравились вечера, проведенные дома, когда Стиви часами занимался любовью со своей гитарой.

Она постоянно думала об Эмме и решила воспользоваться случаем, когда та однажды до рассвета спустилась вниз. Последовав за ней, Кэтрин увидела, что все лампочки зажжены, а Эмма сидит на кухне, глядя на темное окно.

— Мне захотелось чаю. Я тоже люблю рано вставать, — небрежно сказала Кэтрин, словно не замечая ее слез. — Восхищаюсь вашей матерью, несколькими штрихами она делает кухню самым уютным местом в доме. На своей кухне я чувствую себя как в чужом чулане. — Она насыпала заварку в чайник-корову. — Вчера Стиви водил меня на студию «Юниверсал». Посмотрев вблизи на «Челюсти», я была в недоумении, почему фильм наводил на меня такой ужас. Это лишь иллюзии, эффекты. — Кэтрин залила чайник кипятком. — И трамвайчик, который въехал в дом Нормана Бейтса — помните, из «Психа»? — выглядит абсолютно таким же, но лишенным ужаса. Видимо, если что-то жуткое выдерживается из окружения, оно теряет свою силу. Остается только забавный домик или механическая рыбина.

— Жизнь — не кино.

— Да, но я всегда считала, что есть любопытные параллели. Не хотите сливок?

— Нет, благодарю.

Эмма молчала, пока Кэтрин разливала чай, а потом слова вдруг хлынули из нее, и она не смогла остановить их поток.

— Иногда время, прожитое с Дрю, кажется мне фильмом, и я смотрю его как посторонний зритель. А иногда я как будто просыпаюсь в своей нью-йоркской квартире, Дрю спит рядом. Я буквально слышу в темноте его дыхание. Тогда фильмом становится все остальное. Наверное, я сумасшедшая?

— Нет, вы женщина, прошедшая через жуткое испытание.

— Но ведь Дрю умер, я знаю это. Почему я должна бояться?

— А вы боитесь?

Руки Эммы все время двигались, переставляли с места на место не убранный с вечера стакан, вазу с фруктами, сахарницу.

— После того как я рассказала ему о Даррене, обо всем, что помню и чувствую, он стал издеваться надо мной. Когда я засыпала, он вставал с кровати, включал песню, которая звучала в ночь убийства, потом шептал мое имя, пока я не просыпалась среди темноты при звуках этой песни. Я всегда пыталась зажечь свет, но он выдергивал вилку из розетки, и я просто сидела на кровати, молясь, чтобы все прекратилось. Как только я начинала кричать, Дрю возвращался, говорил мне, что это был сон. Теперь, когда мне снятся кошмары, я с ужасом жду: вот снова откроется дверь и он скажет, что это сон.

— Сегодня вам снился кошмар?

— Да.

— Можете его пересказать?

— В общем, сюжет один и тот же. Ночь, когда убили Даррена. Я просыпаюсь, в коридоре темно, звучит музыка, мне страшно. Я слышу плач Даррена. Иногда подхожу к двери, а за ней стоит Дрю. Иногда кто-то другой, но кто, я не знаю.

— Вы хотите узнать?

— Сейчас да. Я уже проснулась и чувствую себя в безопасности. Но во сне не хочу. Мне кажется, я умру, если узнаю, если он дотронется до меня.

— Вы чувствуете исходящую от этого человека угрозу?

— Да.

— Откуда вам известно, что это мужчина?

— Я...

Эмма запнулась. Темнота за окном посерела, с берега доносились крики первых чаек, похожие на детский плач.

— Не знаю, но я уверена в этом.

— Эмма, после пережитого вы не боитесь мужчин?

— Я не боюсь папу и Стиви. Никогда не боялась Джонно или Пи Эм. Это просто невозможно.

— А Майкл?

Эмма взяла свою чашку и выпила уже остывший чай.

— Я знаю, он не причинит мне боли.

— Но все-таки боитесь?

— Того, что я не смогу... — Она покачала головой. — Это не имеет отношения к Майклу. Дело во мне.

— Беспокойство по поводу физической близости вполне естественно, тем более если предыдущий опыт принес только унижение и боль. Умом вы понимаете, что цели и результаты интимной близости совсем иные, но рассудок и чувства идут разными путями.

Эмма почти улыбнулась:

— То есть кошмары являются следствием подавленной сексуальности?

— Уверена, Фрейд сказал бы именно так, — мягко заметила Кэтрин. — Впрочем, по-моему, он был сумасшедшим. Я просто

рассматриваю разные варианты.

— Полагаю, Майкла следует исключить. Он никогда не предлагал мне заняться сексом.

«Не любовью, — отметила Кэтрин, — а сексом».

— А вы этого хотите?

Рассвело, и вместе с утром пришло ощущение безопасности. Эмма наконец улыбнулась:

— Я часто задумываюсь, может, психиатры — это просто сплетники?

— Ладно, оставим это. Хотите совет? Возьмите камеру, прогуляйтесь по окрестностям, снимайте. Дрю многое отнял у вас. Почему бы не доказать себе, что ему не удалось отобрать все?

* * *

Эмма не знала, почему воспользовалась советом Кэтрин. Ее излюбленными объектами всегда были люди, но долгое время она избегала их. И все же Эмма испытывала приятное ощущение, держа камеру в руке, устанавливая объектив, выбирая план для снимка.

Целое утро она фотографировала пальмы и здания. Она понимала, что эти работы не завоюют наград, однако сам процесс действовал на нее успокаивающе. К полудню Эмма отсняла две пленки и удивилась, почему ждала так долго, чтобы насладиться любимым делом.

Удивилась она и тому, что вдруг поехала к дому Майкла. Был чудесный воскресный день, слишком прекрасный, чтобы проводить его в одиночестве. К тому же у нее есть весьма интересный объект для съемки.

Ухватившись за столь удобные оправдания, Эмма подъехала к дому.

Хотя автомобиль был на месте, на ее стук долго никто не отвечал, поэтому она решила, что Майкла нет дома. Только пес сначала залаял, а теперь скулил и царапался в дверь. Наконец она услышала ругань Майкла и улыбнулась.

Когда он распахнул дверь, Эмма сразу поняла, что разбудила его: припухшие, ничего не видящие глаза, натянутые второпях и не до конца застегнутые джинсы. Майкл провел рукой по лицу и волосам.

— Эмма?

— Извини, мне следовало бы позвонить.

— Что-нибудь случилось? — заморгал он.

— Нет, я просто ехала мимо.

— Заходи. — Он взял ее за руку и оглянулся. — А, черт!

— Майкл, правда, я не вовремя... — бормотала Эмма, входя в полутемную комнату. — О боже!

Гостиная выглядела так, словно в ней побесчинствовала ватага на редкость злобных эльфов.

— Тебя ограбили?

— Нет.

Майкл еще не настолько проснулся, чтобы беспокоиться о приличиях. Взяв Эмму за руку, он потащил ее на кухню. Пес лаял и носился вокруг.

— Наверное, у тебя были гости, — решила Эмма, слегка задетая, что ее не пригласили в комнату.

— Нет. Господи, умоляю, сделай так, чтобы здесь нашелся кофе, — бормотал Майкл, открывая ящики буфета.

— Вот. — Она вытащила из раковины банку «Максвелл-Хауз» и пакетик чипсов. — Хочешь, я...

— Нет. Черт возьми, кофе я могу приготовить сам. Конрой, если ты не заткнешься, я завяжу твой язык узлом на шее. — Майкл поставил под нос псу пакетик чипсов, — Который теперь час?

— Около половины первого.

Майкл хмуро уставился на кофейник, который держал в руках, видимо, соображая, для чего он ему, а когда начал сыпать кофе, Эмма щелкнула затвором.

— Извини, — сказала она, увидев его сердитый взгляд. — Привычка.

Майкл отвернулся к буфету. Во рту такой привкус, словно он наелся мела, в голове еще гремит джаз, под глазами, конечно, мешки размером с бильярдные шары, и пшеничные хлопья закончились.

— Майкл... — осторожно начала Эмма. Не из робости, а от душившего ее смеха. — Хочешь, я приготовлю тебе завтрак?

— Я ничего не могу найти.

— Сядь. — Она увлекла Майкла к креслу. — Начнем с кофе. Где чашки?

— В буфете.

— Хорошо.

После непродолжительных поисков Эмма обнаружила упаковку пластиковых стаканов. Кофе оказался густым, словно грязь, и выглядел столь же аппетитным, но Майкл жадно проглотил его. Немного придя в себя, он разглядел Эмму, инспектирующую холодильник.

Она выглядела потрясающе в короткой блузе и светло-голубых летних брюках. Волосы распущены. Такими они нравились Майклу больше всего: он мог представить, как проводит по ним рукой. Но почему ее голова в холодильнике?

— Что ты делаешь?

— Ищу, чем тебя накормить. Есть одно яйцо. Как его приготовить?

— Поджарить. — Майкл потащился за новой порцией кофе.

— Колбаса позеленела, в ней завелась какая-то живность. — Эмма достала яйцо, большой кусок сыра и горбушку хлеба. — Сковородка есть?

— Кажется, да. А что?

— Не беспокойся.

Эмма нашла сковородку и, проявив некоторую смекалку, приготовила сэндвич с сыром и яичницей-глазуньей. Себе она взяла имбирное пиво и села напротив Майкла.

— Не хочу, конечно, вмешиваться в твои дела, но давно ты живешь так?

— Я купил этот дом четыре года назад.

— И до сих пор жив? Ты сильный человек, Майкл.

— Я как раз собирался здесь прибраться.

— Тебе понадобится бульдозер.

— Меня трудно обидеть, когда я завтракаю. — Он увидел, что Эмма сфотографировала пса, который заснул, обхватив лапами пакетик с чипсами. — Конрой никогда не согласится на публичный показ.

— Чувствуешь себя лучше? — улыбнулась Эмма.

— Почти человеком.

— Я каталась... решила снова взяться за работу. Я подумала, ты будешь не прочь сниматься несколько часов.

Внезапно Эмма оробела. Теперь, когда Майкл окончательно проснулся и глядел на нее, доедая приготовленный ею завтрак, все изменилось.

— Мне известно, что последние недели ты был занят.

— В одиночку расправлялся с преступностью. Конрой, ленивая дворняга, ступай принеси. — Тот, приоткрыв один глаз, заворчал. — Ступай.

Издав нечто похожее на человеческий вздох, Конрой нехотя побрел из кухни.

— Ты избегала меня.

— Извини. Ты вел себя как настоящий друг, а я...

— Если ты снова начнешь разговор про дружбу и признательность, то уволь.

Майкл взял пачку сигарет, которую пес бросил ему на колени, и встал, чтобы выпустить Конроя на улицу. Шесть месяцев он ждал и надеялся, что она придет и постучит в его дверь. Наконец она здесь, а он не может перебороть гнев.

— Зачем ты пришла сюда?

— Я уже сказала.

— Тебе захотелось общества во время съемки и ты подумала о старине Майкле?

Отставив бутылку пива, Эмма резко поднялась:

— Очевидно, мне следовало позвонить. Извини за беспокойство.

— Пришла и ушла, — задумчиво пробормотал Майкл. — Это уже стало у тебя дурной привычкой, Эмма.

— Я пришла сюда не для того, чтобы ссориться с тобой.

— Мы давно упустили подходящее время.

Майкл шагнул к ней, и Эмма отступила, что окончательно взбесило его.

— Я не Латимер, черт возьми! Мне тошно, что ты думаешь о нем каждый раз, едва я приближаюсь к тебе. Если нам предстоит борьба, то ее участниками будем только мы с тобой. И никто другой.

— Я не хочу драться.

Даже не осознав своих действий, Эмма запустила в него бутылкой. Стекло и имбирное пиво взорвались в раковине, и она, застыв на месте, слушала, как затихает шипение.

— Дать еще одну?

— Я должна идти.

Эмма потянулась к камере, но Майкл накрыл ее рукой.

— Только не в этот раз. Ты не уйдешь от меня так просто, Эмма. По крайней мере, до тех пор, пока я не скажу все, что должен сказать.

— Майкл...

— Заткнись. Сколько себя помню, я всегда хотел тебя. В тот день на пляже я просто втюрился в тебя и ничего больше не видел. Мне тогда исполнилось семнадцать, но много недель после этого я думал лишь о тебе. Я как проклятый слонялся по пляжу в надежде увидеть тебя снова.

— Я не могла. — Эмма отвернулась, но не сделала попытки уйти.

— Я справился с этим. — Вытряхнув из пачки сигарету, Майкл набросился на ящики буфета в поисках спичек. — Думал, что справился. Но ты вернулась. Я стриг газон, и вдруг передо мной появилась ты. У меня просто дух захватило. Черт возьми, это было не просто мальчишеское увлечение.

Эмма снова испугалась, но теперь по другой причине:

— Ты почти не знал меня. Майкл посмотрел ей в глаза:

— Тебе известно, что это не так, Эмма. Вспомни, как мы сидели на берегу, как я впервые поцеловал тебя. Единственный раз, который я не забыл. Не смог забыть. А потом ты ушла.

— Мне пришлось.

— Возможно. — Швырнув сигарету за дверь, Майкл с грохотом закрыл ее. — Неподходящий момент, говорил я себе. Господи, я говорил это много лет. — Он взял ее руки, почувствовал ее дрожь, но не отпустил. Только не в этот раз. — Когда настанет подходящий момент, Эмма?

— Не знаю, что ты хочешь от меня услышать.

— Вздор. Ты знаешь, чего именно я жду.

— Я не могу.

— Не хочешь, — поправил Майкл. — Из-за него. Черт возьми, ты разбила мне сердце, выйдя за него замуж, и я вынужден был с этим жить. Кажется, я полжизни старался забыть тебя. Возможно, это бы мне и удалось, но ты вернулась.

— Я... — Эмма облизала пересохшие губы. — Я тоже ничего не могла поделать.

— Я решил, что на этот раз все будет по-другому. Но потом... когда узнал, что он с тобой сделал, я чуть не сошел с ума. Все эти месяцы я боялся прикоснуться к тебе. «Дай ей время», — твердил я себе. Дай ей время преодолеть это. К черту!..

Он привлек Эмму к себе и закрыл ей рот поцелуем.

Глава 39

Такого Эмма не ожидала. Она попала в настоящий плен его сильных рук, прижимающих ее к упругому мускулистому телу, в плен его губ, обжегших ей рот. Эмма готовилась к отвращению или ужасу, которые охватят ее, как она ожидала, в объятиях мужчины. Но ощущала лишь тепло, удовольствие и леденящую остроту страсти.

Эмма не хотела поддаваться этим чувствам. И Майклу. Это означало снова оказаться в чьей-то власти. Но она не успела ничего предпринять, ибо Майкл уже отпустил ее.

Он молча смотрел на нее широко раскрытыми глазами, а Эмма стояла неподвижно. Да, она попала в плен, но это уже не имело значения. Потому что она вновь обрела способность чувствовать, хотя уже перестала надеяться, что это когда-нибудь произойдет.

Гнев покинул Майкла так же быстро, как и вспыхнул.

— Я не хочу, чтобы ты боялась меня.

Выбор за ней. Эмма прочла это в его глазах. Если она в плену, то в плену своих желаний, своих грез.

— Я не боюсь.

Эмма не стала возражать, когда Майкл приподнял ее лицо. Не попыталась отпрянуть, когда его губы прикоснулись к ее рту. Нежные, мягкие. Выбор за ней. Майкл ощутил перемену, неуверенный отклик. Ее рот приоткрылся, тело, прильнувшее к нему, словно таяло, затем нежные руки обвили его, а губы приоткрылись.

Он поднял ее на руки и, продолжая целовать то легко и дразняще, то крепко и опьяняюще, понес в спальню.

Окна были занавешены, и Майкл пожалел, что у него нет свечей.

Когда он осторожно положил ее на кровать, Эмма постаралась расслабиться. Дальше все произойдет быстро, а ей хотелось, чтобы Майкл продолжал свои ласки. Но она знала, что будет дальше. Полагала, что знает.

Майкл лег рядом. Он не стал тут же бросаться на нее, срывая одежду. Его губы снова ласкали, соблазняя и успокаивая. Хотя тело Эммы напряглось как струна, она казалась такой хрупкой. Майкл уткнулся лицом в ее волосы, впитывая нежный запах, и ее чуть дрожащие пальцы слегка погладили его по груди, едва не сведя с ума.

Застонав от удовольствия, он начал дразнить языком губы Эммы, смущая и соблазняя ее. Она ждала, что он будет только брать, но он продолжал отдавать.

Руки легко пробежали по ее телу, вызвав у нее волнение. Но страха не было. К ней проявили наконец великодушие. И сочувствие. Ее вдруг пронзило наслаждение столь глубокое и столь непонятное, вызвавшее необъяснимую жажду, и она прижалась к Майклу. Неужели она способна испытывать такое к мужчине? Сжав руками голову Майкла, она притянула ее к себе, чтобы снова утонуть в горячих влажных поцелуях.

Когда он чуть отстранился, Эмма протестующе застонала.

— Я хочу смотреть на тебя, — сказал Майкл. — Я так долго этого ждал.

Он ласкал ее волосы, глядя, как они стекают с его пальцев на подушку, затем, не сводя с нее глаз, медленно расстегнул блузку. На лице Эммы появились смещение и легкая тень страсти.

Когда она прикрылась рукой, Майкл коснулся губами ее пальцев и медленно опустился к груди. Она была маленькая и упругая. Любимая до боли.

Ее кожа вспыхивала от малейшего прикосновения. Майкл наслаждался ее вкусом, мягкой шелковистостью. Он слышал частое неровное дыхание Эммы. Ее тело изогнулось, когда он снял с нее блузку.

Его губы, казалось, были везде. Майкл покрывал быстрыми поцелуями ее лицо и плечи, затем медленно начал спускаться по груди вниз. Эмма почувствовала его зубы, но боли не ощутила. Только исступление. Он стянул с нее брюки дюйм за дюймом, неотступно следуя за ними губами, сводя Эмму с ума.

Ее переполняло желание. Никогда прежде она не хотела близости столь страстно. Только мечтала об этом. Эмма дрожала от переполнявших ее чувств, но Майкл продолжал целовать и ласкать, так что ей пришлось вцепиться руками в простыню.

Жар стал невыносимым, но она хотела продолжения. Когда пальцы Майкла скользнули по ее бедрам, тело отозвалось судорогой наслаждения, стало невозможно дышать, голова наполнилась шумом, отозвавшимся внутри и ужаснувшим ее. В безумстве страха и удовольствия Эмма рванулась навстречу Майклу. Экстаз восторга

оглушил ее, когда она достигла вершины, заставив без сил упасть на кровать.

— О господи, как ты прекрасна!

Майкл, едва переведя дух, снова начал целовать ее. Эмме захотелось выкрикнуть его имя, но она смогла только прошептать:

— Пожалуйста.

Она дышала со всхлипами, чувства, сменяя друг друга, сливались в огромную лихорадочную радость. И все же ей было этого недостаточно.

— Я хочу...

Она вскрикнула, взмахнув рукой, и что-то с грохотом упало на пол.

— Говори.

Майкл решил, что сошел с ума, услышав свой голос. Возбуждение достигло небывалой степени, но он все-таки удержался.

— Смотри на меня и говори.

Эмма видела только лицо Майкла и свое отражение у него в глазах.

— Я хочу тебя, — выдохнула она.

—

Эмма проспала час, обессиленно растянувшись поперек кровати. Майкл долго сидел рядом, глядя ее по голове и думая, как удержать ее. Все эти годы он бесконечное число раз представлял себя возлюбленным Эммы. Но в своих фантазиях он опирался на опыт близости с другими женщинами.

А ни одна из них не похожа на Эмму.

Если ему придется умолять, он будет умолять. Если придется драться, будет драться. Терять ее он больше не собирается.

* * *

Когда Эмма проснулась, Майкла не было. Лежа на животе, она пыталась осознать, что произошло с ее телом. Неужели она действительно чувствовала все это, делала все это? А ведь несколько часов назад она была уверена, что никогда не захочет ощутить чьих-то прикосновений. Возможно, к ней впервые прикоснулись по-

настоящему. Улыбнувшись, Эмма перевернулась на спину и лениво подумала о необходимости одеться и поискать Майкла.

Тут она увидела его пистолет в кобуре, висящей на стуле в нескольких футах от кровати. Хотя воспоминания об ужасной последней встрече с Дрю сохранились только как смутные обрывки, Эмма помнила отчетливо, как она держала в руках пистолет и нажимала на курок.

Меньше чем за два года она успела влюбиться, выйти замуж и убить. Теперь до конца жизни ей предстоит гадать, как она смогла все это сделать.

Когда дверь спальни распахнулась, Эмма натянула на себя одеяло.

— Уже проснулась, — одобрил Майкл. — Я решил, что ты, наверное, проголодалась.

Он был в джинсах и футболке с надписью «Департамент полиции Лос-Анджелеса», но без обуви и показался Эмме скорее пляжным ловеласом, чем человеком, способным выстрелить из пистолета. Майкл наклонился, и от его поцелуя у нее закружилась голова.

— Я подумал, что можно устроить пикник.

— Пикник? Где?

— Здесь. — Он бросил на кровать принесенных цыплят. — Тогда соседи не будут шокированы твоей наготой.

— Я могу одеться, — засмеялась Эмма.

— Ни в коем случае, — возмутился он, открывая банку колы. — Ты не против музыки?

Линда Ронстадт запела «Голубой ручей», а Майкл перешел к делу и распечатал упаковку.

— Хочешь?

Эмма смотрела, как он впился в кусок.

— Я не могу есть раздетая.

— Можешь.

Майкл протянул ей ножку. Она неуверенно откусила и засмеялась:

— Правда не могу.

Отложив цыпленка, он стянул с себя футболку и надел на Эмму:

— Так лучше?

— Намного. — Футболка хранила его запах, отчего Эмма вдруг ощутила зверский голод. — Я никогда еще не устраивала пикник в кровати.

— На пляжном полотенце или в кровати — разница небольшая. Будем есть, слушать музыку, а потом займемся любовью. Но здесь нам не мешает песок.

— Не понимаю, как все это произошло.

— Ничего. Буду рад повторить это специально для тебя.

— Тебе... — Она умолкла, недовольная собой.

— Ты ведь не хотела спросить, было ли мне хорошо?

— Нет... Что-то вроде того. — Эмма снова принялась за цыпленка. — Не бери в голову.

Радуюсь ей, себе, всему на свете, Майкл погладил ее по обнаженной руке:

— Желаешь оценку по десятибалльной системе?

— Майкл, заткнись.

— Разумеется. Потому что ты не вписываешься в нее. — Но он только возбудил ее.

— Я никогда... Я не думала, что смогу... — пробормотала Эмма и выпалила: — Я думала, что я фригидна.

Майкл чуть не захохотал, но по ее лицу понял, что она не шутит. «Опять Латимер», — подумал он.

— Ты ошиблась.

Его небрежный ответ попал в точку. Подняв глаза, Эмма улыбнулась:

— Если бы тогда на пляже я подчинилась инстинкту, то уже давно убедилась бы в обратном.

— Почему бы тебе не подчиниться ему сейчас?

Эмма колебалась, но потом обняла Майкла за шею и поцеловала. Тот бросил через плечо недоеденного цыпленка, и оба со смехом упали на кровать.

— Останься на ночь, — попросил он, когда Эмма начала одеваться.

— Не сегодня. Мне нужно подумать.

— Вот этого я и боялся. — Майкл прижал ее к себе. — Я люблю тебя, Эмма. Почему бы тебе не подумать об этом? Ты должна мне поверить.

— Я хочу поверить. Но сейчас не верю даже себе. Не так давно я считала, что Дрю любит меня, а я люблю его, однако ошибалась и в том, и в другом.

— Черт тебя побери, Эмма! — Оборвав себя; Майкл отошел к окну, поднял шторы, и в комнату вползли сумерки.

— Я вас не сравниваю.

— Точно?

— Да. — Майкл не сможет понять, какой это для нее прогресс — самой подойти к нему и прижаться щекой к его спине. — Я в себе не уверена. Мои проблемы начались не с Дрю, поэтому мне необходимо уяснить, чего же я хочу. За один день, проведенный с тобой, этого не поймешь. — Вздохнув, Эмма поцеловала его в плечо. — Бев с папой скоро возвращаются в Лондон.

— Если ты собираешься уехать с ними, то прежде подумай хорошенько, — яростно блеснул глазами Майкл.

— Ты меня не запугаешь. Я уже справилась со страхом. — Произнеся эти слова, Эмма осознала, насколько они верны. — Я думаю о том, чтобы остаться здесь. Им необходимо разобраться со своей жизнью, а я должна решить, что мне делать с моей.

— Ты хочешь, чтобы я отошел в сторону?

— Но не слишком далеко. — Эмма снова обняла его. — Я не хочу потерять тебя. В этом я уверена, только не знаю, как себя вести. Не могли бы мы еще повременить?

— Хорошо. Но я не собираюсь ждать вечно.

— И я тоже.

Глава 40

Пытаясь сохранить терпение, Майкл закинул ноги на стол и уставился в потолок. Взволнованный голос в трубке не смолкал. Ничего, рано или поздно они привлекут доносчика как свидетеля. Просто Майклу очень хотелось, чтобы это случилось как можно раньше.

— Слушай, парень, — наконец оборвал он собеседника. — Кажется, Спрингер был твоим другом? Ну да, слова ничего не стоят. Возможно, он никчемный бродяга, но, если нас задевают, мы принимаем дело близко к сердцу.

Майкл выслушал новый поток бульканий. Как правило, менее всего склонен к сотрудничеству человек, обладающий важной информацией.

— Прекрасно. А не хочешь приходить, мы сами найдем тебя. — Он взглянул на сержанта, бросившего ему на стол документы и почту. — Будь повнимательнее на улице. У нас в морге полно свободных мест. — Майкл слушал, перебирая документы. — Хорошее решение. Спроси детектива Кессельринга.

Положив трубку, он хмуро взглянул на бумаги. Он надеялся выкроить пять минут, чтобы позвонить Эмме, но обстоятельства против него. Вздохнув, Майкл занялся почтой.

— Эй, Кессельринг, с тебя десять баксов на рождественскую вечеринку.

Если он еще раз услышит слово «Рождество», то кого-нибудь пристрелит. Желательно самого Сайта-Клауса.

— Маккарти должен мне двадцатку. Возьми у него.

— Эй! — Услышав свою фамилию, тот подошел к ним. — Где твое праздничное настроение?

— В твоём бумажнике, — ответил Майкл.

— Все грустишь, что твоя дама будет встречать Рождество в Лондоне? Улыбнись, Кессельринг, на свете полно блондинок.

— Отвяжись.

Маккарти прижал руку к сердцу:

— Должно быть, это любовь.

Не обращая на него внимания, Майкл разглядывал конверт из плотной бумаги. Странно, в тот момент, когда он думал о Лондоне, ему пришло оттуда письмо. «Адвокатская контора», — подумал Майкл, глядя на обратный адрес. Что понадобилось от него лондонской адвокатской конторе? Вскрыв конверт, Майкл обнаружил сопроводительное письмо и еще один розово-голубой конверт, надписанный затейливой вязью. Джейн Палмер.

Хотя Майкл не был суеверен, но все же некоторое время провел в размышлениях о послании с того света. Наконец он вскрыл конверт, а через пять минут уже стоял в кабинете отца, глядя, как тот читает письмо:

«Дорогой детектив Кессельринг! Вы расследовали убийство сына Брайана Макавоя. Я уверена, вы помните это дело. Если оно по-прежнему вас интересует, приезжайте в Лондон. Мне все известно. Это была моя идея, но они все испортили. Если вы заплатите за информацию, мы придем к соглашению.

С уважением, Джейн Палмер».

— Что ты об этом думаешь? — спросил Майкл.

— Возможно, она что-то знала. Правда, в ночь убийства Палмер находилась за шесть тысяч миль отсюда, и мы никак не связывали ее с этим делом. Однако...

— На первом штемпеле стоит дата, когда Джейн была еще жива. По утверждению адвокатов, письмо долго болталось на почте из-за неполного адреса, а затем его приобщили к остальным бумагам покойной. В результате прошло больше восьми месяцев, — с отвращением сказал Майкл.

— Восемь месяцев или восемь дней, какая разница. Она все равно была уже мертва.

— Если Палмер говорила правду и действительно знала, кто убил мальчика, то с ней, видимо, расправились. Причем этот человек не догадывался, что она успела отправить письмо. Я хочу изучить материалы, поговорить со следователем.

Лу вертел письмо в руках. Оно адресовано следователю, который вел дело, но вряд ли Майкл примет это во внимание.

— Согласен. Впервые за двадцать с лишним лет у нас появилась какая-то зацепка. — Вспомнив фотографию мальчика, Лу посмотрел на сына: — Полагаю, ты летишь в Лондон?

* * *

Эмма раскатывала тесто. Она всегда любила Рождество, а в этом году впервые с детских лет будет встречать его в кругу семьи. Пахло корицей и жженым сахаром, по радио звучали праздничные мелодии, за окном падал легкий снежок.

Но сердце Эммы не радовалось празднику. Кажется, оно сейчас за шесть тысяч миль отсюда, рядом с Майклом.

— Я так рада, что ты с нами. Это много значит для меня и твоего отца, — обняла ее Бев.

— И для меня. — Выдавлив печенье в форме снежинки, Эмма положила его на противень. — В детстве ты позволяла мне делать это. Если бы здесь оказался Джонно, то обязательно стащил бы несколько сырых печений.

— Как ты думаешь, почему я отослала его вместе с Браем? — Бев смотрела, как Эмма посыпает готовое печенье разноцветной пудрой. — Ты скучаешь по Майклу, а?

— Ужасно. — Она задвинула противень в духовку, включила таймер. — Это глупо. Ведь прошло всего две недели. — Эмма снова принялась за тесто. — Наверное, хорошо, что я уехала. Не стоит так быстро давать волю чувствам.

— Кэтрин говорит, у тебя поразительные успехи.

— Надеюсь. И я вернулась к работе, заканчиваю книгу. Год назад Рождество было кошмарным. — Эмма повернулась к открывшейся двери кухни, и форма с тестом упала на пол. — Майкл!

— Служанка разрешила мне пройти.

Радостно вскрикнув, Эмма бросилась ему на шею и закрыла рот поцелуем.

— Не могу поверить, что ты здесь. — Оторвавшись от Майкла, она принялась счищать с него сахарную пудру. — Я тебя всего обсыпала.

— Извините, у меня куча дел. — Бев вытерла руки и торопливо выскользнула за дверь.

— Ты говорил, что не сможешь приехать, — начала Эмма.

— Изменился график.

Майкл привлек ее к себе. Теплые губы дрогнули, прижимаясь к его губам, будя в нем страсть.

— С Рождеством.

— Ты надолго?

— На пару дней. — Майкл посмотрел в сторону духовки. — Что это за звук?

— Ой, мое печенье. — Выключив таймер, Эмма бросилась спасать его. — Я готовила, думая о тебе. Если хочешь, я вернусь с тобой, Майкл.

— Конечно, хочу. Но тебе нужно побыть с родными. Я буду ждать твоего возвращения.

— Я люблю тебя.

Слова так быстро прошли от сердца до языка, что Эмма поразилась.

— Скажи еще раз.

Глаза Майкла потемнели, и она успокаивающе погладила его по щеке:

— Я люблю тебя. Извини, что мне потребовалось столько времени, чтобы произнести это. — Он лишь молча прижал ее к себе. — Я поняла это, как только увидела тебя в Нью-Йорке на моей выставке. — С облегчением и радостью Эмма уткнулась ему в шею. — И испугалась. Кажется, я прожила в страхе много лет. А сейчас, когда ты вошел в эту дверь, все встало на свои места.

— Теперь уж ты от меня не избавишься.

— Хорошо. — Эмма подняла голову. — Как насчет печенья?

* * *

Было неприятно лгать Эмме, но Майкл решил, что лучше пока не открывать ей причину, которая привела его в Лондон. Он обнаружил, что британские коллеги вежливы и полны желаний помочь, хотя английская бюрократическая машина столь же неповоротлива, как и американская.

Через два часа Майкл выяснил, что для ознакомления с делом ему надо опять прийти завтра.

Свободное время он провел замечательно. Эмма с восторгом провела его от Тауэра к Пиккадилли, показала смену часовых, отвезла в Вестминстерское аббатство. Хотя Майкла уговорили остаться в доме Макавоев, он сохранил за собой номер в гостинице. После экскурсии по городу они с Эммой провели несколько часов в постели.

Материалы дела мало чем помогли ему. Заключение безоговорочно: смерть от несчастного случая. Дактилоскописты обнаружили лишь отпечатки пальцев самой Джейн, ее последней служанки и торговца, обнаружившего тело. Но эти двое имели железное алиби. Соседи не могли сказать о покойной ничего хорошего, но в день смерти они никого и ничего подозрительного не видели.

Майкл посмотрел снимки. «И меня еще считают неряхой», — думал он, глядя на запечатленную фотографом мерзость, в которой жила и умерла Джейн, и сожалея о том, что в квартире давно все убрали.

Инспектор Карлсон, занимавшийся делом Палмер, терпеливо ждал.

— Это был какой-то свинарник, — заметил он. — Никогда не видел ничего подобного. И не нюхал. Старуха пролежала там пару дней.

— На шприце только ее отпечатки?

— Да. Она все делала сама. Мы подумали о самоубийстве, но оно не подходит по всем параметрам. Видимо, она раздобыла героин, будучи в невменяемом состоянии, забыла развести его и отправилась в последний полет.

— Где она достала зелье? У этого Хитча? Инспектор сжал губы:

— Он только иногда балуется. У него нет связей, чтобы купить столь качественный товар.

— Если не он, то кто?

— Этого мы не смогли установить. Наверное, она купила его сама. В свое время она была известной личностью, и у нее оста вались знакомства.

— Вы видели ее письмо, отправленное к нам в департамент?

— Поэтому мы и хотим снова открыть дело. Если действительно речь идет о преступлении, которое связано с убийством в вашей стране, можете рассчитывать на сотрудничество. — Инспектор

поправил очки на горбатом носу. — Прошло двадцать лет, а никто из нас не забыл, что случилось с маленьким Дарреном Макавием.

«Да, никто не забыл». Сидя в кабинете Брайана, обитом дубом, Майкл наблюдал за тем, как тот читает письмо бывшей возлюбленной.

В камине весело потрескивал огонь, перед ним стояли уютные кресла. Стены и полки были украшены призами, наградами и фотографиями. Но нераспакованные коробки свидетельствовали о том, что сюда переехали совсем недавно. Заваленный бумагами и фотографиями письменный стол принадлежал скорее бизнесмену, а не рок-звезде. У стены красовались синтезатор «Ямаха» и огромный катушечный магнитофон. В баре стояли только минеральная вода и прохладительные напитки. Майкл подождал, когда Брайан закончит чтение, и сказал:

— Мы с отцом решили, что вы должны знать.

— Вы считаете его подлинным?

— Да.

Брайан нервно суетился с зажигалкой. В нижнем ящике стола лежала нераспечатанная бутылка ирландского виски. За шесть недель и три дня с тех пор, как Брайан отказался от алкоголя, ему никогда так не хотелось выпить, как сейчас.

— Господи Иисусе, я думал, что знаю, на что она способна, но этого не могу понять. — Он втянул дым, словно утопающий глоток воздуха. — Если она... почему она захотела навредить ему? Нет, она хотела сделать больно мне.

— Мы по-прежнему считаем, что смерть мальчика — случайность. По логике, мотивом являлось похищение с целью выкупа.

«Едва ли это утешение», — подумал Майкл.

— Я уже платил ей за Эмму. — Брайан потер лицо руками, затем уронил их на стол. — Она готова была убить Эмму прямо у меня на глазах. В порыве ярости она способна на все, но замыслить нечто подобное... Не могу поверить.

— Ей помогли.

Брайан сорвался с места и забегал по комнате, наполненной многочисленными доказательствами его успеха. Золотые и платиновые диски, премии «Грэмми», все американские музыкальные награды. Знаки того, что его музыка имеет значение.

Борясь с ними за место в интерьере, на стенах пестрели фотографии. «Опустошение» вчера и сегодня. Брайан с другими певцами, музыкантами, политиками, знаменитостями. Среди них фотография Эммы и Даррена, сидящих на берегу ручья и щурящихся на солнце.

Двадцать лет растаяли в одно мгновение, и Брайан снова очутился на залитой солнцем траве, услышал смех своих детей.

— Я думал, это осталось позади, — сказал он, отворачиваясь от фотографии. — Я не хочу, чтобы узнала Бев... пока. Я скажу ей сам в подходящий момент.

— Решать вам. Но вы должны знать, что я собираюсь открыть дело снова.

— Такой же упрямый, как и твой отец?

— Хочу надеяться.

— А как насчет Эммы? Ты собираешься допрашивать ее? — Брайан взял бутылку имбирного пива. Жалкая замена виски. — Бев считает, что ты любишь ее.

— Люблю. — Майкл качнул головой, отказываясь от пива. — И собираюсь жениться на ней, как только она будет готова.

— Я не хотел, чтобы она связалась с Дрю, но вел себя неправильно. Если бы я не возражал, если бы не давил на нее, возможно, Эмма подождала бы?

— Латимер хотел приблизиться к вам, рассчитывал на то, что вы можете для него сделать. А мне нужна только Эмма.

— Она всегда была самой незаменимой и прекрасной частью моей жизни. То, что я бездумно сотворил, оказалось необыкновенно хорошим. — С подобием улыбки, так похожей на улыбку дочери, Брайан посмотрел на Майкла. — Ты заставил меня понервничать, когда Эмма привела тебя в тот жуткий особняк Пи Эм в Беверли-Хиллз. Взглянув на тебя, я подумал: «Этот парень отберет у меня Эмму». Должно быть, ирландская кровь. Многие из нас — поэты, пьяницы и прорицатели.

— Я могу сделать ее счастливой.

— Полагаюсь на твое слово. — Брайан опять взял письмо. — Как для меня ни важно узнать, кто убил моего сына, но еще важнее, чтобы Эмма была счастлива.

— Папа, у Пи Эм и Аннабель родился ребенок. Ой, извини те. — Эмма застыла у двери. — Майкл, я не знала, что ты здесь.

— Тебя не было, когда я вернулся. — Майкл забрал у Брайана письмо и небрежно сунул в карман.

— Что случилось?

— Ничего. — Выйдя из-за стола, Брайан поцеловал дочь. — Я допекал Майкла. Похоже, у него есть кое-какие мысли насчет моей дочери.

Эмма улыбнулась, но тут увидела глаза отца:

— В чем дело?

— Я же сказал тебе.

Брайан обнял ее за плечи и собрался увести, но Эмма стряхнула его руку и обратилась к Майклу:

— Ты мне покажешь тот конверт?

— Да, но я предпочел бы сделать это позже.

— Папа, оставь нас на минутку. Пожалуйста.

— Эмма...

— Пожалуйста.

Брайан неохотно закрыл за собой дверь.

— Я тебе верю, Майкл, — начала Эмма. — Если ты скажешь, что вы с папой говорили здесь только обо мне, я поверю тебе.

Как бы ему хотелось сказать это.

— Нет, мы говорили не о тебе. Сядь.

Сейчас будет плохо. Эмма стиснула руки на коленях, как делала еще со школьных времен, когда боялась услышать то, что ей предстояло услышать. Майкл достал конверт и молча протянул ей.

Когда Эмма увидела имя, у нее по спине пробежал холодок. «Послание с того света», — подумала она, вынимая письмо.

«Она так похожа на своего отца», — отметил Майкл. То же выражение лица, те же глаза, полные страдания, то же горестное молчание. Сложив письмо, Эмма вернула конверт Майклу:

— Ты здесь поэтому?

— Да.

— А я думала, что ты не можешь без меня, — печально сказала она.

— Не могу.

— Ты веришь этому письму?

— Дело не в том, верю или не верю, — осторожно начал Майкл.

— А я верю. — Эмма вспомнила Джейн, какой видела ее в последний раз: стоящей в дверях грязного дома со злобной обидой на лице. — Она хотела причинить боль папе. Хотела заставить его страдать. Я до сих пор не забыла, как она смотрела на него, когда он забирал меня. Я была тогда совсем маленькой, но помню. — Эмма вздохнула. Слезы теперь бесполезны. — Как же можно так любить и ненавидеть человека? Как можно исказить эти чувства настолько, чтобы участвовать в убийстве маленького мальчика? Прошло почти двадцать лет, а она до сих пор заставляет папу страдать.

Майкл опустил перед ней на корточки:

— Возможно, Джейн задумала нечто такое, что позволит нам узнать, кто убил Даррена и почему.

— Я знаю. — Эмма зажмурила глаза. — Это глубоко скрыто у меня внутри, но я знаю. И на этот раз собираюсь докопаться.

* * *

Когда зазвучала музыка, она стояла в темном коридоре в своей любимой ночной рубашке, крепко прижимая к себе Чарли. Плакал Даррен. Она хотела вернуться в кровать, к свету ночника. Но она обещала заботиться о Даррене, а он плачет.

Она вышла в коридор, хотя ее ноги не касались пола. Казалось, она плывет в темно-сером облаке, слышит злобное рычание тварей, которые любят темноту. Тварей, которые едят маленьких девочек, как говорила ей мама.

Она не знала, куда идти. Было слишком темно, и отовсюду доносились звуки, накладываясь на музыку. Она шла к своему плачущему брату, стараясь быть совсем маленькой и незаметной, чтобы никто ее не увидел. У нее по спине струился пот.

Она медленно повернула дверную ручку. Толкнула дверь. Открыла ее.

Чьи-то руки больно стиснули ее шею.

— Я говорил тебе: не пытайся от меня убежать, Эмма. — Дрю начал душить ее. — Я говорил, что найду тебя.

— Эмма! — Майкл прижал ее к себе. — Проснись, Эмма, проснись! Это всего лишь сон.

Она не могла отдышаться. Даже осознав, где находится и кто рядом с ней, она, казалось, еще чувствовала на своем горле пальцы Дрю.

— Свет, — выдавила Эмма. — Пожалуйста, зажги свет.

— Хорошо. Держись. Ну вот. А теперь посмотри на меня. Эмма, посмотри на меня.

Майкл приподнял ее подбородок. Лицо у Эммы побелело и блестело от пота.

— Это сон, — тихо сказал Майкл. — Я рядом.

— Со мной все в порядке.

— Сейчас я принесу тебе воды. — Он накинул на дрожащую Эмму одеяло и поспешил в ванную.

Прижав колени к груди, она слушала, как льется вода. Она знала, где находится. В гостиничном номере с Майклом. Она захотела провести с ним ночь перед его возвращением в Штаты. Хотя Эмма понимала, что это всего лишь сон, она до сих пор ощущала хватку Дрю.

— Выпей.

Эмма сделала глоток, но вода не обожгла горло, как она боялась.

— Извини, Майкл.

К черту извинения. Он потрясен не меньше, чем она. Эмма кричала так, словно задыхалась во сне, пытаясь судорожно глотнуть воздух, застрявший в горле.

— Часто это бывает?

— Слишком часто.

— Поэтому ты отказывалась провести со мной ночь? Она лишь пожала плечами.

— Ты слишком красива для тупицы, Эмма. — Положив на место подушки, Майкл привлек ее к себе. — Расскажи об этом.

Она уже закончила, а он все продолжал глядеть в пустоту. Теперь Эмма успокоилась, у него же нервы были натянуты до предела.

— Вероятно, толчком послужило письмо. Раньше я молила бога, чтобы кошмары прекратились. Теперь не хочу. Я хочу войти в комнату и увидеть.

— Ты веришь мне? — спросил Майкл, целуя ее волосы.

— Да.

— Я сделаю все, чтобы найти виновного в смерти твоего брата.

— Это случилось так давно.

— У меня есть кое-какие мысли. Посмотрим, сумею ли я Чего-то добиться.

Эмма прижалась к нему, страстно желая всегда находиться рядом с ним, и положила голову ему на плечо.

— Я сказала, что поеду с тобой, если ты хочешь, но мне не обходимо остаться. Я должна поговорить с Кэтрин. Потребуется несколько недель.

Майкл помолчал, свыкаясь с мыслью, что ему снова придется жить без Эммы.

— Пока ты здесь, подумай, сможешь ли ты быть женой полицейского. Хорошо подумай, ладно?

— Да. — Эмма обвила его шею руками. — А сейчас люби меня, Майкл.

* * *

Клуб был заполнен до отказа молодыми парнями в тесных джинсах и длинноногими девицами в узких мини-юбках. Громкая тяжелая музыка, выпивка, разбавленная водой, крутящиеся разноцветные прожектора, искажающие лица. Пары на танцплощадке вынуждены были кричать, чтобы слышать друг друга. Наркотики и деньги переходили из рук в руки так же просто, как бумажки с номерами телефонов.

Он к этому не привык. И уж конечно, подобные заведения были не в его вкусе. Но он пришел, втиснулся за угловой столик, заказал виски.

— Если тебе захотелось поговорить, мог бы найти место получше. Его собеседник, ухмыльнувшись, залпом проглотил виски.

— Лучшее место для тайн — на людях. — Он поднес к сигарете зажигалку с монограммой. — Ходят слухи, что Джейн провела тебя?

— Мне известно о письме.

— И ты не счел нужным упомянуть об этом?

— Точно.

— Не забывай, что все касающееся тебя касается и меня.

— В письме речь идет только о Джейн, а поскольку она мертва, письмо не имеет никакого значения. — Он замолчал, дожидаясь, пока официантка поставит его стакан. — Возможно, есть кое-что более неотложное. Эмме снятся неприятные сны.

— Ее сны меня не волнуют.

— А должны. Так как они касаются нас обоих. Эмма лечится у психиатра Стиви. — Пригубив виски, он решил, что оно пригодно даже для поливки цветов. — Она может начать вспоминать.

На лице его собеседника отразился страх, который тут же сменился яростью.

— Ты должен был позволить мне убить ее несколько лет назад.

— Тогда в этом не было необходимости. Возможно, она появится сейчас.

— На данном этапе, старина, я не собираюсь марать руки. Позаботься о ней сам.

— Я разобрался с Джейн. А за Эммой пока достаточно следить. Если дело сдвинется с мертвой точки, решать тебе.

— Хорошо. Но не потому, что ты приказываешь. Просто за ней должок.

— Мистер Блэкпул, можно взять у вас автограф? Положив зажигалку, он улыбнулся рыжеволосой девице с пышными формами:

— Конечно, дорогая. С радостью.

Глава 41

Из окна гостиной Эмма видела, как на живой изгороди тает последний новогодний снег.

— Майкл хочет, чтобы я вышла за него замуж.

Кэтрин даже бровью не повела.

— А что ты сама чувствуешь?

Стандартный вопрос врача пациенту. Эмма чуть не засмеялась.

— Много чего. Но только не удивление. Я давно знала, что он только и ждет подходящего момента. Когда мы вместе, я начинаю верить, что все у нас может получиться. Дом, семья. То, что я всегда хотела.

— Ты любишь его?

— О да.

«Без колебания», — отметила Кэтрин.

— Но относительно замужества ты не уверена?

— У некоторых людей это получается. Чего не скажешь обо мне.

— Между Майклом и Дрю есть что-нибудь общее?

— В каком отношении? Оба мужчины. Привлекательные, решительные.

— Еще что-нибудь?

Эмма прошлась по комнате. В доме было тихо. Ежедневно в три часа ее оставляли дома одну для бесед с Кэтрин. Сегодня Эмма собиралась говорить не о Майкле, а о кошмарах, но думала в основном о нем.

— Даже узнав буйный и жестокий характер Дрю, я не смогла их сравнить. Они совершенно разные. Дрю никогда не заботился о людях, ни к кому не чувствовал истинной привязанности. Он мог быть очень умным и очень романтичным, но за все требовал оплаты.

— А Майкл?

— Он заботится. О людях, о своей работе, о семье. Верность для него... ну, как цвет глаз. Неотъемлемая принадлежность. Я даже не предполагала, что после Дрю снова захочу быть с мужчиной. Заниматься сексом. Когда мы с Майклом впервые занялись любовью, я почувствовала то, к чему всегда стремилась, но испытать так и не смогла.

— Отношения с Дрю ты назвала сексом. А с Майклом занималась любовью.

— Правда?

Эмма одарила Кэтрин одной из редких улыбок. Она вспомнила Джонно, который сидел однажды ночью в ее комнате на Мартинике. «Когда это происходит с кем-то, кого ты любишь, это становится почти святым».

— Вряд ли для решения подобной загадки нужен медицинский диплом.

— Да, — удовлетворенно сказала Кэтрин. — Тебе комфортно... в физическом смысле... вместе с Майклом?

— Нет. Но это очаровательное неудобство.

— Волнующее?

— Да. Но я никак не могу... проявить инициативу.

— А хочешь?

— Не знаю. Думаю, мне хотелось бы, но, видимо, я боюсь сделать что-то не так.

— В каком смысле?

— Точно не знаю, — смутилась Эмма. — Ну сделаю что-то такое, а он рассердится или... — Недовольная собой, она отвернулась к окну. — Не могу отделаться от Дрю, его замечаний о том, насколько я тупа и никчемна в постели.

Она ненавидела себя за то, что до сих пор позволяла Дрю вмешиваться в ее жизнь.

— А ты не задумывалась, что в этом мог быть виноват твой партнер или обстоятельства?

— Да. Тут, — показала Эмма на висок, — я знаю, что не холодная и не бесчувственная, что способна испытывать желание и страсть. Но боюсь сделать шаг навстречу Майклу, боюсь что-нибудь испортить. — Замолчав, она взяла хрустальную призму и стала глядеть на игру преломляющегося в ней света. — И еще кошмарные сны. Я боюсь Дрю почти так же сильно, как при его жизни. Мне почему-то кажется, что я смогу проявить инициативу в отношениях с Майклом, только если уберу из снов Дрю, сотру в подсознании его лицо и голос.

— Тебе это так необходимо?

— Разумеется. Неужели ты думаешь, я хочу, чтобы меня продолжали наказывать?

— За что?

— За то, что я исполняла его желания недостаточно быстро или неправильно. Что я надела не то платье. Что люблю Майкла. — Она заметалась по комнате, ломая руки. — Когда Дрю увидел нас на выставке, он все понял. И избил меня. Он заставил меня дать обещание, что я больше никогда не увижусь с Майклом, но все равно продолжал бить. Он знал, что я не сдержу обещание.

— Обещание, данное под принуждением, не имеет силы.

— Нет, я пыталась сдержать его, но не сдержала. Не смогла. Поэтому он наказал меня. — Эмма упала в кресло. — Я солгала. И Дрю, и самой себе.

Кэтрин подалась вперед, однако ее голос оставался тихим и мягким:

— Как ты думаешь, почему он присутствует в твоих снах о той ночи, когда умер Даррен?

— Тогда я тоже солгала, — пробормотала Эмма. — Не сдержала обещания, не уберегла Даррена. Мы потеряли его. Папа и Бев потеряли друг друга. Я поклялась им всегда заботиться о нем. И нарушила свою клятву. Никто меня не наказывал. Никто не винил.

— Это делала ты сама. Разве ты не винила себя? Не карала?

— Если бы я не убежала... Даррен звал меня. Он был так напуган, но я не вернулась, хотя знала, что ему сделают больно. И он умер. Я должна была остаться. Я обязана была остаться.

— Смогла бы ты помочь ему?

— Я убежала потому, что испугалась за себя.

— Ты была маленьким ребенком, Эмма.

— Какая разница? Я дала обещание. Нельзя нарушать обещания, данные людям, которых любишь, независимо от того, насколько трудно их сдержать. Я дала обещание Дрю и оставалась с ним...

— Почему?

— Потому что заслуживала наказания. — Она закрыла глаза, объятая тупым, мучительным ужасом. — О господи, оставалась с ним в наказание за то, что потеряла Даррена?

Кэтрин позволила себе лишь кратчайший миг удовлетворения. Это было именно то, на что она надеялась.

— Я думаю, отчасти ты права. Ведь Дрю напоминал тебе отца. Ты винила себя в смерти Даррена, а по детской логике за виной следует

наказание.

— Выходя замуж за Дрю, я не знача о его характере.

— Не знала. Тебя привлекало то, что ты увидела на поверхности. Красивый молодой мужчина с красивым голосом. Романтичный, очаровательный. Ты выбрала того, кого считала нежным и любящим.

— Я ошиблась.

— Да. Он обманул тебя и многих других. Но внешне он был таким привлекательным, таким любящим, поэтому ты убедила себя, что заслуживаешь подобного обращения. Дрю использовал твою уязвимость, эксплуатировал и углублял ее. Ты ведь не просила, чтобы тебя били. И ты не виновна в смерти брата. — Кэтрин взяла ее за руку. — Безоговорочно приняв это, ты все вспомнишь. А как только вспомнишь, кошмары прекратятся.

— Я вспомню, — пробормотала Эмма. — И на этот раз не убегу.

* * *

Квартира-студия почти не изменилась. Марианна лишь добавила несколько своеобразных штрихов. Фотография Годзиллы в натуральную величину, огромная пластмассовая пальма с рождественскими украшениями, хотя давно наступил январь, и чучело птицы на ветке перед окном. Стены увешаны преимущественно картинами Марианны, пейзажами, морскими видами, портретами и натюрмортами. В студии пахло красками, скипидаром и «Наваждением» Кельвина Кляйна.

Эмма сидела в полосе солнечного света. На ней был свитер, спускающийся с одного плеча, и сапфировые с бриллиантами сережки, рождественский подарок отца.

— Ты очень напряжена, — жаловалась Марианна, водя карандашом по листу ватмана.

— Ты всегда так говоришь, когда рисуешь меня.

— Нет, ты действительно не расслабилась.

Марианна воткнула карандаш в волосы, которые теперь представляли собой беспорядочную массу завитушек, доходивших до плеч. Откинувшись назад, она изучала Эмму.

— Из-за того, что ты снова оказалась в Нью-Йорке?

— Не знаю. Возможно.

Но Эмма провела в напряжении и два последних дня в Лондоне, не в силах избавиться от ощущения, что за ней подглядывают, следят. Крадутся.

Глупо. Видимо, ее нервозность связана с тем, что она в конце концов признала свою вину и стыд. Но, сделав это, она испытала облегчение.

— Ты хочешь, чтобы мы закончили? — Задавая свой вопрос, Марианна уже взяла карандаш и снова начала рисовать. Ей всегда хотелось поймать это спокойное выражение в глазах у Эммы. — Можно сбегать в центр, сходить в «Блуми» или к «Элизабет Арден». Я уже давно не была в косметическом салоне.

— Да, ты такая уставшая, — улыбнулась Эмма, и в уголке рта появилась ямочка. — В чем дело? Витамины, микроэлементы, секс? Должна сказать, что, несмотря на явное переутомление, ты выглядишь отлично.

— Полагаю, это любовь.

— Дантист?

— Кто? Ах, тот. Наши взаимоотношения стали жертвой разговоров о каналах в корнях. Нет, не он. Его зовут Росс. Мы познакомились месяцев шесть назад.

— Шесть месяцев? — удивилась Эмма. — И ты молчала?

— Я думала, вдруг меня опять постигнет неудача... Так... повернись немного, склони голову. Ага.

— Я серьезно.

Эмма взглянула из окна, и у нее свело все внутри. Внизу спешили люди, подгоняемые ветром, который грозил принести с собой дождь или мокрый снег. В дверях магазина курил мужчина. Эмма готова была поклясться, что он смотрит прямо на нее.

— Что? — переспросила она, услышав голос Марианны.

— Я сказала, может быть. Загвоздка в том, что он сенатор.

— Настоящий американский сенатор?

— Из Виргинии. Можешь представить меня шикарной вашингтонской супругой?

— Могу, — улыбнулась Эмма.

— Чаепития, протокольные встречи, — сморщила нос Марианна. — Как я смогу высидеть целую речь, посвященную

огромному бюджету? Куда ты уставилась?

— Да так, просто на улице стоит мужчина.

— Надо же! Мужчина в жилом квартале Нью-Йорка! Ты снова напряглась.

— Извини. — Сделав над собой усилие, Эмма отвернулась от окна и попробовала расслабиться. — Паранойя. Итак, предстоит ли мне встреча с политиком?

— Он в Вашингтоне. — Двумя штрихами Марианна наметила брови Эммы. — Если бы ты не торопилась в Лос-Анджелес, мы съездили бы туда в следующие выходные.

— Значит, это серьезно?

— Наполовину. Эмма, ты увидела нечто особенное?

— Да этот мужчина. Он смотрит прямо на меня.

— Похоже, это не паранойя, а тщеславие. — Марианна тоже подошла к окну. — Наверное, хочет сбыть наркотики, — решила она и вернулась на место. — А теперь поговорим серьезно. Ты собираешься осчастливить Майкла и его собаку?

— Мне нужно время.

— Его у тебя было предостаточно с тринадцати лет, — заметила Марианна. — И какво заставлять мужчину нести перед собой факел в течение десяти лет?

— Все не так.

— Именно так. Знаешь, я удивлена, что он не сбежал с Западного побережья, когда ты собралась погостить здесь пару дней.

— Он хочет жениться.

— Ой, ты просто сбила меня с ног. Ну кто бы мог подумать?

— Наверное, я не хотела размышлять о том, что может произойти дальше.

— Поскольку вычеркнула слово на букву «м». Так что ты собираешься с ним делать?

— С ним?

— Даже с ними. «Муж» и «Майкл».

— Не знаю. — Эмма снова выглянула из окна. Мужчина был на месте. — Дождусь следующей встречи. Может, теперь, когда все улеглось и наша жизнь возвращается в нормальное русло, чувства изменятся... Черт побери!

— В чем дело?

— Почему до меня раньше не дошло? Папа опять нанял телохранителя. Ты знала об этом?

— Нет. — Снова подойдя к окну, Марианна выглянула на улицу. — Брайан ничего мне не говорил. Слушай, тип просто стоит. Зачем сразу же делать вывод, что он тут ради тебя?

— Прожив с этим большую часть жизни, начинаешь чувствовать, когда за тобой следят. — Эмма выругалась и распахнула окно. — Эй! — Неожиданный окрик удивил ее не меньше, чем мужчину на улице. — Передай своему хозяину, что я сама позабочусь о себе. А если через пять минут ты еще будешь здесь, я вызову полицию.

— Лучше стало? — пробормотала Марианна.

— Намного.

— Вряд ли он слышал тебя.

— Услышал, — удовлетворенно кивнула Эмма. — Он уходит. А теперь нас ждет косметический салон.

* * *

Майкл глядел на распечатку. Он много дней сопоставлял списки и перекрестные ссылки, погрузившись в дело об убийстве Даррена Макавоя, как его отец двадцать лет назад. Майкл прочел все досье, изучил протоколы всех допросов. Вспомнил, как они с Эммой ездили в особняк, и добавил свои заметки.

На основе тщательного расследования, проведенного отцом, и воспоминаний Эммы он мысленно воссоздал ночь убийства Даррена.

Музыка. Он представил себе «Битлз», «Роллинг стоунз», Джоплин, «Дорз».

Наркотики. Там радушно делились всем — от травки до ЛСД.

Разговоры о покупках, попойках, сплетни. Смех, яростные политические споры. Вьетнам, Никсон, эмансипация. Люди приходили и уходили. Кого-то пригласили, кто-то забежал на огонек. Никто не задавал вопросов, увидев незнакомое лицо. Официальных приглашений не требовали. На повестке дня любовь, мир, всеобщее братство. Звучало привлекательно, но копа начала девяностых выводило из себя.

У Майкла был список гостей, составленный отцом, удручающе неполный, но от него можно отталкиваться. Следуя интуиции, Майкл несколько дней устанавливал, где находились в ночь смерти Джейн Палмер все указанные в списке лица. Выяснилось, что тогда в Лондоне было шестнадцать человек, включая группу «Опустошение», их менеджера и Бев Макавой. Он поборол желание вычеркнуть их из списка подозреваемых и несколько дней устанавливал алиби.

Теперь в распечатке осталось двенадцать фамилий. Майкл надеялся, что если между двумя убийствами, разделенными двадцатью годами, действительно существовала связь, то она кроется именно здесь.

— Это дает нам материал для работы. Я хочу копнуть поглубже и найти связь между оставшимися в списке и Джейн Палмер.

— У тебя в списке Макавой. Думаешь, они могли убить собственного сына? — поинтересовался Лу.

— Нет. Дело в связях.

Майкл открыл папку. Имена на листе, соединенные пунктирными линиями, образовали некое генеалогическое древо во главе с Бев, Брайаном и Джейн. Под ними стояли имена Эммы и Даррена.

— Я пытался связать их, используя протоколы допросов и информацию из досье. Возьмем Джонно. — Палец Майкла скользнул вниз. — Друг детства и соавтор всех песен Брайана. Они вместе основали группу. Джонно поддерживал связь с Бев во время ее долгого разрыва с мужем. Кроме того, он дольше всех был знаком с Джейн.

— Мотив?

— Только деньги и месть. И то и другое легко увязывается с Джейн Палмер, но для всех остальных из списка не подходит. Блэкпул. — Майкл опустил палец еще ниже. — Когда убили Даррена, он ничего особенного собой еще не представлял. Рывок произошел несколько месяцев спустя, когда он записал песню, сочиненную Брайаном и Джонно. И Пит Пейдж стал его менеджером.

Майкл провел пальцем по линиям, соединяющим Блэкпула с Брайаном, Джонно, Питом и Эммой.

— С Палмер никак не связан? — спросил Лу.

— Пока не знаю.

— В этом списке есть фамилии, известные даже мне.

— Столпы рок-н-ролла. — Усевшись на край письменного стола, Майкл закурил. — Конечно, если мотивом похищения считать корысть, то большинство имен следует вычеркнуть. Вот здесь и появляется Джейн. Если идея принадлежит ей, она могла воспользоваться шантажом, сексом, наркотиками или чем-то еще, чтобы заставить кого-то подцепить Брайана на крючок с помощью Даррена. Когда-то она попыталась сделать это с помощью Эммы, но смогла получить только деньги. Ей захотелось большего. А что работает лучше, чем похищение сына Брайана? — Майкл стал расхаживать по кабинету, рассуждая вслух. — Если бы Джейн могла попасть в дом, она сделала бы все сама. Но об этом нечего было и мечтать. Поэтому Джейн нашла исполнителя.

— Кажется, ты очень хорошо понимаешь ее. Майкл вспомнил короткую связь с Энджи Парке.

— Понимаю. Если принять на веру, что похищение задумала она, то мы обязательно найдем связь. Ей помогал кто-то из этого списка.

— В детской были двое.

— И один должен был хорошо знать дом, расположение комнат на личной половине Макавоев. Он должен был знать детей и их распорядок. Следовательно, нужно искать человека, связанного и с Джейн, и с Брайаном.

— Ты кое о чем забываешь, Майкл. Если бы ты внес в список свое имя, сколько бы еще линий ты прочертил? Ничто так не осложняет расследование, как личная заинтересованность.

— И ничто не продвигает его быстрее. Не знаю, стал бы я полицейским, если бы не Эмма. Она приходила к нам домой. Помнишь, перед Рождеством. Она пришла к тебе.

— Помню.

— Она искала помощи. И пришла к тебе. Может, главное не в том, чтобы заполнять бумаги и составлять отчеты, не в перестрелках и хватаниях за шиворот. Люди приходят к тебе с надеждой, поскольку ты знаешь, что делать. Мы поехали с Эммой в особняк в горах, и там я понял: должны быть люди, которые знают, что делать. Которым безразличен маленький мальчик, и хотя они никогда его не видели, но не пожалеют ради него своих сил.

Тронутый словами сына, Лу взглянул на лежащие перед ним бумаги:

— Это продолжается уже двадцать лет, а я все еще не могу понять, что делать.

— Какого цвета были глаза у Даррена Макавоя?

— Зеленые, — ответил Лу. — Как у матери. Улыбнувшись, Майкл встал:

— Ты никогда не переставал думать о нем. Мне нужно встретить Эмму в аэропорту. Можно оставить бумаги у тебя? Я не хочу, чтобы она их видела.

— Хорошо. — Лу намеревался досконально изучить каждое слово в докладе сына. — Майкл, из тебя получился неплохой коп.

— Как и из тебя.

Глава 42

На протяжении всех трех тысяч миль полета до Калифорнии Эмма думала о Майкле. Она убеждала себя в необходимости сдерживаться. Ее отношения с Майклом развиваются слишком быстро, она должна мягко притормозить их. Скоро выйдет книга. Пора открывать студию, возможно, следует устроить еще одну выставку.

Как же ей при этом разобраться в своих чувствах? В ее жизни произошел настоящий переворот, и очень легко принять за любовь признательность и дружбу. А она признательна Майклу. Всегда будет признательна. Он ее друг, постоянный и верный, хотя большую часть жизни находился вдали от нее. Если она чуть притормозит, так будет лучше для них обоих.

Они увидели друг друга одновременно. Все здравые мысли, все сомнения, которые мучили Эмму на протяжении всего полета, улетучились в тот же миг, когда Майкл тут же сгреб ее в объятия. К радости остальных пассажиров, он молча целовал Эмму на глазах у всех.

— Привет, — сказала она, когда ей удалось перевести дух, и погладила Майкла по щеке.

— Привет. — Он снова поцеловал ее. — Рад видеть тебя.

— Надеюсь, ты ждал не долго.

— По-моему, больше одиннадцати лет. — И Майкл направился к выходу из аэровокзала.

— Ты не собираешься меня опустить?

— Нет. Как прошел полет?

Засмеявшись, Эмма чмокнула его в щеку:

— Не можешь же ты нести меня через весь зал.

— Законом это не запрещено. Я узнавал. Наверное, у тебя есть багаж?

— Есть.

— Хочешь забрать его сейчас?

— Не очень.

Два часа спустя они лежали в постели и ели из одной вазочки мороженое.

— До встречи с тобой у меня не было привычки есть в постели. — Зачерпнув полную ложку, Эмма протянула ее Майклу. — В пансионе мы с Марианной тайком приносили в комнату батончики «Херши» и, когда гасили свет, поедали их в постели, но это считалось совершенно недопустимым.

— А я считал, что, когда гасят свет, девчонки притаскивают к себе в комнату мальчишек.

— Нет. Только шоколад. О мальчишках приходилось лишь мечтать. Мы постоянно говорили о сексе и с завистью смотрели на девочек, которые хвастались своим опытом. — Эмма улыбнулась. — Это гораздо лучше, чем я себе представляла.

— Если ты позволишь мне переехать к тебе, мы сможем заниматься этим гораздо чаще.

Он выжидающе смотрел на нее. «Ему нужен ответ», — подумала Эмма.

— Я еще не решила, оставить этот дом или подыскать другой. — Она говорила правду, но оба поняли, что это скорее отговорка, чем ответ. — Мне нужны помещения для студии и фотолаборатории. Я хочу найти место, где все это будет.

— Здесь, в Лос-Анджелесе?

— Да. — Нью-Йорк больше никогда не станет ее домом. — Мне бы хотелось начать здесь.

— Хорошо.

Вряд ли Майкл понял, что она имела в виду под словом «начать».

— Я должна подготовиться к следующей выставке. У меня есть кое-какие связи, и если ее удастся приурочить к книге...

— Какой книге?

— Моей. Про «Опустошение». От первых фотографий, сделанных мной еще в детстве, до последнего турне, в которое я ездила с папой. Книга откладывалась из-за... из-за того, что произошло. Но должна выйти месяцев через шесть. — Эмма бросила взгляд за окно. Налетевший с моря ветер принес ливень. — У меня есть еще один замысел. Похоже, издатель заинтересовался.

— Почему ты мне не сказала? — Прежде чем Эмма успела оправдаться, Майкл крепко поцеловал ее. — У нас только бутылка

минеральной, чтобы отметить это. О-о!

— В чем дело? — снова напряглась она.

— Мать убьет меня, если не получит от тебя автограф на презентации.

И все? Ни претензий, ни вопросов, ни критики?

— Я... издатель желает, чтобы я отправилась в поездку. Это означает, что несколько недель я буду в разъездах.

— Я тебя увижу у Донахью?

— Не знаю. Идут переговоры. Я сказала, что в первый месяц после выхода книги я готова сделать все, чего от меня потребуют.

Ее тон заставил Майкла удивленно поднять бровь.

— Это тест, да? Ты ждешь, не вырастут ли у меня клыки при упоминании о том, что у тебя есть собственная жизнь?

— Возможно.

— Извини, что разочаровал тебя.

Он хотел встать, но Эмма удержала его:

— Не надо. Если я несправедлива, извини. Не всегда легко быть справедливой. — Она провела рукой по волосам. — Я, конечно, не должна сравнивать, но не могу удержаться.

— Старайся, — глухо предложил Майкл и потянулся за сигаретами.

— Черт возьми, Майкл, я могу сравнивать только с ним. Я никогда не жила с другими мужчинами, никогда не спала с другими мужчинами. Ты хочешь, чтобы я делала вид, будто этого периода моей жизни не было? Что я никогда не позволяла использовать себя, делать себе больно? Я должна все забыть и жить так, чтобы ты мог заботиться обо мне? Каждый мужчина, игравший важную роль в моей жизни, хотел забрать все в свои руки, утверждая, что я слабая, глупая, беззащитная женщина и не могу принимать решения.

— Успокойся.

Но Эмма уже соскочила с кровати:

— Всю жизнь меня запикивали в угол ради моего блага. Отец хотел, чтобы я забыла о Даррене, не переживала о нем, не думала о нем. Я не должна была волноваться и по поводу того, что он делал со своей жизнью. Потом Дрю вообще избавил меня от забот. Я слишком доверчива, чтобы заниматься своими финансами, друзьями, работой. И я, черт побери, привыкнув, что мне указывают направление, просто

шла куда говорят. А теперь, выходит, я должна забыть все это, позволить тебе занять освободившееся место и снова попасть под чью-то опеку?

— Ты считаешь, что я здесь ради этого?

— А разве не так?

— Отчасти. — Выпустив дым, Майкл нарочито медленно смял окурок. — Трудно любить кого-то и не стараться оберегать. Ты не должна забывать о том, что произошло у вас с Латимером. Но я хочу, чтобы ты могла с этим жить.

— Я не забуду.

— И я тоже. Я буду помнить все, что он с тобой сделал, и временами я буду жалеть, что он не остался в живых и я не могу убить его сам. Но ты вырвалась. Ты выжила. Этого я тоже не забуду. Слабая? — Майкл провел по еле заметному шраму у нее на подбородке. — Я видел, что он сделал с тобой в тот день. И всегда буду помнить. Ты не позволила ему перепачкать себя, Эмма.

— Да, и больше никому не позволю контролировать свою жизнь.

— Я не твой отец. И не Латимер. Я не собираюсь контролировать твою жизнь. Я просто хочу стать ее частью.

— А я не знаю, чего хочу. Постоянно возвращаюсь к тебе, и это пугает. Я не хочу так нуждаться в тебе.

— Черт побери, Эмма...

Когда зазвонил телефон, Майкл снова выругался.

— Это тебя, — сказала Эмма, передавая ему трубку.

— Слушаю. — Он потянулся за сигаретой, но застыл. — Где? Через двадцать минут. Я должен идти, — сказал он, уже натягивая джинсы.

Кого-то убили. Эмма поняла это по его лицу. Он надел кобуру.

— Мы еще не закончили. Я вернусь как только смогу.

— Майкл...

Она не знала, что хотела сказать. И вместо слов обняла его. После ухода Майкла она не могла найти себе места. Дождь теперь лил стеной, которая заслонила океан, но шум прибоя успокаивал Эмму. Было довольно холодно, и она затопила камин. Когда огонь разгорелся, она позвонила в аэропорт и распорядилась привезти ее багаж.

Заварив чай, Эмма стала бродить с чашкой по дому, где впервые осталась совершенно одна. Если она все же купит его, нужна будет

перепланировка. Комнату рядом с кухней можно расширить, превратив в студию. Там хорошее освещение. Наверху три огромные спальни. Может, так нерационально использовать полезную площадь и недопустимо, но Эмме нравилось. Возможно, она сделает этот дом своим. Взглянув на часы, Эмма решила позвонить агенту по недвижимости. Однако ее остановил звонок.

— Эмма?

— Папа! — обрадовалась она.

— Я только хотел узнать, как ты долетела.

— Прекрасно. А ты как?

— Сейчас у нас маленькое безумие. Мы записываемся. Но скоро прилетим на Западное побережье.

— Папа, у меня все прекрасно. Тебе незачем ехать так далеко.

— Во-первых, я хочу посмотреть на тебя. Во-вторых, нас выставили на «Грэмми» в трех номинациях.

— Мои поздравления.

— Мы решили показать все, на что способны. Ты приедешь?

— С удовольствием.

— Может, пригласишь Майкла? Пит достанет билеты.

— Приглашу. — Эмма вспомнила, как выглядело лицо любимого, когда тот надевал кобуру. — Возможно, он будет занят.

— Пусть освободится. В конце этой недели мы прилетаем на репетицию. Пит сделал заявку, чтобы нас представляла ты. Он просил передать это.

— Ой, не знаю.

— Для меня очень важно, Эмма, если именно ты объявишь, что мы с Джонно написали песню года.

— А если победителями станете не вы, — улыбнулась Эмма, — я все равно смогу прочесть ваши имена.

— В том-то и дело. Береги себя, хорошо?

— Да, кстати, папа. Мне не нужен телохранитель, я сама по забочусь о себе.

— Какой телохранитель?

— Которого ты нанял перед моим отлетом из Лондона.

— Эмма, я никого не нанимал.

— Слушай, я... — Эмма осеклась. Отец часто что-то скрывал от нее, но никогда не лгал ей. — Ты не посылаешь никого следить за мной?

— Нет. Мне и в голову не пришло, что ты нуждаешься в этом. Кто-то беспокоит тебя? Я смогу вырваться раньше и прилететь...

— Нет. Меня никто не беспокоит. Марианна права, это паранойя. Наверное, я еще не привыкла вести себя так, как хочу, но привыкну. — Ив доказательство быстро приняла решение: — Скажи Питу, что я с радостью буду ведущей на «Грэмми». Более того, я завтра же начну искать платье.

— С тобой свяжутся по поводу репетиции. Не занимай один вечер. Мы с Бев хотели пригласить вас с Майклом на ужин.

— Я передам ему. Он... Папа, почему тебе нравится Майкл?

— Он твердый как скала. И любит мою дочь так же сильно, как и я. Он сделает тебя счастливой. А это все, чего я хочу.

— Знаю. Я люблю тебя. До встречи.

Может, действительно все так просто? У нее есть мужчина, который любит ее и сделает счастливой. Она никогда не сомневалась в чувствах Майкла. Но сможет ли она дать ему что-либо взамен?

Накинув плащ, Эмма выбежала под дождь. Самое меньшее, чем она сможет порадовать Майкла, когда тот вернется, будет горячий обед.

Эмма с удовольствием ходила между прилавками супермаркета и к машине бежала с тремя полными сумками. Была только середина дня, но Эмме пришлось включить фары, чтобы рассеять сырую мглу. Давала о себе знать разница во времени. Однако приятная усталость соответствовала погоде.

Автомобилей на дороге почти не было. Люди или сделали покупки заранее, или пережидали дождь. Возможно, поэтому она довольно скоро заметила машину, неотступно следовавшую за ней. Включив радио, Эмма решила не обращать на это внимания.

«Мания преследования», — успокоила она себя.

Но ее глаза постоянно возвращались к зеркалу заднего вида. Она увеличила скорость, пренебрегая опасностью быстрой езды по скользкой дороге. Фары не отставали. Она сбавила газ, и неизвестная машина тоже замедлила ход. Закусив губу, Эмма резко повернула влево, автомобиль занесло, он пошел юзом. Преследователь метнулся в сторону и встал поперек трассы.

Вцепившись в руль, Эмма надавила на газ, выровняла машину, быстро набрала скорость и помчалась к дому, молясь о том, чтобы ей

хватило нескольких мгновений форы.

Еще не нажав на тормоз, Эмма уже схватилась за дверную ручку. Может, это и впрямь игра воображения, но ей не хотелось, чтобы ее внезапно захватили врасплох посреди улицы. Забыв про сумки, Эмма побежала к дому и испуганно вскрикнула, когда чья-то рука ухватила ее за запястье.

— Леди! — Молодой парень отскочил назад и едва не свалился в лужу, пытаясь сохранить равновесие.

— Что вам нужно?

— Это ваш дом?

Эмма сжала в кулаке ключи. Интересно, сможет ли она воспользоваться ими как оружием?

— А что?

— У меня три места багажа, «Америкэн», рейс номер 457 из Нью-Йорка, для Эммы Макавой.

Ее багаж. Она чуть не расхохоталась.

— Извините. Вы ехали за мной от самого маркета, и я, кажется, перетрусил.

— Я жду здесь больше десяти минут, — возразил парень, протягивая ей квитанцию. — Распишитесь, пожалуйста.

— Но...

В этот момент Эмма увидела, как к дому медленно подъезжает тот самый автомобиль, но лицо водителя ей рассмотреть не удалось.

— Извините, — повторила она. — Не могли бы вы подождать, пока я отнесу в дом сумки?

— Леди, меня ждут по другим адресам.

— Пожалуйста. — Эмма достала из бумажника двадцатку и, не дожидаясь согласия парня, вернулась к своей машине.

Дома она проверила все запоры. Горящий камин, тепло и включенный повсюду свет вернули ей ощущение безопасности. Тем более что в следующие двадцать минут автомобиль больше не появился.

Готовя ужин, Эмма окончательно успокоилась. День клонился к вечеру, и серые краски дня все больше темнели. Никаких сумерек, только непрерывный дождь.

Прошелестевшая по лужам машина заставила ее вздрогнуть, и, застыв у лестницы, Эмма уставилась на широкое темное окно.

Скрипнули тормоза, хлопнула дверца.

Она уже бежала к телефону, когда услышала у входной двери шаги. Не колеблясь, Эмма бросилась к камину и схватила бронзовую кочергу.

Тот человек знает, что она в доме одна, ведь у нее, тупицы, не хватило ума опустить шторы. Дюйм за дюймом Эмма пятилась к телефону. Она позовет на помощь, а если подмога вовремя не подоспеет, будет защищаться сама.

— Эмма! Я сейчас утону здесь!

— Майкл?

Телефонный аппарат выпал у нее из рук. Уронив и кочергу, она бросилась к двери, но замок не подчинился ее дрожащим пальцам. Когда дверь наконец распахнулась и Эмма обняла ругающегося Майкла, она уже смеялась.

— Извини, я не понял шутки.

— Нет, это ты извини. Просто я... — Она заметила в его глазах нечто такое, чего не видела прежде. Отчаяние.

— Дай, я помогу тебе. Ты насквозь промок. — Эмма стянула с него куртку. — У меня есть чай. Жаль, я не подумала о коньяке, но, возможно, осталась бутылка виски.

Подтолкнув Майкла к огню, она пошла на кухню и вернулась с чашкой. Майкл стоял на том же самом месте, глядя в огонь.

— Это замечательный индийский чай с большой долей ирландского.

— Спасибо. — Майкл пригубил, сморщился и выпил до дна.

— Тебе нужно снять мокрую одежду.

— Сейчас.

Эмма хотела еще что-то сказать, но передумала и тихо ушла наверх. Вернувшись, она взяла Майкла за руку:

— Идем. Я приготовила тебе ванну.

— С пеной?

— Все, что пожелаешь. Иди, — махнула она на дверь. — Успокойся, а я приготовлю тебе еще чаю.

— На этот раз сделай его чисто ирландским. На два пальца и без льда, — сказал Майкл, бросая на пол мокрую рубашку.

Эмма смущенно ждала, когда он снимет джинсы. Пора ей отказаться от страха по поводу каждой бутылки. Не все, кто хочет

выпить, желают напиться.

Когда Эмма вернулась со стаканом, шум воды в ванной прекратился. Она остановилась у двери, чувствуя себя идиоткой, затем поставила стакан на столик у кровати. Несмотря на интимную близость с Майклом, она не могла представить, как войдет в ванную, когда он моется. Сев на подоконник, она ждала и глядела на дождь.

Майкл вышел, обернув бедра полотенцем. Он был таким же напряженным и с тем же отчаянием на лице.

— Я приготовила ужин, — быстро сказала Эмма. Он кивнул, но взял только стакан. — Почему ты не ешь?

— Я могу подождать.

Ей хотелось подойти к нему, взять за руку, разгладить морщины на лбу. Но Майкл хмуро уставился в стакан, как будто ее вообще не существовало. Тогда она пошла в ванную, чтобы развесить мокрую одежду и полотенца.

— Ты не обязана убирать за мной. — В его голосе слышалась ярость. — Мне не требуется нянька.

— Я только...

— Это Латимер хотел, чтобы ему прислуживали. Я другой человек.

— Отлично. — Эмма гневно бросила рубашку Майкла на пол. — Тогда сам убери ее, не всем нравится жить в хлеву.

Майкл швырнул рубашку в таз и резко повернулся к Эмме, злясь на нее, на себя, на все вокруг.

— Не смотри на меня так! — крикнул он. — Никогда не смотри на меня так. Я могу перешибить тебя одним пальцем.

Эмма попыталась сдержать злобу, обжигающую ей язык, но слова хлынули потоком:

— Я не боюсь. Никто больше не ударит меня безнаказанно. Я по горло сыта ролью жертвы. Если ты хочешь злиться на меня, валяй. Желаете драться, ради бога, только мне хотелось бы знать, из-за чего. Если потому, что я не делаю того, что ты хочешь, не являюсь тем, кем ты хочешь меня видеть, не говорю того, что ты хочешь услышать, тогда я буду молчать. Но криком ты меня не изменишь.

Майкл поднял руку. Не пытаясь ударить или схватить Эмму, а прося успокоиться. Этой почти неуловимой разницы хватило, чтобы Эмма сдержала новую вспышку гнева.

— Ты здесь ни при чем, — тихо сказал он. — Извини. Мне не следовало приходить сюда. — Он взглянул на свою мокрую одежду. — Можно засунуть это в сушилку или еще куда-нибудь. Я оденусь и уйду отсюда ко всем чертям.

«Опять, — подумала Эмма. — Не просто злость, а глубокое темное отчаяние».

— В чем дело, Майкл?

— Я же сказал, ты здесь ни при чем.

— Давай сядем.

— Не надо, Эмма.

Майкл вернулся в спальню. Нет, виски ему не поможет.

— О, понимаю. Ты хочешь стать частью моей жизни, но я не должна становиться частью твоей.

— Только не частью этой жизни.

— Ты не можешь расчленить ее на части и сложить из них разные кучки. — Эмма прикоснулась к его руке. До этого момента она даже не представляла себе, насколько сильно любит его. — Расскажи мне все, Майкл. Пожалуйста.

— Дети, — пробормотал он. — Господи, совсем малыши. Он просто зашел на игровую площадку во время перемены и дал себе волю.

Добравшись до кровати, Майкл сел и закрыл ладонями глаза. Он видел это словно наяву, ужасался мысли, что так будет всегда.

Пораженная, Эмма села рядом с ним, поглаживая его по плечу, чтобы снять напряжение натянутых мышц.

— Не понимаю.

— И я тоже. Мы узнали, кто он. Псих. Всю жизнь лечился. Даже ходил в эту же школу, в первый и второй класс, пока его не забрали в психушку. Выяснили мы и все остальное, только какой от этого прок?

— Кто? О ком ты говоришь?

— Просто неудачник. Большой жалкий неудачник, раздобывший автоматический пистолет сорок пятого калибра.

— О господи! — поняла Эмма.

— Он подъехал к школе. Зашел на площадку. Дети играли в мяч, прыгали со скакалкой. Дождя еще не было. Он начал стрелять. Шесть малышей убиты. Двадцать в больнице, не все выпишутся оттуда.

— О, Майкл! — Она прижалась щекой к его щеке.

— А потом спокойно ушел. Когда приехала полиция, его там уже не было. Мы с Маккарти...

Но он не мог описать это, только не Эмме. Он не мог описать это даже себе.

— Мы нашли его машину в двух кварталах от школы. Он был рядом, завтракал в парке. Просто сидел на скамейке в чертовом парке и ел под дождем бутерброд. Даже не потрудился убежать, когда мы подъехали. Взял пистолет и сунул дуло в рот. Так что мы никогда не узнаем почему.

— Как печально. — Эмма не нашла других слов.

— От нас должно что-то зависеть. Шесть малышей убиты, а мы ничего не смогли сделать, ничего не сможем исправить. Остается только убедить себя, что невозможно было ничего сделать.

— Но ты ведь не ушел, — прошептала Эмма. — Поэтому от тебя что-то зависит, Майкл. Не стану говорить, как бы ты переживал из-за того, что предотвратить было в твоих силах, потому что это делает тебя таким, какой ты есть.

— К этому нельзя привыкнуть. — Майкл уронил голову ей на плечо. — Раньше я удивлялся, почему отец иногда приходил домой и запирался у себя. А когда я ложился спать, они с матерью разговаривали часами.

— Ты можешь поговорить со мной. Майкл привлек ее к себе:

— Я не хотел приходить с этим сюда. Но ты нужна мне, Эмма.

Она подставила ему губы. Если Майклу необходимо сжечь отчаяние в пламени страсти, она предоставит ему такую возможность.

Эмма взяла инициативу на себя. Он всегда любил ее нежно, терпеливо. Но если сейчас его жажда столь же неистова, как и ее, она утолит эту жажду.

На этот раз она постарается прогнать его демонов. Сев на Майкла верхом, Эмма чувствовала особое удовольствие, возбуждая его, ощущая, как под ее руками дрожит горячее напряженное тело. Ни колебаний, ни сомнений. Наслаждаясь в той же степени, в какой дарила наслаждение, она медленно выводила кончиками пальцев круги, возбуждающие линии на горячей коже.

У Эммы возникло желание попробовать на вкус блестевшее в свете лампы тело языком, впитать его губами. Хотя руки Майкла тоже не бездействовали, Эмма ускользнула, словно давая понять: не

торопись, позволь мне вести тебя, любить тебя. Она скользила губами по телу, посылая обжигающие стрелы в его плоть.

Майкл слышал стук дождя, ощущал спиной тепло простыни, видел длинные волосы Эммы, струящиеся по плечам. Ее потемневшие бездонные глаза. Желая видеть ее всю, почувствовать ее, он разорвал на ней блузку, и зубы Эммы впились ему в плечо. Она понимала это желание и наслаждалась им. Первобытная дикость, но без жестокости. Возбуждение Майкла бурей откликалось в ней. Они достигли одинакового накала, и Эмма обнаружила, как восхитительно слияние любви и страсти.

Когда Майкл сорвал с нее одежду, ее тихий стон не был знаком поражения. Всю жизнь она ждала, чтобы ее хотели так сильно. Отчаянно, безрассудно, только ее. Но не знала этого. Как не знала и того, что ждала от себя такой же дикой необузданности.

Майкл уже не сдерживался, и Эмма купалась в его неистовстве. Толкала его еще дальше. Когда сильные пальцы впились ей в бедро, Эмма поняла, что он уже не считает ее хрупкой и нежной, требующей защиты. Майкл выдохнул ее имя, в нем слышалось желание обладать, обладать только ею. И принадлежать ей.

Эмма упала на него, торжествуя изогнувшись, высвобождая страсть, принимая его в себя. Первая волна экстаза прокатилась по ее телу, не уменьшив желания, и она сама задала ритм, быстрый, неистовый.

Даже когда Майкл взорвался у нее внутри, она не успокоилась, требуя еще. Она впилась в него губами, потом ее язык скользнул по шее Майкла, нащупал пульсирующую жилку. Тот пробормотал нечто бессвязное и, почти обезумев, стиснул ее, захватил губами ее рот. В следующее мгновение Эмма оказалась под ним, прижатая словно раскаленным горном к кровати.

Она обвила Майкла руками и ногами, открытые глаза не отрывались от его лица. Он увидел, как они вдруг застыли, ощутил, как судорожно вздрогнуло ее тело. Потом губы Эммы изогнулись. Медленно, торжествуя.

Это было последнее, что он увидел перед тем, как его затопила страсть.

Глава 43

Эмму бесило, что она все время оглядывается. Прошла уже почти неделя с тех пор, как она обосновалась в доме на берегу, а Майкл с Конроем неофициально поселились у нее. Репетиция будущего, в которое она начинала верить. Наконец-то Эмма чувствовала себя полноценной женщиной... и счастливой.

И все же ей порой не удавалось избавиться от ощущения, что за ней следят. В таких случаях она убеждала себя, что это лишь очередной журналист, который хочет сделать сенсационный снимок.

Но, оставаясь в доме одна, Эмма запиралась на все замки и держала Конроя поблизости.

Как бы часто она ни говорила себе, что страшится выдуманных призраков, она продолжала оглядываться, ждать.

Эмма подбирала себе подходящий наряд, классический и вызывающий одновременно. Вокруг нее суетились продавцы. Она хотела получить от поездки по магазинам удовольствие, но с облегчением вздохнула, когда все осталось позади и можно было отправиться домой.

Как бы удивилась Кэтрин, как бы засуетилась, если бы Эмма рассказала ей о своей мании преследования. А вдруг в ее отсутствие кто-то действительно проник в дом? А эти странные шумы в трубке? Должно быть, телефон прослушивается.

О господи. Скоро она начнет заглядывать под кровать и будет вынуждена лечиться до конца жизни.

Она ведь сама выбрала Лос-Анджелес, не так ли? Она уже обзавелась личным врачом, а скоро ей потребуется и личный гуру. Дойдет до того, что станет искать единения души с трехсотлетним буддийским монахом.

Эмма наконец засмеялась.

Буддийским монахам придется подождать хотя бы до тех пор, пока она не разберется с насущными делами. «Все будет как в старое доброе время», — подумала Эмма. Она снова на репетиции и делает снимки. Приятно, что ее прошлое и будущее соединились.

Когда Эмма вышла из машины, дорогу ей преградил Блэкпул:
— Какая встреча! Ну, здравствуй, милочка.

Она разозлилась на себя за то, что вздрогнула, и молча попыталась обойти Блэкпула. Но тот с легкостью прижал ее к машине, как когда-то к стене в фотолаборатории, и провел пальцем по ее шее.

— Разве так встречают старых друзей?

— Уйди с дороги.

— Надо поработать над твоими манерами. — Блэкпул ухватил ее за волосы, заставив вскрикнуть. — Маленькие девочки, живущие среди больших денег, вырастают испорченными. Я думал, твой муженек успел исправить тебя... пока ты его не убила.

Это не страх, поняла Эмма, когда ее начала бить дрожь. А ярость, ослепляющая ярость.

— Ты, ублюдок, отпусти меня.

— Не желаешь поболтать наедине? Давай покатаемся. — Не выпуская ее волос, он тянул Эмму за собой. Размахнувшись, она с силой ударила его камерой в солнечное сплетение. Блэкпул согнулся пополам, а она, отступив на шаг, наткнулась еще на кого-то, резко повернулась и чуть не ударила Стиви.

— Осторожнее. — Тот вскинул руку, успев перехватить кулак Эммы. — Не бей меня. Я только бедный выздоравливающий наркоман, пришедший поиграть на гитаре. У тебя проблемы?

Эмма, ощутив сумасшедшую радость, небрежно взглянула на Блэкпула, который наконец выпрямился. Она постояла за себя, и очень неплохо.

— Никаких проблем.

И они со Стиви направились в концертный зал.

— Что у вас произошло?

— Он просто нахал, — улыбнулась Эмма.

— А ты настоящая амазонка. Бедняга Стиви несся по стоянке, надеясь изобразить благородного рыцаря, а ты украла у него победу.

Эмма со смехом чмокнула его в щеку:

— Ты размазал бы его по стене.

— Не знаю. Он намного крупнее меня. Хорошо, что ты сама расправилась с ним. Мне бы очень не хотелось появиться на экране с подбитым глазом.

— Ты выглядел бы сногшибательно и распутно. — Эмма обняла его за талию. — Давай не скажем папе.

— Брай ловко орудует кулаками, и я бы с удовольствием поглядел на испорченную физиономию Блэкпула.

— Я тоже, — пробормотала она. — Но давай подождем до вручения премий.

— Никогда не мог отказать симпатичной мордашке.

— Да, не мог. Ты убедил Кэтрин выйти за тебя?

— Ее позиции слабеют.

Подойдя к залу, они услышали, как репетирует одна из групп, от громового рока которой дрожали стены.

— Кэтрин осталась в Лондоне. Говорит, у нее слишком много больных. На самом деле она хочет посмотреть, как я справлюсь один.

— А ты вправляешься?

— Забавно, все годы я принимал наркотики, чтобы комфортно себя чувствовать. Хотел кое-что забыть. — Он вздохнул, вспомнив Сильви. — Наркотики мне этого так и не дали, но я продолжал употреблять их. За последние два года до меня все же начало доходить, какой может быть жизнь, если взглянуть ей в лицо. — Стиви беспокойно дернул плечом. — Черт, я похож на проповедника.

— Ты похож на счастливого человека.

Стиви усмехнулся. Да, он счастлив. Больше того, он начал верить, что заслужил это.

— Я по-прежнему лучше всех, — сказал он, когда они подошли к сцене. — Но теперь я могу наслаждаться этим.

Эмма увидела, как у отца берут интервью. Он тоже счастлив. Джонно стоял у стены, насмехаясь над Пи Эм, который пытался сунуть фотографии своего малыша всем рабочим, каких ему удавалось схватить за руку.

Группа на сцене перестала играть. Шестеро юных парней, выдвинутых на звание лучшей молодой группы. Эмма чувствовала их напряжение и с гордостью заметила, что ребята бросают взгляды на ее отца.

Наверное, спрашивают себя: продержатся ли они так же долго? Оставят ли столь же глубокий след? Тронет ли их музыка следующее поколение?

— Конечно, — сказала она Стиви. — Ты лучше всех. Вы лучше всех.

О Блэкпуле она больше не вспоминала, не оглядывалась через плечо.

Она с наслаждением фотографировала, разговаривала о музыке, смеялась над воспоминаниями. Без стеснения вышла на сцену и прочла заготовленные слова полупустому залу. Вернувшись на место, Эмма взяла теплую колу, а на сцене несколько музыкантов заиграли мелодии Чака Берри.

Только Пи Эм рано ушел домой, торопясь к жене и малышу.

— Старееет, — констатировал Джонно, садясь рядом с Эммой. Потом оглянулся на семнадцатилетнюю певицу, уже ставшую звездой.

— Господи, мы все стареем. И глазом не успеем моргнуть, как ты нанесешь нам величайшее оскорбление, превратив нас в дедушек.

— Мы будем подвозить тебя к микрофону в коляске.

— Какая ты отвратительная, Эмма.

— Училась у лучших. — Хихикнув, она положила руку ему на плечо. — Знаешь, на сцене уже нет никого, пережившего два десятилетия рок-н-рольного ада. Вы настоящие памятники.

— Совершенно отвратительная, — решил Джонно и взялся за губную гармошку, — Все эти слова о наградах за достижения целой жизни ничего не значат, — бормотал он между аккордами. — Зал славы рок-н-ролла...

— Ну и нервы у них, да? — Эмма со смехом ткнула его в бок. — Джонно, ты же ведь не беспокоишься по поводу возраста?

Ухмыльнувшись, тот снова принялся наигрывать блюз. Кто-то за их спиной подхватил ритм на бас-гитаре.

— Посмотрим, как ты будешь себя чувствовать, мчась полным ходом к чертовому пятидесятилетию.

— Джаггер старше.

Теперь вступил ударник со щетками.

— Неудачный пример, — отозвался Джонно, продолжая играть.

— Ты выглядишь лучше.

— Верно.

— И я в него не влюблялась.

— Так и не преодолела страсть ко мне? — усмехнулся Джонно.

— Так и не преодолела, — торжественно заявила она, затем прыснула и начала петь, сочиняя на ходу:

*У меня есть те рок-н-рольные блюзы.
Те старые, старые рок-блюзы.
Когда мои волосы поседеют
И ты попросишь меня что-нибудь сыграть,
Я скажу:
«Не трогай меня, мама, сегодня у меня ноют кости».
Но у меня есть те рок-н-рольные блюзы.
Те старые-престарые блюзы.
— У тебя чертовски неплохо получается, да?*

— Я уже сказала: училась у лучших.

Джонно продолжал играть, а Эмма, спрыгнув на пол, навела на него объектив:

— Последний снимок перед уходом. Я назову его «Рок-икона».

Джонно обозвал ее неприличным словом. Эмма засмеялась и убрала камеру в футляр.

— Сказать тебе, дорогой, что такое рок-н-ролл для человека, который сам не играет, а наблюдает со стороны? Он беспокоен и груб, он дерзок и смел. Это кулак, замахнувшийся на возраст. Голос, выкрикивающий вопросы, так как ответы постоянно меняются. — Подняв глаза, Эмма увидела отца. Он внимательно слушал их. — Самые молодые исполняют это потому, что хотят выразить гнев и радость, смятение и мечты. Изредка среди них появляется тот, кто обладает даром выражать все это в музыке. Когда мне было три года, я смотрела на тебя, — обратилась она к Брайану, — на всех вас, когда вы были на сцене. Тогда я не понимала, что такое гармония, ритм и риффы. Я видела чудо. И по-прежнему вижу его, Джонно, всякий раз, когда вы четверо выходите на сцену.

Джонно поиграл бронзовой пирамидкой, висящей у него в ухе.

— Я знал, что мы не зря держали тебя рядом. Поцелуй нас всех.

— До завтра. Вы произведете фурор, — улыбнулась Эмма, прикасаясь губами к его рту..

Когда она подошла к машине, уже начало смеркаться. Днем опять шел дождь, улицы блестели, воздух стал прохладным, туманным. Ей не хотелось возвращаться в пустой дом. Сегодня Майкл опять работает допоздна.

Эмма включила приемник на полную громкость, как любила делать во время прогулок без определенной цели. По дороге она решит, куда ей хочется: на берег, в горы, в каньон.

Она тронулась с места, не взглянув в зеркало заднего вида, поэтому не увидела, как за ней последовала другая машина.

Майкл в который уже раз изучал списки. Он установил еще одну связь. Медленная, изнурительная работа, но каждое звено подводило его все ближе к концу цепочки.

У Джейн Палмер было много мужчин. Чтобы установить всех, не хватит и целой жизни, но одного Майкл нашел. Это имя фигурировало в списке.

На деньги Брайана Джейн переехала из убогой квартирки в комфортабельные апартаменты в Челси, где жила с 1968 по 1971 год, пока не купила себе особняк на Кингз-роуд. В семидесятом году у нее был сожитель, певец из ночных клубов по фамилии Блэкпул.

Любопытно. Значит, в то время как Макавои жили в Голливуде, Джейн Палмер делила кров с Блэкпулом? Который в ту роковую ночь был на вечеринке у Макавоев?

И очень странно, что Джейн не упомянула о нем в своей книге. Она вставила туда все имена, способные вызвать хоть какой-то интерес, но Блэкпул, к середине семидесятых уже признанная звезда, не удостоился даже короткой ссылки. Потому, заключил Майкл, что оба не хотели, чтобы об их связи помнили.

— Господи, Кессельринг, ты еще возишься с этим? — изумился Маккарти. — Я хочу есть.

— Роберт Блэкпул был любовником и сожителем Палмер с июня семидесятого по февраль семьдесят первого года. — Майкл вручил ему папку. — Мне нужно все, что можно узнать о Блэкпуле.

— А мне нужно свежее мясо.

— Я куплю тебе бычка.

— Знаешь, напарник, это дело лишило тебя чувства юмора. А меня — аппетита. Блэкпул — звезда. Он снимается в рекламе пива. Ты не притянешь его к делу двадцатилетней давности.

— Может быть, но у меня осталось всего восемь фамилий. — Усевшись на стол, Майкл достал сигарету. — Черт возьми, кто-то спер у меня пепси.

— Я вызову полицию. Майкл, без глупостей, ты слишком усердствуешь.

— Беспокоишься обо мне?

— Я твой напарник, черт побери. Да, я беспокоюсь о тебе и беспокоюсь о себе. Если нам придется выйти на улицу, в таком состоянии ты не сможешь прикрыть меня.

Майкл взглянул на напарника сквозь облако дыма, и его голос прозвучал с опасной мягкостью:

— Я знаю свое дело.

— А я, как твой друг, говорю тебе, что, если ты не отдохнешь несколько часов, пользы от этого никому не будет. В том числе и твоей девушке.

— Конец близок. Я знаю. Словно не было этих двадцати лет, как будто я присутствовал там.

— Так говорил и твой старик.

— Да. — Майкл вытер лицо руками. — Я схожу с ума.

— Ты переработал, малыш. Отдохни пару часов. Расслабься.

— Я куплю тебе бифштекс, а ты поможешь мне выяснить все о Блэ KPUле.

— Договорились. — Маккарти ждал, пока Майкл натянет куртку. — Почему бы тебе не дать мне еще пару имен? У Мэрилин новое увлечение, и на этой неделе в нашей столовой будет только рыба.

Остановив машину, Эмма смотрела на дом. Она приехала сюда бессознательно. Много лет назад они были здесь с Майклом. Но тогда светило солнце, а теперь в доме уже горел свет. Интересно, кто живет там? Спит ли ребенок в той комнате, в которой спала она, или в той, где стояла кровать Даррена? Эмма надеялась, что так и есть. Пусть в доме больше не будет трагедий. Ведь когда-то там звучал смех.

Наверное, Джонно заставил ее вспомнить о доме, заговорив о старости. Эмма по-прежнему видела отца и его друзей такими, какими они были во времена ее детства, а не мужчинами, прожившими четверть века в, славе и честолюбивых стремлениях, в успехах и удачах.

Они изменились. Возможно, больше всех она сама. Эмма уже не чувствовала себя тенью мужчин, доминировавших прежде в ее жизни,

она представляла собой нечто целостное, а не частицу людей, которых она любила.

Эмма глядела на дом, прислонившийся в сумерках к склону горы, и всем сердцем надеялась, что он приснится ей сегодня ночью. Тогда она откроет дверь, заглянет внутрь и увидит...

Отпустив ручной тормоз, Эмма выехала на узкую дорогу. Полгода назад у нее не хватило бы мужества приехать сюда одной. Как хорошо не бояться!

В зеркале вспыхнули фары, так близко и неожиданно, что она машинально вскинула руку, загораясь от резкого света.

«Пьяный дурак», — подумала Эмма, ища взглядом, куда бы свернуть, чтобы пропустить его.

Почувствовав удар сзади, она автоматически сжала руль, но все же из-за секундного замешательства машина опасно вильнула к боковому ограждению. Вывернув руль, Эмма услышала, как взвизгнули тормоза, с бешено колотящимся сердцем преодолела следующий поворот.

— Идиот!

Дрожащей рукой она вытерла кровь с прикушенной губы. Фары опять ослепили ее, от нового удара ремень безопасности впился ей в грудь.

Ни думать, ни паниковать времени не было. Машину занесло, и задний бампер ударился о металлическое ограждение. Преследователь немного отстал. Эмма увидела перед собой громадный дуб и, изо всех сил вывернув руль вправо, сосредоточилась на S-образном повороте, давя на тормоз, чтобы уменьшить скорость.

Он появился снова. Эмма мельком увидела машину, затем ее снова ослепило. Хотя она приготовилась к удару, но все же вскрикнула. Нет, он не пьяный и не дурак. В уголке сознания молнией сверкнул ужас. Кто-то пытается ее убить. Это не воображение, не пустые страхи, не ночной кошмар. Это происходит на самом деле. Она видит свет фар, слышит скрежет металла о металл, чувствует, как скользят покрышки по мостовой.

Убийца начал прижимать ее к обрыву. Эмма закричала, на полной скорости вписываясь в следующий поворот.

Она не сможет оторваться. Несмотря на то что глаза болели и она почти ослепла, Эмма попыталась думать. Его машина больше и

мощнее, к тому же у охотника всегда есть преимущество. На горной дороге нет места для маневра и деться некуда. Только вниз. Эмма видела темный силуэт, крадущийся, словно паук к добыче, бившейся в паутине. Эмма тряхнула головой, понимая, что он сейчас врежется в нее, столкнет с обрыва.

Она резко бросила машину влево, удивив его переходом в наступление и выиграв мгновение, не больше. Но когда он снова приблизился, Эмма увидела впереди свет фар, ухватилась за последнюю возможность и увеличила скорость. Встречный автомобиль метнулся в сторону, пронзительно взвизгнули тормоза. Эмма заметила, как ее преследователь на опасной скорости дернулся вправо

Через секунду она была за поворотом. Затем раздался грохот, слившийся с ее криками, и она понеслась по серпантину вниз к огням Лос-Анджелеса.

* * *

Маккарти оказался прав: Майкл не только почувствовал себя лучше после ужина и часового отдыха, но и стал лучше соображать. Полицейский во втором поколении, он располагал и своими собственными связями, и связями отца. Майкл позвонил партнеру Лу по покеру, своему знакомому в автоинспекции, в ФБР и в Лондон инспектору Карлсону.

Никого не обрадовал звонок в неурочное время, но ужин помог Майклу использовать все свое обаяние.

— Я знаю, что это не по правилам, инспектор, простите за беспокойство... О господи, я забыл про разницу во времени. Извините, ради бога. Мне нужна информация, вся подноготная Роберта Блэкпула. Да, тот самый. Инспектор, я хочу знать, кем он был до семидесятого года. После этого я смогу соединить немало точек. — Майкл сделал пометку связаться с Питом Пейджем. — Все, что сумеете найти. Не знаю, но вы будете первым...

Он осекся, увидев вбежавшую Эмму. У нее были безумные глаза, на виске ярким пятном выделялся кровоподтек.

— О боже! — Она рухнула на стул. — Кто-то пытается убить меня.

Не извинившись, Майкл оборвал разговор с инспектором Карлсоном.

— Что случилось? — Он бросился к Эмме.

— На горной дороге... машина... пыталась столкнуть меня в пропасть.

— Ты ранена? — Майкл начал ощупывать ее. Эмма услышала голоса. Вокруг начали собираться люди. Зазвонил телефон. Он продолжал звонить, звонить, звонить. Закружились огни, комната последовала за ними, и Эмма упала со стула.

На лбу лежало что-то холодное. Она застонала, поднося руку к голове, и открыла глаза.

— Все в порядке, — сказал Майкл. — Ты на минуту потеряла сознание. Выпей. Это вода.

Эмма сделала глоток, прижавшись к руке Майкла, чувствуя его запах. Она снова в безопасности. Каким-то образом снова в безопасности.

— Я хочу сесть.

— Хорошо.

Эмма огляделась. Кабинет Лу. Она уже была здесь, заходила посмотреть, где работает Майкл. Темный ковер, стеклянные перегородки, шторы опущены. На письменном столе образцовый порядок. Фотография жены Лу. Оглянувшись, Эмма увидела худого лысоватого мужчину.

— Вы напарник Майкла...

— Маккарти.

— Мы уже встречались.

Тот кивнул. Возможно, она контужена, но рассудок у нее ясный.

— Эмма, расскажи нам, что произошло.

— Я думала, мне померещилось.

— Что?

— Что кто-то меня преследует. Можно еще воды?

— Конечно. — Так как у нее дрожали руки, Майкл поддержал ее ладонь. — Кто преследовал тебя?

— Не знаю. Еще с тех пор, когда я была в Лондоне...

— Расскажи мне.

— Мне казалось, кто-то следит за мной. — Эмма бросила взгляд на Маккарти, ожидая увидеть недоверие или усмешку, но тот сидел на письменном столе капитана и внимательно слушал. — Я была почти уверена в этом. После стольких лет с телохранителями это сразу чувствуешь. Я не могу объяснить.

— Не надо, — сказал Майкл. — Продолжай.

Эмме вдруг захотелось плакать, Майклу никогда не надо ничего объяснять.

— В Нью-Йорке я заметила, что кто-то следит за квартирой-студией, и была уверена, что отец нанял очередного телохранителя. Но он этого не делал, и я решила, что ошиблась. Когда я приехала сюда, за мной в первый же день от маркета ехала машина.

— Ты не говорила об этом.

— Я собиралась, но... Ты был тогда очень расстроен, а потом я почти забыла. Мне не хотелось считать себя ненормальной. Я начала подозревать, что кто-то был в доме во время моего отсутствия, меня настораживало, что в трубке какой-то шум, словно телефон прослушивают. — Эмма закрыла глаза. — Типичная мания преследования.

— Не говори ерунды.

Она чуть не улыбнулась. Майкл не позволяет ей долго жалеть себя.

— Я не могу доказать, что это связано как-то с сегодняшней ночью, но я чувствую эту связь.

— Ты можешь сейчас говорить?

— Да.

И, глубоко вздохнув, Эмма рассказала все, что смогла вспомнить.

— Я поехала дальше, — закончила она. — Не знаю, пострадал ли кто-нибудь в той машине. Даже не думала об этом, просто ехала и ехала.

— Ты правильно сделала. Проверь ее машину, — попросил Майкл напарника. — Эмма, ты разглядела водителя?

— Нет.

— А машину?

— Да, — успокоившись, кивнула она. — Темная... синяя или черная... точно не могу сказать. Я не очень разбираюсь в марках, но она большая. Думаю, это мог быть... «Кадиллак» или «Линкольн». У

нее были лос-анджелесские номера. МБЕ. Помоему, буквы такие, но цифры я не разглядела.

— Ты прелесть. — Майкл поцеловал ее. — Я попрошу кого-нибудь отвезти тебя в больницу.

— Мне не нужно в больницу.

— У тебя на голове знатная шишка.

— Я ее не чувствую, — солгала Эмма. — Майкл, больниц с меня хватит на всю жизнь.

— Ну хорошо. Найдем кого-нибудь, кто отвезет тебя домой и останется с тобой там.

— А ты не можешь?

— Сейчас узнаю, — ответил Майкл, глядя на вернувшегося Маккарти.

— Вы дьявольски хороший водитель, мисс Макавой.

— Эмма, — поправила та. — Я была слишком напугана, чтобы быть плохим.

— Майкл, выйдем на минутку.

— Посиди. Я сейчас, — сказал Майкл и, узнав выражение лица напарника, закрыл за собой дверь. — Ну?

— Во-первых, я не понимаю, как, черт побери, ей удалось доехать сюда, не развалившись. Машина выглядит так, словно заняла третье место в гонках на выживание. Но перед тем как заняться ее машиной, я попросил обзвонить больницы, узнать о новых поступлениях. Автокатастрофа в горах. Парня вырезали автогеном из новехонького «Кадиллака». Это Блэкпул. Он в коме.

Глава 44

— Ты уверена, что справишься? — Джонно внимательно оглядел Эмму.

— А разве по мне не видно? — Она медленно повернулась, как манекенщица на подиуме.

Темно-синее платье с декольте и глубоким вырезом на спине словно стекало по телу, сверкая блесками.

Волосы, уложенные в сложную прическу, были заколоты двумя гребнями. На лацкане серебряного пиджака красовался феникс, подаренный Джонно.

— Я лучше воздержусь от комментариев по поводу твоей внешности, — сказал он, но все же не удержался и погладил ссадину на виске, тщательно скрытую гримом. — Пару дней назад тебе пришлось несладко.

— Но все позади.

Эмма налила Джонно вина и после некоторого колебания себе тоже.

— Блэкпул не сможет причинить мне вред, находясь на больничной койке. — Она протянула Джонно бокал. — Майкл уверен, что Блэкпул замешан в убийстве Даррена, и я не исключаю такую возможность. Но пока он не выйдет из комы, если вообще выйдет, наверняка мы ничего не узнаем. Я старалась представить его в спальне Даррена в ту ночь, но по-прежнему не смогла ничего вспомнить.

— Там был еще кто-то, — напомнил Джонно.

— Не потому ли у меня сегодня будет самое прекрасное сопровождение?

Джонно усмехнулся, глядя на нее поверх бокала:

— Вряд ли я смогу заменить Майкла.

— Никого не надо заменять. Он тоже придет, если сможет. Готов?

— Всегда готов.

Торжественно предложив ей руку, Джонно повел Эмму на улицу к ожидающему их лимузину.

— Не стоит напускать на себя усталый вид. Со мной этот номер не пройдет. Я-то знаю, что никто больше тебя не любит находиться в свете рампы.

Она права. Джонно откинулся на мягкое сиденье, наслаждаясь запахом кожи и свежих цветов. Но его не оставляло беспокойство.

— Я считал, что знаю этого ублюдка, — сказал он. — Не особенно любил его, но все же считал, что знаю. Даже, будь он проклят, участвовал в написании его первого хита.

— Глупо корить себя за это.

— Если он действительно имеет какое-то отношение к тому, что произошло с Дарреном... — Тряхнув головой, Джонно достал сигарету. — Бульварная пресса будет трубить об этом целый год.

— Мы справимся. — Эмма накрыла его руку своей. — Все так или иначе всплывет на поверхность. Заговор Джейн и Блэкпула. Мы просто должны научиться жить с этим.

— Браю трудно. Он словно переживает все во второй раз.

— Теперь он сильнее. — Эмма тронула брошь на пиджаке.

— Думаю, мы все теперь сильнее. — Джонно поднес к губам ее руку: — Если ты бросишь Майкла, я, может быть... может быть... посмотрю, не сменить ли мне... ориентацию.

Засмеявшись, Эмма сняла трубку и набрала номер:

— Привет, Майкл. Да, я тут сижу и думаю насчет предложения, которое сделал мне один невероятно привлекательный мужчина. Нет, Джонно. — Она закрыла трубку рукой. — Майкл говорит, что у него есть связи в автоинспекции и он может превратить твою жизнь в сущий ад.

— Я стану ездить на автобусе, — нашелся Джонно.

— Да. Мы должны быть в театре к четырем. Церемония награждения уже должна начаться.

— Извини, что не могу приехать. — Майкл взглянул в сторону реанимационного отделения. — Если положение тут изменится, мы увидимся.

— Не беспокойся.

— Тебе легко говорить. Я упускаю возможность приехать на лимузине и потолкаться среди богатых и знаменитых. Если ты выйдешь за меня замуж, я смогу заниматься этим раз в неделю.

— Ну хорошо.

— Что хорошо?

— Я выйду за тебя замуж.

Майкл пригладил волосы и переложил трубку в другую руку:

— Извини?

— У нас плохая связь?

— Нет, я.... Черт, обожди немного. — Майкл выслушал врача. — Я должен идти, Эмма. Не забудь, на чем мы остановились.

— Не забуду.

Она положила трубку, а Джонно открыл шампанское.

— На этот раз я приглашен?

— Что? Ах да. — Эмма растерянно посмотрела на бокал. — Все произошло так неожиданно и легко.

— Так и должно быть, когда все хорошо. — Чувствуя, как у него затуманивается взгляд, Джонно поднял бокал. — Он счастливейший из мужчин.

— Все зависит от нас. — Эмма пригубила шампанское. — У нас получится.

* * *

Майкл стоял у изголовья кровати и изучал человека, пытавшегося убить Эмму. Для Блэкпула эта попытка оказалась роковой. Он лишился лица, и, если выживет, ему потребуется множество пластических операций.

Впрочем, Майклу было наплевать, выживет он или нет. Ему нужны от Блэкпула только пять минут.

Он достаточно узнал из полученных материалов. Человека, находившегося между сознанием и комой, звали Теренс Питере. В свое время он имел неприятности с полицией из-за мелкого воровства, вандализма, хулиганства, а позже занимался грабежами — в основном женщин — и торговлей наркотиками, пока не сменил имя, начав петь в ночных клубах. Хотя его подозревали в нескольких ограблениях, ему всегда удавалось выскользнуть.

Когда он связался с Джейн Палмер, удача улыбнулась Блэкпулу.

«Но теперь-то уж она отвернулась от него, — подумал Майкл. — Потребовалось двадцать лет, сукин ты сын, однако мы взяли тебя».

— Он сейчас не в состоянии говорить, — заметил врач.

— Я быстро.

— Не могу оставить вас наедине.

— Отлично. Свидетель всегда пригодится. Блэкпул. — Майкл увидел, как у того дрогнули веки, успокоились, задрожали снова. — Блэкпул, я хочу поговорить с вами о Даррене Макавое.

Предприняв усилие, Блэкпул открыл глаза. Все перед ним плыло, боль ледяными иголками впивалась в мозг.

— Ты коп?

— Верно.

— А пошел ты к... Мне больно.

— Я принес тебе волшебное лекарство. Твоя поездка не удалась, парень.

— Мне нужен врач...

— Я доктор Уэст, мистер Блэкпул. Вы...

— Уберите этого ублюдка с моих глаз.

— Пришло время очистить совесть. — Майкл склонился к Блэкпулу.

— У меня ее нет. — Он попробовал засмеяться, но только закашлялся.

— В таком случае тебе захочется потянуть за собой еще кого-нибудь. Нам известно, что ты провалил похищение мальчика.

— Она вспомнила. — Не получив ответа, Блэкпул закрыл глаза. Даже сквозь боль он чувствовал ненависть и бешенство. — Значит, эта сучка вспомнила меня, а не его. Он сказал, все пройдет гладко, возьмем ребенка, получим выкуп. Ему деньги были не нужны, и, когда все полетело к чертям, он просто ушел. Велел мне убрать за собой. Например, того парня, который заказывал пиццу. Я должен был просто накачать его и получить бы все, чего хотел.

— Кто? Кто был с тобой?

— Все-таки он дал мне десять тысяч. Конечно, не миллион, который мы собирались запросить за мальчика, но тоже приятная круглая сумма. Чтобы я не возникал. Малыш умер, девчонка ничего не помнила. Психически травмирована, сказал он. Крошка Эмма психически травмирована и ничего не помнит. Никто никогда ни о чем не узнает, а он позаботится о моей карьере. Держась за фалды Макавая. — Блэкпул снова попытался засмеяться.

— Вам пора уходить, детектив. Майкл стряхнул с себя руку врача.

— Имя, черт побери! — рявкнул он. — Назови имя. Кто все устроил?

Блэкпул открыл глаза: красные, водянистые и злобные.

— Убирайся к дьяволу.

— Значит, ты умрешь, один за все ответишь, — процедил сквозь зубы Майкл. — Умрешь здесь, в кровати, или вдохнув ядовитый газ, аккуратно и по закону. Но ты умрешь. Можешь отправиться на тот свет один, а можешь прихватить его с собой.

— Ты займешься им?

— Лично.

Улыбнувшись, Блэкпул закрыл глаза:

— Это был Пейдж. Пит Пейдж. Скажи ему, что мы с ним встретимся в аду.

* * *

Эмма смотрела, как за сценой поднимаются и опускаются скользкие двери. Через несколько часов она выйдет через правую и подойдет к микрофону.

— Я волнуюсь, — сказала она Бев. — Глупо. Мне нужно только стоять там, читать по подсказке и вручать награды.

— К счастью, отцу и Джонно. Пойдем в примерную. Все слишком заняты, чтобы пользоваться ею.

— А ты не хочешь пройти в зал? — Эмма взглянула на часы. — Через десять минут начало.

— Пока нет. Ой, Аннабель, извини.

Эмма выругала себя за то, что не захватила камеру, поскольку картина того стоила: леди Аннабель, затянутая в розовый шелк с блестками, меняла пеленки.

— Не беспокойтесь. Он ведет себя пристойно. — Аннабель придала к груди юного Самюэля Фергюсона. — Мы просто заскочили сюда поесть и переодеться. Я не могла оставить его с няней. Мне показалось нечестным, что малыш пропустит такое событие в жизни отца.

Эмма посмотрела в заспанные глаза младенца:

— Не думаю, что у него получится.

— Просто ему нужно чуточку поспать. — Аннабель потерлась о щечку малыша носом и уложила его в коляску. — Вы не приглядите за

ним? Мне нужно найти Пи Эм. Я отлучусь минут на десять. — Аннабель задержалась в дверях. — Если он проснется...

— Мы зайдем его. — Бев уселась на подлокотник дивана, глядя на спящего младенца. — Я хотела поговорить с тобой наедине.

Эмма непроизвольно коснулась синяка на виске:

— Беспокоиться не о чем.

— Об этом мы тоже поговорим, но есть кое-что еще. Не знаю, как ты к этому отнесешься... — Бев набрала побольше воздуха. — У нас с Брайаном будет ребенок.

— Ребенок? — Эмма открыла от изумления рот.

— Мы сами удивились, хотя прилагали некоторые старания. После стольких лет... безумие! Мне почти сорок два.

— Ребенок, — повторила Эмма.

— Не замена Даррену, — торопливо сказала Бев. — Никто не сможет его заменить. И тебя мы любим так сильно, как только можно любить дочь, но...

— Ребенок. — Эмма стиснула ее в объятиях. — Ой, я просто счастлива! За вас. За себя. За всех нас. Когда?

— К концу лета. — Бев взглянула в ее сияющее лицо и прослезилась. — Мы боялись, ты расстроишься.

— Расстроюсь? Почему?

— Из-за воспоминаний. Нам с Брайаном пришлось это преодолеть. Я не думала, что захочу еще одного ребенка, но теперь хочу ужасно. Для себя, для Брая, только... я знаю, как ты любила Даррена.

— Мы все любили его. — Эмма положила руку на живот Бев. — Я уже люблю этого ребенка. Он вырастет красивым, сильным, и ему ничто не будет угрожать.

Вокруг погас свет, и она в ужасе схватила Бев за руку.

— Ничего страшного, — сказала та. — Все исправят через минуту. Я здесь, рядом.

— Со мной все в порядке. — Она преодолет эту отвратительную боязнь темноты. — Может быть, свет погас только засценой. Я схожу посмотрю.

— Я иду с тобой.

— Нет.

Эмма шагнула к двери, едва различая ее. И вздрогнула от какого-то шороха. «Это Самюэль», — успокоила она себя. Никаких чудовищ нет, и она больше не боится темноты.

Эмма нащупала ручку, но вместо облегчения почувствовала дикий, необъяснимый страх. Она мысленно видела, как открывает дверь. Плакал ребенок. Эмма в смятении пыталась определить какой: тот, что у нее за спиной, или тот, что у нее в памяти?

Она инстинктивно отдернула руку от двери. Она не откроет ее. Она не откроет ее! Она не хочет ничего видеть. В стуче сердца, отдающемся в голове, ей послышался ритм. Ритм старой песни, которую она не могла забыть.

«Это не сон», — напомнила себе Эмма. Большую часть жизни она хотела увидеть, что за этой дверью.

Онемевшей рукой она толкнула дверь... и одновременно открылась дверь в ее память.

— Боже милостивый!

— Что там? — Бев успокаивающе положила руку ей на плечо.

— Это был Пит.

— В коридоре Пит?

— Он был в комнате Даррена.

— О чем ты говоришь?

— Он был тогда в комнате Даррена. Я открыла дверь, а он обернулся и посмотрел на меня. Кто-то другой держал Даррена. Пит улыбался мне, но был очень рассержен. Я его узнала. Плакал ребенок. Я убежала.

— Это Самюэль, — пробормотала Бев. — Это не Даррен. Пойдем, тебе нужно сесть.

— Это был Пит. — Эмма закрыла лицо руками.

— Я надеялся, что ты не вспомнишь.

Он стоял у двери, держа в одной руке фонарик, а в другой — пистолет.

Прижимая к себе младенца, Бев с недоумением глядела на силуэт мужчины.

— Что происходит?

— Эмма переутомилась, — тихо сказал Пит. — Тебе лучше пойти со мной.

«Больше это не повторится», — сказала себе Эмма и, не раздумывая, бросилась на Пита. Фонарик упал, чертя лучом безумные арки на стене и потолке.

— Беги! — крикнула она Бев, пытаясь встать. — Бери малыша и беги. Найди кого-нибудь. Он убьет его! Не дай ему убить еще одного ребенка. Найди папу.

Прижимая к груди захлебывающегося плачем младенца, Бев кинулась за сцену.

— Поздно, — сказала Эмма. — Тебя поймут. Сюда придут с минуты на минуту.

На сцене уже вспыхнули прожекторы. Слышались приближающиеся крики и топот. Пит в отчаянии потащил ее за собой, и она перестала сопротивляться, спиной чувствуя дуло пистолета.

— Всем известно, что это ты.

— Она меня не видела, — пробормотал Пит. — Было темно. Она не могла разглядеть.

Он должен верить в это. Просто должен. Или все кончено.

— Бев знает. — Эмма вскрикнула, когда он потащил ее вверх по лестнице. — Теперь уже все знают. Сюда идут, Пит. Все кончено.

Нет, этого не может быть! Он слишком напряженно работал, слишком тщательно все продумывал.

— Я сам скажу, когда все будет кончено. Я знаю, что делаю. И все улажу.

Они уже были над сценой. Далеко внизу Эмма видела огни и суматоху. Пит намотал ее волосы себе на руку и пригрозил:

— Если закричишь, я тебя пристрелю.

Ему нужно время, чтобы подумать. Он продолжал тащить Эмму за собой, и, выдернув из пиджака брошь, она уронила ее на пол. Воспользовавшись подвернувшейся возможностью, Пит втолкнул Эмму в грузовой лифт. Ему нужно время.

Все должно было пройти гладко. В темноте и всеобщей неразберихе. У него в кармане лежат таблетки, которые он заставил бы ее проглотить. Все должно было пройти тихо, спокойно, гладко.

Но опять неудача. Как и в первый раз.

— Почему? — Чувствуя тошноту, Эмма опустилась на пол. — Почему ты сделал это с Дарреном?

— Ему ничто не угрожало. Мы просто хотели сделать рекламный трюк.

— Что? — Эмма тряхнула головой, стараясь постичь смысл.

— Твоя мать навела меня на эту мысль.

Глядя на Эмму, он решил, что она вряд ли доставит ему много хлопот. Совсем побелела. Она всегда плохо выносила самолеты, лифты. Высоту. Пит взглянул на столбик кнопок. Как он не подумал об этом раньше?

Концерт, предваряющий церемонию награждения, видимо, уже начался. «Шоу должно продолжаться», — думал он. Пока миллионы зрителей наблюдают, как индустрия грамзаписи прославляет себя, растерянные охранники ищут Эмму, но здесь, наверху, у него есть время пошевелить мозгами. И что-нибудь придумать.

Лифт, задрожав, остановился.

— О чем ты говоришь?

— Джейн... всегда давила, требуя еще денег, угрожая прессой. Сначала она меня беспокоила, но затем я понял, что связанная с тобой шумиха увеличивает продажу пластинок.

Пит потащил Эмму наверх. У нее кружилась голова, выступил холодный пот. Обхватив за шею, Пит выволок девушку на следующий лестничный марш.

Она должна заставить его говорить. Бев с малышом вырвалась, Эмму уже ищут.

Пит больше не тревожился, что она закричит. Пусть хоть надорвется от крика, ее все равно никто не услышит. Распахнув дверь, он вытолкнул Эмму на крышу.

Ветер хлестнул ее по лицу, рванул волосы. И освежил голову.

— Мы говорили о Даррене, — напомнила она.

Солнце ярко светило, и частица ее сознания удивилась: неужели еще день?

— Мне нужно знать почему... — Пятясь, Эмма уперлась спиной в невысокую стену и пошатнулась, глянув вниз. Но стиснула зубы. — Почему ты был в комнате Даррена?

Он мог позволить себе ублажить ее. И себя. На какое-то мгновение он потерял самообладание, но теперь снова взял себя в руки. Он найдет выход.

— Сначала все шло превосходно. Затем в группе начались склоки. Ребятам требовалась встряска. И тут ко мне явились Джейн с Блэкулом. Она хотела, чтобы я сделал из него звезду большей величины, чем Брайан. И тоже хотела получить свой кусок. Она напилась. — Пит махнул рукой. — В общем, Джейн подала мне идею похитить Даррена. Пресса должна проглотить это на «ура». Масса сочувствия, увеличение продаж, сплочение группы. Деньги они с Блэкулом оставят себе, и все будут счастливы.

Теперь Эмма не боялась ни высоты, ни пистолета.

— Ты хочешь сказать, что моего брата убили ради продажи пластинок?

— Это была случайность. Блэкул действовал неуклюже. Потом вошла ты. Неудачное стечение обстоятельств.

— Неудачное стечение...

Эмма закричала и бросилась на Пита.

Глава 45

Когда Майкл ворвался за сцену, там царил полный хаос. А в зале, где объявили нового победителя, раздались аплодисменты.

— Где она?

— С ним.

Бев цеплялась за руку Брайана, не в силах отдышаться после бега с ребенком на руках.

— У него пистолет. Эмма задержала его, чтобы я убежала с малышом и позвала на помощь. Пит, — добавила она потрясенно: — Это был Пит.

— Все произошло не больше двух минут назад, — сказал Брайан. — Служба безопасности уже ищет их.

— Распорядись, чтобы оцепили здание! — крикнул Майкл напарнику. — Вызови подкрепление. Нужно прочесать этаж за этажом.

Выхватив пистолет, он выскочил в коридор и показал значок охраннику в форме.

— Этаж охраняется. Пейдж не проходил за сцену ни с ней, ни без нее. Видимо, потащил ее наверх.

— Мне нужны двое.

Не оглядываясь, Майкл бросился к лестнице. У него за спиной гудела музыка, и по мере того, как он поднимался выше, к ней добавлялись какие-то жуткие звуки. Добежав до первого поворота, Майкл крепче стиснул пистолет, осмотрел лестничную площадку и стремительно обернулся на топот.

— Идите назад, — приказал он.

— Она и наша тоже, — ответил Брайан.

— Мне некогда спорить. — Майкл подобрал лежавшую на полу брошь. — Это принадлежит Эмме?

— Да, мой подарок, — сказал Джонно.

Майкл посмотрел на лифт, сунул брошь в карман.

— Значит, она не потеряла голову, — пробормотал он. — Закройте все выходы, продолжайте прочесывать этажи. Передайте Маккарти, что они на самом верху, — приказал он охранникам, нажимая кнопку лифта.

— Мы идем с тобой, — сказал Брайан.

— Это дело полиции.

— Это личное дело, — поправил его Брайан. — И всегда было личным. Если он хоть что-нибудь ей сделает, я сам убью его.

Майкл хмуро взглянул на четырех мужчин:

— Вам придется встать в очередь.

Пит наконец оттолкнул ее от себя, швырнул на пол:

— Это не поможет. Не вынуждай меня причинять тебе боль, Эмма.

— Он был совсем маленький, — сказала она, вставая. — Когда он родился, ты подарил ему серебряную ложку с его именем, а на первый день рождения привел пони.

— Я любил его.

— Ты его убил.

— Даже не притронулся к нему. Блэкпул действовал слишком грубо, запаниковал. Я не хотел делать малышу ничего плохого.

Эмма смахнула с лица растрепанные волосы.

— Ты просто хотел использовать его, а также страх и боль его отца в рекламных целях. «Сын Брайана Макавой похищен из кровати. Рок-звезда платит королевский выкуп за спасение любимого ребенка». Об этом ты думал? Много прессы, масса новостей, журналисты, толпящиеся у двери в ожидании заявления безутешных родителей. Потом то же самое, когда малыша вернут в любящие руки. Но Даррен так и не вернулся, правда?

— Произошла трагическая...

— Не говори мне о трагедии.

Эмма отвернулась. Она знала, что пистолет направлен на нее. Но это не имело значения. Наконец она все вспомнила, и теперь внутри образовалась пустота. А еще хуже то, что все оказалось напрасным.

— Ты стоял на похоронах вместе с нами, опустив глаза, со скорбным выражением на лице. Ребенку, к несчастью, пришлось умереть, но ты получил свою прессу, не так ли? И продал свои проклятые пластинки.

— Я посвятил им полжизни. — Пит сделал долгий вдох, успокаиваясь. — Формировал их, создавал имидж, заключал сделки. Выслушивал всех членов группы и решал их проблемы. Кто, по твоему, обеспечивал, чтобы компании грамзаписи не выкидывали

никаких штук? Кто бился за то, чтобы ребята поднялись на самый верх?

Эмма шагнула к нему, однако инстинкт самосохранения заставил ее остановиться, когда Пит сделал предостерегающий жест, взмахнув пистолетом.

— Ты думаешь, что был нужен им? — словно выплюнула она вопрос. — Неужели ты веришь, что имел какое-то значение?

— Я сделал их.

— Нет, они сделали тебя.

— Пусть так. Сегодняшний вечер добавит новый штрих к легенде. Брайан и Джонно — беспспорные фавориты на приз за лучшую песню года. А если немного повезет, мы завоюем еще две премии — как лучшая рок-группа и за лучший альбом. Я рассчитывал, что будет неплохо, если ты вручишь награды. Дочь Брайана и трагическая вдова Дрю Латимера. Трагедии способствуют продаже. Сегодня произойдет еще одна. — Он протянул Эмме две таблетки. — Возьми. Сильнодействующие. Так легче.

— Я не хочу как легче.

— Замечательно. — Пит убрал таблетки в карман. — Падение отсюда будет долгим, Эмма. Пока ты долетишь до земли, я успею спуститься вниз. — Он уже выработал план. — Когда погас свет, я пришел взглянуть, как у вас дела, но ты обезумела от страха, бросилась куда-то, и я догнал тебя здесь. Но, как выяснилось, опоздал. Все эти годы ты не переставала винить себя в смерти брата и в конце концов больше не смогла жить с этим. — Пит заставил Эмму взглянуть вниз. Один из гребней, выпавший у нее из волос, кружась, улетел в пустоту. — Никто, кроме тебя, не знает о случившемся в ту ночь. И никто больше не узнает.

Эмма вцепилась в него, пытаясь отодвинуться от края. Пит чуть не потерял равновесие. И она на мгновение освободилась. Затем он снова надвинулся на нее.

Эмма покачнулась, небо закружилось у нее перед глазами, и она закричала.

Выскочивший на крышу Майкл окликнул их, но, сцепившиеся не на жизнь, а на смерть, они не услышали его. Увидев, что Пит вскинул пистолет, Майкл выстрелил.

Сильные руки уже почти перебросили Эмму через парапет; в полубессознательном состоянии, цепляясь за карниз, она увидела над собой лицо Пита, его широко раскрытые от ужаса глаза. Пальцы, сжимавшие ее запястье, разжались. Затем Пит рухнул вниз. Она по инерции качнулась за ним.

Другие руки оттащили ее от края. Ноги Эммы снова оторвались от пола, но теперь ее держали в объятиях, защищали. Сквозь звон в ушах она разобрала свое имя.

— Майкл! — Она уронила голову ему на плечо. — Майкл, не отпускай меня.

— Не отпущу.

— Я вспомнила.

Слезы мешали ей видеть, но Эмма все-таки различила стоявшего рядом отца.

— Папа, я вспомнила.

Эмма смотрела на огонь, который разжег в камине Стиви. Они все приехали к ней домой, и Бее едва успевала подавать чай.

Хотя все молчали, Эмма чувствовала, что потрясение сменилось изумлением. Оставались вопросы, на которые не будет ответов, ошибки, которые нельзя исправить. Раскаяние.

Но они выжили. Обстоятельства были против них, против каждого в отдельности и группы в целом, но они выжили. И даже торжествуют.

Эмма вышла на веранду, где Брайан в одиночестве смотрел на море. «Он будет страдать», — подумала она. Он всегда принимает все чересчур близко к сердцу и переживает независимо от того, личное это или беды всего мира. Потом эти горести каким-то образом перейдут в то, что он играет на гитаре, пианино, флейте и скрипке. Эмма положила голову на плечо отца.

— Он был одним из нас, — после некоторого молчания сказал Брайан. — Он был с нами с самого начала.

— Знаю.

— Когда я увидел тебя в его руках, я приготовился лично убить его. А сейчас... Не верится, что это произошло на самом деле. Почему? Господи, почему он это сделал?

Как она может сказать ему? Если он узнает, то никогда больше не сможет творить музыку.

— Не знаю. Папа, давай просто обойдем это. Не забудем, просто обойдем.

— И начнем снова?

— О господи, нет, — улыбнулась Эмма. — Я узнала наконец, где нахожусь и куда хочу идти. Мне не нужно бояться, не нужно винить себя, ибо на этот раз я не убежала.

— Тебя ни в чем нельзя было винить, Эмма.

— Как и всех нас. Идем в комнату. — Эмма увлекла отца за собой, потом среди общего молчания подошла к телевизору. — Я хочу услышать, как называют ваши имена.

Тут к ее руке прикоснулся Пи Эм:

— Эмма... — Не найдя слов, он прижался к ней щекой.

— А теперь и наша очередь. — Джонно положил руку на плечо Брайана.

Эмма затаила дыхание и, услышав имена Брайана Макавоя и Джонно Донована, засмеялась.

— Поздравляю! — Она обняла их. — Как я жалею, что не объявила вас сама.

— В следующем году, — сказал Джонно, крепко целуя ее.

— Даю слово. Это очень важно. — Эмма сжала руку отца. — Не позволяйте случившемуся портить вам жизнь. И мне.

— Не позволим.

. Когда Брайан улыбнулся, она наконец увидела, что улыбаются не только его губы, но и глаза.

— Неплохо для стареющих рокеров, — подмигнул он Джонно.

— Следи за выражениями, Брай, Джаггер старше. — Джонно в свою очередь подмигнул Эмме. И, услышав стук в дверь, поднял бровь. — О, к нам с визитом влюбленный сероглазый коп.

— Джонно, заткнись, — ласково сказала Эмма и в сопровождении Конроя поспешила навстречу Майклу.

— Извини, что задержался. — Он схватил пса за ошейник. — Все в порядке?

— Естественно. — Эмма почесала Конроя между ушами. — Мы только что поздравляли папу и Джонно. Премия за лучшую песню года.

— Мы уже уходим, — сказала Бев, надевая плащ. — Не забудь про чайник на кухне, — добавила она, торопя взглядом остальных.

Прежде чем Эмма успела возразить, Бев прижала ее к себе. — Время — слишком ценная штука, чтобы тратить его понапрасну. — И, обняв Майкла, улыбнулась: — Добро пожаловать в хаос.

После ухода гостей Конрой без малейшего интереса обнюхал все вокруг и отправился спать.

— Отличная группа, — констатировал Майкл, когда дверь закрылась в последний раз.

— Да, ты не против поужинать с ними завтра вечером?

— Нет.

Плевать ему на завтра. Его волновал сегодняшний вечер. То, как она выглядит, как пахнет, как она улыбается, глядя на него.

— Иди сюда.

Когда Эмма очутилась в его объятиях, Майкл почувствовал, что не в силах отпустить ее. Кажется, за последние несколько часов он успокоился, но теперь случившееся опять обрушилось на него. Он чуть не потерял Эмму.

— Не надо, — прошептала она. — Все позади. На этот раз окончательно.

— Помолчи минутку. — Он стал неистово целовать ее, словно хотел убедить себя, что Эмма невредима, в безопасности и принадлежит ему. — Если бы он...

— Этого не произошло. Ты спас мне жизнь.

— Да, если ты намерена выразить признательность, нельзя ли сделать это побыстрее?

— У нас почти не было времени поговорить.

— Извини, я не мог вернуться вместе с тобой.

— Понимаю. Зато мы смогли немного успокоиться.

— Я пока не успел отрешиться от этого.

У него перед глазами еще стояла ужасная картина: Эмма висит над пропастью. Желая стереть этот образ, Майкл принялся расхаживать по комнате.

— Как у тебя прошел день?

Эмма улыбнулась. Все будет хорошо. Все будет просто отлично.

— Грандиозно. А у тебя?

Майкл пожал плечами, не переставая метаться по комнате, то хватая разные предметы, то ставя их на место.

— Эмма, ты, вероятно, устала, — начал он.

— Нет, не устала.

— И время позднее.

— Нет, — снова улыбнулась она. — Не позднее.

Она была такая красивая в своем длинном блестящем платье, с чудесными светлыми волосами, подсвеченными огнем камина.

— Я люблю тебя. И всегда любил. У нас не было времени на то, чтобы позволить событиям развиваться постепенно. Я готов дать тебе это время.

— Майкл, если бы мне потребовалось время, я бы сказала. — Она шагнула к нему. — Но мне нужен ты.

Глубоко вздохнув, Майкл достал из кармана коробочку.

— Я купил это несколько месяцев назад. Хотел подарить тебе на Рождество, но подумал, что ты не примешь. Я представлял себе традиционный ужин при свечах под музыку и все прочее. — Нервно усмехнувшись, он покрутил коробочку в руке. — По-моему, сейчас поздновато для церемоний.

— Ты дашь мне ее или нет? Так, прежде чем я открою, мне хотелось бы кое-что тебе сказать. — Эмма всматривалась в его лицо, изучая каждую линию, каждую черточку. — Если бы все произошло пять или шесть лет назад, я не смогла бы оценить ни твой подарок, ни тебя самого так, как сделаю это сегодня.

Руки у нее дрожали, и, недовольно вздохнув, она открыла крышку.

— О, Майкл, оно чудесное! Просто чудесное!

— Ясное дело, черт побери, — сказал он. — Бери его, и все.

Эмма чуть не задохнулась от смеха:

— Самое романтическое предложение, о каком женщина может только мечтать.

— Я уже много раз спрашивал тебя об этом. Что скажешь теперь? — Его поцелуй был мягким, нежным, многообещающим. — Никто не будет любить тебя сильнее, чем я. Дай мне возможность доказывать тебе это всю жизнь.

— Хорошо, — заморгала Эмма, прогоняя непрошеные слезы. — Очень хорошо. — Достав кольцо из коробочки, она оглядела его. — А почему три? — спросила она, проводя пальцем по трем соединенным бриллиантам.

— Один — твоя жизнь, второй — моя. — Майкл надел ей кольцо. — А третий — наша совместная жизнь. Наши жизни уже

давно связаны.

Эмма кивнула:

— Я хочу начать эту третью жизнь, Майкл. Прямо сейчас.

notes

Примечания

1

Черный омут (англ.).

2

По Фаренгейту.

3

Неотразимый довод (фр.).

4

Очень шикарно и чувственно (фр.).

5

Красное вино и кофе, пожалуйста (фр.)

6

Граф (φρ.).

Содержание

[Нора РОБЕРТС ЛИЦО В ТЕМНОТЕ](#)

[Пролог](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)

[Глава 34](#)

[Глава 35](#)

[Глава 36](#)

[Глава 37](#)

[Глава 38](#)

[Глава 39](#)

[Глава 40](#)

[Глава 41](#)

[Глава 42](#)

[Глава 43](#)

[Глава 44](#)

[Глава 45](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)